

Александр Годлевский

**МОИ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ДИВЕРСИИ**

(во времена от Горбачева до Путина)

– 2019 –

Мои идеологические диверсии (во времена от Горбачева до Путина)

Мои идеологические диверсии (во времена от Горбачева до Путина) –
Александр Годлевский, 2019

My ideological diversions (from Gorbachev to Putin)
By Alexander Godlevsky

Published by Alexander Godlevsky at Smashwords

Copyright Alexander Godlevsky 2019

Smashwords Edition License Notes:

This free ebook may be copied, distributed, reposted, reprinted and shared, provided it appears in its entirety without alteration, and the reader is not charged to access it.

ISBN: 9780463051795

Оглавление

[Пролог](#)

[О наших реалиях](#)

[1. Советская власть](#)

[2. Демократия](#)

[3. Средства массовой информации](#)

[4. Страх](#)

[5. Аппарат](#)

[6. Армия](#)

[7. Правозащита](#)

[8. Некоторые прогнозы](#)

[9. Методы анализа](#)

[Еще раз о наших реалиях \(Записки сумасшедшего\)](#)

[Мы, право и Запад](#)

[Мы, право и Запад](#)

[Постскриптум](#)

[Комментарий к нам, праву и Западу](#)

[О методах анализа](#)

[Часть I. Советское правосудие времен перестройки](#)

[1. Суд да дело](#)

[2. Прокурор и закон](#)

[3. Слово и дело](#)

[4. Демократия и действительность](#)

[5. По суду надо и честь знать](#)

[6. Право на право](#)

[Часть II. Необходимое послесловие](#)

[1. Выбор метода исследования](#)

[1-2](#)

[1-3](#)

[2. Что такое советская власть](#)

[2-2](#)

[2-3](#)

[2-4](#)

[3. Произвол, право, демократия](#)

[3-2](#)

[3-3](#)

[3-4](#)

[3-5](#)

[Сумасшедшие записки](#)

[Сумасшедшие записки – 2](#)

[Сумасшедшие записки - 2 - 2](#)

[Сумасшедшие записки - 2 - 3](#)

[Сумасшедшие записки - 2 - 4](#)

[Сумасшедшие записки - 2 - 5](#)

[Сумасшедшие записки - 2 - 6](#)

[Сумасшедшие записки - 2 - 7](#)

[Сумасшедшие записки - 2 - 8](#)

[Сумасшедшие записки - 2 - 9](#)

[Запад вновь остался в дураках \(Кто организовал побег Олега Гордиевского?\)](#)

[Об авторе](#)

Пролог

Эта книга о правовых и общественно-политических реальностях нынешней России. Главной и единственной причиной всех наших самых острых сегодняшних проблем является все та же советская власть, существующая у нас с октября 1917 г. и по сей день, несмотря на все ее внешние видоизменения. Об этом я писал в своих публикациях в журнале «Континент» и в Интернете, на основе чего и была создана эта книга. Там я утверждаю, что правила игры, присущие этой системе власти, основанной на лжи и беззаконии, пронизывают у нас все и вся – «от общих гуманитарных проблем до войны и разведки, от явлений культуры до действий спецназа, от динамики рождаемости до активности флотов». И в частности, по поводу спецназа проиллюстрировал это на примере генерала Дроздова, который вынужден был командовать штурмом дворца Амина по своему не утвержденному плану.

Еще со времен СССР я делал то, что тогда официально считалось «антисоветчиной», «идеологическими диверсиями» и т.п. В книге приведены некоторые результаты такой деятельности, подтвержденные официальными документами.

Если сейчас термин «идеологические диверсии» многим может показаться каким-то надуманным, то напомним постановление Политбюро ЦК КПСС от 17.07.67 г. N П47/97 «О создании в КГБ СССР при СМ СССР самостоятельного (пятого) управления по организации контрразведывательной работы по борьбе с идеологическими диверсиями противника». Это постановление можно найти в книге «Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917 – 1991». Справочник» (под ред. акад. А.Н.Яковлева; авторы-сост.: А.И.Кокурин, Н.В.Петров. – М.: МФД, 2003, С.711). Пятое управление КГБ было тем самым подразделением, которое в СССР занималось политическими преследованиями, что официально считалось «борьбой с идеологическими диверсиями».

О наших реалиях

(Журнал «Континент» N 93 (июль – сентябрь 1997 г.)

Оттого-то все споры эмигрантов после пятого стакана неизбежно возвращаются к теме: в чем наше отличие? наша вина? Что же такое неуловимое

делает их здесь свободными, а нас там всех – от Брежнева до последнего зека – рабами.

Владимир Буковский «Письма русского путешественника»

1. Советская власть

Россия – страна, не укладывающаяся ни в какие выработанные цивилизацией рамки. Если во всем мире отсутствие политзаключенных является признаком наличия прав и свобод граждан, то у нас совсем наоборот. Сейчас политзеков (во всяком случае, в прежнем понимании) нет, но, несмотря на это, граждане полностью лишены каких-либо правовых гарантий от произвола властей. Мало того, беззаконие со стороны должностных лиц государства такое, какое в коммунистические времена никому и не снилось. За внешними демократическими атрибутами буйным цветом расцвел невиданный чиновный произвол.

Не буду приводить здесь конкретные факты беззаконий. Любой желающий может найти их достаточно даже в печати, хотя наша куца демократическая пресса не дает никакого адекватного представления об истинном размахе и характере произвола. Один пример все-таки приведу – уж больно доказателен. Бывший прокурор Ставропольского края государственный советник юстиции 2-го класса Владимир Хомутников, отстраненный от должности по инициативе краевой администрации без всяких законных оснований, с горечью сетует: «Подобного отношения к прокурорам не допускалось даже в период всевластия КПСС» («Подмосковные известия» от 31.08.94 г.).

Прокуратура всегда была одним из столпов советского режима. В ее системе прокурор края – очень большая «шишка», над ним начальником только один прокурор – Генеральный. Классный чин «государственный советник юстиции 2-го класса» соответствует воинскому званию «генерал-лейтенант». И уж если генералы-прокуроры плачут от произвола властей, за соблюдением законов которыми они обязаны осуществлять прокурорский надзор, то нетрудно представить, как власть издевается над простыми смертными.

В чисто юридическом смысле произвол – это попрание государством или его должностными лицами тех прав и свобод граждан, которые гарантированы законами государства. В чем его причина? Главная и единственная причина произвола – неспособность российского общества в целом заставить власть соблюдать ее собственные законы, гарантирующие права граждан, неспособность действовать ради осуществления своих прав и интересов. Все остальные причины придуманы только для того, чтобы замаскировать эту главную.

Сегодня основное существенное свойство русской нации в целом – исторически сформировавшаяся неспособность к действенному противостоянию власти. А общество, безвольное действовать против власти, ограничивать ее произвол не может. Из этого свойства следует в первую очередь исходить при анализе российских реалий. В этой социальной сущности нации кроется и разгадка загадочной русской души, и объяснение многих событий российской коммунистической и посткоммунистической истории.

О крахе советской власти говорят все. При этом, однако, никто не удосужился дать ей определение, выдерживающее хотя бы малейшую критику. Так, под советской властью понимают режим, основанный на коммунистической идеологии. Но нет, господа политологи-советологи! Идея коммунизма – миф, утопия. Что-либо реальное может основываться на мифе, только если в него

верят. В коммунистическую идеологию у нас мало кто верил. Даже советские психиатры в заключениях судебных экспертиз не стеснялись ссылаться на преданность идеалам марксизма-ленинизма как на свидетельство невменяемости. Советская власть – ничем не ограниченная власть аппарата, осуществляемая методом произвола, т.е. попрания даже тех прав граждан, которые закреплены официальными законами власти.

Принципиальное отличие советского государства от всех остальных, известных истории, включая дореволюционную Россию, фашистскую Германию и древневосточные деспотии, в том и заключается, что если все государства, какими бы людоедскими порой они ни казались, все-таки держались и держатся на основе своих законов, то советское основано на нарушении собственного законодательства.

В теории государства и права под политическим режимом понимается метод осуществления государственной власти. Основу советского метода составляет произвол – попрание государством официально действующих законов. В этом и состоит сущность большевистского политического режима, возникшего в октябре 17-го, ничего подобного которому история цивилизации не знает. Внешние его формы претерпели грандиозные изменения, но сущность осталась неизменной с момента возникновения до наших дней.

Царский и советский режимы имеют дело с одним и тем же русским народом, потому у них действительно много общих черт, для обоих характерен массовый чиновный произвол. Но принципиальное различие даже не в размахе и жестокости произвола. Если бы беззакония чиновников в царской России вдруг прекратились, то это привело бы к укреплению монархии. Прекращение произвола при советской власти означало бы ее немедленный крах.

У германского фашизма и большевизма тоже много общего. Но если в гитлеровской Германии принципы власти и законы находились в полном соответствии, то при большевизме реальные принципы советской власти прямо противоположны советским законам. Нацистский режим был, конечно, людоедским с точки зрения общепринятых мировых стандартов, но по своим законам он легитимен – просто внутригерманское законодательство было людоедским. Советский режим не легитимен даже с точки зрения собственной правовой системы.

Некоторые, прочитав «Ледокол» Суворова, решили: вот-де Сталин был гениальный злодей, он устраивал массовый террор не только против коммунистических штурмовиков, но и против военных, разведчиков, дипломатов, чекистов, поэтому даже в сверхкритические моменты ему никто под стол бомбу не подсунил. А Гитлер был глупый, он устроил ночь длинных ножей только один раз и только против штурмовиков Рема, потому и получил в июле 44-го портфель с бомбой.

Наивные рассуждения. Принципы фашистского и советского политических режимов прямо противоположны. Фашизм не мог держаться на массовом произволе, как и советская власть не может существовать без него. Попробуй Гитлер, придя к власти, делать с госчиновниками то, что делал Сталин, его бы завалили портфелями с бомбами, и не в 44-м, а лет на десять пораньше.

Если в августе 1991-го идеологическая вывеска сменилась с коммунистической на демократическую, то это вовсе не означает краха советского режима. Возможность его существования обусловлена безволием общества, и поэтому он может существовать под прикрытием любой идеологии. У аппаратчиков всегда была только одна идеология, которой они беззаветно служили, – неограниченная власть. На демократическую идеологию они сейчас плюют в душе так же, как в прошлом плевали на коммунистическую.

В отношениях «гражданин – власть» с октября 17-го и до сих пор в принципе ничего не изменилось. Их сущность осталась прежней: правовых гарантий граждан как не было, так и нет; любой чиновник может безнаказанно растоптать любые права человека, закрепленные Конституцией и другими законами. Наша «закон-что-дышло-юстиция» по сравнению с былыми временами сейчас характеризуется лишь невиданным размахом беззаконий.

Существуют ли надежные признаки, по которым можно безошибочно определить наличие или отсутствие правовых гарантий? Да, таковые признаки имеются. В юридической науке есть такое понятие, как «принцип неотвратимости ответственности». Этот принцип – один из тех неотъемлемых принципов, которые делают право правом – не на бумаге, а в реальности. Он означает, что за каждым наказуемым нарушением прав субъектов правоотношений необходимо должна следовать ответственность. Юридически права и свободы гарантированы только тогда, когда действует принцип неотвратимости ответственности. Такой способ обеспечения правовых гарантий некоторым кажется очень несовершенным, но ничего лучше человечество пока не придумало.

Не следует отождествлять ответственность с наказанием. Принцип неотвратимости ответственности действует, когда за каждым известным случаем правонарушения необходимо начинает работать государственный механизм правового преследования для наказания виновных. Самого наказания по каким-либо причинам может и не последовать (сбежал виновный, и найти не могут), но ответственность должна быть всегда. Причем принцип неотвратимости, как и всякий принцип, обладает двумя неотъемлемыми чертами – неизбирательности и непрерывности действия. То есть он распространяется на все случаи правонарушений без изъятий. Принципа не может быть больше или меньше – он либо есть, либо нет. Также и намертво связанные с ним юридические гарантии – они либо есть, либо их нет вообще. Если известен хотя бы один случай, когда за преступным нарушением прав гражданина не последовало ответственности, то это является достаточным свидетельством бездействия принципа неотвратимости и отсутствия юридических гарантий.

Действовавший до 1 января 1997 г. УК РСФСР устанавливал уголовную ответственность должностных лиц за любые их деяния, причинившие существенный вред охраняемым законом правам и интересам граждан, вне зависимости от того, были ли они совершены умышленно или по неосторожности. Например: ст. 170 УК (злоупотребление властью), ст. 171 УК (превышение власти), ст. 177 УК (вынесение заведомо неправосудного приговора), ст. 179 УК (принуждение к даче показаний) и многие другие. Аналогичные нормы есть и в нынедействующем УК РФ.

Известно неисчислимое количество конкретных случаев (в том числе и самых свежих) грубого нарушения прав граждан конкретными чиновниками. (Здесь речь не столько о диссидентах – репрессии против них составляли мизерный процент от общего числа беззаконий.) Но где ответственность? Так, чуть ли не самыми последними примерами наказаний за пытки и фальсификацию уголовных дел являются приговоры в отношении Лаврентия Бери и его компании заплочных дел мастеров. Но и те, в основном, по иронии судьбы были осуждены... по фальшивым обвинениям в измене Родине. Во всех случаях произвола сразу бросается в глаза твердая уверенность чиновников в полной безнаказанности, и, надо сказать, уверенность вполне обоснованная.

Обычно случаи зверств в деятельности правоохранительных органов объясняют тем, что там работает много очень плохих следователей, прокуроров и судей. Нет, причина в общественной системе, позволяющей должностным лицам безнаказанно издеваться над людьми.

Если за деяния чиновников, являющихся преступными по их законам, не следует ответственности, если не действует принцип неотвратимости, то это служит неопровержимым доказательством полного отсутствия правовых гарантий и вообще законности. То же самое вам подтвердит любой студент-недоучка юрфака, и ни один умник с гарвардским дипломом в кармане не сможет вышеизложенного опровергнуть, а также разумно объяснить, какая может быть демократизация без правовых гарантий. Отсутствие правовых гарантий, в свою очередь, является неоспоримым свидетельством неспособности общества ограничить власть аппарата, реализовать свои права и интересы, выдвинуть на политическую арену реальные демократические силы, а не мифические – типа Демроссии. Единственная реальная сила в России – власть аппарата. Советский режим, основанный на преступном попрании прав и свобод граждан, гарантированных его же законами, является преступным даже с точки зрения своих собственных законов.

2. Демократия

Демократия – политическая организация общества, основанная на его волеизъявлении. Для нее необходимо наличие общества, способного действовать ради осуществления своей воли. Если такого общества нет, то демократия невозможна в принципе. Никакие демократические формы и механизмы сами по себе работать не будут. Нужны движущие силы – широкие общественные слои, готовые действовать. В нашем обществе таких сил нет, и не предвидится. Поэтому идея демократии для России является такой же утопией, как идея коммунизма для всего мира (славянофильскую идею соборности не рассматриваю ввиду несерьезности). Крах одной утопии вовсе не означает реальности другой, пусть даже прямо противоположной, – по законам логики два взаимоисключающих суждения не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными.

Надо сказать, что советская власть под прикрытием демократической мифологии чувствует себя гораздо уютнее, чем под прикрытием коммунистической, и кровно заинтересована в ее сохранении, в придании новой утопии видимости реальной. Для того и придуманы многочисленные ложные причины произвола, чтобы скрыть за ними одну истинную. Действительно, стоит только признать причиной произвола неспособность общества действовать, как вся демократическая мифология рухнет, словно карточный домик: как может общество осуществить прорыв в царство свободы, если оно не в силах заставить даже мелких чиновников уважать права граждан, гарантированные давно уже действующими законами?

Зачастую причину нынешнего положения объясняют многочисленными ошибками демократов. Чепуха. В результате демократизации советской власти ничего иного в принципе получиться не могло – были возможны лишь вариации несущественного характера. Процессы, происходящие в осетрине «не первой свежести» возможны только в одном направлении – в сторону полной тухлятины. То, что воспринимается как случайные ошибки демократической власти, есть лишь внешние отдельные проявления единой внутренней железной логики развития системы. Сущность российских реформ – расширение свободы произвола для чиновников. Всякая воплощенная на практике утопия приводит к результату, прямо противоположному желаемому. Последствия этого ярко проявляются в политике, праве, экономике, духовной жизни. Демократия

западного образца – очень хорошая штука, но у нее есть один недостаток – в России она нереальна. Никакая иная демократия, кроме той, какая есть сейчас, у нас пока невозможна, как невозможен был другой социализм, кроме того, что был.

Советская власть неспособна реформироваться ни во что иное, кроме самой себя. Реформированию она не подлежит и может быть только уничтожена. Режим, основанный исключительно на преступном попрании собственных законов, не имеет никаких прав на существование. Он должен быть заменен на другой – базирующийся на своих законах. Внешние его формы могут быть хотя и не такими привлекательными, зато, в отличие от нынешних, реальными, а не мифическими.

Старую плановую экономику сломали, но новую рыночную у нас нельзя создать по чисто политическим причинам. При полном отсутствии правовых гарантий, когда все сферы жизни общества регулируются противозаконным административным произволом чиновников, свободный рынок в принципе невозможен. Можно до посинения спорить, разрешать ли свободную продажу земли, разгонять ли колхозы и т.п. Существенного значения эти вопросы не имеют. В любом случае в советской политической системе, где нет гарантированных твердых правил игры для субъектов хозяйственной деятельности, никакие рыночные механизмы работать не будут. Нынешний процесс движения экономики к пропасти в условиях советского режима необратим.

Уже сейчас, не будь госдотаций, вся промышленность и сельское хозяйство рухнули ли бы. Поиск и применение различных вариантов экономических реформ представляют собой лишь попытки регулировать скорость неотвратимого движения к пропасти. Если советская власть не будет уничтожена, то неизбежен полный крах экономики и всеобщий социальный взрыв. А в стране с громадным ракетно-ядерным потенциалом, с многочисленными атомными электростанциями, с другими объектами повышенной опасности он будет иметь катастрофические последствия не только для России.

Общепризнано, будто демократии у нас нет, потому что демократы плохие – все бывшие коммунисты или проходимцы. Здесь все поставлено с ног на голову, причина подменяется следствием, а следствие причиной. Оттого у власти и стоят такие демократы, что демократии нет. Будь общество способно к демократии, вся эта публика с бывшим первым секретарем обкома во главе давно была бы на свалке истории, как это случилось в Прибалтике и Восточной Европе.

Говорить, будто идеи демократии опорочены случайными людьми – все равно, что утверждать, будто идеи коммунизма хорошие и реальные, просто они были дискредитированы примазавшимися к власти коммунистами-карьеристами. Владимиру Буковскому советские психиатры когда-то сказали, что если он, требуя соблюдения советских законов, не понимает, что они предназначены не для того, чтобы соблюдаться, то он – сумасшедший, а если понимает это, но все равно требует, то он – особо опасный государственный преступник. Делать какие-либо выводы о России, исходя только из внешних демократических форм, – все равно, что судить о положении с правами человека лишь на основе советских законов. Все существующие у нас демократические атрибуты имеют такое же отношение к правам человека, как и советские законы.

Многие утверждают, будто демократические атрибуты самоценны. Нет. Самоценен только человек, все остальное ценно постольку, поскольку представляет ценность для человека. Такой демократический атрибут, как свобода слова, служит, конечно, мощным оружием в борьбе за права и свободы, ее наличие является достаточным свидетельством демократии. Но только в

обществе, способном отстаивать свои права. В нашем неспособном к этому обществу свобода слова сама по себе ничего не значит. Так, боевое копьё в руках папуасского вождя может быть очень грозным оружием. Но то же копьё, висящее на стене кембриджской пивной, является лишь декоративной частью интерьера. Те демократические идеи, за которые люди 30 лет себе лоб об стенку расшибали, у нас сейчас служат лишь декорациями, за которыми царит произвол чиновников. И не вина в том этих людей, и беда не их, а русского народа. Беда их в том, что они никак этого не могут понять.

Слово является СЛОВОМ, только если за ним следует ДЕЛО. Если за ним ничего не следует, то это не СЛОВО, а ПУСТОБРЕШЕСТВО. Но слово само по себе может быть ДЕЛОМ, когда оно высказывается, невзирая на запрет власти. Поэтому я категорически не согласен с некоторыми бывшими политзеками, с горечью констатирующими, будто зря они грели казенный бетон.

Тем не менее, превознося демократические ценности, следует помнить и о тех несчастных, которых нещадно мучают под надежным прикрытием демократической бутафории. Когда за демократическими атрибутами существует возросший произвол властей, то в народе это именуется «дермократией».

От многих умников я слышал и такое: да, произвол власти расширяется и ужесточается, но демократизация-то все равно идет! Очень интересно. Как будто два эти взаимоисключающихся процесса одновременно протекают в параллельных несоприкасающихся мирах. Но такого быть не может, поскольку общество – единый живой организм. Демократизация – это расширение прав и свобод личности при наличии правовых гарантий. Если в ходе какого-либо процесса произвол возрастает, то это не демократизация, а нечто прямо противоположное.

Еще один распространенный миф: демократические атрибуты у нас не работают, потому что мы свободы не завоевали, а нам их подарила власть. Это равнозначно утверждению: мой мотоцикл не заводится, поскольку мне его подарили, а у соседа заводится, так как он его у кого-то отнял. Здесь все также поставлено с ног на голову. Во-первых, способное общество в таких подачках не нуждается – оно само берет свои свободы независимо от желания властей. Во-вторых, потому власть свободы и подарила, что безвольное общество все равно воспользоваться ими не сможет.

Сплошь и рядом встречаются утверждения: вся беда в том, что настоящего покаяния в обществе не произошло. Но может ли оно произойти? Истинное покаяние возможно лишь после окончания процесса грехотворения. Грех нашего общества заключается в его пассивности, неспособности защищать как права самого себя в целом, так и права отдельных своих членов от незаконной власти. И пока общество таким остается, никакого покаяния, кроме фарисейского, быть не может.

3. Средства массовой информации

Самым главным достижением демократизации России считают свободу слова и отмену цензуры печати. Теоретически, может, оно и так. Но только теоретически. На практике дела обстоит иначе. Сейчас существование ни одного средства массовой информации без субсидий у нас невозможно по чисто экономическим причинам. Доход от продажи газет в среднем покрывает лишь 10-12% затрат на издание. Поэтому пресса зависит не столько от госдотаций (они небольшие и далеко не всем выделяются), сколько от группировок крупного

спекулятивного финансового капитала. А так как он далеко не всегда достаточно легален, то большинство таких группировок очень боятся вызвать малейшее неудовольствие властей. В сущности, какая разница: контролирует ли власть прессу непосредственно или через контролируемый ею капитал, который, в свою очередь, контролирует прессу намного жестче. Заимей власть такое желание, российская пресса очень скоро в большинстве своем станет как две капли воды похожей на северокорейскую.

В результате чего наша демократическая пресса в общем еще более совковская, чем коммунистическая застойных времен – в той хоть между строк можно было прочесть многое. Если уж безоглядно служившая советской власти с горбачевских времен Елена Боннэр ноет, что теперь ее почти не печатают, то что говорить о тех, кто эту впасть никогда не признавал и не признает. Некоторые уже сейчас возрождают Самиздат, и то в основном для очистки совести – многие ли в наше время обратят на него внимание?

На помощь Запада тоже надежды мало. Недавно один американский фонд, финансирующий в России правозащитные проекты, отказал нескольким правозащитникам в гранте на издание действительно независимой газеты. Одновременно он финансировал издание английского словаря русского мата. Наверное, фонд решил осуществить давнюю мечту Владимира Буковского об открытии школы нашего мата для западных дипломатов.

Во всем мире пресса является зеркалом общественного мнения. У нас – ничего подобного. Российские средства массовой информации в большинстве своем совершенно не дают адекватного отражения настроений в обществе. Они выражают даже не позицию очень узкого круга, а то, что этой группировке хочется выдать за взгляды большинства населения. Я вообще сильно сомневаюсь, что у нашего безвольного общества есть то, что во всем мире понимают под общественным мнением.

Ярким подтверждением совковости прессы являются наши эмигрировавшие диссиденты, которые всегда великолепно умели читать между строк, а сейчас ничего не понимают в нашей действительности. Проживая в России, можно составить в общем верное представление об Англии лишь на основе систематического чтения британских газет. Но если в Англии скрупулезно изучать российскую прессу, то никакого в принципе верного понятия об истинном положении дел в России не получишь. Если хочешь познать наши реалии, то водку следует пить не с профессорами в Кембридже, а с грузчиками в Ногинске.

Специалисты говорят, что 90% всей добываемой информации разведслужбы черпают из открытых источников. Бедные западные правительства. Какая же чушь, должно быть, написана в представляемых им разведсводках, в которых 90% анализа составлено на основе нашей прессы.

Некоторые диссиденты-эмигранты мечут громы и молнии: в России-де никто никого не слушает, каждый считает себя умнее других. Но кто, например, будет всерьез воспринимать их заумные размышления, если у нас любому ясно, что они не понимают самых элементарных вещей. Долгие годы эмиграции явно не прошли для них бесследно. Много умников в своих умозаключениях оперируют понятиями, которые применительно к России являются символами, либо вообще лишены реального содержания, либо их содержание прямо противоположно общепринятому.

Вообще говоря, дискуссии полярных сил в нашем обществе действительно напоминают диалог глухих. И тому есть объяснение. Если два лжеца начнут спорить по существу, то в споре обязательно родится истина. А она заключается в том, что политические концепции всех партий и движений являются чисто

умозрительными схемами, не имеющими отношения к реальности. Центризбирком не зря перед декабрьскими выборами 1993 г. запретил прямые теледебаты между кандидатами. Произойди такие дебаты, всему миру стала бы очевидна мифичность и утопичность платформ всех политических течений – от суперрадикальных демократов до воинствующих коммунофашистов.

4. Страх

Люди, хорошо понимающие советскую власть, сразу спросят: а как же страх, без которого советский режим невыносим, чем он сейчас вырабатывается и поддерживается? Законный вопрос. Страх был и остается основой советской государственности, главной цепью внутренней и внешней политики.

К сожалению, это не всегда понимают, и последовательные действия властей, истинной целью которых является страх, квалифицируют как ошибочные или вообще абсурдные. Например, описанный в книге Буковского «И возвращается ветер» случай с Ригерманом, которого, при неоднократных попытках пройти в американское посольство по приглашению консула, на глазах изумленных дипломатов постоянно забирала милиция, что привело к серии дипломатических демаршей со стороны США.

На первый взгляд, власти совершали глупые и лишённые здравого смысла бредовые действия только во вред себе. Но нет. Поведение властей имело очень глубокий смысл: вбить всем в головы страх – чтобы и собственные граждане, и иностранные правительства твердо усвоили, что от произвола советского государства не спасут ни законы, ни международные договоры, ни элементарный здравый смысл.

В советской тактике допросов есть такой прием. В ответ на разумные доводы допрашиваемого следователь «косит под дурака» – делает вид, будто этих доводов не понимает, в ответ несет откровенную чушь. Свято веривший в силу здравого смысла наивный допрашиваемый начинает теряться, осознает свое полное бессилие, приходит безотчетный страх перед произволом – тут ему и конец, он полностью в руках следователя.

В царской армии каждый унтер твердо знал, что ни в коем случае не следует отдавать заведомо невыполнимых приказов. Ибо таким приказом он подрывает не только свой собственный командирский авторитет, но и авторитет всей государственной власти, поставившей его командиром и от имени которой он командует. Советской власти совсем не нужен авторитет, основанный на разумности и законности, – она базируется на прямо противоположных принципах. Поэтому в советской армии все наоборот. С первых часов службы боевая учеба в первую очередь направлена на четкое усвоение того, что любой приказ командира, даже самый бредовый, есть нормальное явление и должен выполняться без ропота и рассуждений. Могут приказать миллион раз отжаться или за полчаса вырыть саперной лопаткой окоп на железобетонной плите.

Обычно такие приказы воспринимаются как издевательство или проявление абсурда. Но все гораздо сложнее. Во времена КПСС среди множества пустопорожних лозунгов были и имевшие очень глубокий смысл. Один из них: «Армия – школа жизни». И это действительно так. В армию идут мальчишки с детской верой в справедливость, у многих еще не выветрилась романтика, навеянная примерами Овода и графа Монте-Кристо. А возвращаются полностью готовые к советской жизни мужчины, твердо уверенные, что в нашей системе тот прав, у кого больше прав.

Всякая государственная власть держится на страхе, но есть принципиальная разница. Если все государственно-правовые системы основаны на страхе перед правомерной ответственностью за неправомерное поведение, то советская власть совсем наоборот – с октября 17-го она существует за счет страха граждан перед неправомерной ответственностью за правомерные действия, например, за осуществление прав и свобод, гарантированных законом.

В сталинские времена был необходим целый архипелаг полигладерей, в брежневские хватало нескольких, в наше время для наличия страха перед произволом власти вообще можно обойтись без политзеков. Если граждан, требующих соблюдения действующих законов, теперь не объявляют сумасшедшими или государственными преступниками, то это вовсе не означает, что отношение властей к ним существенно изменилось. Можно публично ругать Президента, власть, но попробуйте, реализуя свои права, задеть интересы хотя бы небольшого чиновника! Карательные меры не заставят себя ждать.

Функцию обеспечения общества страхом сейчас с большим успехом выполняет МВД. Человека можно задержать прямо на улице, обвинив, например, что он якобы справлял нужду в неположенном месте, избить в отделении до полусмерти и дать 15 суток административного ареста для раздумий. Известны случаи, когда забивали до смерти, и тогда подонки в белых халатах констатировали смерть от сердечной недостаточности. Ну а если кто слишком умный, то ему можно засунуть в карман гранату или наркотики и сразу арестовать. Месяцев через несколько человека, возможно, придется выпустить, но за время в следственном изоляторе из него вполне можно сделать скота.

В былые времена против неугодных тщательно и кропотливо собирали компромат – сейчас такой чепухой уже не занимаются. Этой власти уже не нужен виртуоз-психиатр Лунц с его премудрыми тонкими методами, ей вполне хватает ментов с дубинками. Не зря в народе милицейскую дубинку называют «демократизатором».

Власти необходим страх, а какими способами он достигается, и кто этим занимается – ГБ или МВД, принципиального значения не имеет. Главное – полное отсутствие правовых гарантий от произвола, чтобы гражданин чувствовал себя абсолютно незащищенным перед беззакониями власти.

Делать вывод об изменении сущности режима на основании отсутствия политзаключенных неправомерно. Если при Сталине сажали за антисоветские анекдоты на кухне, а при Брежневе нет, то это вовсе не означает, будто советская власть кончилась в марте 53-го. Сейчас политзеков нет не потому, что режим стал хорошим, просто нынешней власти они не нужны, как Брежневу для поддержания страха был совсем не нужен сталинский ГУЛАГ. Когда кто-нибудь убивает сначала по два человека в день, а потом по одному, то прогресс несомненен, но от этого убийца не перестает быть убийцей.

Стремительный рост произвола невозможен без адекватного усиления страха перед ним. По сравнению с прежними временами страх многократно увеличился. Россия всегда была страной жалобщиков. Сейчас быть ею перестает – писать жалобы стало гораздо опасней, чем раньше. Известен случай, когда на маленькую деревушку, жаловавшуюся на главу администрации, бросили ОМОН. Попробуйте найти подобный пример в застойные времена.

Специалисты с научной дотошностью изучают результаты опросов общественного мнения. Делать им больше нечего. Какое значение может иметь мнение общества, задавленного страхом и вследствие этого неспособного к действию?

Где страх, там и его неразлучный спутник – ненависть к источнику страха. Умные люди еще в те времена говорили о накопившихся в обществе мегатоннах

ненависти. Раз вырос страх, то пропорционально ему возросла и ненависть. Каким астрономическим числом ее сейчас измерить?

Общепризнано, будто нынешний рост ненависти обусловлен ухудшением материального благосостояния. Доля истины здесь есть, но не очень большая – основная составляющая ненависти является следствием возросшего страха перед расширением и ужесточением произвола. Многие объясняют неспособность общества действовать апатией. Нет, это не апатия, а прежний страх, только многократно помноженный. Когда по каким-либо причинам ненависть превысит страх, то произойдет всеобщий взрыв, и апатичным наше общество уже никто не назовет.

Произвол, страх и ненависть стали стремительно возрастать еще с начала перестроечных реформ. Причем по мере их хода объектом ненависти все больше становились демократы. Лицемерие всегда вызывает в людях отвращение и ненависть. А лицемерие демократов такое, что по сравнению с ним коммунистическое лицемерие былых времен выглядит невинной детской игрой. И они все это прекрасно понимают.

В апреле 91-го, когда Буковский призывал демократов поднимать народ на решительные действия против коммунистической власти, в среде демократов ходили панические слухи, будто коммунисты тайно раздают народу оружие, чтобы стрелять демократов. Оружия, конечно, никто никому не раздавал, но пример очень показателен – он прекрасно объясняет недоумение Буковского, почему тогда демократы боялись своего народа больше власти коммунистов. Знали демократы, что если народ начнет решительные действия, то его гнев прежде всего падет на их головы, а уж потом будет перенесен на партаппаратчиков.

Впоследствии испытываемый демократами ужас перед восстанием народа несоизмеримо возрос. Чего стоит заявление одного известного демократа, призвавшего использовать против народа артиллерию, танки и авиацию. На последних выборах многие голосовали за Жириновского не из-за симпатий к нему, а потому, что ненавидели стоящих у власти демократов и не имели возможности выразить эту ненависть по-другому.

Ненависть, страх одних и уверенность в полной безнаказанности других – вот те главные существенные факторы, которые определяют всю нашу общественную систему и без тщательного анализа которых российскую действительность понять невозможно. Все остальные существенные факторы являются производными от трех вышеуказанных.

Так, субъективную основу поведения носителей власти – чиновников – составляет уверенность в полной безнаказанности за любые преступления, совершенные в интересах аппаратной власти. Если такая уверенность пропадет, то большевистский режим рухнет. Испариться же она может, например, из-за уголовного наказания даже сравнительно очень небольшого числа должностных лиц милиции, прокуратуры и суда за фабрикацию дел, пытки, злоупотребления, фальшивое правосудие. Поэтому среди многочисленных политических спектаклей, устраиваемых властью для одурачивания Запада с перестроечных времен, отсутствуют постановки, связанные с уголовной ответственностью извергов-правоохранителей.

Советская власть всегда создавала иллюзии противостояния во властных структурах. Тем самым Запад ставился в положение, в котором ему поневоле приходилось выбирать из двух якобы имеющихся зол меньшее, причем именно то, которое советскому режиму нужно. Молотов – Литвинов, ястребы – голуби в брежневском Политбюро, Горбачев – Лигачев, Горбачев – Ельцин, Ельцин – Верховный Совет и т.д. и т.п. В настоящее время такие иллюзии несут еще одну

сверхзадачу: за несущественным противостоянием «демократы – краснокоричневые» скрыть главное в обществе жестокое противостояние между демократической властью и народом.

Советская власть держится на произволе правоохранительных органов, и конец ей придет не раньше, чем произвол прекратится, для чего необходима неотвратимость ответственности конкретных должностных лиц за каждое конкретное нарушение охраняемых законом прав и интересов граждан. Разумеется, очень наивно ожидать, что власть будет наказывать чиновников за те беззакония, на которых она основана, – никто не будет рубить сук, на котором сидит.

Не знаю, способна ли армия, если она возьмет власть в свои руки, избавить нас от советского режима, но кроме нее в нашем обществе больше нет сил, которые на это способны. Кстати, власть это прекрасно понимает, поэтому еще с перестроечных времен идут настоящие целенаправленные развал и разложение армии, результаты которых в кадровом отношении несравнимы даже с последствиями полного разгрома в широкомасштабной войне.

5. Аппарат

Если в нормальных странах госаппарат отражает структуру общества, то в России наоборот – организация аппарата определяет организацию всего общества.

Михаил Восленский создал бессмертную книгу «Номенклатура», описательная часть которой великолепна. Но аналитическая часть, где исследуются причины существования номенклатурной системы, абсолютно беспомощна. Главная и единственная причина, обуславливающая возможность возникновения, функционирования и развития советской аппаратной системы власти, – в безволии нашего общества, в полной его неспособности оказывать сколько-нибудь значимое активное воздействие на власть. Общественные отношения являются лишь пассивным отражением внутриаппаратных отношений.

Историки и политологи до сих пор с пеной у рта спорят о том, какими интересами в коммунистические времена руководствовались кремлевские начальники: национальными или интернациональными (т.е. идеологическими). Я лично думаю, что ни теми и ни другими. Вся деятельность советских чиновников всех рангов всегда определялась властными интересами аппарата, и прежде всего – внутриаппаратными отношениями. В безвольном обществе, где единственной реальной силой является власть чиновников, ничто иное невозможно. Национальные и идеологические факторы учитывались эпизодически и лишь постольку, поскольку в данный момент и в данном деле соответствовали интересам всего аппарата в целом или интересам отдельных группировок чиновников во внутриаппаратных интригах. Именно этим объясняется то, что одни и те же члены Политбюро в решении разных вопросов одновременно могли выступать и как «ястребы» и как «голуби». По этой причине общепризнанные как среди западных, так и среди наших доморощенных советологов теории о «ястребах» и «голубях» в кремлевском руководстве не имеют под собой никаких оснований.

Многие считают такую точку зрения на побудительные мотивы действий советских вождей бредовой. Может быть. Но вот в последние годы опубликованы и некоторые архивные документы, и мемуары тех, кто когда-то входил в высшие эшелоны номенклатуры. Бывший генерал-лейтенант ГБ Павел Судоплатов в своей книге воспоминаний «Разведка и Кремль» прямо утверждает, что все акции

кремлевского руководства – от заканчивавшихся на Лубянке биологических дискуссий до кампаний против «безродных космополитов» – были всего лишь внешними проявлениями борьбы за власть между различными группировками внутри кремлевского начальства.

Возразят: можно ли всерьез верить бывшему главному сталинскому диверсанту и террористу?! Не буду спорить. Еще один пример. В книге Владимира Буковского «Московский процесс» (М.: «МИК», 1996, С. 120 – 128) приведен протокол заседания Политбюро, на котором решали, что делать с Солженицыным: сажать или не сажать. Категорически против уголовного преследования был только один «голубь» – тогдашний шеф ГБ Андропов. Буковский объясняет это опасениями Андропова, что в случае чего всех собак за Солженицына повесят ему на шею. Полностью согласен с Буковским. Действительно, Андропов и частично поддержавший его Громыко прекрасно понимали – приключись из-за следствия и суда над Солженицыным какая-нибудь неприятность (типа крупного международного скандала) – Политбюро сразу начнет искать промеж себя крайних. А при любом раскладе самыми крайними окажутся они двое как отвечающие в Политбюро за государственную безопасность и дипломатию. Так какие интересы преследовали оба этих «гуманиста» – национальные или идеологические? Ни те и ни другие. Все их поведение определялось исключительно шкурными внутриаппаратными отношениями.

Партаппаратчики были редкостными негодьями, но дело свое знали и государством управлять умели. Этого у них не отнимешь. Они создали очень хитрую, четко сбалансированную стабильную систему власти, благодаря чему советский режим благополучно пережил не только многочисленные предсказания скорого неминуемого конца, но и неоднократные констатации своего уже свершившегося краха.

Самую большую опасность для власти, основанной на произволе, таит сам произвол, который может выйти из-под контроля, дестабилизировать политическую систему и разрушить ее. Поэтому в коммунистические времена ограничению собственного произвола партаппаратчики придавали первостепенное значение. Существовали ограничители произвола, не позволяющие ему идти вразнос и стабилизирующие систему. В аппарате действовали нормы внутриаппаратной жизни, необходимые для стабильности власти – железные правила игры, одинаково обязательные и для Генсека, и для инструктора райкома, которые свято соблюдались

Нормы устанавливали то, что можно назвать системой дифференцированных произволов. То есть для каждого чиновника были строго определены рамки, в которых его произвол был возможен. Так на Руси когда-то воеводам давали «в кормление» волости. На произвол внутри рамок смотрели сквозь пальцы: вору, да не попадайся. Но малейший выход за них рассматривался как покушение на основы существующего строя со всеми вытекающими последствиями. Нарушение аппаратных принципов, гарантирующих стабильность власти, не прощалось никому – ни Генсеку, ни колхозному бригадиру.

Террор, на котором всегда держался советский режим, легко может стать самостоятельным фактором, независимым от своих творцов, и всей мощью обрушиться на их головы, уничтожая породившую его власть. И в природе, и в обществе существуют процессы, которые начать легко, остановить невозможно. Террор – как обвал в горах: достаточно кинуть маленький камешек, как процесс начинает стремительно развиваться по своим законам, становится необратимым,

и вот уже кинувший первый камень сметен многотонной лавиной. Террор – штука хитрая и очень опасная, с ним нужно обращаться крайне осторожно.

Для обеспечения стабильности террористической системы власти необходимы ограничительные механизмы, защищающие власть от собственного террора. В нормальных государствах заслон репрессиям гарантируется правом. В условиях основанного на произволе советского тоталитаризма никакие реальные правовые гарантии невозможны, поэтому защита стабильности власти от террора достигается мерами, далекими от правовых. Меры эти многим кажутся непонятными, глупыми и абсурдными, но в бредовом советском государстве они являются мудрыми и имеют очень глубокий смысл, который западные советологи до конца никак не могут понять, как, впрочем, и всю советскую власть.

Что такое террор, партфункционеры прекрасно поняли, испытав его на собственной шкуре в 37-м году, и в послесталинское время обращались с ним очень и очень осторожно. Репрессии допускались только в строго определенных рамках и в строго определенных формах. Одним из основных принципов политического режима стал принцип экономии репрессий, который неуклонно соблюдался, чтобы, упаси Бог, случайно не переступить грань, за которой террор может выйти из-под контроля, не уронить камешек.

Чиновники никогда особо не боялись ни Запада, ни своего народа, но крайне опасались собственного террора. Поэтому мерам по его ограничению уделялось исключительное внимание. К примеру, статистика показывает, что во все государственные и партийные органы, всем знатным оленеводам, балеринам, космонавтам каждый день поступает по несколько сотен жалоб на Владимирскую тюрьму. Глупо, абсурдно? Да. Жалоб этих никто никогда не читал. Но у больших начальников из ЦК есть все основания спросить секретаря Владимирского обкома: у вас там что, твою мать, наши карательные органы устроили испытательный полигон для отработки неосталинского террора, опять 37-й год нам готовят?! И во Владимир снаряжают высокие комиссии из Москвы.

Осторожность аппарата с террором четко прослеживается и в преследовании инакомыслящих. Как только над ними ни издевались, куда только ни сажали! Но, тем не менее, никого не могли отвезти в ближайший лесок и пристрелить «при попытке к бегству» – чтобы сапоги больше не понадобились. Стноить до смерти в карцере еще допускалось, пырнуть ножом из-за угла – нет. Хотя отдельные эксцессы были возможны. Логика понятная: сегодня ГБ по приказу партии начнет убивать диссидентов, а завтра ГБ по приказу одних чиновников станет стрелять других чиновников, – и вновь 37-й год.

Вообще преследование инакомыслящих в СССР основывалось на гораздо более тонких принципах, чем многие себе это представляют. В противостоянии «диссиденты – власть» имелись аспекты, на которые до сих пор никто не обратил внимания и не исследовал. Впрочем, весь комплекс взаимоотношений власти с ее противниками и сейчас остается без сколько-нибудь серьезного анализа: ну, боролись люди против власти, страдали – честь им и хвала. Но дело к этому не сводится. В инакомыслящих партаппарат видел не только своих заклятых врагов, но и индикатор стабильности своей власти. Во времена сталинского террора против чиновников всех рангов диссидентство существовать не могло и не существовало. Правозащитное движение возникло только после смерти Сталина, когда репрессии против аппарата были прекращены, и вся полнота власти в государстве перешла от одного человека к чиновничьему аппарату в целом.

Советская власть жестоко преследовала участников правозащитного движения, но в то же время аппарат не был заинтересован в полном его уничтожении. И это мудро. Если возникнет реальная угроза неосталинского террора, то в первую очередь он должен уничтожить открытых противников

режима и только потом обрушиться на его слуг-чиновников. Пока еще есть разгуливающие на свободе инакомыслящие, репрессии чиновникам не страшны. Но день, когда за последним диссидентом захлопнутся двери тюрьмы, может стать последним днем благополучия аппарата и первым днем неосталинизма.

Юрий Андропов, став Генсеком, начал проводить политику, направленную на ужесточение контроля за партийно-государственным аппаратом и на полную ликвидацию правозащитного движения в стране. Есть серьезные основания полагать, что аппарат, противодействуя его реформам, старался аппаратными методами саботировать андроповскую программу борьбы с инакомыслием.

У многих исследователей тоталитарной коммунистической системы не укладывается в уме, как это немногочисленным партийным функционерам, не имеющим в прямом подчинении ни одного человека с ружьем, удавалось держать в стальной узде громадный карательный аппарат и самую сверхмощную во всей истории цивилизации армию. Поэтому возникла уйма заумных теорий и доктрин, доходчиво объясняющих, будто партруководство страны являлось всего лишь ширмой, а вся реальная власть находилась в руках теневых лидеров в армии и ГБ. Подобные взгляды происходят опять же от удивительной неспособности понять наши реалии.

Советская власть всегда была не таким примитивным делом, как представляют себе умники с гарвардскими дипломами, обессмертившие имена свои воинствующей беспомощностью в объяснении нашего тоталитаризма и в предсказании путей его развития. Верхом их творчества, шедевром мирового значения является теория, согласно которой Сталин был душа-человек, умница и либерал, только он вынужденно лавировал среди составляющих его ближайшее окружение извергов, развязавших террор, именуемый по исторической несправедливости сталинским.

Обычно краеугольным камнем партийного руководства обществом считают подбор и расстановку кадров в госаппарате. Это далеко не так. Назначение всех мало-мальски значимых начальников, разумеется, дело очень важное. Но партфункционеры недолго оставались бы в своих креслах, если бы слишком доверялись кадрам, подобранным по своему образу и подобию. Кадровая работа была существенной, но отнюдь не главной составляющей деятельности партии. Власть базировалась на гораздо более хитрых принципах, призванных гарантировать стабильность власти аппарата в целом и ее защиту от всяких неожиданностей со стороны как отдельных чиновников, так и их групп.

Благополучие партийно-государственного аппарата от Генсека до инструктора райкома, от Председателя КГБ СССР до колхозного бригадира основывалась на том, что все сколько-нибудь значимые решения во всех областях жизни могли приниматься только партией в лице ее соответствующего комитета. В этом и заключались высшие интересы советского государства, определяющие принципы организации и деятельности власти. Основой партийно-государственного строительства являлась четко отлаженная система механизмов, включающая множество независимых друг от друга структур, имеющих разрешительно-запретительные, контролирующие и сигнализирующие функции.

Так, решишь военный комендант самовольно увеличить количество, качество и активность патрулей на улицах города, об этом сразу же независимо друг от друга просигнализируют, как минимум, военная контрразведка ГБ, территориальные органы ГБ, МВД. Получив сигналы, партия квалифицирует подобную самодеятельность как попытку военного переворота и немедленно примет меры. Принципы партийно-государственного строительства, в отличие от показушных идеологических, являлись не мнимыми, а истинными, соблюдались свято, поскольку малейшие отступления от них карались строго и неотвратимо.

Движущей силой властных механизмов была борьба за власть. Так, любой начальник управления в КГБ СССР твердо знал, что не успеет он задумать совершить что-либо за спиной партии, как собственный заместитель сразу наступит на него в ЦК и займет его место.

Именно поэтому и в критические, и в сверхкритические моменты своей истории советская власть была надежно гарантирована от всяких неожиданностей со стороны своих силовых структур. Поэтому не было у нас и не могло быть с их стороны ни одной попытки государственного переворота. Даже при неоднократных массовых уничтожениях высшего и среднего командного состава армии и ГБ. Поэтому партруководство страны никогда не получало от своей доблестной военной разведки вместо портфеля с импортными секретами портфель с бомбой. В отличие от Гитлера. И вряд ли какого советского маршала, объезжающего где-нибудь в Желтых Водах выстроившееся на бескрайней взлетной полосе аэродрома воинство в запыленных голубых беретах, могла терзать мысль: а не спустить ли всю эту рать на своих товарищей по Политбюро? Подобные мысли гонят от греха подальше – не дай Бог, заподозрит кто из ближайшего окружения.

В нашем чрезвычайно хитром государстве основными являются только интересы благополучия аппарата, по сравнению с которыми специфические интересы всех отдельных видов деятельности, будь то оборона, контрразведка или сельское хозяйство, просто несущественны, какими бы важными они ни казались.

Не все способны уразуметь, почему армия и ГБ могут осуществлять свои прямые конкретные обязанности по защите обороноспособности и безопасности власти лишь при наличии воли соответствующего партийного органа. Но партфункционеры, будучи профессионалами своего дела, прекрасно понимали, что если сегодня военные без санкции Политбюро расстреляют свой же бегущий в Швецию большой противолодочный корабль или залетевшего на Красную площадь Руста, то завтра кто-нибудь из советских генералов обязательно въедет в Кремль на белом коне и публично развешает все Политбюро на кремлевской стене. Сегодня шеф облуправления ГБ в обход обкома партии арестует за антисоветчину пьяного грузчика, а завтра погонит по этапу весь обком. Можно смело утверждать: без приказа партии ни одна силовая структура с места бы не сдвинулась, даже если из канализационного люка на Красной площади всплыла западногерманская подводная лодка.

Многие аналитики и политологи всерьез верят в широко распространенные сказки о простодушных партийных чиновниках и коварных армейских и гбэшных генералах, открывающих ногами двери в ЦК. Попробуй, открой! Партия потом в личном деле такую формулировку нарисует, что и полевой кухней командовать не доверят.

Кстати, о тайнах КПСС. Самой страшной тайной являются истинные (а не показушные идеологические) принципы организации и деятельности аппарата. После августа 91-го рассекретили другие не слишком важные тайны и документы партии. Только об этой тайне, если не ошибаюсь, пока никто даже не заикается. Нынешний журналист Леон Оников, почти всю жизнь проработавший в ЦК КПСС в должности инструктора и старшего инструктора, часто заявляет о необходимости изучения и анализа партбюрократии (см., например, «Российская газета» от 25.01.94 г.). Так в чем же дело? Взял бы и написал об этом. Сам знает, наверное, такое, чего и в самых сверхсекретных партархивах не найти – благо партаппарат, как и всякая криминальная структура, жил не столько по писанным инструкциям, сколько по неписанным законам.

После «бархатных революций» в Восточной Европе множество бывших партфункционеров, дипломатов, разведчиков бросились писать мемуары, словно соревнуясь, кто больше тайн прежней власти раскроет. В результате сейчас там каждый желающий может ознакомиться почти со всеми сверхсекретами бывшего режима в любой библиотеке. У нас – ничего подобного. Отстраненные от власти партаппаратчики что-то пока не испытывают особого желания выдавать мало-мальски значимые тайны КПСС. Вот непреодолимое желание кинуться вниз головой с собственного балкона на шершавый асфальт некоторые из них испытывают. А поведать всем о принципах организации и деятельности партаппарата – нет. Почему? Да потому, что разглашение самых святых тайн власти для них намного страшнее самоубийства.

Все это может означать только одно: в отличие от Прибалтики и Восточной Европы, советская власть в России не рухнула и в сущности базируется на тех же принципах, что и до августа 91-го. Завесу над тайной, окутывающей истинные принципы организации и деятельности власти, в художественной форме приподнял Виктор Суворов в своем гениальном «Аквариуме». Поэтому бывшего офицера ГРУ Владимира Резуна убьют обязательно. Если найдут.

В ходе перестройки и демократизации механизмы, ограничивающие власть чиновников, постепенно уничтожались, возможности их произвола расширились.

В обществе, способном к борьбе за свои права, сильная централизация власти служит произволу, в не способном – его ограничению. При децентрализации власти в первом случае произвол уменьшается, во втором – увеличивается. Примером первого случая может служить Прибалтика, второго – Россия. Одни и те же действия, совершенные в прямо противоположных условиях, обычно дают прямо противоположные результаты.

Когда сразу после августовского путча я говорил, что если сейчас сломать структуры КПСС, то произвол резко возрастет, меня полушутя-полусерьезно обзывали «красной сволочью». Теперь даже всю лижущие задницу власти бывшие диссиденты вынуждены признать, что прежние механизмы ограничения произвола сломали, а ничего нового взамен создать до сих пор не смогли. Я всегда очень внимательно следил за правоприменительной деятельностью правоохранительных органов и ясно видел, как по мере хода реформ произвол в них расширяется и ужесточается. В конце 80-х произвол на какое-то время сократился, но это была всего лишь очередная партийная кампания, такая же, как и антиалкогольная, и закончившаяся с тем же успехом.

Иного и быть не могло. Произвол чиновника может ограничиваться или обществом или вышестоящим чиновником. Если раньше советский чиновник боялся только чиновника выше рангом, то сейчас он вообще ничего не боится. По сравнению с застойными временами правовой беспредел в правоохранительных органах чудовищный. И не удивительно. Кого им сейчас бояться? Круговая порука МВД-прокуратура-суд существовала всегда. Но если раньше она замыкалась на соответствующий партийный орган, то сейчас действует напрямую.

Идеальные условия для чиновного произвола в советском обществе – когда над начальником отсутствует вышестоящий начальник. Такие условия создаются только при реализации идеи самоуправления. Той самой идеи, в которой некоторые видят единственный возможный путь к спасению России. Не обязательно быть семи пядей во лбу, чтобы заметить, что в наших нынешних реалиях ничего нереальнее этой идеи нельзя придумать в принципе.

Партаппаратчики были заинтересованы в произволе для поддержания уровня страха, необходимого, чтобы держать общество в своей полной власти. Но

лишние произвол, страх, а следовательно, и излишняя ненависть, были им совсем ни к чему – чрезмерное напряжение в отношениях «власть – общество» могло дестабилизировать всю политическую систему аппаратной власти. В ходе демократизации партийные органы, имевшие ограничительно-стабилизирующие функции, были уничтожены. То есть в генерирующей произвол системе сорвали ограничители, оставив сущность системы нетронутой. В результате чего вся система советской власти медленно, но уверенно начинает идти вразнос, дестабилизируется. Самое интересное то, что этот процесс нельзя ни повернуть назад, ни остановить. В обществе, как и в природе, далеко не все процессы имеют обратимый характер.

Аппаратчики былых времен начинали свое восхождение к вершинам власти с самых низов, процесс длился долгие годы. За это время они твердо усваивали правила игры, набирались опыта управления государством. Они намеревались править вечно и совершенно справедливо могли говорить: «Государство – это мы». Набивать карманы особо не спешили – впереди у них вечность, а главное – власть. Пришедшая им на смену публика, состоящая из проходимцев, никакого практического опыта управления государством никогда не имела. Нынешние аппаратчики, в отличие от прежних, – это временщики, больше всего озабоченные тем, как бы побыстрее и побольше хапнуть. Им нужно все и сейчас – завтра может быть поздно.

Когда перед предпринимателями встает вопрос: кому платить – госчиновникам или криминальным структурам, то предпочтение обычно отдается последним. Оно и понятно. Мафия заинтересована в работе бизнесменов, постоянно платящих дань, она хотя и дерет с них три шкуры, но так, чтобы это не сильно повредило нормальной коммерческой деятельности. Чиновники же готовы обобрать до нитки – им безразлично, что будет с предпринимательской структурой, – им важно побыстрее и побольше набить карман.

Одним из существенных реальных результатов всех реформ и неоднократных полных и окончательных побед демократии является трансформация власти негодяев во власть подонков. Эти не признают никаких твердых правил игры и не остановятся перед прямым убийством противников или просто неугодных.

Любая политическая организация общества воспроизводит кадры по собственному образу и подобию. Если коммунистической советской власти были необходимы ушлые негодяи, то демократическая советская власть выдвигает недалеких подонков. Все не подонки властью отторгаются. Разгон спецназа бывшего ПГУ КГБ группы «Вымпел» и «режим наибольшего благоприятствования» для священнослужителей, у которых растление мальчиков – еще не самый тяжкий грех, – все это звенья одной цепи. Утверждают, будто грядет власть воров. Да не воров, а «сук», и не грядет, а уже есть. Нынешний режим отличается от брежневского тем же, чем «сучья» зона отличается от воровской.

Безоглядно нынешний режим поддерживают или подонки, или те, кто уже не способен учиться даже на своих ошибках. Чего стоит, например, заявление известного адвоката Дины Каминской, что, распустив Верховный Совет, Ельцин Конституции не нарушал – он нарушил только отдельные ее положения. Да после этого любой Чикатило вам в лицо наплюет: «Уголовный кодекс я не нарушал, ну замочил полсотни человек, так ведь я нарушил всего только одну статью 102 УК РСФСР, за что расстреливать-то?!». У нас многое прикидываются наивными дурачками, чтобы не выглядеть подонками. Только умные прикидываются по-умному, все остальные – по-глупому. Конечно, в нашем государстве приличный человек в кресле Генерального прокурора оказаться никак не может. Но никакой

Казанник ничего подобного шедевр Каминской изречь не мог – понимал, что собственные студенты засмеют, пальцем из-за угла показывать будут.

Существует теория, согласно которой нынешний беспредел необходим аппаратчикам для того, чтобы ловить рыбу в мутной воде, т.е. чтобы удобнее было всю имеющуюся госсобственность между собой поделить, захватить, «прихватизировать». Из ценной собственности пока ничейной остается только земля, когда ее окончательно поделят, то чиновникам будет необходима стабильность для гарантий их прав на собственность, и они введут новые правила игры, стабилизирующие систему и устанавливающие жесткий порядок отношений в аппарате и в обществе. Эта теория имеет приверженцев среди очень широкого круга – от бывших политзеков до бывших генералов ГБ (см., например, интервью бывшего начальника аналитического управления КГБ СССР генерал-лейтенанта Леонова, «Новая ежедневная газета» от 30.09.94 г.).

Очень умная теория. С ней можно было бы полностью согласиться, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что введение новых правил игры для чиновников означает ограничение их власти, возможностей творить произвол. Но, даже в демократических странах Запада сокращение и ограничение бюрократии происходит крайне трудно и долго. У нас же, при неограниченной власти аппарата, к тому же основанной на беззаконии, это в принципе невозможно. Пример Генсека Андропова достаточно красноречив. Процесс расширения свободы произвола чиновников в условиях советского режима необратим. По той же причине невозможен и возврат к плановой экономике, ибо введение планирования ограничивает возможности чиновников творить произвол в экономике.

Сейчас аппаратчики считают, что если события идут в нужном им направлении, то они полностью их контролируют и развитием событий управляют. Так ишак думает, что если он вдет впереди повозки, то он ею правит. Но стоит только ему отклониться от нужного хозяину пути, как сразу получит плетью по ребрам. Нынешние чиновники уверены, будто объективными законами развития общества управляют они. Глубокое заблуждение, расплата за которое может наступить в недалеком будущем, когда аппаратчики попробуют повернуть ход событий вспять. Прежних партфункционеров от подобных иллюзий один усатый дядя отучил еще в 37-м году. Кстати, в нашей недавней истории уже есть пример, когда попытка поделить власть между различными группировками чиновников закончилась залпами башенных орудий по Белому дому и чуть не привела к краху советского режима.

Единственная активная форма протеста против власти, на которую способны широкие слои российского общества, – массовый бунт. Необратимые процессы внутренней дестабилизации аппарата, роста произвола и ненависти в обществе, полного развала экономики идут параллельно. Когда они придут к своему логическому концу, а произойдет это одновременно, то вся социально-экономическая система рухнет, и весь мир ждёт тяжкие времена.

С самого начала перестройки и демократизации много умников постоянно пророчили и пророчат нам всеобщие народные бунты, которые вспыхнут буквально не сегодня-завтра. Ничего похожего пока еще не случилось, и потому сейчас к такого рода прогнозам некоторые эксперты и аналитики относятся как к чему-то малосерьезному. А напрасно. На чем основаны все эти горе-пророчества? На том, что основной причиной социального взрыва послужит обнищание значительной части населения. Детский лепет. Да у нас в начале 30-х чуть не целые союзные республики вымирали от искусственно созданного голода, вовсю цвело людоедство – и ничего, все обходилось без сколько-нибудь заметных народных возмущений. Так что обнищание само по себе еще ничего не значит.

Мы – не Европа, где правительство может пасть из-за незначительного повышения цен на пиво. Кстати, мы и не Азия. Стремительный рост ненависти к власти сам по себе тоже не может привести к бунту.

При товарище Сталине всякие такие эксцессы были невозможны вследствие непрерывно проводимого сверхцентрализованной властью массового террора (не обходящего стороной и самих власть имущих). Советская власть брежневского образца ничего подобного сталинским репрессиям позволить себе не могла. Поэтому в те сравнительно мягкие либеральные времена режим и не пытался подавлять бунты (хотя все необходимое на крайний случай было готово), он их просто не допускал. Сложившаяся при Брежневе система аппаратной власти гарантировала свою стабильность и защиту от всяких неожиданностей другими методами, которые были призваны не столько предотвратить любые нехорошие эксцессы, сколько саму возможность их возникновения. Даже теоретическую. Это относилось и к массовым беспорядкам, и к заговорам внутри армии и ГБ.

Подчеркну, в основе моего вывода о крахе режима лежит факт необратимого процесса внутренней дестабилизации системы аппаратной власти, когда режим в силу своего внутреннего разложения будет уже не способен воспрепятствовать прорыву народного гнева из глубин общества наружу. К тому же массовые выступления будет просто некому подавлять. Армия и большая часть ГБ до глубины души презирают как эту власть, так и всю систему МВД, на которой власть держится. Боевые качества органов и войск МВД всем известны. А тем, кому не известны, советую вспомнить, как малочисленные группировки дудаевцев неоднократно производили зачистку Грозного от мощных сил российского МВД. Кроме того, зная отношение армии и ГБ к МВД, нетрудно предположить, что если вояки и гэбэшники по кому и ударят, так это по ментам. Что, кстати, не раз уже бывало в Чечне.

Многие утверждают, что Россию (да и весь мир) может спасти только армия. И в этом утверждении, похоже, есть большая доля истины – нравится это кому или нет. Но только если армия сможет стать реальной самостоятельной силой и уничтожить советский режим до того, как он сам собой рухнет и погребет под своими развалинами цивилизацию. В противном случае социальный взрыв и его последствия будут ужасны.

А сейчас армия является органичной частью аппаратной организации власти. Система управления вооруженными силами накрепко вплетена в систему управления аппарата. С крахом аппаратной власти порвутся все нити управления войсками. Это означает, что в условиях социального взрыва к вышедшему на улицы с топорами и ломami озлобленному народу присоединятся два миллиона вооруженных до зубов неорганизованных и неуправляемых военных. А если принять во внимание, что за советское время людей испортил не только квартирный вопрос, то последствия нетрудно представить.

6. Армия

Вообще, проблема захвата власти армией очень сложна, здесь не место для ее детального анализа, но некоторые моменты вкратце рассмотреть стоит. Исследуя возможности военного переворота в России, зачастую обращаются к примеру Пиночета, но с Чили мы имеем очень мало общего. Там до переворота ветвь военной власти (управление войсками) шла параллельно гражданской, с ней не пересекаясь. То есть командующий войсковыми подразделениями, дислоцированными на какой-либо территории, не подчинялся напрямую

гражданской администрации территории. Если бы вдруг гражданское правление в Чили рухнуло само собой, то военные бы власть попросту подобрали, без всяких штурмов президентских дворцов. У нас же, например, командующий военным округом по многим вопросам подчиняется не столько министру обороны, сколько гражданской власти (секретарю обкома, главе администрации). После развала Союза некоторые подразделения российских Вооруженных Сил попали в уникальную ситуацию – оказались за пределами России, где нет российских гражданских чиновников. И вот, стоило только появиться нужному человеку в нужное время в нужном месте – на должности командующего 14-й Армией, – как возникло то, что именуют «феномен Лебеда». На российской территории ничего подобного произойти не могло. «Феномен Громова», например, невозможен по не зависящим от Громова причинам.

Обычно неспособность армии преобразовать общество доказывают тем, что она состоит из все тех же советских людей. Это, конечно, очень плохо, но не смертельно. В объектах, состоящих из множества элементов, решающую роль играет не только качество элементов, но и система взаимосвязи, принципы их организации. Так, и играющий на солнце бриллиант, и печная сажа состоят из одних и тех же атомов углерода — разница в системе организации. В России общественная система сильнее не только одного человека, но и всех людей, систему составляющих. То, что завтра в президентское кресло сядет Громов или Лебедь, само по себе ничего изменить не может. Все дело в принципах организации власти, а не в том, какой костюм носит глава государства — от Кардена или цвета хаки.

Главная трудность в другом: российская армия организована на советских принципах, поэтому одновременно с уничтожением прежнего режима ей, чтобы он больше не возродился, пришлось бы изменить принципы своей организации, причем сделать это в крайне короткий срок. Иначе одна советская власть сменится на другую советскую власть, только военную. Способна ли армия справиться с этой задачей? Это принципиально важный вопрос, от решения которого зависит все остальное, ибо организация всего общества копирует принципы организации новой власти; советские военные, да и весь народ, могут со временем превратиться в несоветских – задача на долгие годы, но время терпит.

Кстати, и вообще многие нынешние неразрешимые проблемы, причиной которых является исключительно большевистский режим, с его крахом могли бы отпасть сами собой. Например, коррупция в ее советском виде.

Каковой может быть программа по созданию новой, основанной на своих законах власти? Повторюсь, центральный стержень всех необходимых для этого политико-правовых преобразований – обеспечение неотвратимости уголовной ответственности конкретных должностных лиц за конкретные должностные преступления, связанные с осуществлением властных функций, и, в первую очередь, чиновников милиции, прокуратуры, суда. Что, кстати сказать, полностью соответствует требованиям давно уже действующего законодательства. Наказание всех советских чиновников-преступников вряд ли возможно, но стремиться к этому надо – чтобы впредь никому nepовaдно было. Разумеется, такое наказание должно осуществляться лишь в строго регламентированном процессуальном порядке и назначаться с учетом тяжести содеянного.

Но сможет ли армия, придя к власти, восстановить экономику? Это уже зависит не столько от нее, сколько от общества. Если у нас еще осталось достаточно людей, готовых работать ради своего благополучия, то действительно рыночная экономика в России возможна. Для этого нужно только создать необходимые условия: реальная защита собственника и производителя от

беззаконий чиновников; соответствующее законодательство, устанавливающее твердые правила игры для субъектов экономической деятельности, и т.д.

7. Правозащита

Я вовсе не призываю вернуться к старым временам (да это и невозможно), просто пытаюсь объяснить наши нынешние реалии, чтобы очень приличные люди потом себе локти не кусали из-за своих действий, которые они совершали, не ведая, что творят. С некоторыми диссидентами злую шутку сыграла их наивная уверенность, будто советский режим рухнул в августе 91-го. В результате чего они признали эту власть и натворили немало очень нехороших дел.

Заниматься сейчас правозащитной деятельностью в России – все равно, что пытаться пробить лбом ватную стену. Что могут делать правозащитники? Только апеллировать к общественному мнению. А какое у нас общественное мнение?! Правозащитное движение в бывшем СССР являлось сильным фактором мировой политики, поскольку получало горячую поддержку мирового общественного мнения.

В силу определенных причин вооруженный до зубов бешеный советский режим всегда был крайне чувствителен к мнению мировой общественности. Гораздо более чувствителен, чем какая-нибудь банановая республика, у берегов которой курсирует авианосная группировка с десантными кораблями, битком набитыми ребятами, способными за несколько часов работы оставить от правящего там режима одни воспоминания.

Для нормального функционирования советского режима ему жизненно необходим заслон, надежно скрывающий его сущность от давления Запада. Поэтому власть при всех руководителях уделяла чрезвычайное внимание обману общественного мнения, поддержанию своего имиджа в глазах всего мира любыми способами. В былые времена одни братаны Медведевы чего стоили. Как всякая криминальная структура, советская власть тщательно скрывает внутренние истинные мотивы и цели своих действий, маскируя их внешними ложными. В этом и заключается наша Великая Военная Тайна, благодаря которой коммунистический режим с грандиозным успехом всегда дурил головы проклятым буржуинам. И неудивительно: тот, кто неспособен понять истинные факторы, определяющие поведение противника, обречен на постоянные поражения. Вся история противостояния «Восток – Запад» служит тому блестящим подтверждением.

Повторюсь, признавшие нынешнюю власть диссиденты, сами того не ведая, сотворили очень нехорошее дело. Своими высказываниями, всем своим поведением они сделали немало, чтобы Запад поверил в крах прежнего режима после провала августовского «путча». Фактически они прикрыли советскую власть своей грудью. Нынешние их утверждения об отсутствии демократии в России ничего не меняют. Говоря словами Александра Зиновьева, советскому режиму необходима дымовая завеса, скрывающая его суть, а цвет завесы принципиального значения не имеет. Главное, чтобы все считали, будто прежняя власть уже рухнула.

Когда-то диссидентов, требующих от власти соблюдения советских законов, гарантирующих права и свободы граждан, упрекали: вы что, коммунистическую власть хотите усовершенствовать?! Но для государства, основанного на попрании собственных законов, такие требования крайне опасны хотя бы потому, что оголяют и наглядно демонстрируют сущность режима. Не

говоря уже о подрыве государственных устоев. Судьбы этих диссидентов служат тому неопровержимым доказательством.

Раньше режим испытывал давление Запада, порой довольно сильное. При Рейгане не скупились на многомиллиардные затраты, шли на серьезные внешне- и внутривнутриполитические издержки ради одного только подрыва советской экономики. Сейчас аппарат чувствует себя лучше, чем никогда: твори любые зверства, объявляй их издержками процесса демократизации или происками ее врагов, а вместо давления получай горячую поддержку и экономическую помощь. В былые времена советская власть и мечтать о таком не могла. Не без помощи признавших эту власть правозащитников правозащитное движение у нас быстро сошло на нет. Мировое сообщество во внутривнутриполитических вопросах всецело на стороне якобы демократической власти, даже когда она стреляет по мирным демонстрантам или прогоняет своих граждан сквозь строй. (А потом на Западе недоумевают, откуда в русском народе в эпоху демократии столь широко распространены антизападные настроения. Кстати, чем дольше будет длиться агония власти, тем страшней будут ее последствия, в том числе и для Запада). Когда же эту правозащитную публику жареный петух клюет в одно место, все они хором начинают ругать Запад за чрезмерно мягкое отношение к нынешнему кремлевскому руководству.

Взывать к российскому общественному мнению бессмысленно: власти всегда на него плевали, плюют и правильно делают – мнение общества, неспособного к противостоянию, ничего иного не заслуживает. Отчаянные акции протеста правозащитников и прессы против вопиющих беззаконий обычно остаются без последствий. В другом обществе того, что высказала о постыдных явлениях нашей жизни в десятиминутном телеэфире Зоя Крахмальникова, хватило бы на многие месяцы скандалов и самобичевания. У нас – как в вату.

Неудивительно, что сейчас, в основном, остались только такие правозащитные организации, по сравнению с которыми блаженной памяти комиссия Бурлацкого кажется верхом совершенства.

Далек от мысли, будто давление Запада может существенно изменить режим, но спасти множество конкретных несчастных от конкретных случаев произвола оно вполне способно. Строить в мечтах воздушный замок вправе каждый. Однако при этом следует помнить, что за ним легко может прятаться реальное царство лжи, произвола и беззаконий.

Приличные люди для подоночной власти не нужны и крайне опасны. Ей необходимы те, кто с самого начала были повязаны преступлениями советской власти. Или те, кто, будучи идеалистами, начали сотрудничать с нею из самых лучших побуждений, а потом увязли в этом сотрудничестве по уши.

Идеалисты полезны большевизму только до определенного момента. Для дестабилизации положения в других странах кремлевские начальники всегда использовали своих тамошних друзей, которые делились на платных и бесплатных (идейных). Когда, в результате дестабилизации, Кремль устанавливал там социалистические режимы, то из платных друзей создавали новые властные органы, а бесплатных ставили к стенке раньше непримиримых врагов. Идеейные бунтари против власти для новых режимов становятся очень опасны.

Советская власть соблюдает свои собственные законы только тогда, когда ей это выгодно. Заявив, что больше не считают российское государство своим врагом – т.е. признав законность беззаконного режима, признавшие власть диссиденты оказались в положении, в которое попадает неопытный игрок, севший играть в карты с шулером, и в котором проигрыш гарантирован. Чем еще может кончиться игра, если ее правила (законы государства) для вас обязательны, а для противника – нет? Причем, в отличие от шулеров, нарушающих правила игры тайно, власть попирает свои законы публично.

Их провели, как сопливых первоклассников. Не заблуждайся они относительно краха прежнего режима, то обязательно вспомнили бы собственные слова о том, что советской власти не нужны ни союзники, ни граждане – ей необходимы только подручные и рабы.

Года с 87-го в нашем правозащитном движении центральной темой острых дискуссий стал вопрос: допустимо ли сотрудничество с властью, и если да, то до какой степени? Для меня все было ясно с самого начала: раз общество не способно к действию, раз законы обязательны для вас, но не для власти, а за вами нет никаких общественных сил, способных заставить власть соблюдать ее же законы, то любое сотрудничество с властью, независимо от вашего желания, будет фактически лишь служением ей. Режим либо замазывает вас в своих преступлениях, либо – если этого не удастся – используя, отшвырнет за ненадобностью. Представьте, будто вам предлагают играть в игру с условием, что ее правила устанавливаются противником и для вас они обязательны, а для него – нет.

Многие тогда меня высмеивали: дурак ты и экстремист, ничего не понимаешь, наше общество такое же, как и все другие, дело лишь в коммунизме и коммунистах – стоит только отодвинуть их от власти, как все будет хорошо; надо идти во власть, чтобы изгнать оттуда коммунистов. Сейчас кое-кто из моих тогдашних оппонентов больше всего на свете боится, что советская власть и вправду рухнет, и придется отвечать за дела свои перед народом.

Некоторым диссидентам еще сказочно повезло. Интересная штука жизнь: бывает, живет человек на свете и не понимает, в чем его счастье. А счастье их том, что не вляпались они во власть, сущность которой до сих пор так и не поняли, не повязала она их своими преступлениями, как, например, Ковалева с Якуниным. Их просто использовали и выкинули, как выжатый лимон.

В этой статье я попытался осветить универсальные принципы советской власти, которые касаются всех, кто с этой властью имеет дело, – от зеков до генсеков и президентов США и России, от бывшего «антисоветчика» Буковского до бывшего советского генерала Лебеда. Кстати, если сравнить роль Солженицына в общественной жизни в 94-м году и сейчас, то легко заметить, что эти принципы и его тоже все-таки коснулись.

8. Некоторые прогнозы

Здесь не место подробно разбирать всю чепуху, которую политологи-советологи наговорили о нашей действительности. Из России наши проблемы видятся несколько иначе, чем с Эйфелевой башни. Если хочешь познать истину, то анализ следует строить на основе реально действующих факторов, а не путем сравнения чисто внешних форм с какими-то чисто умозрительными схемами, зачастую не имеющими к российской действительности никакого отношения. Один прогноз все-таки следует рассмотреть, поскольку его придерживается подавляющее большинство экспертов: вскоре Россия, как единое государство, перестанет существовать и расплзется на отдельные части, которые будут пытаться выжить в одиночку.

Валотекущая дерьмократизация в России может кончиться чем угодно, однако указанный вариант исключен при любом развитии событий. Тому есть несколько причин. Прежде всего, этого никогда не допустит власть. В своем делении бывшее союзное государство вплотную подошло к той грани, за которой крах советского режима неизбежен. Когда я говорю о неспособности общества

противостоять произволу властей, то имею в виду все общество в целом. Но оно не однородно. В силу исторических причин в отдельных краях и областях существуют довольно весомые общественные силы, готовые к действию. Например, в отдельных регионах сильно казачье или шахтерское движение. Очень показательны в этом отношении поездки Солженицына по России в 94-м году. Если в одних местах встречи с ним проходили в полупустых аудиториях, где присутствовала в основном творческая интеллигенция, то в других немалую часть переполненных залов составляли люди от станка и от сохи.

Если в Ставропольском крае из-за одного арестованного тысячи безоружных казаков не стесняются выходить на улицы под ОМОН-овские пули, то там советская власть может существовать только пока край является частью Российского государства. И казаки, и шахтеры знают, что стоит только им в своих выступлениях подойти к определенной черте, как со всей России в их регионы немедленно будут стянуты многочисленные дивизии внутренних войск МВД. Как шутили в прежние времена, советский человек обладает всей полнотой гражданских прав и благоразумием, чтобы этими правами не пользоваться.

Если Россия распадется на отдельные государственные образования, то в казацких и шахтерских регионах советская власть рухнет в считанные дни или даже часы. А затем может начать действовать принцип домино, и во всей России от советского режима вскоре не останется и следа. Пик предсказаний о неизбежном скором развале России пришелся на конец 94-го, когда такие анализы не выдавал разве ленивый. К середине 95-го число подобных пророчеств резко снизилось. Резкое всеобщее поумнение аналитиков и политологов вполне объяснимо. После того, как весь мир убедился, что кремлевские начальники готовы скорее стереть любой регион с лица земли, чем допустить его отделение, желающих всерьез говорить о скором распаде России найдется не много.

Выжить в одиночку невозможно по чисто экономическим причинам. Показателен пример с советской Дальней авиацией в европейской части Союза после его развала в 91-м. Основная масса стратегических бомбардировщиков оказалась дислоцирована на территории России, а самолетов-заправщиков – на Украине. Сам по себе самолет-заправщик – бочка с крыльями. Стратегический бомбардировщик без дозаправки в воздухе тоже не способен в полном объеме решать боевые задачи, для которых он предназначен. То есть в результате такого деления Дальняя авиация не разделилась, а просто перестала существовать как таковая.

Если в одной части страны выращивают хлеб с помощью техники, работающей на нефтепродуктах, а в другой части добывают нефть люди, этот хлеб жующие, то разделить их невозможно – экономика не разделится, а полностью рухнет – не будет ни хлеба, ни нефти. Проблему Дальней авиации технически решить очень просто путем размена части бомбардировщиков на часть заправщиков. Но попробуйте разменять хлебные пашни Юга России на нефтепромыслы Сибири.

Рыба тухнет с головы. Но если общество принять за рыбу, то его голова тухнет потому, что тело больное. Вся история человечества тому свидетелем. Бывают общества, способные преодолеть свою болезнь, и все остальные. Похоже, наше общество относится пока к остальным.

Многие возлагают последние надежды на тех, кому сейчас по 12 лет, и возмущаются, что никто ими не занимается. А кто ими должен заниматься? Власть?! Наша подоночная власть отбирает и воспроизводит только себе подобных. Не подонки для нее опасны. В нынешней насквозь лживой и гнилой общественной атмосфере из грядущих поколений ничего не получится, последующие будут еще хуже нынешних.

9. Методы анализа

Меня всегда удивляло, что многие политологи и правозащитники подходят к исследованию сущности наших реалий в основном с нравственными мерками. Ничего не имею против категорий добра и зла. Но общество – это совокупность отношений между людьми, организациями, государством и иными институтами, а отношения эти регулируются или правом, или административным произволом. Такие акции, как преследование диссидентов и оккупация Афганистана, – лишь внешние проявления внутренней сущности советской власти, основанной на произволе. И если правозащитников перестали сажать, а войска из Афганистана вывели, то это само по себе еще вовсе не означает, будто сущность власти изменилась. Еще неизвестно, будь у нынешних кремлевских «демократов» брежневские возможности, не превратили бы они полмира в одну обугленную Чечню.

Поэтому к анализу внутренней сущности советского режима необходимо подходить прежде всего с позиций права и оперировать четко определенными юридическими категориями. И вообще, если вы хотите правильно понять любую социальную систему, то исследования в первую очередь должны начинаться с правовой области: следует выяснить, какие взаимные права и обязанности установлены законодательством для субъектов правоотношений, существуют ли правовые гарантии – т.е. действует ли принцип неотвратимости ответственности и т.д. Связь между состоянием общества и его нравственностью конечно есть. Однако пытаться понять глубинную сущность социальных реалий только с помощью нравственных понятий – это примерно все равно, что изучать физиологию человека, применяя исключительно категории любовной лирики. Хотя между физиологией и лирикой кое-какая связь тоже есть.

Дело еще в том, что нравственные категории очень расплывчаты и неопределенны, чем часто пользуются люди с нечистой совестью, для которых истина – что нож в горле. Так, можно считать сталинский режим злом, а брежневский – добром. Можно вообще считать злом любую государственную власть. И вот уже – что СССР, что США – все плохо, нет никакой разницы между Лениным, Гитлером и Рейганом.

При всем при этом такие специалисты в основном только тем и занимаются, что выдают глубокомысленные советы по поводу выхода России из кризиса. Представьте, какой рецепт тяжелобольному может прописать врач, знающий физиологию только на уровне любовной лирики!

Ошибка в методе анализа с неизбежностью ведет к ложному пониманию наших реалий. Иногда это приводит к трагедиям, когда люди, не признававшие коммунистический режим и в те времена достойно сидевшие, вследствие заблуждений признали советскую власть в ее нынешнем «сучьем» варианте и всеми силами на нее работали.

К тому же, кроме пассивного наблюдения, в правовой сфере возможны и активные исследования – то, что именуется научным экспериментом. Исследователь может сам попытаться привести в действие юридический механизм государства – «Соблюдайте свои законы!», – посмотреть, что из этого получится, и продемонстрировать результаты всему миру. Такое делалось и раньше, но по отношению к нынешнему режиму, кажется, еще ни разу. А стоило бы.

Еще раз о наших реалиях (Записки сумасшедшего)

(Журнал «Континент» N 104, апрель – июнь 2000 г.)

У меня была мания преследования, мне постоянно казалось, что за мной кто-то следит, а это всего-навсего были органы государственной безопасности.

(Ежи Лец – в распространенной в советском обществе редакции.)

Журнал «Континент» N 93 опубликовал мою большую аналитическую статью о наших нынешних реалиях эпохи демократии. Среди прочего в статье говорилось, что, несмотря на грандиозные внешние перемены, сущность и основные принципы советского режима остались неизменными с 17-го года до наших дней. В частности: как власть у нас держалась на беззаконии – на массовом попрании даже тех прав и свобод граждан, которые официально гарантированы собственными законами этой власти – так и держится на том же беззаконии и сегодня. И если анализ общественной системы делать, исходя из основных существенных принципов власти, то как с октября 17-го власть у нас была советской, так остается советской и сейчас. Впрочем, не в названии власти дело, а в ее сущности.

23 октября 1997 г. 93-й номер «Континента» вышел из печати, а уже 27 октября у меня дома появился гражданин в штатском и, не представившись, заявил, что я состою на учете в Ногинской райпсихбольнице N 25 и должен систематически являться на прием к психиатру. Я так и сел от удивления. То есть сначала выпроводил «гостя», объяснив ему, что, разумеется, ни к какому психиатру я являться не собираюсь, а уж потом сел от удивления.

Правда, удивление мое было не столь уж большим. Дело вот в чем. Когда-то, в середине 80-х годов, написал я для самиздата фельетон, в котором высмеивал «прелести» нашего реального социализма. В феврале 86-го я был задержан в Москве на улице милицией и доставлен в отделение, где очень скоро появился врач-психиатр с санитарями. Произведенный санитарями обыск, изъятие одного находившегося при мне экземпляра фельетона – и я оказался в Центральной Московской областной клинической психиатрической больнице, что в Москве на ул. 8 Марта.

До этого в психбольнице я никогда не был и на учете у психиатра не стоял. На мой вопрос о причинах моей принудительной госпитализации в психбольницу во внесудебном порядке врачи заявили, что это «за написание антисоветского фельетона». Каких-либо иных проявлений психического расстройства, сколько их не искали, обнаружить у меня не удалось. Пикантность ситуации усугублялась еще тем, что психиатры моего фельетона в глаза не видели (его сразу забрал капитан милиции в отделении) и ничего не знали о его содержании – им просто сверху дали указание упрятать меня в психушку и – все. О придании же этому делу хотя бы видимости законности начальство не позаботилось – выкручивайтесь, как знаете. Сам же я, будучи достаточно наслышан о советской психиатрии, критики по отношению к своему «заболеванию» не проявлял, о содержании фельетона особо не распространялся, только требовал объяснить основания, по которым меня принудительно поместили в дурдом – может, я, сам того за собой не замечая, выдавал себя за принца датского Гамлета или пятого прокуратора Иудеи?

Врачи толком объяснить ничего не могли, только бубнили, как заклинание: «Нормальный человек в открытую против ЭТОЙ власти выступать не будет». Во всяком случае, какие-либо признаки моего сумасшествия мне не известны до сих пор. Правда, не знаю, что написано в истории болезни – больным ее не показывают. История болезни – это не уголовное дело, которое по окончании следствия предъявляется обвиняемому для ознакомления в полном объеме с обязательным составлением об этом протокола – под расписку. А без моего ведома в этой истории психиатры могли написать про меня все, что угодно.

Мне повезло, и в дурдоме я провел всего полтора месяца, хотя подобное удовольствие у многих и до, и после меня затягивалось на гораздо более долгий срок. Почему я так легко отделался, мне и сейчас не совсем понятно. Возможно, свою роль сыграло то, что как раз в это время грянул очередной судьбоносный и исторический 27-й съезд КПСС, который провозгласил курс на перестройку и все прочее. Что это такое и во что может вылиться, никто толком не знал, и, наверное, поэтому вскоре после окончания съезда меня выписали «от греха подальше».

При этом, однако, на психиатрический учет по месту жительства в Ногинске поставили. Причем не просто на учет, а на «спецучет», по которому я был обязан являться к психиатру каждый месяц – в то время как все нормальные психи должны ходить в психушку раз в три месяца. Я, разумеется, весь этот учет игнорировал. Вначале, правда, несколько раз сходил к психиатру для получения нужных мне медицинских документов. Но с тех пор в течение десяти лет я там не появлялся, даже не интересовался — стою все еще на учете или нет, и никто меня по этому поводу не беспокоил. Вероятно, со временем меня с учета сняли, и на том дело закончилось.

И вот: не успел «Континент» с моей статьей выйти из печати, как машина психиатрических преследований по политическим мотивам вновь заработала. Другие столь же откровенные случаи использования психиатрии в политических целях в посткоммунистические времена мне не были известны, и потому именно эта беззастенчивая демонстрация прямой преемственности способов политических преследований с тех еще времен и вызвала мое изумление, а вовсе не сам факт реакции властей на мою статью. По правде говоря, я и сам об этом государстве ничего хорошего не думаю, поэтому мне глубоко безразлично, кем оно меня считает – нормальным или сумасшедшим, гражданином какого сорта – первого или последнего. К тому же характер и молниеносность реакции властей, на мою статью свидетельствуют, что статья своей цели достигла – это для меня как признание заслуг, как медаль на грудь.

Тем не менее, дело это всерьез меня заинтересовало. Что это: случайная самодеятельность местной психиатрии, или действительно был приказ сверху? Притом никаких доказательств того, что я действительно до сих пор стою на учете в психушке, у меня не было, если не считать устного заявления неизвестного лица в штатском. Поэтому я решил предпринять некоторые действия официального характера.

Тем более, что с 1 января 1993 г. введен в действие Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно статье 27 которого диспансерное наблюдение (то есть учет) может устанавливаться только за лицом, страдающим хроническим и затяжным психическим расстройством с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями.

При этом установленное ранее диспансерное наблюдение прекращается при выздоровлении или значительном и стойком улучшении психического состояния человека. В случае если ранее назначенное наблюдение было прекращено, то при ухудшении психического состояния лица, страдающего

психическим расстройством, диспансерное наблюдение может быть вновь возобновлено только по решению комиссии врачей-психиатров и только при наличии вышеуказанных оснований. Надзор за соблюдением законов у нас должна осуществлять прокуратура, в том числе и надзор за законностью в области психиатрии (ст. 45 названного Закона РФ).

И вот 11.11.97 г. в Ногинскую горпрокуратуру поступило мое заявление о проверке правомерности установления за мной диспансерного наблюдения применительно к требованиям ст. 27 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». 14.11.97 г. за № 1з-97 это заявление ногинским городским прокурором Ильиным Ф.И. было переслано для рассмотрения главврачу Ногинской психбольницы N 25 Курову В.А. – то есть в тот самый орган, действия которого я обжаловал, что само по себе является грубым нарушением закона. Статья 10 Федерального закона «О прокуратуре РФ» запрещает пересылку обращений граждан органам и должностным лицам, действия которых обжалуются.

Предназначение этой правовой нормы, вложенное в нее законодателем, понятно: исключить возможность того, чтобы чиновник сам рассматривал жалобы на самого себя и принимал по ним решения. Здесь законодательно закреплено гарантированное ст. 33 Конституции РФ право граждан на обращение в государственные органы – действительно, какой смысл обращаться в прокуратуру с жалобой на нарушение закона каким-нибудь начальником, если жалоба будет переслана ему же?

По поводу указанного грубого нарушения закона со стороны ногинского горпрокурора мною в прокуратуру Московской области была направлена жалоба, которая поступила туда 23.11.97 г. А уже 25.11.97 г. за N 25-р эта жалоба из Мособлпрокуратуры была направлена для рассмотрения ногинскому горпрокурору – то есть опять же тому должностному лицу, действия которого обжаловались. Ну не способна советская власть существовать без грубого попрания собственных законов! Ну плюют прокуроры на законы, за соблюдением которых по Конституции РФ они обязаны осуществлять прокурорский надзор, в том числе и на Федеральный закон «О прокуратуре РФ»! Что тут поделать – в таком государстве живем!..

Вообще-то действия и врачей НРПБ-25, и Ногинского горпрокурора Ильина Ф.И., и должностных лиц прокуратуры Московской области, грубо нарушивших закон, что повлекло существенное нарушение прав и охраняемых законом интересов граждан, квалифицируются по ст. 285 УК РФ как злоупотребление должностными полномочиями. Обращаю внимание, что медицинские работники, в том числе и врачи-психиатры, при совершении некоторых действий, влекущих возникновение или изменение юридических прав и обязанностей граждан (такие, как выдача справок, госпитализация, установление диспансерного наблюдения и других), тоже выступают как должностные лица и могут нести уголовную ответственность за должностные преступления. Человеку, стоящему в дурдоме на учете, запрещено даже иметь водительское удостоверение на право управления автомобилем, не говоря уже о многих других ограничениях.

И находятся же еще среди западных политологов наивные люди, сомневающиеся, когда им говорят, что нынешний режим, который они по недоумию считают демократическим, основан в принципе на таком же преступном попрании собственных законов, как и коммунистический. Можно писать заявления о возбуждении уголовных дел, можно жалобы на действия должностных лиц подавать с суд, но в этом государстве беззаконие носит такой всеобщий характер, что, как говорится, на всякий чих не наздравкуешься.

Во всяком случае, меня прежде всего интересовали документальные доказательства того, что и сейчас за мной установлено диспансерное наблюдение, или, попросту говоря, что я стою в психушке на учете. И такое доказательство в конце января 98-го я получил по почте из прокуратуры. Официальным ответом от 16.01.98 г. за № 397ж-98 ногинский прокурор Ильин Ф.И. сообщил мне, что действия сотрудников райпсихбольницы № 25 по установлению за мной диспансерного наблюдения правомерны. По поводу моей жалобы в Мособлпрокуратуру на его действия, пересланной на рассмотрение ему же, прокурор сообщил, что он переслал мое заявление не органу или должностному лицу, а в психбольницу медицинским работникам.

Отмечу прежде всего, что ногинский прокурор Ильин, дабы прикрыть собственное беззаконие, начал «косить под дурачка» – делать вид, что он не понимает, что психбольница является органом здравоохранения, а главврач Куров В. А., которому было переслано мое заявление по поводу действий райпсихбольницы, как раз и есть должностное лицо, возглавляющее этот самый орган. Ну да это мелочь.

Главное в другом. Та же самая статья 10 Федерального закона «О прокуратуре РФ» устанавливает, что ответ прокуратуры должен быть мотивирован. То есть в моем случае прокурор Ильин был обязан указать в ответе основания, необходимые для установления за мной диспансерного наблюдения. А в соответствии со ст. 27 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» такими основаниями являются обстоятельства, свидетельствующие о том, что я страдаю хроническим и затяжным психическим расстройством с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями. Однако в нарушение требований ст. 10 ФЗ «О прокуратуре РФ» ответ не был мотивирован, и каких-либо предусмотренных законом оснований для установления за мной диспансерного наблюдения в нем не приведено, что свидетельствует об их полном отсутствии – иначе прокуратура хоть на что-нибудь да сослалась бы.

Люди, хорошо знающие советский режим, не дадут соврать, что чиновники для прикрытия своего беззакония обычно используют любые отговорки, пусть даже самые абсурдные. Так, ногинский горпрокурор в ответе мне по поводу незаконной пересылки моего заявления в НРПБ-25, как уже говорилось, «закосил под дурака». Но относительно правомерности установления за мной диспансерного наблюдения даже таких абсурдных ссылок на что-либо у него не нашлось.

Осуществляя надзор за соблюдением законов, прокуратура обязана принимать меры к устранению всяческих их нарушений. В моем случае прокурор был обязан принять меры прокурорского реагирования к устранению грубого нарушения требований ст. 27 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», но не сделал этого, в результате чего, опять же, оказались существенно нарушены мои права и охраняемые законом интересы. А это означает, что ногинский городской прокурор Ильин Ф.И. совершил еще одно деяние, подходящее под признаки ст. 285 УК РФ.

В опубликованной в «Континенте» № 93 статье я писал, что главной и единственной причиной произвола в советском государстве являлось и является безволие общества, его неспособность заставить государство соблюдать права граждан, гарантированные официально действующими законами. Государство не может и не хочет придерживаться в своей деятельности принципа законности, а общество не в силах принудить его это сделать. Все остальные причины произвола малосущественные и придуманы для того, чтобы замаскировать эту главную.

Одной из таких остальных причин служит миф о несовершенстве наших законов как о первопричине произвола: наше общество-де такое же, как и все другие в демократических странах, вот только законы у нас плохие – надо их усовершенствовать и все будет хорошо. Особо широкое распространение этот миф получил в перестроечные времена, когда он служил правовым теоретическим фундаментом перестройки и демократизации. Может, действующее законодательство и не является верхом совершенства, но если бы оно неуклонно государством соблюдалось, то вполне защищало бы граждан от беззаконий госчиновников.

Гарантией реализации на практике принципа законности служит неотвратимость ответственности за нарушение чиновниками установленных законом прав и свобод граждан. Поэтому для придания мифу о несовершенстве законов видимости реальности ссылаются в подтверждение на невозможность применения конкретных норм закона, устанавливающих ответственность чиновников за преступления. Так, зачастую по поводу ст. 285 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за злоупотребления должностными полномочиями (в УК РСФСР 1960 г. ей соответствовала ст. 170), многие, в том числе и признавшие эту власть известные правозащитники, обычно утверждают, будто статья эта «мертворожденная», поскольку для предусмотренного ею состава преступления необходимо доказывать наличие у должностного лица прямого умысла на существенное нарушение прав и законных интересов граждан, а такой умысел доказать якобы крайне трудно, почти невозможно. Наивные рассуждения. В некоторых случаях – нет ничего легче.

В моем случае доказательством наличия у прокурора Ильина прямого умысла на существенное нарушение моих прав и интересов, гарантированных законом, является немотивированность ответа – то есть отсутствие в нем указаний на конкретные обстоятельства, которые согласно Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» служат необходимым основанием для установления диспансерного наблюдения. Если бы такие обстоятельства на самом деле существовали и были известны дурдому и прокурору, то он в своем ответе обязательно бы на них сослался. А раз он, признав действия психиатров правомерными, не указал в ответе эти обстоятельства, то значит прокурор знал, что какие-либо предусмотренные законом основания для таких действий отсутствуют. Тем самым прокурор Ильин понимал, что нарушает закон и мои охраняемые законом права и интересы, но совершил такое нарушение. А это и есть то, что именуется «наличием прямого умысла», необходимого для квалификации деяния должностного лица по ст. 285 УК РФ.

К слову сказать, ст. 79 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР устанавливает обязательное проведение экспертизы в случае, если возникает сомнение по поводу вменяемости лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Если прокурор берется осуществить надзор за соблюдением законов в городе Ногинске и его районе, но при этом не способен понять, что любое государственное или муниципальное лечебное учреждение (в том числе и Ногинская райпсихбольница) является органом здравоохранения, – то неотвратимо возникают очень серьезные сомнения в его психическом здоровье и, следовательно, – по поводу его вменяемости.

В данном случае вышестоящая прокуратура обязана возбудить уголовное дело по признакам ст. 285 УК РФ в отношении ногинского городского прокурора Ильина Ф.И. и провести по делу судебно-психиатрическую экспертизу для определения его способности отдавать себе отчет в своих действиях. Вот где широчайшее поле деятельности для психиатров! И как ни парадоксально и ни

комично все вышеизложенное выглядит, это вовсе не мои дикие фантазии, а обязательные требования официально действующего законодательства. Так, требование закона об обязательном проведении экспертизы по уголовному делу является настолько серьезным, что – в соответствии со ст. 343 УПК РСФСР – при нарушении этого требования, дознание, предварительное или судебное следствие во всяком случае признается односторонним или неполным, а постановленный по делу приговор суда подлежит обязательной отмене в кассационном или надзорном порядке.

В любом государстве, хоть сколько-нибудь уважающем собственные законы, такой прокурор очень скоро оказался бы на скамье подсудимых или в дурдоме. У нас же, как известно еще с коммунистических времен, законы существуют не для того, чтобы соблюдаться, а для того, чтобы «пудрить мозги» доверчивым простачкам на Западе. Кстати, если стало известно, что должностное лицо государства совершило преступное деяние, то государство либо привлекает это лицо к уголовной ответственности, либо всю ответственность за преступление принимает на себя. Это относится к действиям и прокуроров, и психиатров, и всех остальных должностных лиц.

Не знаю, как у кого, а у меня после всего этого исчезли всякие сомнения в том, что нынешние преследования меня с использованием психиатрии – не случайность, не самодеятельность местной психиатрии, а реакция центральных властей на мою статью в «Континенте». Иначе зачем Ногинскому горпрокурору прикрывать заведомо явные беззакония Ногинской психбольницы, выставляя при этом самого себя дураком и преступником? Мало того, он и бумажку об этом вынужден был мне прислать со своей подписью. Видно, как у нас обычно бывает, ногинской психушке сверху дали указание «прижать» меня с помощью психиатрии, но, как всегда, о законности и обоснованности не позаботились.

Мне когда-то поставили диагноз за антисоветский фельетон, в котором, кстати сказать, высмеивались те стороны нашей тогдашней жизни, за критику и борьбу с которыми один бывший Генсек ЦК КПСС получил Нобелевскую премию, а один бывший секретарь обкома и до самого последнего времени считался (во всяком случае – официально) гарантом прав и свобод граждан и оплотом русской демократии.

И вот – в наше время за аналитическую статью о наших нынешних реалиях за мной вновь установлено психиатрическое наблюдение. Видно, и сейчас, как и в коммунистические времена, «нормальный человек открыто против ЭТОЙ власти выступать не будет» – вот она, единственная разумная причина всего. Как и прежде, правдивые статьи, вскрывающие сущность режима, расцениваются как «хроническое и затяжное психическое расстройство с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями».

Правда, после опубликования моей статьи я слышал упреки в том, что об очень сложных общественных явлениях я говорю слишком уж самоуверенно, категорично и безапелляционно. Может быть, на этом основании можно сделать вывод о наличии у меня каких-то параноидальных комплексов? Но вот от людей, лишенных всяких нехороших интеллигентских комплексов – то есть живущих реальной жизнью, а не в мире выдуманных иллюзий – я слышал другие упреки. Мне говорили: «И охота тебе зря бумагу марать?! То, о чем ты пишешь, и без тебя всем известно!» И в этих словах есть большая доля истины. Действительно, я писал, в общем-то, о вещах банальных, которые у нас на уровне бытового сознания понимают все, включая не всегда трезвых грузчиков. Я только облек все в более-менее наукообразную словесную форму, да местами позволил себе немного поумничать.

Еще меня упрекали, что в моей статье некоторые важные общественные проблемы раскрыты очень уж поверхностно, нужно было сделать более глубокий детальный анализ. Полностью согласен с подобными претензиями. Но ведь я писал не монографию, не докторскую диссертацию, а публицистическую статью, и вряд ли справедливо предъявлять к ней требования, которые не предъявляют и к фундаментальным научным трудам.

Напомню читателю, что советская психиатрия в 1983 г. была вынуждена выйти из Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА), дабы избежать позорного исключения за использование психиатрии в политических целях. В 1989 г. советскую психиатрию вновь приняли в ВПА (с испытательным сроком). Тогда широкий круг лиц, в том числе и правозащитников, категорически выступили против этого принятия. Действительно, советская психиатрия не только не извинилась за все свои зверства перед «политпсихами», но даже официально так и не признала применение психиатрических репрессий в политических целях. Я не говорю уже о наказании конкретных врачей-психиатров. Советские представители только клятвенно заявляли, что ничего подобного впредь уже точно не будет.

Я тогда говорил (и сейчас повторяю), что тем, кто принял советских в ВПА – вот всех их и нужно освидетельствовать и поставить диагноз. Да что там говорить, если до сих пор не снят диагноз даже с Владимира Буковского – официально он и сейчас считается сумасшедшим! Как тут вновь не вспомнить Буковского, которому советские психиатры когда-то сказали, что если он, требуя соблюдения советских законов, не понимает, что они предназначены не для того, чтобы соблюдаться, – то он сумасшедший, а если понимает, но все-таки требует, – то он особо опасный государственный преступник.

Дело здесь не столько в психиатрии, первопричина психиатрических репрессий по политическим мотивам не в ней, а в сущности нашего режима, оставшейся во многом неизменной с коммунистических времен до наших дней. Как в коммунистические времена, так и сейчас режим основан на произволе – на попрании даже тех прав граждан, которые гарантированы официально действующими законами государства.

Взять ту же психиатрию. Кто-то распространил легенду, будто в коммунистические времена советские законы были такими зверскими, что позволяли принудительно помещать здоровых людей в психушки по политическим мотивам. Так могут говорить только те, кто имеет о тогдашнем законодательстве довольно смутное представление. Тогда (как и сейчас) принудительно упрятать человека в дурдом можно было двумя способами: в судебном порядке и во внесудебном (его еще называют административным порядком).

Административно принудительная госпитализация осуществлялась по решению психиатров – но только если больной, страдающий психическим заболеванием, совершал действия, опасные для окружающих или для самого себя, а также если он находился в беспомощном состоянии и его нельзя было оставлять без медицинской (то есть психиатрической) помощи. При всех изменениях в законодательстве за последние тридцать лет эти основания оставались в общем-то неизменными, и я не знаю ни единого случая административного помещения в психушку по политическим мотивам, когда это соответствовало бы требованиям законодательства, то есть имелось хотя бы одно из названных оснований.

Судебный порядок психиатрических репрессий применялся ко многим видным диссидентам и поэтому хорошо известен. Суд назначает принудительное психиатрическое лечение в случае совершения лицом общественно опасного деяния, подходящего под признаки преступления, предусмотренного Уголовным

кодексом (например, ст. 70 УК РСФСР 1960 г. – антисоветская агитация и пропаганда). Но только в случае, если это лицо признано судебно-психиатрической экспертизой неспособным отдавать отчет в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни или иного болезненного состояния.

В посткоммунистические времена некоторые склонны всю ответственность взваливать на психиатрию и оправдывать судей: «Во всем виноваты только психиатры, дававшие неправильные экспертные заключения, а судьи здесь ни при чем – судебно-психиатрическая экспертиза устанавливает невменяемость, вот суды и направляют людей в спецпсихбольницы».

Но «невменяемость» – это юридическая оценка поведения человека, а такая оценка может быть дана только судом. То есть признать человека невменяемым может только суд на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы о неспособности лица отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие психического заболевания. Вопросы права (юридической оценки) по закону выносить на разрешение судебной экспертизы запрещено категорически – это исключительная компетенция судебно-следственных органов. Согласно ст. 78 УПК РСФСР судебная экспертиза назначается в случаях, когда необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле – вопросы права к таким познаниям не относятся.

Мало того. Статьи 70, 71 действующего Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (введен в действие с 1 января 1961 г.) устанавливают, что все собранные по делу доказательства (в том числе и заключения экспертизы) подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке; суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и правосознанием; никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Статья 80 УПК РСФСР прямо предусматривает, что заключение эксперта не является обязательным для суда, однако несогласие с заключением должно быть мотивировано.

Тем самым суд, вынося определение о назначении принудительного лечения и виде помещения в психбольницу, сам оценивает заключение экспертизы и сам несет всю ответственность за принятое решение. Заключение экспертизы, основанное только на том, что человек в открытую выступает против власти, для признания невменяемым явно недостаточно. И если суд, упрятав человека в дурдом, руководствовался только таким экспертным заключением, то все слухи о невиновности судей в психиатрических репрессиях слегка преувеличены.

Психиатрия у нас никогда напрямую не подчинялась ни ГБ, ни судам; суды и ГБ не подчинялись психиатрам. И у тех, и у других был только один начальник – соответствующий орган КПСС. Поэтому еще в те времена – до нынешних публикаций сверхсекретных документов Политбюро – вполне хватало оснований считать, что психиатрические репрессии по политическим мотивам осуществлялись по прямому указанию кремлевского начальства. Что ни в коей мере не снимает вины ни с судей, ни с психиатров, ни с других, к этому причастных.

Может, я и вправду сумасшедший, но всегда был твердо уверен, что в обществе демократическом и свободы могут гарантироваться только правом, то есть законами – при условии их неукоснительного соблюдения государством – тем, что именуется законностью. А законность юридически гарантирована только принципом неотвратимости ответственности – когда за каждым наказуемым нарушением прав субъектов правоотношений необходимо должна следовать ответственность, в том числе и (в установленном законом случаях) уголовная.

Никакого иного способа обеспечения юридических гарантий прав и свобод человечество пока не придумало.

Регулирование государством общественных отношений на основе правовых норм – то есть исполнение государством собственных законов – еще называют правовым регулированием. Если в обществе торжествует не законность, а творимое властью беззаконие, то никаких юридических гарантий прав и свобод быть не может. Эти права и свободы, в каком бы супердемократическом виде они ни были закреплены Конституцией и законами, могут осуществляться только по разрешению власти и в разрешенных ею пределах. Что у нас всегда и было, несмотря на многочисленные демократические формы и атрибуты.

Еще с раннеперестроечных времен среди правозащитников раздавались все усиливающиеся голоса о том, что советская власть понемногу изменяется и уничтожается. После провала августовского «путча» 91-го года такие голоса вылились в многоголосые хоровые восторги по поводу краха советского режима и полной и окончательной победы демократии. Многие диссиденты признали новую власть и толпой в нее поперли. Положение дел с соблюдением государством своих собственных законов тогда особо никого не интересовало, как не интересует и сейчас.

Оно в принципе не изменилось, только произвол чиновников быстрыми темпами стал расширяться и ужесточаться. Но если восторжествовавшие в обществе демократические формы и атрибуты не влекут никаких серьезных правовых последствий, то цена им не велика – тогда они всего лишь чисто внешние явления, не затрагивающие сущность общественных отношений «власть – гражданин». Какое принципиальное значение могут иметь установленные законом самые демократические права и свободы, если все эти права и свободы, в том числе и гарантированные Конституцией, любой самый мелкий чиновник может легко и безнаказанно нарушить?

И опять же, самый проклятый для наших «демократов» вопрос, от которого они еще с перестроечных времен шарахались, как черт от ладана: чего стоят все возглавляемые вами «широкие демократические силы», если они не способны заставить даже мелких чиновников соблюдать ихние же законы? Да и держатся все эти демократические формы и атрибуты на произволе, представляя собой лишь неотъемлемый придаток нынешней власти, необходимый для «затушевывания», прикрытия сущности политического режима, преступного даже с точки зрения собственных законов. А если принять во внимание стремительный рост произвола и то, что, в отличие от былых времен, он творится силами не ГБ, а в основном – МВД и чисто «ментовскими» методами, то становится вполне понятным вызывающий недоумение западных политологов вопрос: почему в эпоху демократии в широких народных слоях нынешний режим еще называют «легалой демократией».

Правовые нормы устанавливают наиболее важные правила поведения в обществе. В любой общественной системе имеется множество видов различных норм, но главное отличие правовых норм от всех остальных – моральных, религиозных, бытовых и других – в том и состоит, что соблюдение установленных правовыми нормами правил поведения гарантируется принуждением государства через правоприменительные государственные структуры, в том числе и через правоохранительные органы. В этом и заключается самая главная внутренняя функция государства. То есть за правовыми нормами должна стоять вся мощь государства. Во всех нормальных государствах, основанных на своих законах, так оно и есть. У нас же...

Меня всегда поражало, что и у нас, и на Западе мало кого интересует, как наше государство соблюдает собственные законы, хотя без пристального

внимания к этой проблеме подходить к анализу российской общественной системы слишком уж бессовестно. Отношение подавляющего большинства нашего общества к праву и правоприменительной деятельности государства у нас всегда полностью исчерпывалось формулой «закон – что дышло». И это совершенно справедливо. Но вот многие люди, профессионально занимающиеся реальными общественными проблемами – политики, политологи, правозащитники и прочие – не очень интересуются, как государство регулирует отношения в обществе: правом или произволом. Профессионализм у них балансирует на грани клинического идиотизма.

Почему у этих профессионалов так происходит – по злему умыслу или по недоумию – здесь не место анализировать. Не знаю точно, чего в их поступках больше – подлости или глупости – наверное, в разных пропорциях хватает и того, и другого. Несомненно одно – роль и место правового регулирования, как они отражены в публичных выступлениях нашей политической, научной и пишущей элиты, явно не соответствует универсальной принципиальной важности права (или бесправия!) в жизни общества.

Складывается впечатление, будто составляющие сущность режима произвол и беззаконие являются лишь каким-то задним аморфным фоном, не оказывающим на положение дел в стране какого-либо заметного влияния. У нас все больше любят выступать с заумными теориями, имеющими непонятно какое отношение к российским реалиям. Хотя, как это у нас обычно бывает, самая красивая идея, воплощенная на практике в нашем беззаконном государстве, приводит к результату, прямо противоположному желаемому. Отсюда все наши беды в политике, праве, экономике и духовной жизни общества.

Но, как уже говорилось, «клинические» политики, политологи и правозащитники такими мелочами не интересуются. Для них высшим пределом познания является вопрос о соответствии наших чисто внешних форм общепринятым в цивилизованном мире демократическим схемам, явно не применимым к безвольному российскому обществу. Что под прикрытием этих привнесенных внешних форм у нас скрывается на практике – мелочь, явно недостойная их внимания.

Вообще говоря, положение дел в области реабилитации людей, преследовавшихся в коммунистические времена по политическим мотивам, обстоит у нас не совсем так, как это видится из сообщений средств массовой информации. По Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» для реабилитации необходима подача заявления в соответствующий государственный орган, который по результатам проверки составляет заключение и либо выдает справку о реабилитации, либо отказывает в реабилитации и в выдаче такой справки. Среди определенного круга бывших диссидентов-политзеков такое обращение с заявлением о реабилитации считается недопустимым: «Если советская власть нас тогда сажала, то почему сейчас мы должны просить о реабилитации?! Если государство само репрессировало – пусть само и реабилитирует». Причем так говорят те, кто признал эту власть после провала августовского «путча» 91-го года. А кроме них еще есть люди, которые не признают советскую власть ни в ее коммунистическом, ни в «демократическом» варианте и для которых никакая реабилитация от этой власти вообще неприемлема.

В бывших советских республиках Прибалтики (после обретения ими независимости) были реабилитированы вообще все бывшие политзеки – независимо от их желания, и, разумеется, без каких-либо заявлений с их стороны. Но и там нашлись диссиденты-политзеки, которые категорически выступили даже против такой реабилитации. Их логика понятна: «Если нас сажал оккупационный

советский режим, то почему наше свободное независимое государство должно замаливать чужие грехи?!»

До сих пор осталась неизменной сущность советского режима, который ввиду отсутствия сколько-нибудь значимого активного сопротивления ему со стороны российского общества может творить внутри страны все, что угодно, преследовать по политическим мотивам любыми способами. В статье в «Континенте» N 93 я писал, что сейчас политзеков (в прежнем их понимании) нет не потому, что режим существенно изменился и стал хорошим, просто нынешняя власть вполне может обходиться без брежневских методов политических преследований, как Брежнев и компания обходились без методов сталинских. Главное для власти – страх общества перед произволом власти, чтобы гражданин чувствовал себя полностью беззащитным перед беззаконием государства. А какими методами такой страх достигается – дело десятое. Когда же необходимость в былых методах возникнет, то нынешняя власть легко может себе это позволить. Если нельзя, но очень нужно – то можно.

И дело не в конкретных руководителях государства и других начальниках. Вся система власти, сущность политического режима сильнее не только отдельных лиц, пусть даже занимающих руководящие государственные посты, но и сильнее всего безвольного общества. Пока сущность власти осталась прежней, кто бы ни был Президентом РФ – Путин, Примаков, Зюганов или Лебедь – это по сути само по себе ничего изменить не может, возможны лишь вариации несущественного характера, не затрагивающие принципиальных основ власти.

Какой бы кристально чистый и приличный человек ни стал Президентом, все равно – власть либо адаптирует его и сделает в принципе таким же, как и все другие чиновники, либо отторгнет его всеми возможными способами, включая летальный исход. Так было и так будет до тех пор, пока эту систему власти с ее советской сущностью не уничтожить. С уничтожением же существующего режима подавляющая часть нынешней политической элиты отойдет в политическое небытие.

Для власти, основанной на лжи и беззаконии, больше всего на свете опасны требования истины и законности. Поэтому режим очень не любит, когда вскрывают его сущность и реальные принципы власти или слишком уж требуют соблюдения официально действующих законов. Примеров тому из прошлых времен можно привести с избытком. Мы с Кириллом Подрабинеком в 95-м году решили поставить эксперимент над российским правосудием – потребовали возбудить уголовное дело по фактам отдания Президентом РФ Ельциным Б.Н. приказа Вооруженным Силам на ведение военных действий в Чечне и неприятия мер к защите мирного населения. Государство для одурачивания Запада напринимало много хороших законов – вот мы и потребовали от государства их соблюдения.

Подробности этого эксперимента описаны в нашей статье в «Континенте» [N 94](#). Здесь могу только дополнить, что мы требовали возбудить уголовное дело не в отношении Президента РФ Ельцина Б.Н., а по фактам его всем известных преступных деяний, и устанавливающая неприкосновенность Президента ст. 91 Конституции РФ этому никак не препятствует. Кроме всего прочего, к принятию Президентом решений и к другим его деяниям в связи с войной в Чечне 94-96 годов имели прямое и непосредственное отношение чиновники, не обладающие вообще никакой неприкосновенностью, даже депутатской – члены Совета безопасности (в том числе и тогдашние силовые министры), аппаратчики Администрации Президента. А они подлежат уголовной ответственности за соучастие в преступлениях независимо от того, была ли процедура импичмента Ельцина и чем она закончилась.

Статья 91 Конституции РФ не отменяет действие уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отношении лиц, не обладающих президентской неприкосновенностью. Нетрудно представить чувства, испытываемые к нам президентской компанией. Как за этот эксперимент власти «прижимали» меня руками ногинской милиции – разговор отдельный.

Кстати – по поводу моей нынешней истории с психиатрией и прокуратурой. Предусматривающая поводы к возбуждению уголовного дела ст. 108 УПК РСФСР устанавливает, что, наряду с заявлениями о преступлении в правоохранительные органы, такими поводами являются опубликованные в печати статьи, письма и заметки. Юридически нет никакой разницы – писал ли я в органы прокуратуры заявления о возбуждении уголовных дел в отношении психиатров, ногинского горпрокурора и должностных лиц Мособлпрокуратуры, или написал эту статью про деяния психиатров и прокуроров, которые квалифицируются по ст. 285 УК РФ как злоупотребления должностными полномочиями. То есть, в любом случае после опубликования данной моей статьи прокуратура по закону обязана принять меры прокурорского реагирования по фактам описанных в статье преступных деяний.

Будет ли это или нет, поживем – увидим.

Октябрь 1999 г.

Мы, право и Запад

Перед тем как разместить эту статью в Интернете задумался я над своей непутовой жизнью. Когда-то в те еще времена начал я заниматься деятельностью, которая тогда официально считалась «антисоветчиной», «идеологическими диверсиями» и т.п. Хотя, конечно, по сравнению с Владимиром Буковским, я – мелкий хулиган. И к нынешней «демократии» и «правозащите» я, слава Богу, никогда не имел никакого отношения (к красно-коричневым – тоже никакого). Ко всем вопросам я всегда подходил прежде всего с чисто правовых позиций.

В ряде своих публикаций уже после августа 91-го в журнале «Континент» я писал, что возникшая у нас в 17-м году система власти, несмотря на грандиозные внешние изменения, по своей сути остается все той же – советской, большевистской – основанной на лжи и беззаконии. Только после «победы демократии» в августе 91-го у нас в реальной жизни воцарился полный правовой беспредел власти и соответствующее ему насквозь лживое общественно-политическое прикрытие – когда этот беспредел против народа разные элиты выдают за торжество демократии, пик чего приходился на 90-е годы. И многие у нас вольно или невольно вынуждены играть по правилам этой власти.

Еще в начале эпохи Путина в продолжение своих публикаций написал я для «Континента» статью, но опубликована она так и не была, поскольку тот журнал резко изменил свою редакционную политику, и в приемлемом для меня виде им статья уже не подходила (и в другие СМИ – тоже), а в приемлемом для них виде для меня вообще была недопустима. Подумал еще раз и решил занести эту статью в Интернет для всеобщего сведения – решил по старой привычке и дальше заниматься идеологическими диверсиями. Правда не знаю, сколько власть такие мои диверсии в Интернете будет терпеть, но попытаться стоит. Как говаривал Лаврентий Палыч, попытка – не пытка. К тому же без этого дальнейшие мои записи будут не совсем понятны.

Сейчас я к этой статье написал постскриптум.

Декабрь 2010 г.

Мы, право и Запад

Нам никуда не деться от вопроса о понимании Западом российских реалий. Характерен все тот же старый советский миф о несовершенстве наших законов, как о первопричине всеобщего произвола и беззакония власти. В горбачевские времена этот миф служил теоретическим правовым фундаментом перестройки и демократизации: мы-де такие же, как все, только законы у нас плохие – вот примем новые хорошие законы, тогда будет у нас и демократия, и права человека будут соблюдаться как во всех демократических странах. Конечно, не следует считать наши законы верхом совершенства, но если бы они государством соблюдались, то это вполне защищало бы граждан от подавляющего большинства случаев чиновного произвола. И какой смысл усовершенствованием законодательства добиваться правовых гарантий, если свои собственные официально действующие законы власть у нас соблюдает только тогда, когда ей это выгодно. А наше общество при наличии у нас прежнего по сути советского режима настолько безвольно, что не в силах заставить эту власть соблюдать даже те права граждан, которые официально гарантированы ее же законами.

Права человека на практике могут быть юридически гарантированы только принципом неотвратимости ответственности, в том числе и уголовной – за уголовно наказуемые нарушения прав и свобод. Нравится это кому или нет. Принципиальное отличие нас от других стран в том, что за всем известными должностными преступлениями чиновников против граждан уголовной ответственности обычно не следует. Если случаи уголовного наказания должностных лиц и есть, то они настолько редки, что такие исключения только еще больше подчеркивают общее правило о безнаказанности начальства. Если нет уголовной ответственности чиновников даже за преступные нарушения установленных Конституцией прав гражданина, то никаких юридических гарантий нет и быть не может – у нас они существуют только на бумаге. То есть конституционно гарантированные права и свободы человека и гражданина на практике стоят не больше бумаги, на которой написана супердемократическая Конституция Российской Федерации. Кстати сказать, при бездействии принципа неотвратимости все разговоры о «диктатуре Закона» так и остаются пустыми разговорами – типа лозунгов о строительстве коммунизма.

После провала августовского «путча» 91-го Россия объявила сама себя страной демократической и таковой на Западе была общепризнанна как нормальное демократическое государство. Включая самое полное и высшее юридическое оформление такого признания, как членство России в Совете Европы – организации, главным условием членства в которой является соответствие общепринятым в мире демократическим стандартам. И самое главное условие – соблюдение прав человека. Тут есть одна тонкость, на которую не все обращают внимание (или не любят обращать). Уместно напомнить, что Евросовет – не военно-политический блок, типа НАТО, и не международное экономическое сообщество, типа «Общего рынка». Основная область деятельности Совета Европы – демократическое устройство государств, и именно только по критерию соответствия демократическим стандартам, в первую очередь – по соблюдению прав человека, определяется допуск государств в его членство.

Членство в Евросовете – это как выданная государству справка с печатью, юридически подтверждающая, что данное государство является демократическим в полном объеме, то есть полностью соответствует общепринятым основным европейским и мировым стандартам правового демократического государства. Можно привести великое множество аргументов и контраргументов, наговорить что угодно, но, приняв в члены СЕ, европейские демократические государства официально юридически признали Россию себе подобной в полном объеме. Или совсем наоборот – себя полностью приравняли к России по всем основным правовым критериям. Отсутствие каких-либо юридических гарантий прав человека в государстве российском делает его членство в Совете Европы трагикомичным. По правовому критерию – по соблюдению государством своих собственных законов – гораздо больше оснований для членства там имеет Югославия времен правления Слободана Милошевича. Другие государства и международные организации, признающие Россию страной демократической, в том числе и Совет Европы, не очень интересуют вопрос о неотвратимости уголовной ответственности чиновников даже за тяжкие должностные преступления – не интересно им, есть ли в России юридические гарантии прав человека или нет. Наша демократическая пресса тоже обычно эту тему лихо обходит стороной. Даже вопрос такой: почему нет ответственности? – почти никогда не ставится. Иначе от всей нашей демократической мифологии не останется камня на камне.

Следует отметить, что когда Совет Европы называют правозащитной организацией, это не совсем правильно. Принципиальная разница между Евросоветом и, к примеру, «Amnesty International» в том, что Совет – не просто организация международная, но и межгосударственная. Он является суверенным субъектом международного права, наделенным властными полномочиями, юридически обязательными для всех государств – его членов. В частности, решения Европейского Суда по правам человека имеют высшую юридическую силу и обязательны для всех стран, ратифицировавших европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Главное отличие общественных организаций – от государственных и межгосударственных – заключается в том, что все их действия и решения сами по себе никакой властной юридической силы непосредственно не имеют и реализуются опосредствованно через общественное мнение, в том числе и мировое. Или, опять же, через государственные и межгосударственные органы.

Еще в перестроечные времена многие начали усиленно забывать, а теперь уже окончательно забыли, что диссидентское движение у нас началось с того, что нашлись люди, которые явочным порядком – открыто и категорично – потребовали от сверхмощного советского государства, чтобы оно соблюдало свои собственные законы. У такого вроде бы чисто субъективного массового беспамятства есть очень серьезные объективные причины. Право – безошибочный индикатор, и ответ на вопрос о правоприменительной деятельности государства – как оно соблюдает свои законы, гарантирующие права граждан, – дает неоспоримый ответ на все вопросы о демократизации. Если вся наша пишущая и публично выступающая демократическая элита вдруг всерьез вспомнит о соблюдении государством его собственных законов и законных прав граждан, то им придется признать, что либо у нас создана демократия без прав человека, либо вся демократизация и все их громогласные и безапелляционные заверения о ней являются обыкновенным враньем, предназначенным исключительно для одурачивания Запада. У нас такой «дерьмократизацией» мало кого обманешь.

Право само все вскрывает – попробуйте убедить кого-либо, что возможна демократия без юридических гарантий прав человека, что у нас демократия есть, а

прав человека – нет. Не говорю о глубоком квалифицированном анализе, но стоит только подойти к самому поверхностному исследованию с правовыми методами, как сразу вся демократическая мифология рухнет словно карточный домик. Можно наговорить массу всякой чепухи, можно выдвинуть сколько угодно самых умных теорий демократии в России, но... Если власть не хочет и не может соблюдать свои собственные законы, гарантирующие права и свободы граждан, а общество не способно заставить власть их соблюдать, то и вся чепуха, и очень умные теории все вместе не стоят и выеденного яйца. Они пригодны только как памятник разновидностям человеческих заблуждений. Умышленное шараханье от истины – всегда верный признак нечистоплотности помыслов. Истина еще никому не повредила. С этим не согласны только те, у кого понятие о поиске истины не идет дальше шпионажа. Шпионаж – дело нужное и полезное, но цели и методы разведывательности имеют слишком специфичный характер, несколько отличный от понимания поиска истины в общепринятом научном смысле. Кстати сказать, и специалисты по разведке тоже придают громадное значение сравнительному анализу при проверке истинности информации, полученной из разных независимых источников.

Демократические права и свободы в реальности могут быть гарантированы только правом – законами, при условии их неукоснительного соблюдения государством – в условиях правового режима законности. В правовых науках это именуется юридической обязательностью правовых норм, когда власть, хочет она того или нет, все равно вынуждена выполнять собственные законы и установленные ими права и свободы граждан. Юридическая обязательность законов на практике, опять же, может быть гарантирована только принципом неотвратимости ответственности, когда за каждым известным наказуемым нарушением законов необходимо должна следовать ответственность. В том числе и, в предусмотренных законом случаях, – уголовная. А где у нас ответственность чиновников за всем известные должностные преступления?! Все юридические гарантии права через неотвратимость ответственности многим кажутся очень несовершенными, но ничего лучшего человечество пока не придумало. Без неотвратимости ответственности все законы, имеющие высшую юридическую силу и императивный характер действия, превращаются в обыкновенные благие пожелания, ни для кого на практике не обязательные.

В застойные времена некоторые требования граждан о соблюдении официально действующих законов расценивались как проявления вялотекущей шизофрении или как особо опасные государственные преступления. Здесь стоит напомнить читателю, что когда-то советские психиатры заявили Владимиру Буковскому, что если он требует соблюдения советских законов и не понимает, что они существуют не для того, чтобы соблюдаться, то он – сумасшедший, а если понимает это, но все равно требует, то он – особо опасный государственный преступник. Для власти, основанной на беззаконии, неуклонное соблюдение собственных законов губительно. Принцип неотвратимости ответственности – это тот самый правовой принцип, который делает право правом – не на бумаге, а в реальности. При неукоснительном соблюдении государством этого принципа невозможно положение, когда официально действующие законы существуют не для того, чтобы соблюдаться. Запад признал Россию демократическим государством из-за наличия многочисленных внешних супердемократических атрибутов и не уделяет особого внимания тому, что существует под прикрытием таких атрибутов. Это все равно, что судить о положении дел с правами человека по советским законам, которые существуют для чего угодно, но только не для того, чтобы соблюдаться.

В своих статьях и комментариях я уже приводил этот пример, приведу еще раз, поскольку он дается в разных аспектах. Следуя давним диссидентским традициям, автор этих строк с Кириллом Подрабинеком в 95-м году решили поставить эксперимент над демократическим российским правосудием. Потребовали от Генеральной прокуратуры РФ возбудить уголовное дело по фактам отдания Президентом РФ Ельциным Б.Н. приказа Вооруженным Силам РФ на ведение военных действий в Чечне и неприятия мер к защите мирного населения (см. «Континент» № 94, октябрь – декабрь 1997 г.). Прокуратура возбуждать дело не хотела, мы пытались в полном соответствии с конституционными гарантиями обжаловать ее действия в суд, который нашу жалобу даже рассматривать отказался. Потребовали от Генпрокурора Скуратова Ю.И. возбудить уголовное дело в отношении судей, реакции – никакой. Тогда потребовали от Скуратова возбудить уголовное дело против него самого – ответа на заявление ждем до сих пор.

Ст.46 Конституции РФ гарантирует гражданам право на правосудие и на обжалование в суд любых действий всех должностных лиц, без каких-либо изъятий. Опять же, мы пытались реализовать «право на право» – гарантированные Конституцией РФ процессуальные права на правосудие и на судебное обжалование. Может кто из наших демократов и западных специалистов разумно мне объяснить, почему Юрий Скуратов потом вылетел из кресла Генпрокурора РФ за «постельные» похождения с девочками человека, очень на него похожего. Хотя должен был задолго до этого оказаться на скамье подсудимых за то, что не возбудил уголовное дело в отношении судей, преступно нарушивших наши конституционные права на правосудие. А те судьи-преступники до сих пор на своих постах или пошли на повышение.

Интересно сравнить методы незаконной коммунистической и демократической правосудия. В те времена суды незаконно оставляли подобные заявления без движения, опасаясь выносить определения об отказе в их принятии, поскольку такие определения подлежат обжалованию в кассационном порядке. Разумеется, коммунистические власти кассационное заседание Мосгорсуда по жалобе на явно неправосудное определение допустить никак не могли бы. Это было бы слишком нетерпимой для них демонстрацией фальшивости своего правосудия. По нашей с Кириллом жалобе на действия Генпрокуратуры РФ районный суд без всяких колебаний вынес такое явно антиконституционное определение, а Мосгорсуд в открытом кассационном заседании без тени сомнений придал ему законную силу.

Подчеркну, что все вступившие в законную силу судебные акты имеют высшую юридическую силу. Своим кассационным определением Мосгорсуд от имени государства юридически подтвердил, что конституционные гарантии прав и свобод у нас стоят не больше бумаги, на которой написана супердемократическая Конституция РФ. И находятся же еще люди, сомневающиеся, когда я им говорю, что коммунистическая власть относилась к собственным законам гораздо более приличнее, чем нынешняя демократическая. Все мои выводы неоспоримо следуют из официальных судебных документов. В опровержение можно наговорить всякого, но все контраргументы разбиваются об имеющие высшую юридическую силу акты судов, вынесенные от имени государства.

Когда-то в 86-м году автору этих строк в Центральной Московской областной клинической психиатрической больнице поставили диагноз за, как объяснили мне психиатры, «написание антисоветского фельетона», никаких иных признаков моего сумасшествия обнаружить не удалось. Сразу после выхода «Континента» № 93 с моей статьей о наших реалиях в октябре 97-го меня вновь

поставили на учет в психушке (см. «Континент» № 104). Кстати сказать, к психиатру я не хожу. А поскольку я стою на учете в дурдоме, да еще иногда пишу заявления в суды и прокуратуры с требованием привлечения должностных лиц правоохранительных органов к уголовной ответственности за должностные преступления и преступления против правосудия – эта власть меня не оставляет в покое за мою деятельность, и оснований для таких обращений у меня хватает с избытком – то 8 февраля 2001 года прокуратура Московской области вынесла заключение о прекращении всякой переписки со мной, как с человеком, страдающим «вялотекущей шизофренией с параноидным синдромом». Что меня в моих действиях нисколько не остановило.

Интересно, что обо всем этом я узнал из постановления Мещанского районного суда г. Москвы от 16 октября 2001 г., которым мне отказано в удовлетворении жалобы на нарушения закона прокуратурой Московской области при рассмотрении моего заявления о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями») в отношении руководства областного ГУВД и проведении по делу судебно-психиатрической экспертизы для определения их вменяемости по факту признания ими правомерными действий сотрудников Ногинского УВД по избиениям меня, фальсификации дела об административном правонарушении («Мелкое хулиганство») и неприятия медицинских мер во время моей пятнадцатисуточной голодовки в Ногинском ИВС.

Здесь стоит процитировать постановление суда: «Из сообщения Ногинской психиатрической больницы усматривается, что Годлевский состоит на учете у психиатра с 1986 года с диагнозом вялотекущая шизофрения с параноидным синдромом и что он длительное время занимается иверулентной деятельностью, пишет жалобы в различные инстанции. При таких обстоятельствах суд не усматривает каких-либо признаков неправомерности действий прокурора Московской области, а потому суд приходит к выводу о том, что жалоба Годлевского подлежит отклонению».

Вот так-то! В коммунистические времена мне поставили «вялотекущий» диагноз за антисоветский фельетон, а в нынешние демократические подтверждением такого диагноза считаются требования о соблюдении официально действующих законов, устанавливающих уголовную ответственность чиновников. Да еще и на основании этого прокуратура вынесла заключение о прекращении всякой переписки со мной, что, кстати сказать, является грубейшим нарушением ст. 33 Конституции РФ, гарантирующей гражданам право на обращение в государственные органы. И это при том, что ни одно из моих обращений никогда не повторялось, а каждый раз были написаны по фактам новых преступных деяний чиновников.

Прежде всего, постановление заведомо неправосудно уже потому, что в нем нет ни слова об основаниях моей жалобы по существу – суд не исследовал вопрос: были нарушения закона или нет, что само по себе является грубейшим нарушением части 3 ст. 123 Конституции РФ, гарантирующей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Какие могут быть состязательность и равноправие, если суд даже не удосужился, вопреки заявленному в жалобе ходатайству, истребовать из Мособлпрокуратуры документальные материалы проверки заявления о преступлении и проверить, были ли обстоятельства, послужившие основанием для моей жалобы?!

Кстати сказать, УПК РСФСР не предусматривал никаких заключений о прекращении переписки – раз заявление о преступлении поступило, то его обязаны рассмотреть в установленном порядке и принять законное решение. То есть фактически суд не стал рассматривать мою жалобу по существу, а отказал в

ее удовлетворении, сославшись на обстоятельства и доказательства, не имеющие к данному делу никакого отношения, да к тому же еще и незаконные, как грубо нарушающие Конституцию РФ. Подобное правосудие квалифицируется по статьям 285 ч. 2 и 305 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями и вынесение заведомо неправосудного постановления). Ст. 79 УПК РСФСР устанавливала обязательное проведение по уголовному делу судебно-психиатрической экспертизы в случае сомнений во вменяемости подозреваемого или обвиняемого. А после вынесения такого постановления, здесь нет никаких сомнений – здесь явно неоспоримые признаки невменяемости Мещанского суда. Не говоря уже об уголовной ответственности и вменяемости психиатров, ментов и прокуроров.

Напомню читателю, что изобретенная профессором Снежневским «вялотекущая шизофрения» широко использовалась для преследований диссидентов. Основной принцип диагностирования такой шизофрении – «отсутствие признаков психического заболевания еще не доказывает отсутствие заболевания». И никто в мире из нормальных психиатров этот диагноз не признавал, считая его шарлатанским. Когда в 89-м году советскую психиатрию вновь принимали во Всемирную психиатрическую ассоциацию (ВПА), то одним из главных условий приема было прекращение психиатрических репрессий по политическим мотивам, и, прежде всего, – с использованием «вялотекучки», что и было торжественно обещано. Т.е. даже коммунистический Советский Союз на международном уровне в конце концов хотя бы де-факто признал, что «вялотекущая шизофрения» – диагноз не медицинский, а политический.

И с тех пор о случаях применения такого диагноза мне не было известно. Видно некоторой своей деятельностью я так «достал» нашу родную советскую власть, что ради меня она решила сделать исключение. Чтобы заслужить у нее такое исключительное отношение, надо очень сильно постараться. Спасибо ей за признание моих заслуг. Хотя напрашивается вопрос: какой идиот принял такую психиатрию в ВПА, а такое государство – в полноправные члены Совета Европы?!

Кому интересно, могут сравнить мои действия с действиями наших нынешних правозащитников, и тогда будет понятно, почему некоторые бывшие диссиденты-политзеки, стоявшие у истоков правозащитного движения в СССР, шарахаются от такой «правозащиты», как черт от ладана. Одно дело – заявлять на каждом углу о своих шизо-правозащитных идеях, которые у нас на практике уже полностью обанкротились. Так обанкротились, что это стали понимать даже западные специалисты по нашим делам, которые в наших делах никогда ничего не понимали. А явочным порядком осуществлять юридические гарантии прав человека, требуя привлечения к уголовной ответственности конкретных должностных лиц за конкретные должностные преступления – совсем другое. Государственная власть осуществляется в лице должностных лиц, а если законы будут соблюдаться, то эта власть рухнет только уже по одному тому, что большинство госчиновников, наделенных властными полномочиями, окажется за решеткой – просто некому будет эту власть осуществлять. Я уж не говорю об отношении к нынешней правозащитной «шизе» широких народных слоев, больше всего страдающих от произвола властей.

И речь здесь не обо мне лично, просто все познается в сравнении. Я, слава Богу, никогда не имел никакого особого отношения к тем диссидентам-супердемократам, которые еще с перестроечных времен стали считать, что если органы ГБ за политику уже не сажают (и прежде всего – их самих), то демократизация – налицо. О все более расширяющемся и ужесточающемся (под бурные восторги о демократизации) произволе милиции, прокуратуры и судов

против простых граждан, составляющих подавляющее большинство населения, эти демократы-гуманисты предпочитали помалкивать. Как и об отношении народа (интересы которого демократы должны выражать по определению!) к такой «дерьмократизации». Дело даже не в том, есть ли в случаях со мной какие-либо политические мотивы. Хотя, конечно, сейчас моя история с «вялотекучкой» – случай уже уникальный.

Да еще и то мое административное дело сфабриковано так грубо, что не лезет в ворота даже нынешнего насквозь фальшивого правосудия. К слову сказать, в нарушение закона никакие процессуальные документы по тому делу в установленном порядке мне не предъявлялись, в результате чего мне до сих пор официально не известны те предусмотренные законом конкретные факты правонарушений, за которые я отсидел 15 суток. Но самое главное в том, что подобными незаконными методами государство действует против всех, кто в эту систему власти не входит и не согласен играть с ней по ее правилам, – т.е. против подавляющего большинства нашего общества. Еще с диссидентских времен у нас известно, что если человек явочным порядком – т.е. невзирая на запрет власти – защищает какое-либо свое законное право, то тем самым он защищает аналогичное право всех остальных.

Давно было понятно, что советские законы существуют только для того, чтобы «пудрить мозги» доверчивому Западу. И советскому режиму всегда это удавалось с грандиозным успехом. Западные советологи и раньше-то не уделяли особого внимания сопряжению советских законов с правоприменительной практикой советского государства. А уж с перестроечных времен это приняло откровенно изощренные формы, особенно после провала «путча» 91-го, когда старую советскую власть объявили новой демократической. После того «молодой российской демократии» прощали любые гнусности, объявляя их то происками ее врагов, то, в самом крайнем случае, издержками и болезнями демократического роста. Хотя такое вполне справедливо можно сказать про страны Прибалтики и Восточной Европы.

Действие права опробовано всей многовековой историей человечества в ходе общественной практики во всех областях жизнедеятельности человека, общества и государства – от брачных контрактов до международных договоров, от мелких правонарушений, типа безбилетного проезда в трамвае, до государственной измены в виде шпионажа или заговора с целью захвата власти.

Широко распространено мнение, будто вопрос о юридических гарантиях прав человека имеет только общий гуманитарный смысл – после Хельсинского соглашения 1975 года это еще именуют «третьей корзиной». Может где-нибудь так оно и есть, но только не в нашем советском государстве. Беззаконие, как основа советской власти, пронизывает всю жизнь нашего общества сверху донизу и слева направо – от реальной морали до войны и разведки. У нас эта гуманитарная проблема является составной частью более глобальной проблемы государственного порядка: чем регулируются основные правила функционирования государства во всех без исключения областях жизни – правом или чем-то другим. В нашей стране вся жизнь определяется не законами, а нигде официально не опубликованными правилами игры, которые с законами имеют очень мало общего. А поскольку власть у нас держится на лжи и беззаконии, то и ее правила игры полностью этому соответствуют. Они у нас одинаково обязательны и для Генпрокуратуры, и для адвокатов, и для СМИ – и для всех других властных и околовластных структур. И у нас вопрос о соблюдении законных прав всех субъектов правоотношений с 1917-го года имеет крайне важное чисто практическое значение для всех и вся.

27 декабря 1979 г. в Кабуле советские разведывательно-диверсионные подразделения армии и ГБ провели операцию «Шторм-333» – знаменитый впоследствии штурм дворца Амина, который общепринято считать началом войны в Афганистане (война «за речкой»). И который среди профессионалов считается образцом блестяще проведенной спецоперации. «Шторм» проходил по плану и под командованием начальника Управления «С» ПГУ КГБ СССР генерал-майора Дроздова Ю.И. Перед началом генерал Дроздов и полковник Колесник (спецназ ГРУ ГШ) представили план штурма в посольство большому военному начальству для утверждения. Начальство устно план одобрило и приказало действовать, но подписывать его не стало. Спустя много лет, в своих воспоминаниях «Операция «Шторм-333», отставной генерал Дроздов рассказывает, как через несколько дней после штурма возвратился в Москву и был принят для доклада начальником Генштаба маршалом Огарковым Н.В. Маршал увидел, что под планом нужных подписей нет, без слов все понял и выругался в адрес своих генералов, по малодушию не утвердивших крайне важный и единственный боевой документ операции (см. Альманах «Вымпел», N 3, 1999 г., С. 70). Можно ли представить себе подобный случай в любом другом, пусть даже не в очень демократическом государстве?!

Во всем мире издавна заведено, что либо командир одобряет представленный ему план, своей подписью его утверждает и приказывает действовать. Либо не одобряет, не утверждает, не подписывает и не приказывает. Многозвездные генералы решили перестраховаться. Если бы штурм кончился провалом – полсотней растерзанных очередями трупов офицеров спецназа у дворца Амина – то большие начальники все свалили бы на преступное самоуправство генерала Дроздова (там он был известен как «генерал Лебедев»). Мы ничего не утверждали и не подписывали – это все карьерист и политический авантюрист генерал Лебедев захотел отличиться перед Москвой, в боевой обстановке самовольно начал штурм без надлежащего приказа, что и привело к тяжким последствиям. Он грубо нарушил советское военное законодательство, и его надо расстрелять по п. «в» ст. 260 УК РСФСР за превышение полномочий! Могло ли где-нибудь, пусть даже в фашистской Германии, быть, чтобы генералам приказывали воевать по не утвержденному плану, потому как начальство утверждать его не захотело?! Глубинная незаконная сущность советского режима внешне, непосредственно или опосредствованно, проявляется во всем – от очень общих гуманитарных проблем до конкретных штурмов дворцов «за речкой», от явлений культуры до действий спецназа, от динамики рождаемости до активности флотов.

С самого начала послеельцинской эпохи генерал Дроздов Ю.И. известен как горячий сторонник президента Путина (и, судя по послужному списку, – один из самых серьезных), возлагающий на него большие надежды в деле вывода страны из нынешнего состояния к нормальной жизни. Полностью разделяю и поддерживаю отношение Дроздова к ельциноидным временам. Но при этом у него (как и у многих других) остается за кадром вопрос о глубинной первопричине всего – о прежнем по сути незаконном советском режиме. Юрий Иванович! Вы двенадцать лет возглавляли нелегальную разведку КГБ СССР. И Вы, как никто другой, знаете, что нельзя судить о чем-либо только по внешним формам. Вы что, и вправду не понимаете, что первопричиной многих нынешних неразрешимых проблем является исключительно незаконный советский режим, с крахом которого эти проблемы отпадут сами собой?! Например, коррупция в ее советском виде. Или Вы всерьез считаете вполне нормальным, когда «генерал Лебедев» при исполнении своих прямых служебных обязанностей должен идти на

воинское должностное преступление только из-за того, что многозвездные генералы не захотели оставить свои автографы на его плане?!

Сторонник Путина отставной генерал-майор Дроздов – профессионал высочайшего класса. Президенты приходят и уходят, а такие профессионалы остаются всегда. Говорят, во времена холодной войны он чуть ли не официально считался на Западе самым опасным человеком во всей системе советских органов государственной безопасности. Наверное, в те времена на него анонимки в ЦК писали, будто он сосредоточил в своих руках непомерную власть над Западом (говоря словами Александра Зиновьева). Не спрашиваю у генерала Дроздова, считает ли он всерьез, что нынешнее мелкое шакалье и их последователей можно приучить к порядку без массовых уголовных репрессий. Даже такую вопросительно-утвердительную форму он воспримет как явно неза заслуженное оскорбление. А без государственного порядка, основанного на законе, а не на беззаконии, нынешнее положение в принципе не изменится. А великая страна с богатейшими природными, интеллектуальными и людскими ресурсами так и останется сырьевым придатком нормальных стран и мировой свалкой.

Справедливости ради, необходимо сказать, что в самые последние годы в отношении Запада к нашей демократии все-таки произошли серьезные изменения. Там заговорили, что российская демократия на деле является не совсем тем, что в западных странах принято понимать под словом «демократия». Нынешнюю власть стали называть «нелиберальной демократией», «квазидемократией» и т.д. Что западные политологи понимают под такой своей терминологией вряд ли понятно и им самим. Так, по своему точному смыслу словосочетание «нелиберальная демократия» означает демократию без прав и свобод. Это определение содержит взаимоисключающее противоречие между определением и определяемым, как, например, выражение «сухая влага». Проще говоря, хотела того западная интеллектуальная и политическая элита или нет, но факт построения у нас демократии без прав и свобод человека и гражданина, тот факт, что демократия у нас – фальшивая, был признан ими не только в кулуарных разговорах, но и на уровне научных аналитических разработок. Только используемые научные определения стали носить ненаучный характер.

Но Бог с ними, с определениями. Гораздо интереснее причины такого резкого «прозрения» Запада. А причины эти не имеют никакого отношения к правовым. Просто в августе 98-го в России приключился финансовый кризис, дефолт, а Запад больно ударили по карману с его немалыми финансовыми средствами, вложенными в наш фондовый рынок. К тому же и эпоха Ельцина подходила к концу – «друг Борис» еще до своей отставки стал явно отработанным персонажем. В советской армии есть такой способ обучения новобранцев. Нерадивому солдату, плохо понимающему военную науку, командир приказывает пробежать несколько десятков кругов вокруг плаца по принципу: «Не доходит через голову – дойдет через ноги!»

Похоже, у западных специалистов по России через голову – то есть рациональными правовыми методами – тоже мало чего доходит. Зато сразу дошло через карман – когда по нему больно ударили. Кто в это не верит, рекомендую им сравнить отношение руководства западных демократических стран к России в первой и во второй чеченских войнах – разница как между небом и землей. И никаких иных вразумительных причин такой разницы придумать невозможно.

Да еще и новое кремлевское начальство решило сменить свою экономическую и общественно-политическую службу – президент Путин начал жесткие «наезды» на олигархов и подконтрольные им СМИ. Что и у нас, и на Западе сразу вызвало вопли об угрозе свободе слова как гарантии всех остальных демократических прав и свобод. Впрочем, об адекватности понимания Западом

нашей реальности и сейчас говорить не приходится. Суть их понимания российских реалий сводится к тезису: «Гусинский на бутырских нарах – в России нет демократии, Гусинский на воле – есть демократия, хотя и не совсем демократичная». Все сказанное в полной мере относится и к нашим демократическим СМИ. Арест Гусинского наглядно продемонстрировал и олигархам, и журналистам, и всей остальной ельцинской элите их место в обществе, четко обрисовав перспективу. Арест стал переломным моментом, когда большинство наших демократов сразу стали демократами не только на словах. Тут же в прессе начали говорить несравнимо больше и о тех методах произвола против простых граждан, о которых раньше все знали, но помалкивали, и еще о многом другом.

В «Континенте» № 93 я писал про ельцинские времена, что тогда российские демократы, правозащитники, в том числе и признавшие эту власть законной бывшие диссиденты-политзеки, сами сделали все для уверения Запада в конце советского режима в августе 91-го, а когда эту ельциноидную публику жаренный петух клюет в одно место, все они хором принимаются ругать Запад за чрезмерно мягкое отношение к кремлевскому начальству. Сейчас все почти то же самое, только клюнули их очень сильно, и ярче всего это проявилось в журналистах и в редакционной политике СМИ. И что бы там они потом не говорили: ничего не знали, не понимали – все равно, это вещи простые и понятные, очевидные и вопиющие, не знать и не понимать их может только тот, кто не хочет этого делать. После того, как их клюнули, положение резко изменилось, но и сейчас еще далеко от объективного. Но это сейчас. А раньше... Демократические редакторы и журналисты утверждали (и сейчас утверждают!), что тема защиты прав человека якобы не вызывает интереса. У кого не вызывает интереса? У власти с демократической элитой или у широких народных слоев, чьи права нарушаются грубо и постоянно?!

Правовой принцип равного масштаба, более известный как принцип всеобщего равенства перед законом, одинаков для всех. И как всякий принцип, он либо есть, либо его нет вообще. Если демократия только для элиты, то это вообще не демократия. Да и только для элиты демократии быть не может – она или для всех, или ни для кого. Ярким примером тому служит президентство Путина, начавшего менять правила игры в обществе, что прежде всего коснулось всей экономической и общественно-политической обслуги. Гусинский на бутырских нарах – самый яркий символ той деятельности. Если считать Владимира Гусинского политзеком № 1, то это все по тому же отсчету, по которому диссидентом № 1 был Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев.

В нашем безвольном обществе все политические события являются внешним выражением глубинных чиновничьих разборок внутри аппарата. Путина уже не устраивают сложившиеся при Ельцине правила игры в госаппарате и обществе, он начал резко их менять, что прежде всего и наиболее заметно коснулось ельцинской элиты. В советском государстве – ситуация вполне обычная. Внешним выражением таких новшеств служат политические линии Кремля на «укрепление вертикали власти», «равноудаленность олигархов» и «деприватизацию власти». Отсюда и вопли о конце демократии, и новые «конструктивные оппозиции» со старыми изъянами. В нашем безволии при большевистском политическом режиме любые «конструктивные оппозиции», предполагающие признание власти законной, независимо от желания оппозиционеров будут всего лишь «бунтом на коленях» или – коллаборационизмом. А попросту говоря, – «ссучиванием». Кстати сказать, за такие попытки превратить откровенно «легалю демократию» во что-то хотя бы с виду более-менее приличное Путин и получил обвинения в «гэбэшном уклоне».

В нашем безвольном обществе пытаться изменить советскую власть путем демократических реформ бесполезно. Во времена перестройки была партийная кампания по конверсии ВПК. Помнится, тогда ходил анекдот, как ракетный завод начал выпускать детские игрушки – из цеха готовой продукции выходят те же ракеты, только на них написано, что это куклы, чебурашки, ваньки-встаньки... На недоуменный вопрос журналистов директор завода отвечает, что если у них ракетное производство, то сколько его ни конверсируй, какие бы наименования готовой продукции ни давай, все равно будут получаться только ракеты. У этого анекдота есть и скрытый контекст: перестраивать советскую власть реформированием невозможно – в результате получится только советская власть. Возможны только различные вариации одного и того же, как с конверсией ракет. Наиболее ярко абсурдность ситуации проявляется, когда основу демократизации во всех областях жизни видят в принятии новых хороших законов, хотя заведомо известно, что это государство соблюдает свои собственные законы только тогда, когда ему это нужно.

Многие исследователи, особенно западные, слишком уж «заикливаются» на значении органов ГБ для советской системы власти. Здесь ГБ понимается именно в смысле юридически оформленного органа тайного политического сыска, в отличие от других наших карательных органов – милиции, прокуратуры, суда и т.д. Конечно, роль ЧК-ГБ в возникновении и функционировании советского режима переоценить трудно. Но почему считается, будто только органы ГБ способны заниматься политическими репрессиями?! В нашем сумасшедшем государстве политическими преследованиями может по приказу властей заниматься кто угодно, хоть рыбнадзор. Впрочем, не знаю как насчет рыбнадзора, но люди одной из самых гуманных профессий, врачи-психиатры, политическими репрессиями в СССР занимались так, что было явно не по себе даже платным (и бесплатным) советским друзьям на Западе. Использование психиатрии в политических целях было одной из самых позорных страниц в советской истории. Александр Солженицын назвал это советским вариантом газовых камер. И почему считается, что если ГБ сейчас диссидентов не сажает, то советская власть рухнула?!

Чрезвычайно преувеличенная роль ГБ происходит еще оттого, что те, кто имеет возможность выразить свое (или чье-то еще) мнение в научных трудах и СМИ – творческая интеллигенция, составляющая очень узкую часть общества, страдала больше всего от ГБ. И для них, как для мышки, страшнее кошки зверя нет. Так в хрущевские и горбачевские времена коммунистические историки и пропагандисты говорили о пике сталинского террора в 37-м году, ругая Сталина и обвиняя его в нарушении социалистической законности и ленинских внутривластных норм. Хотя массовый большевистский террор против народа начался с Ленина, а в 37-м только достиг своего логического конца, перекинувшись без всяких препятствий на очень большое начальство – на породивших его главных палачей, на ленинскую гвардию.

11 сентября 2002 г. исполнилось ровно год с тех пор, как в Соединенных Штатах произошли террористические акты, которые потрясли весь мир и привели к кардинальному изменению международной обстановки с далеко идущими последствиями. Террористами были захвачены три пассажирских самолета, два из которых протаранили башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а один самолет врезался в здание Пентагона в Вашингтоне. Терракты повлекли многочисленные человеческие жертвы и вызвали шок во всем мире. С тех пор и о самих терактах, и об их последствиях сказано и написано очень много, в том числе и в международно-правовых аспектах. Но здесь присутствует еще один момент, на который особого внимания предпочитают не обращать.

Еще не осела до конца пыль от рухнувших башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, еще в Вашингтоне дымилось здание Пентагона, а уже некоторые американские СМИ связали эти теракты с натовскими бомбардировками Югославии 1999 года – обе этих акции были грубейшими нарушениями принципов и норм международного права. И в этом есть большая доля правды.

Действительно, после краха мирового коммунизма и окончания холодной войны страх Запада перед советской угрозой исчез, и западные демократические государства стали позволять себе такое, о чем в былые времена они и подумать не могли без внутреннего содрогания.

Раньше Запад обычно боялся требовать от Кремля соблюдения взятых им на себя международно-договорных обязательств – «не следует требовать от русских слишком много». Одним из самых ярких тому подтверждений служит заключенное 1 августа 1975 г. (и подписанное Брежневым) Хельсинское соглашение по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тогда демократический Запад юридически признал неделимость границ в послевоенной Европе (т.е. узаконил советскую оккупацию Восточной Европы) взамен на советские обязательства в области прав человека (так называемая «третья корзина»), в том числе и на общественный контроль за их соблюдением. Что через несколько лет случилось с Московской хельсинской группой, хорошо известно, чему в немалой степени поспособствовала очень осторожная реакция руководства западных демократических государств на аресты правозащитников в СССР. Т.е. Запад фактически признал за Кремлем право соблюдать взятые им на себя международно-договорные обязательства только тогда, когда это ему выгодно.

Сейчас уже западные демократии сами соблюдают общепризнанные международные нормы императивного характера только тогда, когда это серьезно не препятствует достижению практических целей в текущей политике. Сами стали действовать на международной арене теми же советскими методами, перенятыми у Кремля. Так, весной 99-го, вопреки всем основополагающим принципам международного права, в том числе и Уставу ООН, натовскими бомбардировками Югославии демократический Запад совершил то, что по международно-правовым стандартам всегда квалифицировалось как агрессия. В последствии, в сентябре 2000 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Совместном заявлении глав государств – членов Совета Безопасности ООН еще раз было подтверждено, что только Совет Безопасности от имени международного сообщества имеет исключительное право давать санкцию на применение военной силы в кризисных ситуациях.

Трусость перед тем, кто сильнее, и героизм перед тем, кто слабее, – две стороны одной медали. Высшее государственное руководство демократических западных стран наглядно продемонстрировало всему миру классический пример собственной рабской психологии. Про это у нас в народе тогда шутили: слабого обижать нехорошо, а сильного – небезопасно. Не следует нарушать основополагающие принципы права ради сиюминутной практической выгоды – блестящие тактические выигрыши в конечном итоге могут обернуться стратегическим крахом.

Вопиющее игнорирование тех основных правил поведения в межгосударственных отношениях, которые всегда давали хоть какую-то гарантию предсказуемости и стабильности в мире, чревато непредсказуемыми последствиями. Отношение к международному праву ведущих демократических держав дает все основания думать, что двадцать первый век будет еще более «веселым», чем век двадцатый.

Сентябрь 2002 г.

Постскриптум

P.S. Поначалу я думал то постановление Мещанского райсуда г. Москвы разместить в Интернете, когда буду рассказывать об этой истории со всеми подробностями и с приведением всех документов. Но потом еще раз подумал и решил привести его сейчас. Вот такой документ я получил по почте из суда (перед сканированной копией документа набранный мной текст судебного постановления):

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16 октября 2001 г. Мещанский районный суд г. Москвы
В составе председательствующего судьи Зятевой Н. Н.
При секретаре Павловой Ю. В.

Рассмотрев в судебном заседании жалобу Годлевского А. А. на
неправомерные действия прокурора Московской области

УСТАНОВИЛ:

Годлевский А. А. принес жалобу в отношении Московской областной прокуратуры, ссылаясь на те обстоятельства, что он обращался в прокуратуру с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции, и по его заявлению не принято никакое решение, постановление по этому поводу не выносилось.

Суд, выслушав представителя Московской областной прокуратуры, исследовав материалы по заявленной жалобе, приходит к выводу о том, что жалоба удовлетворению не подлежит.

Из заключения прокуратуры Московской области от 8 февраля 2001 г. о прекращении переписки с Годлевским А. А. усматривается, что Московской областной прокуратурой неоднократно рассматривались обращения Годлевского, который также писал жалобы и в другие различные инстанции с требованиями о возбуждении уголовных дел в отношении судей, прокурора. В связи с получением прокуратурой медицинских сведений о том, что Годлевский состоит на учете у психиатра и страдает вялотекущей шизофренией 8 февраля 2001 г. Московской областной прокуратурой принято заключение о прекращении переписки с ним.

Из сообщения Ногинской психиатрической больницы усматривается, что Годлевский состоит на учете у психиатра с 1986 года с диагнозом вялотекущая шизофрения с параноидным синдромом и что он длительное время занимается иверулентной деятельностью, пишет жалобы в различные инстанции.

При таких обстоятельствах суд не усматривает каких-либо признаков неправомерности действий прокурора Московской области, а потому суд приходит к выводу о том, что жалоба Годлевского подлежит отклонению.

Руководствуясь ст. 218 УПК РСФСР и постановлением Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 г. по делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218, 220 УПК РСФСР, суд

ПОСТАНОВИЛ:

Жалобу Годлевского на неправомерные действия прокуратуры Московской области отклонить.

Постановление может быть обжаловано и опротестовано в Мосгорсуд.

Судья: (подпись неразборчива), печати нет.

Томашовские
Определение

№ 16 октября 1991 г.

_____ районный (городской)
народный суд г. Москвы области, края, АССР

в составе:

председательствующего народного судьи Земляковой Н.Н.

народных заседателей _____

с участием прокурора _____

адвоката _____

общественного обвинителя _____

общественного защитника _____

при секретаре Таволовой Ю.В.

рассмотрен в открытом (закрытом) судебном заседании дело по обвинению (по иску) _____

жалобу Годлевского А.А.
на неправомерные
действия прокурора
Московской области,

суд. Томашовский:

Годлевский А.А. принес
жалобу в отношении
Московской областной
прокуратуры, ссылаясь
на то обстоятельство,
что он обращался
в прокуратуру с
жалобой о возбуж-
дении уголовного
дела в отношении
соинтересованных лиц
и по его заявлениям
не принято никакое
решение, поэтому
он вынужден
суд. выслушивая предост.
выслушивая основанно.

областной процедуры
исследования материалов
на законности и
приговору и выбору
о том, что некая
установленная не
нормативная.

Ву законности процедура
исследования областной
от 8 февраля 2001 г.
о прекращении перенести
с государственной
установленной, что
исследовать областной
процедурой неограниченно
наследственной
и государственной
конкретно также и
кстати и в форме
иногда с
требованиями о
установлении
оценочными
в свете с
процедурой
сведения о том
государственной
установленной
страдает
исследовать
2001 г. областной
процедурой
законности о
перенести с

Ву сообщается
исследовать
установленной

Конституционный
суд РФ от 23.03.1999,
по делу о проверке
конституционности
подзаконных актов
ст. 133,
ст. 1 ст. 118, 2 до 411к
Грегор

суд постановил:
несомненно Верховного суда
на неправомерные
действия прокурора
Московской области
определено

Постановление может
быть обжаловано
и оспаривано
в Мосгорсуде
Судья Грин

Особо подчеркну, что это не какая-то справка из дурдома, а вступивший в законную силу судебный акт, который, покуда он не отменен, имеет высшую юридическую силу и всеобщую обязательность для всех госорганов и должностных лиц. Отменить же его могут только вышестоящие суды и только в порядке, строго регламентированном уголовно-процессуальным законом. Т.е. тот факт, что я до сих пор стою в дурдоме на учете с «взяточничкой», подтвержден высшей юридической силой постановления суда. И если власть попытается от

такого моего диагноза отмежеваться, то для этого ей прежде всего надо будет отменить то постановление.

Интересно также, что суд, вопреки всем своим инструкциям по делопроизводству, прислал мне ксерокопию документа, на котором даже первоначально – когда его копировали – не было печати. Но почерк-то и подпись судьи Зятевой – они есть! В суде явно понимали всю фальшивость такого своего правосудия и решили перестраховаться, хоть так – по-глупому. Чтобы в случае чего сказать, что это не наше, а надлежаще заверенной копии постановления суда у меня нет. Но где тогда то – настоящее – постановление, и почему вместо надлежаще заверенной его копии суд мне прислал черте что?! А если то постановление суда писал не кто-то из судейских, то история вообще получается бульварно-детективная. Такие их глупые уловки наглядно показывают, что здесь не все чисто. В том, что суд вынес именно это постановление, сомневаться не приходится – иначе, зачем они мне прислали такую копию с очень глупыми мерами перестраховки. На суде я не был – лень, да и поскольку дурачком никогда не прикидываюсь, то вряд ли бы они при мне вынесли такое изумительно-фальшивое постановление. Все свои обращения в суды и другие госорганы я составляю так, чтобы отказать в них, даже без моего присутствия, можно было, только слишком явно и грубо нарушив закон.

Это заведомо неправосудное постановление я в кассационном порядке и обжаловать не стал, т.к. по старой диссидентской привычке ставил эксперимент: можно ли у нас привлечь судей к уголовной ответственности хотя бы за такое насквозь фальшивое правосудие, вызывающее серьезные сомнения во вменяемости суда. Жив буду, подробности и результаты этого эксперимента с документами в Интернете будут. Еще кто-то из мыслителей древности говорил, что власть без правосудия – это беззаконие. А у нас гласное и открытое правосудие настолько фальшиво, что само по себе очень ярко демонстрирует полный правовой беспредел, на котором только вся система этой власти и может держаться.

На Западе свободу понимают как конституцию с судами и адвокатами, т.е. в смысле наличия юридических гарантий прав и свобод человека и гражданина. А какие юридические гарантии у нас могут дать суды, если они сами при осуществлении правосудия открыто творят такое беззаконие. Правосудие издавна считается высшей формой защиты прав, а если у нас такая высшая форма, то легко догадаться, как обстоит дело с защитой прав в других формах, которые – не высшие.

Здесь стоит отметить, что психиатры стали прикрывать беспредел МВД. В былые времена по поводу «взятокучки» выступающие против власти диссиденты знали, на что шли, никто их это делать не заставлял, кроме самих себя, и потому многие из них ни чьими жертвами себя не считают, т.к. сами выбрали свою судьбу. Но сейчас большинство населения, против которого направлен беспредел ментов, прокуроров и судей, этот беспредел никогда не выбирало, предпочитая держаться от него подальше. Потому за прикрытие такого беспредела психиатры должны отвечать очень конкретно. Для своекорыстия, имущественной выгоды психиатрию у нас сейчас используют всюду, обжалование таких действий даже до Конституционного Суда РФ доходило. А для прикрытия правового беспредела ментов если особо и не используют, то только потому, что и без нее обходятся. Наверное, со мной без нее не обошлись.

Разумеется, у той моей истории с психиатрией и правоохранительными органами есть продолжение, но об этом как-нибудь в другой раз. Здесь только особо подчеркну, что по политическим мотивам то дело или нет – разница для меня не особо большая, все равно за должностные преступления и преступления

против правосудия надо отвечать конкретно. Или что, если политики там нет, то все нормально, за тяжкие должностные преступления и преступления против правосудия никто не должен отвечать, и юридические гарантии прав никому не нужны?! Я всегда с большим презрением относился к разным элитам, включая некоторых бывших диссидентов, которые считают, что если у нас полный и безнаказанный правовой беспредел власти направлен только против широких народных слоев, а их он непосредственно не касается, то это у нас и есть торжество демократии, а Россия обязательно должна быть полноправным членом Совета Европы.

И некоторые еще недоумевали и возмущались, когда в «Континенте» N 93 я написал, что нынешние наши демократы и правозащитники больше всего на свете боятся, что советская власть и вправду рухнет, и им придется конкретно отвечать за все перед народом. У наших пламенных демократов и непримиримых борцов с советской властью чутье на опасность – крысиное. И дело не в том, берут или нет они деньги от английской разведки и других западных организаций (как будто нельзя быть подонками и дебилами бесплатно), а в такой лицемерии и презрении их к правовым основам, какого не было еще во всей истории цивилизации. После вступления России в Совет Европы у нас появилась шутка: приняли людоеда в приличную компанию и теперь не знают, что с ним делать – и терпеть его дальше нет никакой возможности, и выгнать боятся – как бы он со злости кого из них не слопал. Действительно, шутка очень злободневная, тем более что дубинка у того людоеда – не бамбуковая, а ракетно-ядерная.

За что я тогда отсидел 15 суток, мне и до сих пор официально неизвестно (кстати, это был не первый раз). Тогда менты пытались подsunуть мне протокол об административном правонарушении, в котором было написано только, будто я «вел себя агрессивно и ругался матом» – и все. Я потребовал, чтобы менты прочеркнули все незаполненные места в протоколе – чтобы потом чего туда не приписали. Менты отказались. Я, разумеется, отказался протокол подписывать. Может, они потом там приписали, что я вел себя так в Кремле, пытался устроить государственный переворот и уже почти начал мочить все кремлевское начальство в кремлевском сортире. Это не есть установленный порядок предъявления протокола.

Протокол задержания вообще не составлялся, т.е. мое задержание никак оформлено не было, и потому я был лишен многих своих прав. По международно-правовым стандартам такое квалифицируется как похищение государством своих граждан. Очень нехорошая квалификация. Когда такое происходит в банановых республиках, то во всем мире поднимается шум, следуют грозные резолюции ООН, а у берегов этих республик появляются авианосные группировки США с морской пехотой на борту. И уж, во всяком случае, никто не спешит принимать такие государства в полноправные члены Совета Европы.

Добавлю, что, судя по этому и другим моим делам, году в 2004-м Генпрокуратура РФ вынесла свое заключение о прекращении всякой переписки со мной. Но это уже совсем другая история.

Конкретный пример про права и свободы. У нас с начала эпохи Путина в СМИ начались дискуссии о том, есть ли у нас свобода, и если есть, то как она на нас влияет – благостно или тлетворно. Декан факультета журналистики МГУ Ясен Засурский в 2004 году даже целую книгу («Искушение свободой») написал о том, что это искушение свободой журналисты и все наше общество не выдержали. Чепуха! Какое у нас могло быть искушение свободой, если самой этой свободы в правовом смысле у нас отродясь не было?! Все даренные властью права и свободы никогда не были юридически гарантированы на практике. Были и есть только чисто внешние супердемократические формы и атрибуты без

правового содержания, т.е. без их юридических гарантий – вот она главная и единственная причина всего. В правовом смысле свобода – это, прежде всего, возможность человека самому выбирать, какими своими установленными законом правами ему пользоваться, а какими нет. Еще древние понимали: *libertas est potestas faciendi it, quod iure licet* – свобода есть возможность делать то, что позволено по праву (лат.).

Если все это юридически не гарантировано, т.е. за человека кто-то другой, пусть даже само государство, решает, когда и какими своими законными правами (и в каких пределах!) ему дозволено пользоваться, то все его права сразу же превращаются в обязанности, а свобода – в несвободу. Такая у нас негарантированная свобода, когда нет свободы выбора даже тех прав, которые не гарантированы. Это как в СССР с конституционным правом на свободу демонстраций, которого на практике не было, а право на участие в первомайских и ноябрьских демонстрациях было «добровольно-принудительным». Права и свободы человека превращаются в его обязанность выбирать только то свое право, на которое укажет начальство. И уже не человек пользуется своими правами и свободами, а они пользуются им. Могли ли мы выдержать испытание тем, чего в общепринятом в мире смысле у нас нет, и никогда не было.

При Путине наши отодвинутые от власти супердемократы начали понемногу признавать, что сами идеи демократии у нас пользуются большой поддержкой среди населения, только с нынешними демократами эти идеи у народа никак не ассоциируются. Причем говорят об этом по-разному – кто сокрушенно, кто нет, но и у тех, и у других все как-то невнятно – никто из демократов на моей памяти даже не пытался объяснить причины такого парадокса. Хотя причина, опять же, всего одна и она – правовая. наших демократов в народе очень не любят и называют «дем-шизой» потому, что у них демократия без юридических гарантий прав граждан, т.е. демократия есть, а прав нет. А особая ненависть к ним всем из-за полнейшего властного беспредела 90-х, при котором они уверяли всех в торжестве демократии, но уверили в этом только Запад.

Отсутствие юридических гарантий – когда не действует принцип неотвратимости ответственности начальников даже за тяжкие должностные преступления против граждан – сразу влечет твердую уверенность властей в полной своей безнаказанности. В безнаказанности за правовой беспредел, на котором основана эта система власти – если власть за беспредел их будет массово карать, то сама власть и рухнет. Что в последнее время должно быть всем ясно хотя бы из сообщений СМИ о диких преступлениях ментов и очередной попытке реформировать МВД. Беззаконная власть с ее реальными правилами игры вселяет в чинов уверенность в безнаказанности, которая у них давно уже отложилась даже на подсознательном уровне. И не только за должностные преступления, как у майора Евсюкова, устроившего стрельбу в ночном магазине.

И то, что будто бы менты оберегают покой граждан – «туфта», рассчитанная только на идиотов, цэрэушников и прочих западных специалистов по нашим делам. Всем остальным у нас даже на уровне простой житейской психологии ясно, что они охраняют всю госсистему власти, основанную на их беспределе против граждан. Это они охраняют свой беспредел, без которого вся властная система рухнет, и за который им придется отвечать очень конкретно и по полной программе – вместе прокурорами, судьями и прочими, их беспредел прикрывающими.

Обращаю внимание, что кроме судей, «штампующих» сфабрикованные дела и выносящих фальшивые решения об отказе гражданам в жалобах на беззакония должностных лиц, ответственность за правовой беспредел ментов

должны нести прокуроры и следователи Следственного комитета. Одни обязаны осуществлять прокурорский надзор за соблюдением ментами законов и прав граждан. Другие, которым подследственны уголовные дела в отношении должностных лиц правоохранительных органов, обязаны осуществлять уголовное преследование начальников-преступников для гарантий прав граждан от преступных посягательств таких начальников. Но все они так исполняют свои прямые служебные обязанности, так надзирают за законностью и гарантируют граждан от преступлений всех начальников, что сложилась обстановка полной уверенности этих начальников в своей безнаказанности. И это тоже очень хорошо заметно из сообщений СМИ о преступлениях ментов. Когда в сообщениях о громких отставках ментовских генералов из-за преступлений подчиненных в СМИ практически нет информации даже о дисциплинарных мерах к прокурорам и следкам за такое «несение службы». Они и прямые требования граждан о привлечении ментов к уголовной ответственности игнорируют (как областные прокуроры в моем случае), что как минимум подпадает под ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Из-за убийства 12-и человек в станице Куцевской нескольких прокуроров дисциплинарно наказали – но там убивали людей не сами менты.

К слову сказать, в международном уголовном праве действует «принцип ответственности первого лица» (в военных делах – «принцип ответственности командира»). Он означает, что большое начальство должно нести уголовную ответственность за преступления своих подчиненных, если начальники знали или должны были знать о таких преступлениях (по нашим законам – то же самое). А если подчиненные постоянно и безнаказанно творят беспредел практически открыто, и всем это хорошо известно, то главы правоохранительных ведомств, уж во всяком случае, не могут об этом не знать в пределах своей компетенции. И нести за это уголовную ответственность.

Конечно, они могут сказать, что ничего не знали. Так они обычно и говорят, но такое проходит только в этой системе власти, основанной на лжи и беспределе. После ее краха такие заявления в лучшем случае будут восприниматься тем, чем они на самом деле и являются – попытками «закопать на психа» – прикинуться невменяемыми, чтобы избежать ответственности за все. Если руководство ведомств не знает про массовый беспредел своих ведомств, про который хорошо известно даже всем посторонним, то подобные утверждения начальников никак иначе расценены быть не могут.

Да и вообще говоря, за все нехорошие поступки, совершенные «шестерками», у нас и во власти, и среди «братвы» спрашивают не с «шестерок», а с основных. А если в этом государстве власть держится на своих законах, а не на правовом беспределе, то почему за беспредел ментов никто из надзирающих и следственных ведомств не понес юридической ответственности?! Уже одна только уверенность всех должностных лиц в своей безнаказанности за беззакония служит неопровержимым доказательством того, что основу всей этой системы государственной власти составляет правовой беспредел. И такое государство другие члены Совета Европы официально юридически признают демократическим, в котором главенствует принцип верховенства Права, являющийся основой Устава Совета Европы.

Раз уж затронули тему ответственности должностных лиц правоохранительных органов за должностные преступления, то следует кратко обратить внимание на некоторые моменты. Менты, следки, прокуроры и прочие начальники тоже иногда страдают от правового беспредела государства, но это уже их сугубо личные проблемы, которые никого особо не касаются. Если их беспредел по ним же и ударяет, то пусть все претензии за это предъявляют своему

государству, власть в котором может держаться только на их же беспределе. Если эта власть рухнет, то начальники-беспредельщики скорее всего, чтобы за свой беспредел не отвечать, будут валить всю вину на бывшую систему власти – мол это не мы, это власть была такая. Но поскольку отвечать за все придется очень конкретно, то такие глупые отговорки не пройдут.

Конкретные должностные преступления совершают конкретные должностные лица, у каждого из которых есть фамилия, имя, отчество, и уголовная ответственность должна быть индивидуальной. Поэтому неудивительно, что даже намеки на слом власти и на ответственность за беззакония сейчас эта власть считает проявлением экстремизма. Сама власть преступна даже по своим собственным законам, а когда ей указывают на необходимые последствия этого, то – экстремизм. Еще глупее уверенность правоохранителей, что поскольку правоохрана необходима любой власти, то новая власть за старые преступления их особо карать не будет. Но если новая власть будет основана на своих официальных законах (а не на их нарушении), то беспредел ей будет не нужен. И она за него будет в массовом порядке карать прежних чиновников – чтобы он не возродился вновь и не стал вдруг основой новой власти, и чтобы ненависть к старой власти у народа не была перенесена на власть новую. Похмелье на чужом пиру никому не нужно.

Кстати сказать, в конце 2007 года я уже начал создавать на Mail.Ru свой блог с такими же материалами, но из-за того, что я не специалист-интернетчик, он у меня как-то «криво» установился, и я долгое время его не трогал. А в 2009 г. мой блог и электронный почтовый ящик были заблокированы, и все данные с них исчезли. Я до сих пор не знаю, произошло ли это по чисто техническим причинам, или все это – работа ГБ. Если бы точно знал, что не по техническим, то обязательно предъявил бы претензии к власти в лице ГБ в полном соответствии со статьей 6 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ. В соответствии с этой статьей гарантировано право на судебное обжалование действий ФСБ лицам, полагающим, что их права этой Конторой нарушены.

Если причины не технические, то во взаимосвязи с моей «вялотекущей шизофренией» ясно, что это дело рук ГБ. От имеющего высшую юридическую силу и всеобщую обязательность постановления Мещанского райсуда от 16.10.01 г. никуда не деться. В былые времена весь мир очень хорошо знал, кому, зачем и с чьей подачи советские психиатры ставили «вялотекущие диагнозы», да и сейчас еще многие помнят. Даже если бы я на весь мир публично заявил, что власть и ГБ не имеют к этому никакого отношения, то во всем мире мне далеко не все поверили бы, особенно те, у кого пока еще совсем не отшибло память.

Напомню, что в январе 1969 года армейский офицер Ильин, совершив вооруженное нападение на кремлевский эскорт, пытался убить Брежнева (знаменитое «деяние у Боровицких ворот»). У него сразу же нашли вялотекущую шизофрению, признали невменяемым и заперли на «вечной койке» в Казанской спецпсихбольнице для психохроников. В конце 80-х, при вступлении советской психиатрии в ВПА, его признали здоровым, нормальным и освободили со снятием «вялотекущего» диагноза. Если я числюсь в дурдоме на учете с вялотекущей шизофренией до сих пор (наверное – единственный в мире), то выходит, что мои публикации и требования неотвратимости ответственности чиновников-правоохранителей за должностные преступления и преступления против правосудия для этого государства гораздо опасней вооруженных покушений на кремлевских начальников. И это не какая-то моя мания величия, а все это юридически необходимо следует из официальных действий наших демократических властей. По нынешним соцопросам, большинство населения у

нас за равенство всех перед законом и судом, т.е. за юридические гарантии своих прав от нарушений их разными начальниками. А суть таких гарантий – в неотвратимости ответственности всех начальников, невзирая на лица, за преступные нарушения прав граждан. Так что, у большинства нашего населения тоже «вялотекучка» – как у меня?!

Ко всему прочему, бесплатный почтовый ящик на Mail.Ru мне сделали знакомые интернетчики в 2004 году, когда мне надо было передать некоторые материалы в Англию Владимиру Буковскому. А в западных СМИ уже были сообщения, что при Путине ГБ резко усилило внимание к нашей эмиграции. И отслеживать переписку по электронной почте Буковского с Россией в наш компьютерный век не составляет никаких проблем. Даже если бы почтовая служба Mail.Ru заблокировала и «обнулила» мой блог с почтовым ящиком сама, то все равно без ведома ГБ на такое они вряд ли бы пошли – могли быть негативные для всех последствия. Будь я тогда уверен, что причины всего – не технические, то обжаловал бы в суд действия ФСБ РФ. И пусть они в открытом судебном заседании объясняли бы все в совокупности, включая «вялотекущую шизофрению», с которой я почему-то до сих пор официально числюсь в дурдоме на учете – в грубое нарушение действующих законов и международных обязательств РФ как правопреемника бывшего СССР. А если бы суд решил рассматривать дело в закрытых заседаниях, то одно это уже служило бы неопровержимым доказательством того, что это дело рук ГБ по политическим мотивам, иначе – зачем засекречивать, что таить?! Сейчас я уже твердо уверен, что никаких чисто технических причин впредь быть не может.

Все возражения, что мой блог и почтовый ящик были бесплатными, легко опровергнуть, не вдаваясь особо во все детали гражданского законодательства. Если Mail.Ru разместило для всех в Интернете свои точные условия, на которых они всем желающим бесплатно предоставляют свои услуги по пользованию блогом и электронной почтой, то в соответствии со статьей 437 Гражданского кодекса РФ это признается публичной офертой – т.е. предложением заключить на их условиях договор с любым, кто на это предложение отзовется. Я отозвался и начал пользоваться почтой и блогом. Тем самым совершил действия по выполнению условий, указанных в их предложении (оферте). А согласно статьям 433 и 438 ГК РФ этого вполне достаточно для признания заключенным договора (пусть даже и безвозмездного) между мной и Mail.Ru на их условиях – со всеми юридическими последствиями. И здесь не обязательны договор на бумаге, электронные подписи и прочее. Их условия я не нарушал, и нарушать не собираюсь.

Декабрь 2010 г.

В августе 2011 г. я немного прокомментировал то постановление Мещанского райсуда г. Москвы на своем сайте под заголовком: «Комментарий к нам, праву и Западу».

Комментарий к нам, праву и Западу

В моей статье «Мы, право и Запад» на сайте я кратко уже прокомментировал то постановление Мещанского райсуда г. Москвы от 16.10.2001 г. Здесь постараюсь в сжатом виде дополнить некоторыми моментами.

Более детальный анализ всей этой истории будет дан в последующих моих статьях.

В июле 2000 г. я отсидел 15 суток административного ареста без предъявления в установленном порядке (в т.ч. и судьей) конкретных фактов моих правонарушений и все это время держал голодовку. Кстати сказать, в то время, когда я голодал, из печати вышел журнал «Континент» N 104 (апрель – июнь 2000 г.) с моей статьей «Еще раз о наших реалиях (Записки сумасшедшего)». При простой голодовке принудительное кормление обязаны начинать после 5-и суток, при «сухой» – после 3-х суток, при запахе ацетона из рта – в любом случае сразу, немедленно. И меня должны были начать принудительно кормить после 5-и суток голодовки – т.е. принять медицинские меры. Но все 15 суток таких мер принято не было – иначе из-за одного только такого кормления мог бы быть большой шум. А у ментов – большие неприятности из-за одного только административного дела, пусть даже и грубо сфальсифицированного.

Я направлял в прокуратуры заявления о преступлениях ментов, а их копии – ментовским начальникам. В отношении судьи Ногинского суда Буяновой по факту вынесения заведомо неправосудного постановления по моему административному делу заявление о преступлении в Генпрокуратуру РФ тоже было, но это разговор отдельный. ГУВД Московской области признало действия ментов, подпадающие под признаки ст. ст. 285, 286 ч. 3 УК РФ, правомерными.

По этому факту я потребовал от Мособлпрокуратуры возбудить уголовное дело по признакам ст. 285 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями») в отношении руководства областного ГУВД. А поскольку признание правомерными таких должностных преступлений, включая тяжкие, вызывает серьезные сомнения во вменяемости начальников ГУВД, то я также потребовал в соответствии со ст. 79 УПК РСФСР провести судебно-психиатрическую экспертизу для разрешения вопроса об их вменяемости (это обязательное требование официально действующего законодательства РФ). В ответ из Мособлпрокуратуры я даже глупой отписки не получил и обжаловал ее грубые нарушения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в суд в полном соответствии с гарантиями прав на судебную защиту, установленными ст. 46 Конституции РФ. Сканированная копия постановления Мещанского райсуда на моем сайте размещена. На суде я не был еще и потому, что пусть они как-нибудь сами без меня решают те свои проблемы, которые я им и создал из-за их беззаконий.

В этом судебном постановлении одних только заведомо явных и грубых нарушений Конституции – целый «букет», что по официальным законам вызывает очень серьезные сомнения во вменяемости судьи Зятевой. Так, заключения о прекращении переписки в то время никакими законами не были предусмотрены, а устанавливались только ведомственными подзаконными актами, утвержденными приказами Генпрокурора РФ. Ст. 33 Конституции РФ гарантирует гражданам право на обращение в госорганы. А что толку от такого права, если после прекращения переписки госорганы в ответ на обращения граждан даже глупые отписки им не направляют. Согласно ст. 55 Конституции права человека (в т.ч. и право на обращение) могут быть ограничены только федеральными законами и только в той мере, «в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Приказы Генпрокурора федеральными законами не являются. Приравненный к таким законам и действовавший до 01.07.2002 г. УПК РСФСР никаких прекращений переписки не предусматривал, как не предусматривает их и действующий УПК РФ. Тем самым приказ Генпрокурора противоречит закону и Конституции.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 7 постановления от 31.10.95 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» разъяснил:

«Если при рассмотрении конкретного дела суд установит, что подлежащий применению акт государственного или иного органа не соответствует закону, он в силу ч. 2 ст. 120 Конституции Российской Федерации обязан принять решение в соответствии с законом, регулирующим данные правоотношения.

Оценке с точки зрения соответствия закону подлежат нормативные акты любого государственного или иного органа (нормативные указы Президента Российской Федерации, постановления палат Федерального Собрания Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, акты органов местного самоуправления, приказы и инструкции министерств и ведомств, руководителей учреждений, предприятий, организаций и т. д.)».

Если даже указы Президента подлежат оценке на предмет соответствия закону, то уж приказы Генпрокурора тем более. Но суд не только этого не сделал, но даже не назвал в своем постановлении акт Генпрокурора, на основании которого со мной прекращена переписка, и который суд положил в основу своего постановления. Т.е. вопрос о законности прекращения со мной переписки суд не только не исследовал, но и вообще не обратил на него никакого внимания. При этом суд был обязан в соответствии со ст. 120 ч. 2 Конституции применить закон (т.е. УПК РСФСР), а не какой-то противоречащий закону подзаконный акт Генпрокурора, на который суд в своем постановлении даже сослаться постеснялся, и признать действия Мособлпрокуратуры незаконными.

Суд был обязан применить закон, но в грубое нарушение ст. 4 Конституции РФ, согласно которой Конституция и федеральные законы имеют верховенство, не применил УПК РСФСР. Особо подчеркну, что ст. 4 находится в главе 1 Конституции. А ст. 16 Конституции устанавливает, что положения этой главы составляют основы конституционного строя РФ, и никакие другие положения Конституции не могут им противоречить. Т.е. Конституция в стране имеет высшую юридическую силу и прямое действие (ст. 15), а в самой Конституции положения ее главы 1 имеют высшую юридическую силу над всеми другими ее конституционными положениями. Но суду все эти основы конституционного строя – «по барабану». И это лишь минимум того, что суд нарушил одним своим постановлением. Я уже не говорю о конституционно значимых целях, типа обороны, безопасности государства и прочих, с которыми ну уж никак официально не согласуется фактический запрет гражданам (т.е. прекращение с ними переписки) добиваться юридических гарантий своих прав от преступных посягательств на них должностных лиц государства.

И все это еще кроме моей «вялотекущей шизофрении». А также того, что суд в грубое нарушение ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, полностью проигнорировал как доводы моей жалобы о нарушениях Мособлпрокуратурой УПК РСФСР, так и заявленное в жалобе ходатайство об истребовании материалов проверки моего заявления о преступлении, что было необходимо для подтверждения фактов нарушений облпрокуратурой уголовно-процессуального закона.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 10 уже знакомого нам постановления от 31.10.95 г. разъяснил: «В силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 123 ч. 3 Конституции Российской Федерации) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по

представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств». Не надо особо объяснять, что если ходатайства об истребовании доказательств суд даже не рассматривает по существу – полностью их игнорирует, то ни о каких состязательности и равноправии и речи быть не может. Любой судебный акт, вынесенный с грубым нарушением самой конституционной основы судопроизводства, не может быть правосудным в принципе. Похоже, суд специально ставил своей целью нарушить в этом деле все, что только можно.

Судья не могла не понимать всех своих грубых нарушений (для этого надо быть клиническим идиотом), что свидетельствует о наличии у нее прямого умысла на вынесение заведомо неправосудного постановления (ст. 305 УК РФ) и на игнорирование моего ходатайства (ст. 285 ч. 2 УК РФ). Такие грубейшие нарушения закона, основ конституционного строя РФ, конституционных гарантий прав граждан и конституционных основ судопроизводства, с официальной точки зрения вызывающие серьезные сомнения во вменяемости судей, возможны только при полной уверенности судей (и всех прочих начальников) в безнаказанности за любой беспредел. А это, в свою очередь, неопровержимо доказывает, что вся нынешняя система власти основана на полном правовом беспределе, о чем я уже писал на своем сайте.

В эпоху Путина даже подконтрольные властям СМИ начали высказывать озабоченность проблемой воцерковления. Что у нас подавляющее большинство населения верит в Бога, но с Московской Патриархией себя не ассоциирует. Глубинную первопричину такой проблемы власти СМИ не объясняют, хотя понять ее очень легко с правовых позиций. Если власть в этом государстве основана на полном правовом беспределе против народа, а РПЦ все у нас даже на уровне простой житейской психологии считают подразделением власти (как в СССР профсоюзы были подразделением КПСС), то ассоциировать себя со всем этим среди искренне верующих желающих найдется не много.

Здесь в принципе действует та же логика, что и в приведенной в статье «Мы, право и Запад» ситуации, когда подавляющее большинство населения России поддерживает идеи демократии, но с нашими демократами себя не ассоциирует из-за прикрытия ими всеобщего и полного беспредела власти, который они выдают за победу демократии, пик чего приходился на 90-е годы. А если сейчас некоторые из демократов и говорят об отсутствии у нас демократии, то это только потому, что после Ельцина их отодвинули от властных «кормушек», и внутри страны они стали маргиналами, имеющими общественно-политический вес только там, тогда и постольку, где, когда и поскольку это нужно Кремлю. Как в истории с партией «Правое дело» и Михаилом Прохоровым.

Следует остановиться подробнее на сомнениях во вменяемости. Особо подчеркну, что после августа 91-го это государство объявило само себя не только нормальным (т.е. основанном на своих собственных официально действующих законах), но и полностью демократическим. И таковым на Западе было общепризнано. И с официальной точки зрения такие дикие и вопиющие беззакония его должностных лиц, совершенные при исполнении ими от имени этого государства своих служебных обязанностей, вызывают очень серьезные сомнения в их вменяемости. В нормальном государстве такого быть не может. В нормальном государстве нормальный человек в должности судьи не будет при осуществлении правосудия так явно и грубо нарушать официальные законы этого государства. А если такое и случилось бы, то по официальным законам в отношении них обязаны возбудить уголовное дело и провести судебно-психиатрическую экспертизу, которая должна объяснить все эти дикие и взаимоисключающие противоречия между официально действующими законами и реальной правоприменительной практикой госчиновников. И потом либо пусть

психиатры в своем заключении и суд в решении признают их невменяемыми. Либо напишут там, что поскольку государственная власть у нас основана на полном правовом беспределе (т.е. преступна даже по своим собственным законам), то такие их действия вполне нормальны. И эта схема относится ко всем случаям, где госчиновники творят подобные беззакония.

Некоторые выражают сомнения в правильности моих слов о грандиозной лживости наших демократов, равной которой во всей человеческой истории еще не было. А во всей истории нашей цивилизации еще когда-нибудь было, что кто-то всем «запудрил мозги» так, чтобы сумасшедшее государство, основанное на полном правовом беспределе против своих граждан, признали полностью демократическим, приняв его в полноправные члены Совета Европы?!

Членство в Совете Европы для этого государства в принципе имеет то же значение, какое для СССР имело Хельсинское соглашение по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. Тогда ведущие демократические государства Запада признали неделимость границ послевоенной Европы (т.е. узаконили советскую оккупацию Восточной Европы) взамен на советские обязательства в области прав человека, выполнять которые Кремль явно не собирался. Кроме того, подписавшие Хельсинский акт эти западные государства официально юридически признали, что коммунистический Кремль является в таких областях (в т.ч. и в правозащитной!) надежным партнером и сотрудником, с которым можно иметь дело. А это резко ухудшило положение диссидентов-политзеков, сидящих в СССР по тюрьмам, лагерям и психушкам. И свидетельств об этом в сам- и тамиздате, а также в их воспоминаниях имеется предостаточно.

Хороший имидж этой власти на международной арене, надежно скрывающий ее суть, всегда сопровождается усилением беззаконий начальников внутри страны. И тогда были акции протеста против такой подлой, соглашательской политики Запада, основанной на советской лжи и беззаконии. Владимир Буковский в своей книге «Московский процесс» (М.: МИК, 1996 г., С. 261) рассказывает: «Наконец к десятой годовщине его подписания мы – большая группа диссидентов – обратились с призывом прекратить это издевательство над здравым смыслом и денонсировать «соглашение», превратившееся просто в фарс».

Точно также, приняв нынешнее государство в свои полноправные члены, Совет Европы признал это государство полностью демократическим. Если бы там хотя бы немного понимали наши нынешние реалии эпохи демократии, то не то что заявление, а даже намеки Кремля на членство в СЕ страны Европы воспринимали бы как оскорбление. Европейский Суд по правам человека иногда немного смягчает те дикие беззакония, которые власть у нас позволяет из-за членства в СЕ. Но для подавляющего большинства граждан РФ выгода от вступления в Совет Европы очень сомнительна. Сейчас демократический Запад терпит такое государство в свои ряды, и никто особо у нас не возмущается этим.

Вновь вспоминается самодельный плакатик: «Уважайте вашу Конституцию!», – с которого началось движение диссидентов. Когда 5 декабря 1965 года в Москве на Пушкинской площади несколько человек явочным порядком – то есть невзирая на запрет власти – потребовали от сверхмощной советской ракетно-ядерной державы, державшей в страхе весь мир, чтобы она соблюдала собственные законы, гарантирующие права граждан. Демократия у нас лет двадцать назад «победила» полностью и окончательно, часть диссидентов признала эту власть законной и демократической (а уж крах советской власти общепризнан), Конституция сейчас другая – супердемократическая. Но положение с конституционными гарантиями прав и свобод граждан на практике у

нас сейчас таково, что по сравнению с ним все брежневские беззакония выглядят невинными детскими шалостями.

По поводу вялотекущей шизофрении, бывшей в СССР основной карательной психиатрии. Обвинения в ее использовании в те времена вызывали острую головную боль у Политбюро ЦК КПСС, от чего они всеми силами шарахались, как черт от ладана. О чем Владимир Буковский с документальными доказательствами очень хорошо поведал в своей книге «Московский процесс» (раздел: «Психиатрический ГУЛАГ»). Более полная его документация по психиатрии размещена на сайте: <http://bukovsky-archives.net/>.

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Бобков Ф.Д. в своих мемуарах «КГБ и власть» (М.: «Ветеран МП», 1995 г., С. 253) про использование психиатрии и заключения судебных психиатров пишет: «КГБ не вмешивался в эти медицинские заключения, и я никогда не считал их тенденциозными». С виду, вроде бы, все здесь у ГБ не так плохо. Но стоит только копнуть поглубже, как картина резко меняется. Следствие по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) вели следователи ГБ (под контролем партии и руководства соответствующего подразделения ГБ). Оставим здесь без обсуждения вопрос о самой ст. 70 УК РСФСР с ее так называемой «гуттаперчевой диспозицией», под которую при желании можно подвести что угодно и кого угодно. Но ст. 80 УПК РСФСР устанавливала, что заключения экспертиз не являются обязательными для органа дознания, следователя, прокурора и суда, только несогласие с заключением должно быть мотивировано.

Ст. 20 УПК РСФСР обязывала следователя (вместе с прокурором, судом и др.) принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Согласно ст. ст. 70, 71 УПК РСФСР все собранные по делу доказательства подлежат тщательной проверке и оценке в их совокупности; никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. И если Бобков утверждает, что он и следователи в грубейшее нарушение закона верили заключениям психиатров на слово, ничего не проверяя и не оценивая, то он обвиняет их и себя в должностных преступлениях, предусмотренных ст. 170 УК РСФСР (злоупотребление властью).

И если сам Бобков, входивший в высшее руководство КГБ СССР и в свое время возглавлявший занимавшееся диссидентами 5-е Управление, делает вид, будто всего этого не понимает, то он «косит на психа» – прикидывается невменяемым, чтобы хоть как-то избежать обвинений в использовании карательной психиатрии в давно прошедшие коммунистические времена.

Интересно получается. Бывший при коммунистах первый зам. шефа ГБ уверяет всех в своих должностных преступлениях и «косит на психа» только ради того, чтобы откреститься от карательной психиатрии во времена СССР. Сейчас, в эпоху демократии, суд, как само собой разумеющееся, в своем постановлении, вынесенном от имени государства, обосновал свои выводы ссылкой на мою вялотекущую шизофрению, с которой я числюсь в дурдоме на учете с коммунистических времен. Жив буду, подробная история об этом на моем сайте будет. Здесь только добавлю, что мое заявление о преступлении по факту вынесения того заведомо неправосудного постановления в прокуратуру было. И прокуратура, к чьей подследственности тогда относились подобные уголовные дела, признала это постановление правосудным. Это ли не доказательство невменяемости суда и всего этого государства.

Август 2011 г.

Продолжение истории с моим «вялотекущим» диагнозом далее под заголовком «Сумасшедшие записки».

О методах анализа

У этой главы давняя история. К написанной в 1990 году статье, которую тогда никто не опубликовал, в 2000 г. написал я для сравнения вторую часть специально для журнала «Континент». Но в приемлемом для меня виде им она уже не подходила, как и другая моя статья – «Мы, право и Запад», но это – отдельная история. Зато сейчас сравнить все можно не только с горбачевскими временами, но и с эпохой Путина – для лучшего понимания причин того положения, в котором сейчас оказалась вся страна.

Итак:

Dura lex, sed lex. – Суров закон, но закон (лат.).

Fiat iustitia, pereat mundus. – Правосудие должно свершиться, даже если рухнет мир (лат.).

(Давно забытая мудрость давно прошедших времен.)

В предлагаемой читателю главе первая часть в виде отдельной статьи была написана осенью 1990 года – много лет назад по следам недавних тогда событий. За это время очень многое у нас изменилось, и всему произошедшему разные люди дают разную оценку, зачастую прямо противоположную, – от суперрадикального демократического рывка в царство свободы до «вялотекущей дерьмократизации всей страны». Но, независимо от этого, все равно интересно сравнить тогдашние и сегодняшние времена, вспомнив совсем недавнюю историю. Поэтому в статье я специально ничего менять не стал, здесь она приведена в том виде, в котором была тогда написана, но нигде не опубликована. Так и лежала у меня в архиве, все больше покрываясь пылью. Разумеется, сейчас к этой статье было необходимо дать некоторое послесловие, что я и сделал, написав вторую часть. Да и о методах анализа упомянуть не грех, поскольку ошибка в выборе правильного метода исследования в самом его начале бывает единственной причиной ложности всех последующих конечных выводов в их основе.

Вообще говоря, такой метод научного познания, как сравнительный анализ – одно из величайших достижений человеческой мысли. Достаточно полный, глубокий, квалифицированный сравнительный анализ обычно дает блестящий результат. Но порой даже самое поверхностное сравнение весьма показательно, оно вполне может наглядно выявить не только существенные различия, но и ответить на вопросы: что осталось общего – в чем причины, определяющие течение процесса всего происходящего? Причем интересно сравнить не только произошедшие в разное время события, но и оценку этих событий обществом такой, какой она была тогда и сейчас. Иначе эту статью из архивной пыли и доставать бы не стоило. Пусть читатель простит мне в статье то, что с сегодняшней точки зрения воспринимается как легкий налет наивности.

Октябрь 2000 г.

Часть I. Советское правосудие времен перестройки

1. Суд да дело

Через три года с начала перестройки «Литературная газета» в номере от 12 марта 1988 г. напечатала статью тогдашнего своего Нью-Йоркского корреспондента Ионы Андропова «Пешки в чужой игре». Статья с подзаголовком «Гласность» из оркестра подрывных голосов» целиком и полностью посвящалась независимому журналу «Гласность» и его главному редактору Сергею Григорьянцу.

Публикация, имевшая, как и обычно, клеветнический характер, обвиняла «Гласность» и Григорьянца во всех смертных грехах. В том числе и таких, которые по действующему советскому законодательству квалифицируются по ст. 64 УК РСФСР как измена Родине в виде шпионажа и оказания помощи иностранному государству в проведении подрывной деятельности, а также по ст. 74 УК как разжигание национальной розни.

Еще несколько лет назад вслед за подобными публикациями обычно следовали аресты, суды, и герои газетных статей по соответствующим статьям УК на долгие годы отправлялись в тюрьмы, лагеря и психушки. Но былые времена, как известно, прошли, и все дело ограничилось тем, что 9 мая того же года редакция «Гласности» была правоохранительными органами разгромлена, редакционное оборудование разграблено, а сам Сергей Григорьянц, вероятно для профилактики, избит милицией и вместе с несколькими своими сотрудниками подвергнут административному аресту по наскоро сфабрикованному обвинению в неповиновении законным требованиям работников милиции.

Но все это всем известно. Теперь о том, что известно не многим.

В марте 1990 г. в Сокольнический райнарсуд г. Москвы в полном соответствии со статьей 7 Гражданского кодекса РСФСР поступил иск Григорьянца С.И. к редакции «Литературной газеты» о защите чести и достоинства. В исковом заявлении указывалось, что изложенные в публикации сведения не соответствуют действительности, порочат честь и достоинство истца, и содержалось требование об опровержении этих сведений.

Исковое заявление было подано мною, как представителем Григорьянца по доверенности. Мои полномочия на ведение дела в суде подтверждались судебной доверенностью, удостоверенной 21-й Московской государственной нотариальной конторой. Народным судьей Щупляком А.Г. я был вызван на беседу, которая состоялась 23.03.90 г. с участием представителя редакции «Литературной газеты». Следующая беседа была назначена на 30.03.90 г. И вот, явившись в назначенный день в суд, я узнал от судьи, что его определением от 23.03.90 г. исковое заявление оставлено без движения.

Что это значит. В соответствии с действующим советским гражданским процессуальным законодательством подаваемое в суд заявление должно отвечать требованиям, установленным статьями 126, 127 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и оплачено госпошлиной. В нем должны быть указаны: наименования истцов и ответчиков, исковые требования, обстоятельства, лежащие в основании иска, доказательства и т.д. В соответствии с ч. 4 ст. 126 ГПК РСФСР заявление подписывается истцом или его представителем,

полномочия которого подтверждаются доверенностью, прилагаемой к заявлению. Если эти требования не соблюдены, то судья не принимает заявление к производству, а на основании ст. 130 ГПК своим определением оставляет его без движения и назначает срок для исправления недостатков.

Определение народного судьи Щупляка от 23.03.90 г. мотивировано тем, что исковое заявление подписано не Григорьянцем, а мною. По мнению судьи, приложенная к заявлению доверенность Григорьянца на мое имя не дает мне полномочий на подачу заявления, так как такое право в доверенности специально не оговорено.

Вынеся определение об оставлении заявления без движения, судья Щупляк совершил сразу два деяния, которые по действующему советскому законодательству являются преступлениями и квалифицируются по ст. ст. 170, 177 УК РСФСР как злоупотребление властью и вынесение заведомо неправосудного определения.

Нормами гражданского процесса установлено, что нотариально удостоверенная доверенность на ведение дела в суде дает представителю право на совершение от имени представляемого всех процессуальных действий, за исключением наиболее важных, которые перечислены в ст. 46 ГПК РСФСР. Право на совершение этих действий должно быть специально оговорено в доверенности.

Такое процессуальное действие, как подписание и подача искового заявления, не перечислено в ст. 46 ГПК среди действий, право на совершение которых должно быть специально оговорено. Следовательно, приложенная к заявлению доверенность давала мне право на подачу в суд иска Григорьянца к редакции «Литературной газеты», а определение судьи неправосудно. К тому же, вызвав меня и представителя ответчика, судья тем самым начал подготовку дела к судебному разбирательству. Пленум Верховного Суда РСФСР в п. 17 постановления от 29 июня 1976 г. N 2 уже разъяснял, что на этой стадии рассмотрения дела судья вообще не вправе оставлять заявление без движения. Во время беседы в суде 23.03.90 г. я разъяснял судье Щупляку все вышеизложенное, обращал его внимание, что вынесение неправосудных определений уголовно наказуемо по ст. 177 УК РСФСР. То есть судья знал, что выносимое им определение неправосудно, но вынес это определение, умышленно совершив тем самым преступление, предусмотренное ст. 177 УК.

Кроме того, ст. 129 ГПК РСФСР устанавливает, что если судья при предъявлении иска придет к выводу, что это заявление подано лицом, не имеющим на это полномочий, то судья обязан не оставлять заявление без движения, а отказать в его принятии, вынеся об этом соответствующее определение. Однако Щупляк не отказал в принятии заявления, а оставил его без движения. Почему? Да потому, что по действующему законодательству отказ в принятии заявления можно обжаловать в кассационном порядке в Мосгорсуд, который обязан рассмотреть эту жалобу в открытом судебном заседании. А определение об оставлении заявления без движения обжалованию в кассационном порядке не подлежит. На него можно только подать жалобу соответствующему судебному чиновнику, который будет рассматривать ее единолично и неизвестно еще, будет ли рассматривать вообще.

Судья Щупляк, грубо нарушив требования закона, не вынес определения об отказе, хотя обязан был это сделать. В результате чего я и Григорьянец лишены возможности обжаловать это определение в кассационном порядке, что причинило существенный вред нашим охраняемым законом правам и интересам. Тем самым судья совершил еще одно преступное деяние, которое квалифицируется по ст. 170 УК РСФСР как злоупотребление властью.

Для чего народному судье все это понадобилось? Вероятно, власти не желают рассмотрения дела в суде, благо они прекрасно понимают, что это чревато крупным скандалом. Обращаю внимание, что в соответствии с действующим законодательством истец по таким искам обязан доказать только сам факт распространения ответчиком сведений, позорящих его честь и достоинство. А обязанность доказывания того, что эти сведения соответствуют действительности, лежит на ответчике, иначе он дело проиграет. Это только чисто юридическая сторона этого дела, не говоря уже о стороне общественно-политической. Действия Щупляка как раз и направлены на то, чтобы иск Григорьянца к редакции «Литературной газеты» вообще не был рассмотрен по существу.

Избранный им для этого способ не является очень сложным и нередко применяется в советских судах. Все очень просто. При поступлении в суд заявления судья под надуманным предлогом оставляет его без движения и дает заявителю срок для устранения якобы имеющихся недостатков. Если заявитель в установленный срок совершит требуемые действия, то судья под другим надуманным предлогом вновь оставит заявление без движения. И так может продолжаться до бесконечности. Если требования судьи в установленный срок не будут выполнены, заявление считается не поданным и возвращается заявителю. Настырный заявитель может снова обратиться в суд с тем же заявлением, но его опять ждет вышеописанная процедура.

Кстати сказать, при этом судья может выдвинуть заведомо невыполнимые требования. Так, если бы Григорьянец в установленный Щупляком срок сам подписал исковое заявление, то судья вполне мог бы вынести следующее определение об оставлении заявления без движения и потребовать от Григорьянца представления документов, подтверждающих, что он не шпион и не имеет от ЦРУ заданий на разжигание национальной вражды. Разумеется, такие документы представить в суд невозможно, поскольку их попросту не существует в природе. Не просить же Григорьянцу у директора ЦРУ справку, что в этом заведении на службе он не числится.

Описанные действия судей, делающие невозможным рассмотрение по существу дел в суде, фактически являются отказом в правосудии. Справедливости ради следует сказать, что таким способом судьи поступают далеко не всегда и не по собственной инициативе. Они прекрасно понимают, что подобное отправление правосудия по действующему законодательству уголовно наказуемо и пользуются этим методом только тогда, когда дело затрагивает интересы власть имущих на довольно высоком уровне.

Слышу возмущенные возгласы: «Сейчас этого не может быть! Интересы интересами, но ведь власти на каждом углу кричат о построении правового государства! Есть же закон. Куда смотрят прокуроры, которые обязаны пресекать все его нарушения и привлекать виновных к ответственности?!»

2. Прокурор и закон

Теперь о прокурорах.

1 декабря 1989 г. введен в действие Закон СССР «О статусе судей в СССР», который устанавливает, что уголовные дела в отношении судей народных судов союзных республик правомочны возбуждать только прокурор союзной республики или Генеральный прокурор СССР. В соответствии с этим Законом 05.04.90 г. в Прокуратуру РСФСР на имя Прокурора РСФСР поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного

дела по признакам ст. 177 УК РСФСР в отношении народного судьи Сокольнического райнарсуда г. Москвы Щупляка А.Г. по факту вынесения заведомо неправосудного определения от 23.03.90 г. об оставлении без движения заявления по иску Григорьянца к редакции «Литературной газеты» о защите чести и достоинства.

Статьей 109 УПК РСФСР установлено, что заявление о преступлении должно быть рассмотрено в течении 3-х, а в исключительном случае – 10-и суток. В соответствии со ст. 3 УПК прокурор обязан в пределах своей компетенции возбуждать уголовные дела в каждом случае обнаружения признаков преступлений, принимать все предусмотренные законом меры к установлению событий преступлений, лиц, виновных в совершении преступлений, и к их наказанию.

При этом согласно требованиям ст. 109 УПК РСФСР по поступившему заявлению о преступлении могут быть приняты только три решения: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении дела, направление заявления по подследственности или подсудности. Направление заявления по подследственности или подсудности осуществляется только в случае, если возбудить уголовное дело по поступившему заявлению правомочен какой-либо другой правоохранительный орган. Решения о возбуждении или об отказе в возбуждении дела оформляются вынесением соответствующего постановления (ст. ст. 112, 113 УПК). Причем, в случае отказа выносятся мотивированное постановление об отказе, в котором обязательно должны быть указаны мотивы, по которым признано, что или события преступления не было, или в нем отсутствуют признаки, образующие состав преступления, либо имеются иные обстоятельства, при наличии которых данное уголовное дело не подлежит возбуждению (например, издание акта амнистии или истечение срока давности).

Указанные требования уголовно-процессуального законодательства являются императивными, то есть обязательными для должностного лица, производящего рассмотрение заявления о преступлении и проверку изложенных в нем обстоятельств. Отклонение от требований императивных правовых норм недопустимо. Такое отклонение уже само по себе является грубым нарушением закона, гарантирующего процессуальные права граждан.

Установленный ст. 109 УПК перечень решений, которые могут быть приняты по заявлению, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Это означает, что если в какой-нибудь правоохранительный орган поступило заявление о преступлении, в котором ставится вопрос об уголовном деле, возбуждение которого относится к компетенции данного органа, то должно быть вынесено постановление либо о возбуждении дела, либо об отказе в его возбуждении. О принятом решении сообщается заявителю. Не следует путать заявления о преступлении с иными обращениями, например, с жалобами по общему надзору, для рассмотрения которых установлен другой порядок, и в ответ на которые приходят обычно одни отписки – по таким жалобам вынесение постановлений законом не предусмотрено.

Впрочем, все это описано так, как должно быть строго по закону. Но наше государство всегда было очень веселым, где требования закона – это одно, а реальная правоприменительная деятельность государства – совсем другое, зачастую прямо противоположное. Меня всегда особо интересовала правоприменительная деятельность советского государства в ее соотношении с требованиями советских законов – то есть, как это государство соблюдает свои собственные законы, призванные гарантировать права и свободы граждан в

различных областях жизни общества. И почему бы по этому поводу немного не поэкспериментировать.

Благо в таком деле я далеко не первый – в истории правозащитного движения в СССР примеров тому достаточно. Оно и началось то у нас с самодельного плакатика с требованием: «Уважайте вашу Конституцию!» Когда в середине 60-х годов явочным порядком, то есть невзирая на запрет власти, несколько человек на Пушкинской площади гласно, прямо и открыто потребовали от сверхмощного советского государства соблюдать права человека, гарантированные советскими законами. Впоследствии, правда, многие об этом как-то стали забывать.

По закону Прокурор РСФСР в сроки, установленные ст. 109 УПК, был обязан возбудить уголовное дело по моему заявлению, а также принять меры к пресечению преступных последствий действий судьи Щупляка, фактически лишившего Григорьянца права на правосудие. Однако, Прокурор РСФСР вопреки интересам своей службы не принял предусмотренных законом мер, даже официальный ответ в виде простой отписки мне не прислал, что является грубым нарушением действующего законодательства.

В результате чего им умышленно причинен существенный вред как интересам государства, которые вроде бы требуют от прокуроров пресекать преступления, так и охраняемым законом правам и интересам граждан. Тем самым Прокурор РСФСР совершил преступление, так как подобная правоохранительная деятельность квалифицируется по ст. 170 УК как злоупотребление властью. То есть он предпочел сам совершить преступление, чем, следуя требованию закона и интересам службы, защитить право граждан на правосудие.

Возбуждать уголовные дела в отношении прокуроров союзных республик правомочен только Генеральный прокурор СССР. 24.05.90 г. в Прокуратуру СССР на имя Генерального прокурора СССР поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 170 УК РСФСР в отношении Прокурора РСФСР по факту грубого нарушения закона.

Генеральный прокурор СССР является должностным лицом, на которое Конституцией СССР возложен высший надзор за соблюдением законов гражданами, организациями и должностными лицами, а также принятие мер к охране законных прав и интересов граждан от преступных посягательств. В соответствии с действующим законодательством он был обязан по моему заявлению привлечь к уголовной ответственности Прокурора РСФСР и принять предусмотренные законом меры к пресечению преступных действий должностных лиц правоохранительных органов.

Однако никаких законных действий по этому заявлению о преступлении Генеральным прокурором СССР в установленном порядке принято не было, не было даже простой отписки. Генпрокурор молчит как Зоя Космодемьянская. Что также является грубым нарушением закона, причинившим существенный вред официально провозглашаемым интересам государства, направленным на обеспечение законности и правопорядка в стране, а также охраняемым законом правам и интересам граждан. Тем самым Генеральный прокурор СССР, как и Прокурор РСФСР, в свою очередь совершил преступление, подходящее под признаки ст. 170 УК РСФСР (злоупотребление властью).

Как говорится, рука руку моет – судья, совершив преступление, отказал в правосудии, а Прокурор РСФСР заодно с Генеральным прокурором СССР также совершили преступления, не приняв надлежащих мер к устранению беззакония. Особо подчеркну, что все преступления чиновники творили не таясь, в открытую.

Кому-то может показаться странным, что в креслах Прокурора РСФСР и Генерального прокурора СССР сидят люди, которые совершают преступления и не особо это скрывают: «Ну и прокуроры у вас! Куда ни глянь – одни уголовники». Да что поделаешь. Уж какие есть. В этом государстве и не такое бывает.

Что делать, если сам Генеральный прокурор СССР совершил преступление? Действующим уголовно-процессуальным законодательством не установлено, кто правомочен возбуждать уголовные дела в отношении Генерального прокурора СССР. Из чисто спортивного интереса мною 02.07.90 г. в Прокуратуру СССР на имя Генерального прокурора СССР было подано заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 170 УК РСФСР в отношении Генерального прокурора СССР по факту совершенного им преступления.

Разумеется, на это заявление – ни ответа, ни привета. Многим покажется абсурдным мое требование к Генеральному прокурору СССР возбудить уголовное дело против него самого. Но, скажу по большому секрету, последнее заявление я подал специально для того, чтобы наглядно продемонстрировать всю абсурдность самой мысли о возможности правового государства в СССР, о том, что советская власть всерьез намерена соблюдать собственные законы и права человека, этими законами гарантированные. И это не какая-то моя литературная гипербола – по официально действующим советским законам такое поведение Генпрокурора СССР действительно квалифицируется как преступление.

Во всяком случае, все предусмотренные действующим советским законодательством средства привлечения чиновников-преступников к уголовной ответственности мною исчерпаны, а результат налицо. Государство не хочет и, самое главное, не может соблюдать собственные законы, в том числе и охраняющие граждан от преступных посягательств должностных лиц, а заставить его некому. Апеллирующая всегда к западному общественному мнению горстка людей сейчас не в счет – Запад заморожен горбачевской перестройкой, как кролик, сам лезущий в пасть к удаву.

Еще один эпизод. Определение об оставлении заявления без движения может быть обжаловано в порядке надзора путем подачи жалобы соответствующему должностному лицу, которое может (если захочет) принести протест на это определение. Правом принесения протеста в порядке надзора на определения райнарсудов г. Москвы обладает председатель Мосгорсуда. Для очистки совести я направил ему надзорную жалобу на определение судьи Щупляка, которая поступила в Мосгорсуд 29.04.90 г.

Членом Мосгорсуда Архиповой Л.А. эта жалоба 03.05.90 г. была направлена председателю Сокольнического райнарсуда, что само по себе незаконно, так как председатели нарсудов неправомочны рассматривать надзорные жалобы. 18.07.90 г. помощник прокурора Сокольнического района Иванов И.Л. официальным письмом сообщил мне, что по журналу регистрации Сокольнического райнарсуда моя надзорная жалоба не значится.

Вот так-то! Мосгорсуд в нарушение закона направил жалобу в народный суд, где она и исчезла загадочным образом. Как видно, судейские не брезгают не только преступлениями против правосудия, но и классической уголовщиной – кражами судебных документов. Случай этот, может и не очень типичный для наших правоохранительных органов, но и не такая уж большая редкость. Здесь нет ничего непонятного. Из надзорной жалобы ясно, что определение судьи незаконно и подлежит отмене, а дело по иску Григорьянца о защите чести и достоинства должно быть рассмотрено и разрешено по существу в открытом судебном заседании. Но зачем руководству Мосгорсуда искать самим себе

неприятности?! Вот они и отфутболили ее... в никуда. Плохо конечно, но все же легче, чем принимать по ней решение по существу – приносить протест на неправоудное определение, или писать в мой адрес официальный ответ с очень глупым обоснованием отказа в опротестовании.

В любом обществе, демократическом или не очень, существуют различные механизмы защиты прав и свобод. В США, например, сила общественного мнения громадна, и средства массовой информации очень часто имеют определяющее значение и влияние на формирование внешней и внутренней политики государства. Случись там мало-мальски значимое нарушение прав и свобод, охраняемых американскими законами, как на это сразу начинает реагировать пресса, правозащитные и другие общественные организации – возникает общественный резонанс. Немедленно и необходимо следует реакция соответствующих государственных органов для восстановления нарушенных прав, и привлечения виновных к юридической ответственности.

В правовых науках эти государственные структуры, уполномоченные в пределах своей компетенции принимать непосредственные юридические меры к устранению нарушений закона и к наказанию виновных, именуется «узкоюридическими механизмами». В отличие от механизмов общественных – средств массовой информации, общественных организаций и других, действие которых осуществляется опосредствованно через общественное мнение, или, опять же, через узкоюридические механизмы.

Все юридические гарантии прав и свобод в обществе могут быть обеспечены в конечном счете только действием государственных узкоюридических механизмов, немедленно реагирующих на все ставшие известными нарушения закона. Особенно это относится к преступным нарушениям должностными лицами государства охраняемых законом прав граждан. Нет законного реагирования государственных механизмов – нет реальных юридических гарантий прав и свобод человека и гражданина, что бы там ни было написано в конституциях и законах.

Америка считается одной из самых демократических стран, но представьте себе, что общественные механизмы защиты прав и свобод там есть, а узкоюридических – нет. То есть официально узкоюридические механизмы там как бы есть, но на практике не действуют. Это если бы в США какой-либо госчиновник грубо нарушил права и свободы гражданина, причем такое нарушение по американским законам считалось бы преступлением, – все общество этим возмущается, негодует и протестует, а реакции правоохранительных органов – никакой, будто их на белом свете не существует. Можно себе такое представить по отношению к любой, пусть даже не очень демократической стране?! Так почему демократический Запад представляет себе такое по отношению к перестроечному СССР, якобы осуществляющему демократизацию?!

Получается, что демократизация есть, а юридических гарантий прав и свобод граждан как не было, так и нет. Без обеспечения деятельностью узкоюридических механизмов, все законы, что бы в них ни было написано на бумаге, превращаются в обыкновенные благие пожелания.

Вопрос о деятельности узкоюридических механизмов опять же по сути сводится к тому, как государство соблюдает свои собственные законы. Реальная демократия отличается от чего-то другого, прикрытого демократической мишурой, прежде всего деятельностью узкоюридических механизмов, обеспечивающих юридические гарантии прав и свобод не в теории, а на практике. То есть общественные акции по поводу грубых нарушений законных прав обязательно должны иметь необходимые правовые последствия через

реагирование узкоюридических механизмов с целью пресечения нарушений и восстановления нарушенных прав. Но у нас этому вопросу особого внимания не придают ни наши, ни западные аналитики-политологи-советологи. Как будто и углубляющиеся демократические реформы, и расширяющийся произвол властей существуют одновременно в одном обществе сами по себе, независимо друг от друга, и друг с другом никак не соприкасаются.

Если дело с обеспечением и реализацией на практике гарантированных законом прав и свобод через государственные узкоюридические механизмы остается в принципе без изменений, только произвол государства все расширяется, то все разговоры о демократизации так и остаются пустыми разговорами, не влекущими серьезных правовых последствий – существенных изменений в правоотношении «гражданин – власть». Похоже, у нас хотят построить демократию без прав человека.

Самое интересное, что узкоюридические механизмы, в отличие от общественных, есть во всех государствах без исключения – от супердемократических до откровенно людоедских. Иначе государство не будет государством. В тоталитарных диктатурах нет свободы слова, легальных оппозиционных общественных структур, но государственные узкоюридические механизмы есть обязательно, только методы и цели их деятельности прямо противоположны демократическим. У нас же, в перестроечные времена, общественные демократические механизмы как бы есть, а узкоюридических механизмов в вопросах гарантий законных прав граждан как бы нет. Официально они есть, но на практике не действуют.

Во всяком случае, сообщения перестроечных и демократизирующихся средств массовой информации о грубейших нарушениях гарантированных законом прав граждан почти никакой юридической реакции государства не вызывают. Как нарушать права, у государства все есть, даже с избытком, – как защитить, так ничего нет. Этакая частичная государственная беспомощность, из-за которой многие говорят о царящей у нас анархии. Но если это и анархия, то она у нас весьма своеобразная – появляется только тогда, когда государству выгодно. А когда не выгодно, то у нас сразу узнается хорошо знакомый прежний советский тоталитаризм, пусть даже прикрытый перестроечно-демократической бутафорией. Вообще-то ссылки на анархию у нас довольно широко распространены, поскольку позволяют выдать прежний по сути режим за нечто совсем другое.

3. Слово и дело

Сейчас перестроечная советская пропаганда трубит на весь мир о приоритете прав человека и общечеловеческих ценностей, о примате права во внутренней и внешней политике, о построении правового государства. Во время встреч на различных уровнях советское руководство заверяет всех, что массовые беззакония и нарушения прав человека в истории СССР являются лишь трагическими недоразумениями, которые безвозвратно канули в прошлое. Что в эпоху гласности и перестройки государство принимает все меры к охране прав своих граждан. Нетрудно понять истинную цену этой болтовни.

Как и прежде государство попросту не желает соблюдать права своих граждан, гарантированные как внутренним законодательством, так и международными договорами СССР, если это не согласуется с интересами власть имущих. А ведь каждый человек имеет право на защиту чести и достоинства, на правосудие, на охрану своих прав и интересов от преступных посягательств

должностных лиц государства. Когда дело касается хоть сколько-нибудь значимых интересов властей, и судьи, и прокуроры, во главе с Генеральным, всегда готовы растоптать все права человека, не дрогнув пойти на любое преступление, лишь бы соблюсти эти интересы.

В нынешней обстановке всеобщего покаяния и нравственного обновления общества на страницы официальной прессы пробили себе дорогу доброжелательные публикации как о независимых изданиях, так и об их редакторах и издателях. Не отстает от велений времени и «Литературная газета». Правда, покаяние официальной прессы довольно оригинально – оно носит ярко выраженный избирательный характер. Для той же «Литгазеты» одни правозащитники служат сейчас объектом преклонения, другие почему-то так и остаются шпионами и диверсантами, пытающимися взорвать что-то посредством неподцензурного слова. Интересно, по какому принципу газета отличает правозащитников «чистых» от «нечистых». Может быть, редакция «Литературной газеты» располагает подлинными данными, что Сергей Григорьянц шпион? Почему бы газете тогда не опубликовать эти данные, подкрепив голословные обвинения конкретными фактами?!

Впрочем, в настоящей статье речь идет о правосудии, а не о нравственности сотрудников печатных флагманов перестройки и демократизации. Я не предъявляю претензий с нравственной стороны к «Литературной газете» за то, что она не хочет извиняться перед Григорьянцем за грязную публикацию. И не говорю, что газете, основанной Пушкиным, некрасиво обвинять в измене Родине людей, виновных всего лишь в осуществлении своего права на свободу слова без разрешения властей. Нет смысла говорить о нравственности газеты, главный редактор которой возглавляет официальную комиссию по правам человека, а один из ведущих журналистов является председателем секции «Пен-клуба». Неудивительно, что с такими правозащитниками в стране еще хватает политзаключенных. В том числе и осужденных по фальшивым обвинениям в шпионаже и других видах измены Родине. Но дело не в этом.

Пишу я все это вовсе не из-за какой-то там личной неприязни к перестроечным изданиям – я и вообще-то не любитель публичных нападок, если они не вскрывают суть общественных процессов. Просто обращаю внимание на такое важное общественно-политическое явление, имеющее глубинный характер, как полная подконтрольность прессы, ее послушность указаниям властей. Умолчание об одном и грязные нападки на другое – две разные стороны одной медали. В наше бурное время все меняется очень быстро, и вполне возможно, что сейчас «Литгазета» просто вежливо бы извинилась за свою статью двухгодичной давности, если бы власть этому не препятствовала. Если бы перестроечные советские суд и прокуратура не выделяли по иску Григорьянца все вышеперечисленные «фокусы» – это одно, а если правоохранительные органы пошли на все возможные грубые нарушения закона, чтобы только не допустить рассмотрения иска в суде по существу – дело совсем другое. Такое весьма своеобразное вмешательство государства в отношения Григорьянца с редакцией «Литгазеты» переводит эти отношения в совсем иную плоскость – в область правоотношений «гражданин – власть». И дело здесь разумеется не только в одной «Литатурке». У нас вся пресса такая, а другой – нет. Самиздат здесь не в счет.

Дело в том, что такая пресса считается основой демократизации. Но что может быть построено на такой основе?! Не собираюсь идеализировать демократическую прессу Запада, там тоже может случаться всякое. Но не следует смешивать отдельные эксцессы с устойчивой целенаправленной политикой государства по управлению всеми средствами массовой информации. То

обстоятельство, что сейчас перестроечная пресса может позволить себе несоизмеримо больше, чем пресса застойных времен, в нашей стране само по себе еще ничего не значит. Сравните застойные газеты с газетами сталинских времен, и застойная брежневская пресса будет выглядеть супердемократической. У нас всегда СМИ демократизируются только в тех пределах, которые разрешены Идеологическим отделом ЦК КПСС, и под полным контролем власти.

Может ли кто-нибудь разумно объяснить мне-дураку, в чем принципиальное различие между горбачевской и брежневской прессой?! И тогда, и сейчас пишут только о том, о чем разрешено властью, хотя все, включая читателей, знают намного больше. Принципиальной разницы нет никакой. Во всяком случае, никто из демократов-перестройщиков членораздельно ее объяснить не может. Только некоторые прорабы перестройки изредка вынуждены из себя скупно выдавливать: официальной цензуры нет, но есть в нас «внутренний цензор». Следует разъяснить, что «внутренний цензор» – это и есть внутреннее сопряжение журналистов и редакторов с текущими потребностями власти. Адекватное отражение в СМИ сути происходящего в обществе здесь ни при чем. Конечно, грань между разрешенным и запрещенным сейчас стала гораздо более размытой, чем при Брежневле. Но в брежневские времена такая грань была еще больше размыта по сравнению с временами товарища Сталина. Все различия назвать принципиальными по существу нельзя даже с большой натяжкой.

А ведь «революционное раскрепощение советских СМИ» и у нас, и на Западе считается пока что самым главным и почти единственным результатом перестройки и демократизации. Мало того, только в таких СМИ и видят основную гарантию необратимости демократических реформ. Запад считает, что если даже Горбачев их и обманывает, то все равно он обманул самого себя – разрешив обществу свободу слова, он выпустил джина из бутылки, и обратно его уже так просто не загнать. Ну что ж, как говорится, блажен, кто верует. И ничего особо здесь изменить не может введенный с 1 августа 1990 года Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», статья 1 которого официально гарантирует свободу слова и недопущение цензуры. Как это государство относится к соблюдению своих законов хорошо известно. А если кому не известно, то рекомендую вспомнить, что у нас творилось под прикрытием сталинской Конституция СССР 1936 г., которая полностью соответствовала мировым демократическим стандартам. Да и история с иском Григорьянца тоже дает об этом некоторое представление на основе конкретных фактов. Главное принципиальное отличие наших перестроечных СМИ от подлинно демократических в том, что они хотя и говорят о многом ранее запрещенном, но делают это в пределах, разрешенных перестроечной властью, и за эти пределы особо не выходят.

Публично отрекшись от прошлых зверств, советское руководство обычно сваливает всю вину за нынешние на несовершенство действующего законодательства – мы мол уже перестроились, стали хорошими, а если чьи права сейчас и нарушаются, то виноваты в этом не мы, а плохие законы. Потерпите немного, вот примем новые хорошие законы, тогда будет у нас и демократия, и права человека будут соблюдаться как во всем цивилизованном мире.

Особо подчеркну, что в описанном случае несовершенство законов ни при чем. Законы-то как раз были очень совершенны – они запрещали чиновникам творить произвол под страхом уголовного наказания. Больше того, советское законодательство настолько совершенно, что либо вышестоящий прокурор привлекает к уголовной ответственности нижестоящего за преступные нарушения прав граждан, либо сам должен нести уголовную ответственность за злоупотребление властью. Все дело не в законах, а в тоталитарной сущности

советской системы, основанной на таком произволе и беззаконии, которые даже по законам государства расцениваются как преступные посягательства на права граждан.

Боюсь, что на Западе многие ведущие специалисты по Советскому Союзу явно поспешили с заявлениями о немислимых успехах горбачевских реформ в политической жизни советского общества и о конце тоталитаризма в СССР. Вопреки широко распространенному на Западе мнению, аппарат не поделил, да и не собирается делить свою абсолютную власть с кем-либо. О реальных переменах в политике следует судить не по словам официальной прессы, а по делам должностных лиц государства. Дела же эти свидетельствуют, что утверждения о коренном изменении тоталитарной сущности советского режима являются не более чем очередным перестроечным мифом.

В самое последнее время, когда бывшие диссиденты-политзеки, эмигрировавшие на Запад при застое, понемногу начали получать возможность приезжать в Союз, я заметил один трагикомичный момент. Там на Западе, внимательно следя за положением у нас и видя торжество гласности, свободы слова и других демократических атрибутов, они, как много и достойно ради таких свобод сидевшие, твердо уверились, что советскому тоталитарному режиму пришел конец. Но здесь по самым мелким, порой только им заметным признакам (советская тюрьма очень хорошо приучает обращать пристальное внимание к мелочам) они сразу узнают все ту же прежнюю советскую власть. Долгие годы эмиграции не проходят бесследно, не могут они совместить две несовместимые для них вещи – демократические формы и советское содержание – и оттого у некоторых из них начинается, что называется, «ехать крыша».

Не буду здесь повторять давным-давно уже набившую оскомину среди диссидентов фразу о том, что Запад в нашей жизни ничего не понимает и понять не способен. Он и в царской России понимал не особо много, ну а о его понимании нас после 1917 года лучше вообще не говорить. Этот вопрос о понимании нас Западом – он всегда сознательно или подсознательно был одним из самых основных среди диссидентов с самого начала правозащитного движения в СССР. Попытка объяснить Западу нашу реальность, явно или неявно, в диссидентской деятельности присутствовала всегда, что бы там некоторые диссиденты сейчас публично не заявляли.

Многие наши очень умные люди многие годы пытались и пытаются объяснить Западу, что у нас есть что, при этом бились и бьются как рыба об лед, – и все безрезультатно. Некоторые частности там еще понимают, а насчет основных принципов дело с места никак не сдвигается. Я и не пытаюсь, где уж мне – слишком много существенных различий. Теории западных советологов явно неадекватны реальностям нашего общественно-политического положения. Выработанные и опробованные всей историей западных стран общественно-политические принципы государственного устройства к нам или вообще не подходят, или подходят с очень большими оговорками, в основном сводящими на нет их демократическую суть. Но почему бы не подойти к сравнению двух различных миров с чисто правовых позиций, и на некоторое время не отвлечься от сравнений по сопутствующим внешним видимым признакам – от внешней демократической атрибутики, которая у нас служит лишь благовидным прикрытием для чего-то по сути совсем другого. Но наиболее важные принципы права являются общими и для них, и для нас. Потому некоторые вполне понятные Западу сравнения привести стоит. Никто не требует от западных аналитиков понимать то, что они патологически понять неспособны, но для сравнения неплохо обратить внимание хотя бы на их собственную историю становления и развития демократии.

На Западе считают, что перестроечный Советский Союз революционными темпами идет по пути демократизации, но при этом никак не хотят обращать серьезного внимания на действия (и бездействие!) советских узкоюридических механизмов, как будто они ничего не значат. Ладно. Но во всемирной истории днем победы Великой французской революции считается день взятия Бастилии, которая была тюрьмой – структурным подразделением узкоюридических механизмов королевской власти Франции. А вот деятельность наших сегодняшних узкоюридических механизмов Западу не интересна – наличие у нас демократизации доказывают сравнением каких-то внешних форм, имеющих вид демократических. Что в нашем государстве за этими внешними формами скрывается в реальной жизни, знать никто не желает.

По мнению западных специалистов, раз демократические формы и атрибуты (или их элементы) у нас присутствуют, то само собой считается, что и советские узкоюридические механизмы работают соответственно демократическим, без всякого анализа их действия. Приведенная здесь история с судом, прокуратурами, включая Генерального прокурора СССР, все это опровергает. Возражения, будто это исключительный случай, поскольку в нем замешаны очень большие интересы очень высокого начальства легко опровергнуть. В наши перестроечные времена газеты пишут о вопиющих случаях преступных беззаконий чиновников в отношении простых граждан, где интересы высокого начальства непосредственно не затрагиваются. А реакции узкоюридических правоохранительных механизмов обычно никакой не следует, или она явно неадекватна требованиям закона о защите прав граждан.

Да и требования закона, если это действительно закон, по правовому принципу равного масштаба, устанавливающего равенство всех перед законом, одинаково распространяются на все случаи нарушения прав, независимо от того, замешаны там интересы высокого начальства или нет. Закон – он или обладает высшей юридической силой и имеет императивный, то есть общеобязательный характер действия, или превращается в благие пожелания, которые ни для кого не обязательны, как не имеющие юридической силы.

Одним из важнейших памятников демократической истории государства и права является английская Великая хартия вольностей (Magna Carta) 1215 г. Все ее положения пронизаны мыслью о том, что королевская власть ограничивается законом. По нашим временам это такая простая и всем понятная мысль. Но историки утверждают, что принужденный подписать Хартию английский король Иоанн Безземельный при ее подписании «не помнил себя от злобы и бешенства, катался по полу, грыз солому и куски дерева». Хартия вводила очень скромные, по современным меркам, права граждан и ограничения королевской власти, да и те, в основном, в интересах верхушки феодальной аристократии, но тем не менее впервые в феодальные времена был законодательно закреплена правовая принцип ограничения любой власти законом. Поэтому и сейчас Великая хартия вольностей совершенно справедливо считается «краеугольным камнем демократии» и основой основ конституционного права Великобритании и США.

Необходимо отметить, что мысль о том, что любая власть должна быть ограничена законом, сейчас является простой и понятной где-нибудь, но только не в перестроечном демократизирующемся советском государстве, в котором вплоть до самого последнего времени требования граждан к власти о соблюдении ее собственных законов квалифицировались как особо опасные государственные преступления или как проявления вялотекущей шизофрении. Кого за это в тюрьмы, кого в психушки, а кого после тюрем и психушек обменяли на Луиса Корвалана. У нас и сейчас к требованиям граждан о соблюдении законов начальство относится, мягко говоря, не очень доброжелательно. Говорить же о

реабилитации бывших политзеков в то время, когда их еще не всех освободили из тюрем, лагерей и психушек – вообще бессмысленно.

Наряду с Великой хартией вольностей свое достойное место в ряду великих демократических памятников права занимает принятый в Англии 26 мая 1679 г. «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточения за морями». Это тот самый знаменитый среди историков государства и права, да и не только среди них, Хабеас Корпус (Habeas Corpus), устанавливающий для граждан четкие гарантии судебного контроля правильности ареста и возможности судебной защиты от произвольного заключения под стражу. Надо сказать, что и до издания Акта в Англии существовали возможности судебной защиты от незаконного ареста, но они были явно недостаточны для надлежащих гарантий прав граждан в этой области. Кроме того, арестованного могли до суда отправить под стражей в заморские владения Англии, где на него не распространялись даже те недостаточные гарантии, существовавшие до издания Акта Хабеас Корпус. Принятый Акт установил особую процедуру, основная цель которой заключалась в четком определении правового положения лица, до суда находящегося под стражей, и окончательно отрегулировал сложный юридический механизм, обеспечивающий права личности судом в случае ареста.

Особо подчеркну, что Хабеас Корпус вроде бы провозгласил и установил не основные права человека и гражданина по отношению к власти во всех областях жизни общества. И даже не основные принципы правового положения личности по отношению ко всей деятельности узкоюридических механизмов государства, включая общие гарантии осуществления правосудия. Нет, Акт распространялся только на один вид деятельности государственных правоохранительных механизмов – на заключение под стражу. Он всего лишь определил процессуальные гарантии обжалования в суд правомерности ареста в ходе следствия – еще до рассмотрения судом обвинения в полном объеме по существу. Но тем не менее, то особое значение, придаваемое Акту и его современниками, и историками всех последующих поколений, совершенно справедливо. Если гражданина незаконно арестовывают и до суда под стражей высылают на сахарные плантации Барбадоса или Ямайки, то там, обливаясь потом и кровью под плетью надсмотрщиков, он может рассуждать о правах и свободах человека и гражданина сколько будет душе угодно.

4. Демократия и действительность

В Советском Союзе всегда все было гладко на бумаге – на газетных страницах. В застойные времена в реальной жизни творилось черт знает что, но в газетах все было гладко: у нас все делается по закону, закон и практика едины; отдельные недостатки пока еще иногда встречаются, но мы с ними боремся, развивая критику и самокритику. Из реальной жизни в газеты мало что попадало. В перестроечные времена в советской газетно-журнальной «бухгалтерии» концы с концами перестали сходиться даже на бумаге. С одной стороны – на страницах перестроечных изданий описания массовых случаев произвола и беззакония, а с другой стороны – мало того, что за эти сегодняшние случаи юридического издевательства над гражданами почти никто никогда не несет никакой ответственности, да еще и этот произвол не пресекается и не прекращается.

Чиновники творят беззакония, перестроечная демократизирующаяся пресса эти беззакония вскрывает и чиновников ругает. А они, госчиновники, на это особого внимания не обращают, знай себе и дальше попирают закон. А Васька слушает, да ест. Свобода слова считается сейчас главным реальным достижением

всех горбачевских реформ, и на таком фоне действенность, влияние на реальную жизнь этой свободы выглядит совсем нехорошо. Даже на замороженном перестройкой Западе некоторые начинают недоумевать от такой нестыковки – слишком явно проступает вся суть перестройки и демократизации. На газетных страницах произошел дисбаланс, отражающий вопиющие противоречия реальной перестроечной советской жизни, и этот дисбаланс требовал разъяснений.

Рационально разъяснить здесь ничего нельзя, но можно напустить побольше тумана. Тогда демократы-перестройщики достали из нафталина и приняли на вооружение старый коммунистический лозунг «укрепление социалистической законности». Этот лозунг в перестроечной мифологии занимает одно из основных мест, наряду с усовершенствованием законов. А какая же тогда у нас сейчас законность? Не укрепленная?! Но юридически законность – это принцип строгого соблюдения законов, положенный в основу функционирования государственного механизма. А принципа не может быть больше или меньше – он либо есть, либо его нет вообще. Это как свежесть, которая бывает только одна – первая, она же и последняя. И любая неукрепленная законность есть беззаконие, точно также как осетрина не первой свежести – тухлятина. Укреплять законность введением новых законов еще более нелепо, чем освежать тухлятину. Тухлятину можно только выбросить.

И, самый главный миф всей нашей современной мифологии – о несовершенстве законов, как первопричине всех беззаконий. Этот миф с самого начала служит теоретическим правовым фундаментом перестройки и демократизации. Все остальные перестроечные юридические мифы в конечном итоге сводятся именно к нему – к необходимости усовершенствования законов для прекращения произвола властей и начала демократической счастливой жизни. Это явно прослеживается и по общедоступной публицистике, и по академическим научным изданиям – от юридических до философских.

Иногда доходит до анекдотов. Высокоумные юристы-перестройщики говорят: произвол и беззакония творятся потому, что если у нас и есть хорошие законы, то они не действуют – надо принять закон, обязывающий всех чиновников соблюдать законы, вот тогда-то хорошие законы будут действовать. Хотят принять закон о соблюдении всех законов!!! Но если чиновники и раньше соблюдали свои собственные законы только тогда, когда им выгодно, то и этот закон соблюдать вряд ли будут. Что делать тогда? Еще один закон принимать?! Но если и он... И так далее – до бесконечности. Юридическую обязательность законам на практике придает необходимое и постоянное действие принципа неотвратимости ответственности. Именно он, в конечном итоге, делает право правом – не только на бумаге, но и в реальности. А где у нас его действие в отношении всем известных случаев произвола властей?!

Все права и свободы на практике могут быть юридически гарантированы только принципом неотвратимости ответственности, когда за каждым наказуемым нарушением законных прав неотвратимо следует ответственность, в том числе и, в установленных законом случаях, – уголовная. Конечно, обществу не должны быть чужды милосердие и прощение, вызывающие и смягчение нравов, и уважение к обществу, и еще много всего хорошего. Не следует только путать милосердие и прощение с бессилием общества перед преступлениями власти. Бессилие не вызывает ничего, кроме презрения к обществу, как со стороны тех, кто совершив тяжкие должностные преступления, остался безнаказанным, так и со стороны тех, кто понес тяжкие наказания без вины.

Многие сейчас касаются темы нравственного обновления советского общества. Если эту тему спроецировать на законность и правопорядок в обществе, то получится примерно такая картина. Должностные преступления

известны, чиновники-преступники известны всему обществу, но к уголовной ответственности, как правило, не привлекаются. Это подобно ситуации на многолюдной площади, когда несколько грабителей грабят кого-нибудь, а вся площадь стоит, смотрит, громко возмущается и... ничего не делает – ждет, что будет дальше. В этой картине наглядно проявляется все – и мораль, и право, и гражданская доблесть такого общества вместе с нравственностью.

И право, и мораль общества наиболее ярко выражаются в его отношении к преступлениям власти против граждан. Почему многие должностные преступники, фабриковавшие и фабрикующие фальшивые уголовные дела, пытавшие и осуждавшие невиновных людей, остаются безнаказанными, преспокойно разгуливают на свободе, хотя по их собственным законам давно должны сидеть на нарах? Что это за нравственность в обществе, которое позволяет преступникам во власти не только оставаться безнаказанными, но и дальше совершать должностные преступления?! Нынешняя перестроечная нравственность выглядит еще подлее и гаже прежней застойной. Сейчас откровенную подлость общества выдают за его новую высокую нравственность. Такого даже в застойные времена не было. Новую «не тухлую» законность можно только установить вместо беззакония, а не «вырастить» из него путем реформирования, да еще под руководством перестроечной КПСС. Способно ли на это советское общество? Если принять во внимание качества нашего общества, описанные выше в сцене на многолюдной площади, то вряд ли.

В горячих и непримиримых спорах о дальнейших путях развития нашего общества при выходе его из коммунизма между западниками и почвенниками, вылившихся сейчас на страницы печатных изданий, проглядываются очень общие черты одних и других. Эта общность заключается в единой для них глубинной причине – в утопичности двух враждующих идеологий. Если общество настолько безвольно, что не может заставить государство соблюдать его же законы, гарантирующие права и свободы граждан, то идея демократии является для такого общества такой же утопией, как идея коммунизма для всего мира.

В принципе то же самое относится и к идее соборности – что толку в особом духовном единении всего общества, если внешне это никак не проявляется, то есть не может защитить все общество и его «соборных» членов от беззаконий власти. На это в принципе очень похожи некоторые наши прорабы перестройки, типа Евгения Евтушенко, которые сейчас заявляют, что «внутренняя гласность» у них была всегда. Может быть, внутри-то гласность у них была всегда, только вот за пределы кухонь никогда не выходила – внешне никак не проявлялась. Не говоря уже о том, что обе стороны в сотрудничестве с советским режимом измараны изрядно.

Любая утопия, особенно при попытке воплотить ее в жизнь, не может существовать без образа врага – иначе она рухнет до основания, лопается как мыльный пузырь. Поскольку при попытке осуществления любых утопических теорий на практике, результат обычно получается прямо противоположный желаемому, то жизненно необходим враг, на зловещие происки которого можно свалить весь негативный результат. Врага можно придумать, но чаще всего реально существующему врагу приписывают то, на что он просто не способен при всем его желании – реальное значение его «происков» несоизмеримо преувеличивают. «Жидомассонский заговор» – для славянофилов. «Ястребы-консерваторы» в Кремле и «силы торможения» во власти, везде и всюду препятствующие процессу перестройки и демократизации, – для западников-перестройщиков. Дело не в «силах торможения», а в полном отсутствии у нас сколько-нибудь реально значимых движущих сил демократии, способных хотя бы

заставить власть соблюдать права граждан, гарантированные официальными законами этой власти.

Слава Богу, диссидентов сейчас сажать перестали, хотя прежних политзеков еще далеко не всех освободили, особенно тех, у кого нет мировой известности. Но даже если бы их всех уже выпустили, то в нашей стране это многого не изменит. А как же широкие народные массы – тот самый народ, именем которого наши демократы-перестройщики освящают все свои действия?! Массовые произвол и беззаконие против самых широких слоев простых граждан не только не прекращаются, но все больше начинают расширяться. В нормальных странах этого не может быть, потому что не может быть никогда. Там отсутствие политзеков и свобода слова, с одной стороны, и массовый произвол государства, с другой стороны, – вещи не совместимые, так как они взаимно исключают друг друга. Такое возможно только в нашем безвольном обществе, неспособном заставить государство соблюдать его же собственные официально действующие законы. Пользуясь этим безволием, кремлевские вожди не только всегда делали с таким обществом все, что хотели, но и с неизменным успехом обманывали Запад, благо он сам был всегда готов обманываться.

Особенно ярко такой обман проявляется с самого начала горбачевской перестройки, когда любые демократические заявления членов Политбюро ЦК КПСС, и в первую очередь Генсека, воспринимаются Западом как чистая монета. Нельзя сказать, будто Запад не способен предположить, что его могут так нагло обманывать. Он, конечно, все это во внимание принимает (когда хочет) и внимательно анализирует. Тамошних аналитиков губит их же логика. Они рассуждают так: заявления произносятся публично, и если нас и обманывают, то собственное общество все равно потребует от Кремля выполнения им же публично данных своих обещаний.

Логика рассуждений вообще-то правильная, но к нам не подходит – наше безвольное общество все равно от власти потребовать ничего не сможет. Если могло, то давно потребовало бы – еще задолго до прихода к власти Горбачева. Кто нашему обществу мешал давным-давно это сделать?! Или никто у нас не понимал, как плохо живем?! У нас советская власть на иностранных штыках никогда не держалась, в отличие от Восточной Европы. Да Прибалтика и некоторые другие территории были присоединены к Советскому Союзу в тридцатых-сороковых годах путем ввода туда Красной Армии и НКВД.

У западных экспертов-аналитиков все основные ошибки в исходных данных: они считают наше безвольное общество в принципе таким же, какими они существуют в западных демократических странах. По-моему эта ошибка является основой вопиющего непонимания профессиональными западными советологами и всем Западом нашей жизни. Здесь под ошибкой я имею в виду добросовестное заблуждение – то есть когда люди действительно хотят понять истинное положение дел и добросовестно ведут исследование, но из-за неосознанной ошибки в самой основе умозаключений приходят к ложным выводам. Сюда не относятся те специалисты, которые в силу определенных причин кровно заинтересованы в нужной для них оценке наших реальностей. Им не столь важно, правильные их теории или нет – для них самое главное, чтобы эти теории давали такие выводы, которые им нужны.

Еще один распространенный аргумент перестройщиков: произвол носит широкий размах, но органы ГБ сейчас особого отношения к нему уже не имеют. И что же? Если ГБ к нынешнему произволу не причастно, то этот произвол уже и произволом можно не считать?! У наших бескомпромиссных поборников демократии лихо получается – произвол возрастает сам по себе, демократизация идет сама по себе – друг другу они не мешают, если ГБ в это не вмешивается.

Общепринятые мировые стандарты, вполне подходящие ко всем нормальным государствам, к нашему ненормальному государству не подходят. Лично мне кажется, что во всех этих высокоморальных и с первого взгляда очень умных заявлениях демократов-перестройщиков присутствует изрядная доля подлости и глупости. Так, многие перестройщики сейчас восхищаются Горбачевым: Брежнев нам не разрешал публиковаться на Западе (а сами без разрешения не могли) – он был плохой, Горбачев нам это разрешил – он хороший. Об отношении большинства народа к Горбачеву предпочитают помалкивать. Но здесь вопрос гораздо шире. Почему мало кто обращает внимание, как правовые последствия перестройки и демократизации отражаются на широчайших народных слоях?!

Господа большие правозащитные начальники! Смеем обратить ваше внимание, что если вас перестали сажать за политику, то в нашей стране это само по себе еще не значит, будто идет демократизация. Случаи произвола властей по отношению к диссидентам в нашей стране составляли мизерный процент от массовых беззаконий государства против всего населения страны. Вам никогда не приходило в голову, что если демократия – власть народа, то говоря о демократизации, в первую очередь надо выяснить, как обстоит дело с юридическими правами простых граждан, составляющих подавляющее большинство населения, а уж потом о самих себе?! Или в голову вам это приходило, но дела с правами простых граждан сейчас обстоят еще хуже, чем в застойные времена, и вам очень не хочется поднимать этот вопрос?! Что вы и делаете.

Интересно у нас получается. Когда я говорю нашим теоретикам от демократии о постоянных и безнаказанных преступлениях должностных лиц государства против охраняемых законом прав граждан, от меня отмахиваются: «Ну и что?! Просто все они такие сволочи!» И... продолжают дальше восхищаться своими супердемократическими теориями, а заодно и самими собой. Не хотят задаваться вопросом, что подлинная демократия и неотвратимость уголовной ответственности чиновников за такие нарушения прав граждан, которые по их собственным законам считаются должностными преступлениями – две неразделимые вещи. Если нет ответственности начальников даже за преступления против демократических прав и свобод граждан, за преступления, совершенные не когда-то в далеком прошлом, а которые постоянно совершаются с все возрастающим размахом, то все самые умные теории демократизации сразу начинают выглядеть утопиями. А вся высокая мораль этих высокоумных теорий оборачивается лишь красивой оберткой – привлекательным фантиком для того, что в наших реальных условиях является откровенной мерзостью. Поэтому наши демократы очень не любят заострять внимание на том, что у нас в реальности скрывается за их теориями на практике. Умышленное шарханье от истины – верный признак нечистоплотности помыслов.

5. По суду надо и честь знать

Применительно к деятельности узкоюридических механизмов предусмотренные законом способы защиты гражданином своих прав и свобод различны: ведомственный контроль, прокурорский надзор и, самая высшая форма защиты, – правосудие. Так, если охраняемые законом права гражданина нарушены чиновником какого-либо министерства или ведомства, то гражданин может подать на чиновника жалобу его начальнику из того же министерства или ведомства. Это и есть так называемый ведомственный контроль, при котором каждый начальник обязан контролировать всех других начальников,

подчиненных ему по службе. Гражданин также может обратиться с жалобой на нарушение закона в органы прокуратуры, и такая жалоба подлежит рассмотрению в порядке прокурорского надзора – то есть прокурор в пределах своей компетенции обязан принимать меры прокурорского реагирования, направленные на устранение нарушений закона со стороны должностных лиц, даже если они ему по службе не подчинены.

А еще гражданин может обратиться за защитой своего права в суд, который по этому вопросу в порядке, установленном процессуальным законодательством, выносит решение или иной судебный акт. Вступившие в законную силу решение суда или иной судебный акт обладают высшей юридической силой и обязательны для исполнения всеми органами и должностными лицами, независимо от ведомственной принадлежности и высоты начальственного положения в системе государственной иерархии.

Именно поэтому правосудие считается высшей формой защиты прав и свобод человека и гражданина. Особенно хорошо это понимают в западных демократических странах, где без судов жить не могут. Нам с Григорьянцем отказали в праве на правосудие. Ему – в праве на защиту чести и достоинства от ложных измышлений, мне – в праве представлять его интересы в суде при осуществлении судопроизводства по делу. Опять же, отказ в праве на правосудие – это даже не вынесение неправосудного решения по окончании рассмотрения дела судом по существу. Это лишение нас права сделать так, чтобы рассмотрение дела в суде было хотя бы начато.

Все приведенные в данной статье факты тяжбы с правоохранительными органами перестроечного советского государства могут толковаться только однозначно – как четко определенные юридические факты, неопровержимо доказывающие грубые нарушения государством закона, в том числе и такие нарушения, которые по законам этого государства квалифицируются как уголовно наказуемые преступления. Правоотношения – это такие общественные отношения, в которых взаимные права и обязанности их участников (субъектов правоотношений) юридически установлены законом и им охраняются. И этим правоотношения отличаются от складывающихся в различных областях жизни всех иных общественных отношений – моральных, религиозных, любовных... Все нарушения законодательства являются правонарушениями – нарушениями юридических прав субъектов правоотношений.

Главное отличие преступлений от всех других правонарушений заключается в наиболее высокой общественной опасности преступных посягательств на правоотношения в обществе. Тем самым преступные нарушения должностными лицами охраняемых законом прав и свобод граждан – то есть нарушения, по уголовному закону считающиеся преступлениями, – представляют повышенную опасность для общества и должны решительно пресекаться. Отсюда необходимо следует, что преступным посягательствам госчиновников на права граждан должно уделяться повышенное внимание со стороны государства и общества с целью пресечения подобных деяний и наказания виновных.

Особое внимание эта тема заслуживает и с точки зрения исследования и правильного понимания глубинных общественных процессов. Никакие демократические реформы невозможны без соблюдения государством своих законов, гарантирующих права и свободы граждан. Напомню, что должностные лица при исполнении служебных обязанностей действуют от имени государства. Если государство в лице своих чиновников открыто и безнаказанно совершает преступные посягательства на охраняемые законом права и свободы граждан, то все споры о демократизации бессмысленны. Факт – вещь упрямая, а описанные здесь факты преступных беззаконий должностных лиц государства подтверждены

юридическими действиями (или бездействием!) официальных властных правоохранительных органов – суда, прокуратуры, в том числе и Прокуратуры Союза ССР с Генеральным прокурором СССР Сухаревым А.Я. во главе.

Еще более высокую опасность должностным преступлениям придает то, что в этом случае преступное деяние совершается не простым гражданином, а должностными лицами государства при исполнении ими своих служебных обязанностей от имени государства. И если при этом попираются гарантированные законом права и свободы граждан, то вред причиняется не только общественным интересам, но и официально провозглашенным интересам государства по строжайшему соблюдению своих собственных законов. Вопрос прост: если государство действительно кровно заинтересовано в соблюдении своими госчиновниками своих собственных законов, то почему эти чиновники остаются безнаказанными даже за преступления против таких кровных интересов государства?! Одним таким вопросом напроць опровергается вся перестроечно-демократическая мифология. Жаль только, что на это мало кто обращает внимание.

И судьи, и прокуроры явно не боятся никаких законодательных и исполнительных властей, благо они прекрасно понимают в чьих руках реальная власть. Чиновники правоохранительных органов так легко идут на преступления, поскольку твердо уверены, что любое беззаконие, совершенное ими в интересах тоталитарной системы, останется безнаказанным. А если они, Боже упаси, будут соблюдать законы, ограничивающие произвол властей, то это грозит им крупными неприятностями.

Нынешние перестроечные издания одной из главных причин произвола и беззакония при советской власти, наряду с несовершенством законов, называют обвинительный уклон в деятельности правоохранительных органов. С виду, вроде бы, так оно и есть. У нас издавна в широких народных слоях царила уверенность, что в поле зрения органов лучше не попадать – был бы человек, а статья всегда найдется. Только вот не понятно, куда это вдруг этот обвинительный уклон сразу исчезает, когда государственные должностные лица, в том числе и из этих самых правоохранительных органов, совершают должностные преступления и преступления против правосудия, посягающие на права граждан. По действующему советскому «несовершенному» законодательству уголовно наказуемы любые деяния должностных лиц, причинившие существенный вред охраняемым законом правам и интересам граждан. Независимо от того, совершены ли эти деяния умышленно или по неосторожности – ст. 170 УК РСФСР (злоупотребление властью), ст. 172 УК (халатность), ст. 179 УК (пытки и другие недозволенные методы допроса) и другие статьи.

Но случаи привлечения чиновников к уголовной ответственности за преступления против граждан настолько редки, что только подчеркивают общее правило о безнаказанности начальства. Да и эти исключительные случаи в подавляющем большинстве происходят по причинам не столько правовым, сколько из-за внутриаппаратных разборок чиновников в борьбе за власть, как, например, расстрел Лаврентия Берия и его приближенных по фальшивому обвинению в измене Родине. Самого Берия, ко всему прочему, обвинили в том, что он де – английский шпион. Нет неотвратимости уголовной ответственности – нет юридических гарантий от преступлений власти.

Ныне многие демократы говорят или, в крайнем случае, на публике ведут себя так, будто за ними стоят несметные демократические силы из самых широких слоев населения. Но есть один «проклятый» для них вопрос: чего стоят все ваши силы, если они не в силах заставить даже мелких чиновников соблюдать их собственные законы? Один такой вопрос выбивает у наших «демократов» из-

под ног всю основу их «демократической» деятельности. Не буду здесь описывать ни их реакцию на этот вопрос, ни все сплетни, которые из-за него обо мне ходят. Кстати сказать, нынешние демократы-перестройщики, основывающие демократизацию общества на принятии новых хороших законов, в большинстве своем происходят из той же либеральной советской элиты, которая в застойные времена с притворным возмущением упрекала диссидентов: вы что, требуете соблюдения советских законов для укрепления советской власти?!

Полнейшее пренебрежение чиновников всех рангов к правам граждан и требованиям закона полностью подтверждает точку зрения, согласно которой нынешние широкие демократические силы России являются не более чем фикцией. Они не способны не только вести общество к новым прорывам в царство свободы, но даже не могут заставить государство уважать те права и свободы, которые гарантированы его же официально действующими законами. Очень наивны люди, сумевшие разглядеть в этих движениях реальную политическую силу, способную на сколько-нибудь значимое противостояние существующему режиму. И никакая самая-самая свободная супердемократическая пресса такое безволие не изменит. Уже сейчас печатные флагманы гласности перестройки и демократизации иногда сокрушаются: «Гласность есть – слышимости нет!» Или такой заголовок: «Гласность вопиющего в пустыне».

Сейчас в моде теории, утверждающие, будто произвол прекратится сразу, как только в ходе судебной реформы граждане получат возможность обжаловать любые действия должностных лиц в судебном порядке. Сильно сомневаюсь, что в обществе, в котором судьи и прокуроры открыто совершают преступления, самый гласный суд может дать какие-то серьезные гарантии от произвола властей.

В этой стране беззакония творятся не из-за отсутствия хороших законов, а из-за полного отсутствия сил, способных заставить власти соблюдать их же официально действующие законы, гарантирующие права граждан. Для уничтожения советского тоталитаризма не обязательно нужно добиваться принятия новых совершенных законов. Для этого необходимы общественные силы, которые могут заставить коммунистов выполнять их давно уже действующие законы. Если советские законы начнут вдруг соблюдаться, то от советской власти очень скоро не останется и следа. Соблюдать свои собственные законы эта власть не может, иначе она сразу рухнет. Произвол, как основа советского режима, пронизывает всю общественно-политическую систему сверху донизу и проявляется во всех областях нашей жизни. Под произволом здесь я понимаю нарушение государством именно своих законов, а не каких-то других правовых норм, пусть даже соответствующих общепринятым международным демократическим стандартам. Советские законы могут соответствовать или не соответствовать мировым стандартам, но все равно – если из-под режима вышибить его основу, то он рухнет.

Сколько в нашей истории с самого начала перестройки их было – полных и окончательных побед демократии и крахов коммунизма?! Не говоря уже о неисчислимом количестве предсказаний скорого и неминуемого конца советской власти, начиная с октября 1917-го года.

У нас произвол носит такой всеобщий характер, что при строгом соблюдении советских законов советская власть рухнет хотя бы уже из-за того, что подавляющее большинство носителей власти – чиновников, обладающих властными полномочиями, – по действующему Уголовному кодексу РСФСР (принят в 1960 году и введен в действие с 1 января 1961 г.) должно оказаться за решеткой. От постовых милиционеров до генеральных прокуроров. Как уже

говорилось, я потребовал от Генерального прокурора СССР возбудить уголовное дело против него самого специально для того, чтобы наиболее ярко и наглядно продемонстрировать всю абсурдность самой мысли о возможности реформирования советского государства в правовое демократическое. Здесь налицо заведомый «тупик развития». Этот режим реформированию не подлежит и может быть только уничтожен.

Строго говоря, эволюция она и есть эволюция, как ее не называй, – постепенное изменение качества в ходе реформирования. В отличие от революции, когда переломный качественный скачок изменения сущности происходит очень быстро. Это в нашем новомодном перестроечно-демократическом жаргоне умышленно или по глупости все путают – называют революцией то, где даже эволюционных изменений сущности нет и не предвидится. Для эволюции необходим достаточно длительный переходный период, в течении которого все изменения происходят. Могут наши демократы-теоретики представить себе и объяснить другим, как Генеральный прокурор СССР будет постепенно привлекать себя к уголовной ответственности – потихоньку-помаленьку сажать сам себя на скамью подсудимых?! А пока нет уголовной ответственности должностных лиц даже за преступные посягательства на права граждан, то уже по одному этому нет и не может быть демократизации даже в постепенном эволюционном виде.

В последнее время в Советский Союз для встреч с руководством правоохранительных органов часто приезжают государственные и общественные деятели демократических стран. Министры юстиции, помощники госсекретарей по правам человека, сотрудники независимых организаций обсуждают с Генеральным прокурором СССР проблемы укрепления правопорядка и борьбы с преступностью, вопросы юридической гарантии прав человека.

Способ довольно оригинальный – обсуждать подобные темы с преступником. С таким же успехом эти государства и организации могут посылать своих представителей вести переговоры о законности и правах человека с бандитами, насильниками и убийцами. Правда, эти уголовники не обладают властью в государстве, но зато они и не выдают себя за поборников закона и права, в отличии от уголовников, сидящих в судейских и прокурорских креслах. Да и по результативности встреч разницы почти никакой. Впрочем, каждый может иметь дело с тем, с кем ему больше нравится. Кстати, если еще кто надумает обсуждать правовые темы с Генеральным прокурором СССР, то пусть уж заодно поинтересуется, какое решение принято им по моему заявлению о возбуждении уголовного дела в отношении Генерального прокурора СССР.

6. Право на право

Еще раз подчеркну особо, что ст. 109 УПК РСФСР требует, чтобы поступившее заявление о преступлении должно быть рассмотрено по существу в течении 3-х, а в исключительном случае – 10-и суток, и согласно требованиям статей 112, 113 УПК решение по заявлению может быть вынесено только в форме постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Установленные процессуальные сроки являются пресекательными и продлению не подлежат ни при каких обстоятельствах. Эти положения ст. 109 УПК имеют императивный, то есть общеобязательный характер. Принятие каких-либо иных решений и в любых других формах, кроме вынесения соответствующих постановлений, а также рассмотрение заявления о преступлении сверх

предусмотренных сроков, действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено.

Все нарушения указанных процессуальных правил уже сами по себе являются грубыми нарушениями закона, гарантирующего процессуальные права граждан, и подпадают под признаки ст. 170 УК РСФСР, предусматривающей уголовную ответственность за злоупотребление властью. И с точки зрения закона безразлично, что делали должностные лица прокуратуры по поступившему заявлению о преступлении – ничего не делали, отписки писали или на голове ходили – но все равно, если в предусмотренные сроки не вынесено соответствующее постановление о возбуждении или об отказе в возбуждении дела, то в любом случае это будет грубым нарушением закона, существенно нарушающим права граждан и подпадающим под признаки ст. 170 УК РСФСР.

Вообще говоря, мне часто приходится слышать: ну что ты так «зацикливаешься» на каких-то чисто процессуальных тонкостях – надо принципиально защищать права человека, а не заниматься мелочами. Вопрос: добьется человек своих прав или нет – конечно, очень важный. Но, если у гражданина нет даже права добиваться чего-либо, то тут и говорить не о чем. Дабы не прослыть таким уж отъявленным занудой-крючкотвором, цепляющимся по делу и без дела ко всяким-разным мелким процессуальным нарушениям, сообщаю следующее.

Все право делится на материальное (не путать с имущественным!) и процессуальное. Материальное право определяет юридические права и обязанности в обществе и тем самым регулирует общественные отношения. Но, устанавливая нормы материального права, государство одновременно определяет формы и способы их осуществления, тем самым регулируя порядок деятельности соответствующих субъектов правоотношений по применению и исполнению норм материального права. Правовые нормы, устанавливающие порядок осуществления на практике материальных норм, именуется нормами процессуального права

Процессуальное право регулирует только те общественные отношения, которые складываются при реализации на практике норм материального права. Если для реализации материального права необходим какой-то порядок, то без устанавливающего такой порядок процессуального права осуществить в реальности право материальное на практике невозможно – оно так и останется только на бумаге. Отсутствие у гражданина прав процессуальных сразу гарантирует ему отсутствие всех других его юридических прав. Кстати сказать, поскольку правосудие является высшей формой защиты прав и свобод, то и право на правосудие занимает высшее место среди других процессуальных прав.

Гражданин может реализовать свое право на что-то в отношениях с государством только в ходе какого-либо процесса, который определяется процессуальными нормами. В юридической науке процессуальное право еще называют «право на право». То есть право, дающее возможность в соответствующем процессе, установленными законом способами и в установленной форме защищать какое-либо свое материальное право, из-за которого этот процесс и возник. Если лишить гражданина процессуальных прав, то в таком процессе никакого своего материального права он защитить не сможет в принципе. Независимо от того, какой на дворе политический режим – супердемократический или откровенно людоедский – но если у человека нет процессуального права, то это означает, что все юридические гарантии его материальных прав в реальности полностью отсутствуют.

Имеет ли человек право на что-то (материальное право) – один вопрос, а имеет ли человек право добиваться этого законного или предполагаемого права на

что-то в процессуальном порядке – другой вопрос (процессуальное право), хотя два таких вопроса очень тесно взаимосвязаны. Если у человека нет процессуальных возможностей добиваться своего материального права, то это материальное право на практике будет фикцией уже только по одним чисто процессуальным причинам. Оно может существовать в реальности только в виде подачи, как милостыня, которую государство бросает гражданину как нищему. Хотя это материальное право и гарантировано официальными законами, но на практике он его добиться не может без процессуальных прав, а может его только смиренно выпрашивать у государства, что у нас было и есть с 17-го года.

Правосудие может быть очень хорошим или очень плохим, суд можно выиграть или проиграть, но если гражданина к нему не подпускают, лишают права на доступ к правосудию, то для человека особой разницы нет – правильное судопроизводство или фальшивое. Все равно он лишен права отстаивать свои права и интересы даже в таком правосудии, каким бы оно ни было.

Все сказанное относится ко всем без исключения политическим режимам. И уж во всяком случае первостепенное внимание «праву на право» должно уделяться при демократизации. Любая демократизация будет блефом, если при ней не гарантированы процессуальные права гражданина. Поэтому в демократических западных странах чисто процедурным вопросам всегда придавалось (и придается!) особое значение. Знаменитый Хабеас Корпус тоже отрегулировал исключительно процессуальные нормы, да и то только в одном виде процессуальной деятельности государства – при аресте. Но сейчас и у нас, и на Западе, применительно к горбачевским реформам, про процессуальные права не говорят, и про блеф помалкивают. Однако, если человека заведомо незаконно арестовывают не за что, долгое время до суда гноят в тюрьме, а потом пусть даже и освобождают, то не знаю, как в западных демократических странах, но у нас в широких народных слоях в этом видят мало хорошего. Причем никто из чиновников обычно не несет за это никакой ответственности.

Точно также правовые гарантии гражданина на защиту своих прав и законных интересов от преступных посягательств со стороны должностных лиц государства (материальное право) может быть реализовано только в ходе уголовного процесса при строгом соблюдении процессуальных норм. А если в грубое нарушение требований Уголовно-процессуального кодекса РСФСР уголовное дело в отношении чиновников даже не возбуждается, то право гражданина свою на защиту от преступлений начальников сразу превращается в фикцию. Такое право существует только на бумаге в рекламно-пропагандистских целях, как и все остальные права человека, которые на практике в реальности для государства юридически не обязательны.

Для гарантий от этого ст. 113 УПК предусмотрено обязательное вынесение мотивированного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с подробным приведением оснований и мотивов отказа – чтобы гражданин мог убедиться в правильности отказа и при желании обжаловать его в установленном законом порядке. Если такого постановления нет, то и обжаловать нечего.

Такое упрощение процесса, когда процессуальные права гражданина грубо нарушаются путем не вынесения предусмотренных законом процессуальных актов или не ознакомления с ними гражданина, еще в застойные времена в юридической литературе официально клеймилось как «процессуальное упрощенчество», затрудняющее или делающее вообще невозможным установление истины по делу. Но в нашей истории ни по одному моему заявлению о преступлении мотивированного постановления об отказе в нарушении требований ст. 113 УПК ни в одном случае не выносилось, что само по себе уголовно наказуемо по ст. 170 УК.

По большому секрету скажу, что при составлении заявлений о преступлении в отношении чиновников есть одна тонкость. Кроме обоснованности заявления, оно должно быть составлено так, чтобы по нему было невозможно вынести постановление об отказе с приведением мотивов, хотя бы как-то более-менее создающих видимость законности отказа. Для чего необходимо писать как можно кратче – только самое основное, избегая расплывчатых формулировок, которые обязательно будут истолкованы не в вашу пользу. Тогда ситуация будет предельно проста: либо возбудят уголовное дело, либо НЕ вынесут постановление об отказе в возбуждении, что само по себе образует состав преступления, предусмотренный ст. 170 УК РФ («Злоупотребление властью»). Или вынесут явно незаконное постановление, что также квалифицируется по ст. 170 УК.

Таким не очень сложным способом не только вскрывается преступная сущность режима, но и все это неопровержимо документально доказывается отсутствием обязательного для вынесения процессуального документа. И уж тем более такая логика непреложно действует в истории с иском Григорьянца. Возбуждать уголовные дела в отношении судебных и прокурорских чиновников прокуроры никак не хотят. Но поскольку какие-либо законные основания к отказу в возбуждении отсутствуют, то и выносить постановления об отказе им явно не с руки: какие мотивы они могут привести в обоснование правильности отказа?! Только сами себя опозорят на весь мир.

Обращаю внимание, что должностные лица государства при исполнении служебных обязанностей действуют от имени государства, и если при этом они совершают преступные деяния, то эти должностные преступления ложатся на государство, как совершенные от его имени. В таком случае государство или привлекает чиновников к уголовной ответственности, или оставляет преступление безнаказанным, тем самым фактически признавая, что преступление совершено его именем, и всю ответственность за него принимает на себя. Вообще-то если любое лицо совершает любое преступление в юрисдикции государства, а государство не принимает никаких мер уголовного преследования, то это уже выглядит с морально-правовой точки зрения довольно сомнительно. И уж нет никаких сомнений – ни правовых, ни моральных – когда государственные должностные лица при исполнении служебных обязанностей открыто и безнаказанно занимаются преступной деятельностью от имени государства.

В советской науке уголовного процесса есть такое понятие «уголовно-процессуальная форма» – то есть строгое и четкое соблюдение всех процессуальных требований, задокументированное в материалах уголовного дела в письменном виде и по установленной форме. Короче говоря – чтобы все было гладко на бумаге. Вопрос соблюдения чиновниками процессуальной формы для власти является особо болезненным, и ему всегда уделялось основное внимание. Правильное по существу обвинение или неправильное – другой вопрос. Главное, чтобы оно было предъявлено обвиняемому в надлежаще оформленном порядке, и все другие чисто процессуальные формальности были строго соблюдены.

Кстати сказать, прокурорский надзор за органами государственной безопасности сводится именно к надзору за правильным оформлением документации в следственных делах – чтобы все было гладко на бумаге. А в случае чего, немедленно докладывать своему прокурорскому начальству, а также, независимо от этого и в самую первую очередь – в соответствующий партийный орган.

Знаменитая голодовка в Лефортово Владимира Буковского, закончившаяся его полным успехом, произошла из-за нарушения следствием именно этой самой уголовно-процессуальной формы. Сначала он специально потребовал адвоката,

лишенного властями допуска к секретному делопроизводству. Ему отказали, сославшись на какую-то секретную инструкцию, противоречащую официально опубликованному закону (Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР), да еще и подделали его подпись под документом, будто он вообще отказывается от ознакомления с материалами дела, а следовательно – и от адвоката. Тогда Буковский объявил голодовку и голодал, пока у него в тюремной камере не появился помощник Генерального прокурора СССР и прямо на месте не решил вопрос о допуске адвоката, лишенного «секретного допуска». Только после того Буковский прекратил голодовку.

И это всего лишь один из примеров, которых у диссидентов великое множество. Если советская власть решила кого-то посадить, то все равно посадит, но можно было заставить это незаконное государство играть уже по своим диссидентским правилам. И люди старались все сделать так, чтобы власть при их посадке была вынуждена слишком явно и грубо нарушать собственные официально действующие законы, самое главное и прежде всего – процессуальные нормы, уголовно-процессуальную форму. Либо полностью выполнять требования диссидентов, как в случае с голодовкой Буковского. В застойные времена умение делать так у диссидентов считалось высшей квалификацией в правозащитной деятельности.

С самого начала перестройки у многих, в том числе и у диссидентов стал возникать вопрос: что происходит – советский режим действительно изменяется на самом деле, или все это является только лишь «косметическим ремонтом», не затрагивающим принципиальных основ власти? Не считаю себя слишком умным, но даже если у меня и были бы какие иллюзии, то они сразу бы рассеялись от того, как у этой перестроечной власти обстоит дело с соблюдением собственных законов, гарантирующих права граждан. В этом деле никаких принципиальных изменений не произошло. И, прежде всего, заслуживает внимания соблюдение государством процессуальных прав граждан – «прав на право» – поскольку при отсутствии процессуальных прав, гражданин не сможет осуществить свое материальное право уже только по одной этой причине.

Я всегда очень внимательно следил за правоприменительной деятельностью советского государства – за тем, как государство на практике соблюдает свои официально действующие законы. А реальная советская перестроечная правоприменительная практика легко может избавить от любых заблуждений кого угодно, за исключением тех, кто держится за свои (или чьи-то чужие) иллюзии с маниакальным упорством. Массовое беззаконие власти у нас было всегда с октября 1917-го, с некоторыми видоизменениями таковым осталось и в перестроечные времена. Я просто наглядно продемонстрировал это, привязав к общественно значимой истории с иском Сергея Григорьянца к редакции «Литературной газеты».

Я решил немного поэкспериментировать с нашими узкоюридическими механизмами – с перестроечно-демократическим правосудием. И мой эксперимент, в общем-то, удался полностью. Если быть совсем точным, то это даже не научный эксперимент, а скорее демонстрационный опыт – какие школьникам и студентам для лучшего усвоения уже пройденного теоретического материала показывают на практических лабораторных занятиях. В отличие от научных экспериментов, направленных на познание истины и практическое подтверждение такого познания, демонстрационные опыты представляют собой только педагогическую ценность. Но даже такой демонстрационный опыт тоже заставляет над кое-чем задуматься.

Конечно, если к этой истории с иском Сергея Григорьянца к редакции «Литературной газеты» о защите чести и достоинства подходить с чисто

адвокатскими стандартами, то с формально-юридической точки зрения мой «демонстрационный опыт» закончился полным крахом. Что не удалось отстоять в суде честь и достоинство «Гласности» и Григорьянца, так это еще не самое страшное. Если бы дело по иску рассматривалось в судебном заседании по существу, и решением суда в иске было бы отказано, то это, конечно, очень плохо. Но мне-то не удалось добиться даже такого рассмотрения дела – в открытом судебном заседании, с участием сторон, с непосредственным исследованием доказательств и т.д. По адвокатским меркам, это такой крах, хуже которого и представить себе нельзя. Ну что ж, я не адвокат супер-эстракласса. Мне, по моей скромности, и такого «демонстрационного опыта» вполне достаточно. Во всяком случае, я сделал что мог, пусть кто может, сделает больше.

Еще раз обращаю внимание, что не я первый придумал такие эксперименты с советской властью. Четверть века назад нашлись люди, явочным порядком открыто потребовавшие от сверхмощного советского государства, чтобы оно соблюдало свои собственные законы, гарантирующие права человека.

Октябрь 1990 г.

Часть II. Необходимое послесловие

1. Выбор метода исследования

С тех пор, как была закончена статья, на основе которой была написана часть I, прошло десять лет. Сколько воды утекло, многое изменилось. После потешного августовского «путча» 91-го и коммунизму, вроде бы, пришел конец. Но, несмотря на внешние демократические атрибуты, неизменной осталась тоталитарная – то есть абсолютная и ничем не ограниченная власть аппарата. Прежними остались творимые аппаратом беззаконие и произвол. Формы и методы произвола, конечно, изменились, да и размах его стал всеобщим и порой таким циничным, что вызывает презрительное недоумение даже у тех видавших виды бывших коммунистических чиновников, чей начальственный стаж прослеживается еще со сталинских времен.

Поэтому перед читателем я сразу извинился за те места в статье о тогдашнем произволе, которые сегодня многие расценят как легкий налет наивности. Сменилась только идеологическая вывеска – с коммунистической на демократическую. Все произошедшие видоизменения не затронули сущность режима, основанного на произволе и беззаконии – на грубом попрании даже тех прав граждан, которые гарантированы официально действующими законами государства.

Все говорят о каком-то процессе демократизации. Многие утверждают, будто прежний советский режим уже рухнул, и демократия окончательно победила то после первого Съезда народных депутатов СССР в 89-м, то после отмены 6-й статьи Конституции СССР, то после провозглашения Верховным Советом РСФСР суверенитета и принятия Декларации независимости РСФСР 12 июня 1990-го года – и так далее, и тому подобное. Не говоря уже о начавшейся со времен перестройки всеобщей «горбомании» на Западе по всякому поводу и без всякого повода, начало которой положила Маргарет Тетчер еще до того, как никому не известный Горбачев стал Генсеком ЦК КПСС.

Мало того, после начала первой чеченской войны многие возопили о ней, как о «водоразделе» в демократическом развитии российского общества, как о

начале конца демократии. Как может начинать кончатся то, что еще вообще не начиналось?! Цирк, да и только. А некоторые самые радикальные супердемократы даже стали говорить, что надо готовиться к похоронам российской демократии. В каком фильме ужасов они видели, как хоронят приведение?! Им бы киносценарии для Голливуда писать.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Я все никак не могу понять, какая может быть демократия без прав и свобод человека, если эти права и свободы государство не может и не хочет гарантировать на практике даже в том виде, в каком они юридически закреплены официально действующими законами государства. Если кое-кто и у нас, и на Западе хочет построить демократию без прав и свобод человека, то это их личное дело. Но в России такая демократия давно уже построена и именуется в широких народных слоях «дерьмократией». Со всеми вытекающими из этого последствиями правового, морального и иного экономического и социально-политического характера.

С самого начала перестройки большинство мало-мальски значимых событий нашей жизни объявлялось на Западе коренными переломами на пути демократизации и трансформации коммунистического государства в правовое демократическое. Хотя все эти события были или внешними последствиями скрытой внутриаппаратной борьбы за власть между начальством, или спектаклями, специально поставленными властью для одурачивания Запада с целью создания видимости демократических реформ там, где их и быть не могло. В те времена в советской прессе прорабы перестройки изредка очень осторожно сокрушались, что вот-де вся демократизация идет пока только в интересах творческой интеллигенции, а широким слоям населения от нее только вред, и за это нас (инженеров человеческих душ!) в народе ненавидят вместе с властью.

А все эти многочисленные крахи советского режима и победы демократии, каждый раз объявлявшиеся полными и окончательными?! После каждой такой окончательной победы со временем происходила еще одна очередная победа, которую опять объявляли окончательной, быстро забыв предыдущую. То же самое и с крахом советской власти. Некоторые особо суеверные даже потихоньку стали склоняться к мысли, что советский режим в нашей стране вечен, как вечно в этом мире Зло от Дьявола. Господа политологи-советологи! Каждый очередной раз объявляя о полных и окончательных крахе и победе, сразу забывая о ваших предыдущих заявлениях, вы никогда не пытались посмотреть на себя со стороны?! Или хронический склероз у вас является широко распространенным профессиональным заболеванием?

После провала августовского «путча» 91-го года стало общепризнанным, что вот теперь-то советский режим уже точно рухнул, а демократия полностью и окончательно победила, только теперь уже совсем-совсем полностью и окончательно, так, что больше очередных ее «полных и окончательных» побед не будет – после этой победы побеждать будет незачем, да и некого.

Да вот незадача, внутриаппаратные разборки внутри новой властной номенклатуры вылезли наружу – прямо на московские улицы. И в октябре 93-го пришлось еще один раз (конечно, теперь уже самый-самый-самый последний) полностью и окончательно победить – залпом башенных орудий по Белому дому. В доме том тогда располагался Верховный Совет РФ – высший представительный и законодательный орган, который, кстати сказать, был всенародно избран в том же государстве и в результате таких же в принципе выборов, что и оплот российской демократии Президент РФ Ельцин Б.Н., и легитимность обеих враждующих сторон была одинакова. Но это был самый-самый-самый последний раз, и его сразу же объявили предсмертным происком красно-коричневых

недобитков. Разумеется, эту последнюю судорожную агонию коммуно-фашистов было необходимо добить прямой наводкой из танковых стволов.

Широкие народные массы, в интересах которых любая демократизация должна проводиться по определению, тогда на это, плюясь, отреагировали презрительной шуткой, что нашим демократам, как плохому танцору, всегда что-то мешает. Демократический Запад на такие методы демократизации посмотрел сквозь пальцы, утерся и с помощью наших демократов, в том числе и эмигрировавших диссидентов, сделал вид, будто ничего особенного не произошло – Ельцину, мол, все равно нет альтернативы. Мне до сих пор не дает покоя мысль: наши диссиденты-эмигранты, они что, и вправду тогда считали Ельцина и его компанию демократической альтернативой развития России или только притворялись?!

Вопрос о внутренней сущности всех произошедших перемен, о том, что в нашей стране скрывается за внешними коммунистическими или демократическими формами никого особо не интересовал. Этим вопросом и сейчас не слишком интересуются – вполне удовлетворяются сравнением чисто внешних форм с какими-то общими схемами, имеющими отдаленное отношение к российской действительности. Как все эти крахи советской власти и полные и окончательные победы демократии повлияли прежде всего на сущность правоотношений «гражданин – власть» никого не интересовало, не интересуется и наверное еще долго не будет интересоваться.

Независимо от того, вызвана ли такая ущербная однобокость анализа непониманием, злым умыслом или тем и другим в разных пропорциях, но стоит только подойти к исследованию общественно-политических перемен с правовой позиции и оперировать четко определенными юридическими категориями, как сразу выясняется, что все эти крахи и победы на самом деле имеют далеко не то значение, какое в них общепринято вкладывать «научными специалистами», а вместе с ними и всей просвещенной широкой публикой. И специалисты, и публика до недавнего времени буквально криком исходили от бурных восторгов по поводу нашей демократизации. Это характерно и у нас, и на Западе не только для бульварной прессы. Такой подход к исследованию неотделим и от подавляющего большинства очень солидных изданий – от рассчитанной на самый широкий круг серьезной публицистики до академических книг и журналов, занимающихся фундаментальными общественно-политическими проблемами.

Правовые нормы определяют наиболее важные правила поведения в обществе и тем самым служат регулятором общественных отношений путем установления юридических прав и обязанностей субъектов правоотношений – граждан, государства, политических партий, общественных организаций и других юридических лиц. Правовое регулирование общественных отношений представляет собой осуществление государством своей правоприменительной деятельности на основе соблюдения законов, устанавливающих правила поведения в обществе. Это и есть правовой метод регулирования общественных отношений, все остальные методы регулирования отличаются от него тем, что все они – не правовые.

При анализе общественных систем никуда не деться от вопроса о соблюдении государством своих собственных законов, чем регулируются отношения в обществе – правом или всем остальным? Иначе однажды может выясниться, что все глубокомысленные научные выводы годятся только коту под хвост. Поэтому к исследованию общественных проблем с самого начала следует подходить с юридических позиций и оперировать правовыми методами. Прежде всего необходимо исследовать сущность правоотношений «власть – гражданин» – выяснить, гарантированы ли юридически права гражданина по отношению к

власти в реальности (то есть действует ли принцип неотвратимости ответственности), или они существуют только на бумаге, а гражданин, как безропотный кролик, на практике может осуществлять свои гарантированные законом права и свободы только с высочайшего разрешения власти. Что у нас было и есть с 17-го года. Но теоретикам от демократии просто дела нет до того, что в обществе, неспособном добиться от власти соблюдения даже ее собственных законов, гарантирующих права граждан, никакая демократия невозможна даже теоретически.

1-2

Принципы и категории права очень четко определены как законы математики, и обмануть их невозможно – обман сразу вскроется. Если их и попытаться обмануть, то они сами сразу вскроют обман. Поэтому они служат не только действенным методом исследования, но и безошибочным индикатором истинности знаний об обществе. Право регулирует все мало-мальски значимые стороны жизни общества. Те наиболее общие правила, отражающие глубинные свойства человеческой природы, которые объективно существуют в реальном обществе в неписанном виде, в юридической науке сформулированы через четкие правовые категории в виде принципов и других правовых правил.

Принципы – это наиболее общие правила, выраженные в концентрированном виде. Они к нам не с луны свалились, а отражают сущность, природу человека, общества и государства, как в отдельности, так и во всех возможных видах их взаимодействия. Кстати сказать, эти принципы и правила объективно действуют в реальности, независимо от их законодательного закрепления. Действие права опробовано всей многовековой историей человечества в ходе общественной практики во всех областях жизнедеятельности человека, общества и государства – от брачных контрактов до международных договоров, от мелких правонарушений, типа безбилетного проезда в трамвае, до государственной измены в виде шпионажа или заговора с целью захвата власти.

История дает нам достаточно примеров, наглядно показывающих, чем чреваты все отступления от выработанных человечеством правовых принципов и правил. Одна Великая французская революция чего стоит, не говоря уже о нашем 37-м годе. При революциях и других коренных изменениях политических режимов всегда очень серьезно встает вопрос о методах деятельности: как произвести слом старого, чтобы оно больше не возродилось? В процессе борьбы зачастую обе противоположные стороны перенимают друг у друга многое. Как победить дракона, чтобы в битве с ним самому не превратиться в дракона? Уничтожая власть, вместе с ней уничтожают и правовые принципы, лежащие в ее основе. Нарушение принципов права происходит все равно, но дело в том, что нарушаются принципы прежнего режима, а новая власть приходит со своими новыми правовыми принципами, ей соответствующими. Самое главное в том, чтобы ломая старую власть, грубо не нарушать эти новые принципы права, которые должны лежать в основании новой власти. В мировой истории немало впечатляющих примеров последствий таких нарушений.

Во Франции революционеры шли к власти под красивыми и благородными лозунгами, в том числе и с правовым принципом отмены смертной казни. Но, захватив власть, развязали якобинский террор – сначала рубили головы королям да дворянам, а потом и сами попали под нож гильотины. Нарушенные правовые принципы всегда неотвратимо мстят за свои нарушения. Это правило действует независимо от того, как были нарушены принципы – вынужденно по

необходимости, бывает люди, не только не желали, но и не понимали этого, или с самого начала только маскировали красивыми лозунгами какие-то свои другие цели.

У нас в октябре 1917-го до власти дорвалось шакалье, лишенное всяких принципов, за исключением одного – принципа собственной неограниченной власти. Говорить о каких-либо правовых принципах этой власти с самого ее начала было бы откровенным издевательством над здравым смыслом, над живыми людьми и над памятью о мертвых. Эти дорвавшиеся до власти палачи сначала утопили страну в ее собственной крови. Потом в 37-м году их самих сволокли в расстрельный подвал – развязанный ими массовый террор пал на их собственные головы. Такой конец вполне правомерно считают проявлением высшей, божественной справедливости.

Вопрос: как бороться со злом, самому не превращаясь в зло? – очень серьезно стоял в диссидентские времена, в том числе и в попытках повлиять на Запад в борьбе с коммунизмом. Может ли демократический Запад победить мировой коммунизм, сам при этом не изменив своей демократической сути?! Внутренняя неправовая сущность советского государства полностью распространяется и на все его внешние международные отношения с другими государствами и их гражданами. Прежде всего, здесь дело в правовых принципах и в неотступном следовании им, невзирая на любые препятствия и искушения.

В преддверии очередной встречи в верхах Горбачева и Рейгана, в Москве по фальшивому обвинению в шпионаже был арестован американский журналист Дэнилофф. Тогда Кремль сделал попытку поторговаться с Вашингтоном – получить внешнеполитические уступки в обмен на освобождение журналиста. Попытка торговли не удалась. Рональд Рейган сразу публично заявил, что до безусловного освобождения журналиста встречаться с Михаилом Горбачевым он отказывается категорически. Не менее важная для Горбачева встреча оказалась на грани срыва. Советские власти для виду немного поупрямились, но быстро поняли, что Рейган от своей позиции не отступится, и Дэнилофф был освобожден. Хотя и здесь не обошлось без некоторой закулисной стороны, но Рейган открыто и принципиально отказался «платить» за освобождение невинного, и достиг результата. Жаль только, что такие принципиальные категоричные отношения с тоталитарным советским режимом в вопросах права с Рейгана начались, с ним и закончились.

После краха мирового коммунизма и окончания холодной войны страх Запада перед советской угрозой исчез, и западные демократические государства стали позволять себе такое, о чем в былые времена они и подумать не могли без внутреннего содрогания. Раньше Запад обычно боялся требовать от Кремля соблюдения взятых им на себя международно-договорных обязательств – «не следует требовать от русских слишком много». Одним из самых ярких тому подтверждений служит заключенное 1 августа 1975 г. (и подписанное Брежневым) Хельсинское соглашение по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тогда демократический Запад юридически признал неделимость границ в послевоенной Европе (т.е. узаконил советскую оккупацию Восточной Европы) взамен на советские обязательства в области прав человека (так называемая «третья корзина»), в том числе и на общественный контроль за их соблюдением. Что через несколько лет случилось с Московской хельсинской группой, очень хорошо известно, чему в немалой степени поспособствовала очень осторожная реакция руководства западных демократических государств на аресты правозащитников в СССР. То есть Запад фактически признал за Кремлем право соблюдать взятые им на себя международно-договорные обязательства только тогда, когда это ему выгодно.

Сейчас уже западные демократии сами соблюдают общепризнанные международные нормы императивного характера только тогда, когда это серьезно не препятствует достижению практических целей в текущей политике. Сами стали действовать на международной арене теми же советскими методами, перенятыми у Кремля. Так весной 99-го, вопреки всем основополагающим принципам международного права, в том числе и Уставу ООН, натовскими бомбардировками Югославии демократический Запад совершил то, что по международно-правовым стандартам всегда квалифицировалось как агрессия. В последствии, в сентябре 2000 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Совместном заявлении глав государств – членов Совета Безопасности ООН еще раз было подтверждено, что только Совет Безопасности от имени международного сообщества имеет исключительное право давать санкцию на применение военной силы в кризисных ситуациях.

Трусость перед тем, кто сильнее, и героизм перед тем, кто слабее, – две стороны одной медали. Высшее государственное руководство демократических западных стран наглядно продемонстрировало всему миру классический пример собственной рабской психологии. Про это у нас в народе тогда шутили: слабого обижать нехорошо, а сильного – небезопасно. Не следует нарушать основополагающие принципы права ради сиюминутной практической выгоды – блестящие тактические выигрыши в конечном итоге могут обернуться стратегическим крахом.

Вопиющее игнорирование тех основных правил поведения в межгосударственных отношениях, которые всегда давали хоть какую-то гарантию предсказуемости и стабильности в мире, чревато непредсказуемыми последствиями. Отношение к международному праву ведущих демократических держав дает все основания думать, что двадцать первый век будет еще более «веселым», чем век двадцатый.

Еще в перестроечные времена многие начали усиленно забывать, а теперь уже окончательно забыли, что диссидентское движение у нас началось с того, что нашлись люди, которые явочным порядком – открыто и категорично – потребовали от советского государства, чтобы оно соблюдало свои собственные законы. У такого вроде бы чисто субъективного массового беспамятства есть очень серьезные объективные причины. Право – безошибочный индикатор, и ответ на вопрос о правоприменительной деятельности государства – как оно соблюдает свои законы, гарантирующие права граждан, – дает неоспоримый ответ на все вопросы о демократизации. Если вся наша пишущая и публично выступающая демократическая элита вдруг всерьез вспомнит о соблюдении государством его собственных законов и законных прав граждан, то им придется признать, что либо у нас создана демократия без прав человека, либо вся демократизация и все их громогласные и безапелляционные заверения о ней являются обыкновенным враньем, предназначенным исключительно для одурачивания Запада. У нас такой «дерьмократизацией» мало кого обманешь.

Право само все вскрывает – попробуйте убедить кого-либо, что возможна демократия без юридических гарантий прав человека, что у нас демократия есть, а прав человека – нет. Не говорю о глубоком квалифицированном анализе, но стоит только подойти к самому поверхностному исследованию с правовыми методами, как сразу вся российская демократическая мифология рухнет словно картонный домик. Можно наговорить массу всякой чепухи, можно выдвинуть сколько угодно самых умных теорий демократии в России, но... Если власть не хочет и не может соблюдать свои собственные законы, гарантирующие права и свободы граждан, а общество неспособно заставить власть их соблюдать, то и вся чепуха,

и очень умные теории все вместе не стоят и выеденного яйца. Они пригодны только как памятник разновидностям человеческих заблуждений.

Умышленное шараханье от истины – всегда верный признак нечистоплотности помыслов. Истина еще никому не повредила. С этим не согласны только те, у кого понятие о поиске истины не идет дальше шпионажа. Шпионаж – дело нужное и полезное, но цели и методы разведдеятельности имеют слишком специфичный характер, несколько отличный от понимания поиска истины в общепринятом научном смысле. Кстати сказать, и специалисты по разведке тоже придают громадное значение сравнительному анализу при проверке истинности информации, полученной из разных независимых источников.

1-3

При подходе к анализу общества с правовых позиций, иногда правовой метод исследования, проведенный даже в самом простом, примитивном виде, все равно дает кое-какой значимый результат. Так, при массовом и безнаказанном произволе должностных лиц никакое государство не может быть демократическим уже по чисто формальным соображениям. Если все мало-мальски значимые стороны жизни общества регулируются не правом, а произволом чиновников, то демократия там если и может быть, то только в тех областях, которые в жизни общества не играют даже мало-мальски значимой роли. Если кому нравится считать такое государство демократическим, то, как говорится, вольному – воля.

Демократические права и свободы в реальности могут быть гарантированы только правом – законами, при условии их неукоснительного соблюдения государством – в условиях правового режима законности. В правовых науках это именуется юридической обязательностью правовых норм, когда власть, хочет она того или нет, все равно вынуждена выполнять собственные законы и установленные ими права и свободы граждан. Юридическая обязательность законов на практике может быть гарантирована только принципом неотвратимости ответственности, когда за каждым известным наказуемым нарушением законов необходимо должна следовать ответственность. В том числе и, в предусмотренных законом случаях, – уголовная. А где у нас ответственность чиновников за всем известные должностные преступления?! Все юридические гарантии права через неотвратимость ответственности многим кажутся очень несовершенными, но ничего лучшего человечество пока не придумало.

Вообще говоря, такой принцип относится ко всем нормальным, то есть основанным на своих собственных законах государствам – демократическим и не очень. В отличие от государств, в которых закрепленные в законе права и свободы носят чисто рекламный характер. Если государство соблюдает свои собственные законы только тогда, когда ему это выгодно, то никакого режима законности, а вместе с ним и юридических гарантий прав и свобод, нет и быть не может. Все эти права и свободы, в каком бы супердемократическом виде они ни были законодательно закреплены, юридической обязательности для власти не имеют, а граждане могут пользоваться ими только тогда и только в тех пределах, когда и в каких пределах власть им это дозволяет. Как это у нас было и есть с 17-го года.

Меня обычно упрекают в излишней категоричности, самоуверенности и беспепелляционности суждений. Будто отдельные мои фразы вообще звучат как команды на плацу. Но мои выводы сделаны на основе применения правовых

принципов, а они, в большинстве своем, имеют императивный характер и не допускают каких-либо половинчатых, промежуточных решений. Правовой анализ, примененный к отношениям в обществе, обычно дает четкий и категоричный ответ, исключая расплывчатые и неоднозначные толкования. Так, если стало известно, что госчиновник совершил должностное преступление, то он обязательно должен быть привлечен к уголовной ответственности, – любой иной вариант будет незаконным со стороны государства, неопровержимо свидетельствующим об отсутствии юридических гарантий прав человека. Либо одно – либо другое, никакого третьего промежуточного компромиссного варианта – чтобы и волки сыты, и овцы целы – здесь быть не может. Да и вообще, не только в правовой, но и в любой другой области нужно стремиться выражать свои мысли четко и ясно. Это необходимо делать постоянно хотя бы для самого себя – чтобы в голове был порядок, а не кавардак.

Если государство не соблюдает, а общество в силу своего бессилия не может заставить его соблюдать собственные законы, гарантирующие права граждан, то на вопрос о демократии возможен только один четко определенный ответ: демократии здесь быть не может. И сколько бы контраргументов не приводили, сколько бы заумных теорий не выдвигали – все они разбиваются о правовой метод анализа и не могут ни поколебать, ни опровергнуть единственно возможный вывод о немыслимости в таком обществе демократии.

Если при демократии отсутствуют юридические гарантии прав и свобод, то это не демократия и быть ею не может, во всяком случае, в общепринятом в мире смысле этого слова. Это может быть чем угодно, только не демократией. Правовое регулирование общественных отношений невозможно без юридической обязательности правовых норм. И если демократическое государство регулирует отношения в обществе не правом – тогда чем?! И какая в таком государстве может быть демократия?!

Все дело сводится, опять же, к вопросу о том, как государство соблюдает свои собственные законы. К вопросу, который очень многие всеми правдами и неправдами пытаются обойти стороной. Как-то не очень любят они выяснять, существуют ли у нас права человека в реальности или только на бумаге. Им гораздо сподручней обвинять заостряющих этот вопрос одновременно и в аморальности, и в гипертрофированно развитой нравственной принципиальности. Принцип объективности анализа требует принимать во внимание все имеющие значение признаки предмета исследования. Но по сложившейся у нас и на Западе методологии политических исследований существенные черты замечают только тогда, когда это выгодно.

Еще об одном важном моменте исследования. У некоторых от моих статей складывается впечатление, что я в них чрезмерно на кого-то нападаю, как будто пишу их специально только для того, чтобы с кем-то погрызться как собака в своре. Нет, меня интересуют только существенные черты человеческого общества, про них и пытаюсь писать в меру своих способностей. Но абстрактные свойства общества и существующие в нем тенденции могут проявляться только в конкретных людях.

Общественные тенденции, закономерности и другие абстрактные идеи персонифицируются в конкретных личностях, в их формальных и неформальных группах. Абстрактное может существовать только в конкретном, а без него существует только в виде идей и теорий, имеющих непонятно какое отношение к реальной жизни. Поэтому без конкретных примеров все рассуждения будут носить слишком уж общий, голословный бездоказательный характер, что крайне нежелательно. Любая теория должна соответствовать практике – постоянно проверяться и подтверждаться всем ее ходом.

Да и вообще, некоторые очень красивые абстрактные идеи, если их конкретизировать, то есть вплотную приблизить к реальной жизни, сразу становятся не такими уж красивыми. Так, ложный гуманизм всегда очень абстрактен. Если его конкретизировать, то он превращается в свою прямую противоположность. Не зря ложный гуманизм – всегда гуманизм абстрактный, и наоборот. Американская интеллектуальная либеральная элита, по большей части состоящая из университетской профессуры, была категорически против участия США в войне в Персидском заливе в начале 90-х годов, обосновывая свою позицию тем, что война – всегда дело очень плохое и антигуманное. Но там все началось с оккупации Ираком маленького и слабого в военном отношении Кувейта. И что же, иракские солдаты в Кувейте грабят, убивают, насилуют, а весь мир должен вразумлять Саддама Хусейна только ласковыми уговорами да экономическими санкциями?! А они на него не очень действуют. Гуманно ли сидеть, сложа руки, глядя на такое? И не будет ли подобный «гуманизм» прямым соучастием с Ираком в военных преступлениях и преступлениях против мира и человечности?! Когда представителям интеллектуальной элиты подобные вопросы задавали публично, то гуманисты чувствовали себя под ними не очень уютно.

Пацифизм, может быть, очень благородное течение, но только в разумных пределах. И уж во всяком случае, ни в какие ворота не лезет, когда о наличии в России демократии делают категорический вывод только на основе наличия у нас чисто внешних общедемократических форм и атрибутов, имеющих непонятно какое отношение к реалиям нашей жизни. А от вопроса, что под этими формами и атрибутами у нас скрывается на практике, шарахаются как черт от ладана. Исключительное значение здесь имеет правовой вопрос – существуют ли юридические гарантии прав и свобод не только в теории, не только как они закреплены в законах на бумаге, а на практике – как государство соблюдает свои собственные законы.

Меня всегда поражало, что к серьезному анализу общественных проблем многие политики, политологи, правозащитники и другие специалисты (как наши, так и западные) подходят с любыми методами – кроме правовых. Говорят: раз есть демократические формы и атрибуты – значит, есть демократия без всяких сомнений. Однако от исследования протекания демократических процессов на практике, реального функционирования правового государства и роли в нем всех этих демократических форм и атрибутов лихо уклоняются. Как в демократическом обществе и государстве реализуются на практике юридические гарантии прав и свобод, как функционируют государственные узкоюридические механизмы в соотношении с механизмами общественными – от конкретного рассмотрения таких сторон стараются уйти всеми силами. Иначе слишком заметными будут примитивизм и лживость всех их теорий и идей.

Из научного анализа изъят и выброшен целый пласт, тщательному исследованию которого должно уделяться основное внимание. Так может получиться «право без права» – демократия без юридически гарантированных прав и свобод. Как у нас. Наши демократы очень любят сравнивать нас с США и другими демократическими странами по чисто внешним признакам, но они в горло готовы вцепиться любому, кто начнет сравнивать нас с демократиями по правоприменительной практике – по соблюдению государствами их собственных законов, гарантирующих права граждан.

Или еще один метод. Объявили, что после провала «путча» в нашем обществе стала господствовать новая демократическая мораль. А раз мораль в обществе господствует демократическая, то и общество, по определению, не может быть не демократическим. Что под такой моралью и демократией у нас

скрывается на самом деле – никого особо не интересует. Вообще говоря, ничего не имею против моральных норм, но нравственные категории добра и зла очень расплывчаты и неопределенны. Чем широко пользуются люди с нечистой совестью, для которых истина – что нож в горле. Связь между нравственностью общества и его правовым положением конечно есть. Но связи в обществе часто носят очень сложный и неоднозначный характер, который некоторые исследователи любят упрощать, причем совершенно необоснованно. В результате получаются примитивные схемы, не совсем правильно отражающие реальность. На поверку новая демократическая нравственность оказывается такой же фальшивой, как советская перестроечная.

И наоборот. В философии существует так называемый «вульгарный материализм», суть которого сводится к тезису: мозг вырабатывает мысль также как печень – желчь. Тезис может и правильный, но уж больно примитивный. Вся духовная сторона человека непосредственно сводится исключительно к физиологии. Это все равно, что сводить к одной только физиологии всю любовную лирику, хотя вряд ли кто будет отрицать наличие между ними довольно тесной связи.

Даже древние уже очень хорошо понимали значение в жизни общества и законов, определяющих наиболее важные правила поведения в обществе. И правосудия, устанавливающего на основе законов конкретные правоотношения – конкретные юридические права и обязанности конкретных субъектов общественных отношений. В юридической науке различаются объективное и субъективное право. Под объективным правом принято понимать систему юридических норм, то есть правовые нормы в том виде, в котором они установлены законодательством. Под субъективным правом понимают систему наличных прав субъектов правоотношений (граждан и юридических лиц) – те конкретные правомочия, которые принадлежат конкретным субъектам правоотношений на практике в реальности. Проще говоря, объективное и субъективное право различаются тем, как должно быть по закону, и тем, как есть на самом деле. В нормальном обществе объективное и субъективное право должны соответствовать друг другу, как теория с практикой. Если в законе написано одно, а в реальной конкретной практике получается совсем другое, то это уже, как минимум, серьезный признак ненормальности в обществе. У нас такая правоприменительная деятельность государства издревле называлась «закон – что дышло».

Конечно, в многообразии нашего мира все здесь изложенное не так просто – во многих странах источником права являются не только законы, но и имеющие силу закона правовые обычаи, судебные прецеденты – так называемое обычное право (Common Law). Но это уже совсем другая история. Мы здесь разбираемся не с классификацией источников права по их формальному способу существования. Поэтому для краткости и ясности законом будем именовать все источники права, независимо от формы существования. Здесь нам важно подчеркнуть значение соответствия между законом и тем, как государство соблюдает свои законы на практике: что торжествует – законность или «закон – что дышло»?!

В процессе познания и в других областях человеческой деятельности многие пути хороши, только если при этом не отрываться от основы, поскольку это чревато всякими нехорошими последствиями. Вскрывая причины краха меньшевистской политики соглашательства с СССР западных социалистов 70-80-х годов, Владимир Буковский в своей книге «Московский процесс» (М.: МИК, 1996 г., С.250) пишет, как один старый социал-демократ, человек исключительной честности, сказал ему, что социал-демократия имеет право на существование до

тех пор, пока в основе ее политики лежит последовательный антикоммунизм, – иначе она вырождается в «керенщину».

Чем закончились в нашей стране меньшевизм с «керенщиной», в том числе и для самих меньшевиков, очень хорошо известно. Но такой принцип «если настоящая социал-демократия – то необходим антикоммунизм» можно по аналогии перенести и на исследование общественно-политических систем – если квалифицированно исследовать общество, то к анализу необходимо подходить прежде всего с правовых позиций. Если одно – то необходимо другое. Иначе с исследователем может случиться то же самое, что и с меньшевиками. Расстрельный подвал им, может быть, сейчас и не грозит, но вот опозориться на весь мир можно запросто, да такими и остаться во всемирной истории.

2. Что такое советская власть

О крахе советской власти говорят все. После августа 91-го это мнение стало настолько общепризнанным, что и спорить боязно. При этом, однако, до сих пор никто так и не удосужился дать ей определение, выдерживающее хотя бы малейшую конструктивную критику. Так, под советской властью понимают политический режим, основанный на коммунистической идеологии. Но коммунистическая идея – миф, утопия. Что-либо реальное может основываться на мифе, только если в него верят. А кто у нас всерьез воспринимал идею коммунизма?! И много ли их было?! По свидетельству Эрнста Неизвестного, самые ярые антисоветчики, которых он только знал, были в ЦК КПСС («Общая газета» от 18-24 мая 2000 г.). Давно известно, что в застойные коммунистические времена даже советские психиатры в штатском в заключениях судебно-психиатрических экспертиз по политическим (!!!) делам не стеснялись ссылаться на преданность идеалам марксизма-ленинизма как на неоспоримое свидетельство невменяемости.

Приверженцев коммунистических идеалов во всем мире можно было найти немало – от постоянных клиентов советских психушек до многочисленных представителей западной интеллектуальной элиты. Но в советском партгосаппарате их не было и быть не могло – реальные принципы коммунистической власти были несовместимы с коммунистической идеологией. Подчеркну, что здесь речь идет именно о реальных принципах, а не о показушных, под которыми скрывали реальные. В те времена у нас существовала всеобщая болезнь – одна на всех – когда человек думал одно, говорил другое, а делал третье. Может ли такое быть основой сверхмощного режима, державшего в страхе весь мир?! И может ли смена внешней идеологической вывески доказывать конец политического режима, основанного на чем-то совсем другом?!

Обычно вывод о крахе советской власти доказывают отсутствием в стране политзеков и прекращением преследований по политическим мотивам. Действительно, политзеков и политических репрессий у нас сейчас нет. Точнее они отсутствуют в том виде, в каком их общепринято было понимать с застойных времен. Но в перестроечные времена, когда уже дозволялось ругать Сталина, а диссиденты еще сидели, от некоторых, сидевших при Сталине, слышались такие утверждения: «Вот нас тогда сажали за антисталинские разговоры дома на кухне – мы были политзеками! А нынешние диссиденты сидят за открытые выступления против советской власти – они уголовные преступники!»

Еще одна, но уже современная вариация: «Большевизм у нас давно рухнул! Большевики никогда бы не потерпели, чтобы их открыто ругали. Раз нынешняя власть терпит, когда ее так ругают в наших средствах массовой информации, то

большевизм в России кончился!!!» И так говорит один наш известный на весь мир борьбой с большевизмом писатель. Другой наш всемирно очень известный «антисоветчик», постоянно проживающий на Западе уже четверть века, недавно заявил по телевизору российской аудитории, что когда он у себя дома сидит за подключенном к Интернету компьютером, то понимает, что советская власть у нас уже невозможна.

Всем этим разным определениям присуща одна общая черта – они ничего не определяют. В основе таких глубокомысленных выводов о конце советского режима лежит глубокое убеждение о невозможности существования большевизма, советской власти в условиях, когда их публично ругают – при свободном информационном обмене. Но если при Сталине сажали за антисоветские анекдоты на кухне, а при Брежневе – нет, то это вовсе не означает, будто советская власть кончилась в марте 53-го. К сравнению по внешним проявлениям – к видам и формам, в которых власть проявляется, – следует подходить с большой осторожностью. Сходные по своей людоедской сути режимы могут действовать различными методами, под прикрытием различных форм, оставаясь при этом людоедскими. Если красные кхмеры в Кампучии нагородили горы человеческих черепов, но при этом обходились без газовых камер, в отличие от Гитлера, то это еще не доказывает, что в Кампучии тогда процветали гуманизм, демократия и права человека.

Советский режим на протяжении всей своей истории постоянно видоизменялся, и порой очень сильно. Преследование за открытую критику, подавление свободы слова и информации как сталинскими, так и брежневскими методами были присущи тем целям, которые в те времена режим преследовал. Изменились времена, частично цели, а вместе с ними и методы достижения таких целей. Но некоторое изменение методов и форм осуществления власти само по себе еще не означает конца власти. Все эти видоизменения были разными следствиями одной причины – сущности советской власти. Поэтому необходимо исследовать и понять сущность этой власти.

Интересно у нас получается: все говорят, будто советская власть уже рухнула, но никто не горит особым желанием как следует разобраться – что же все-таки рухнуло-то? С этим надо разобраться хотя бы из чисто спортивного интереса, а то, может быть, рухнуло вовсе не то, что все так старались обрушить. Да и публично выставлять себя на весь мир дураками, непонятно кому полезными, тоже не очень хорошо. При всем своем уважении к Дон Кихоту все-таки считаю, что не следует с таким ожесточением сражаться с ветряными мельницами, когда вокруг полным-полно настоящих драконов.

Суждения наших демократов и правозащитников об изменении режима на основе только чисто внешних форм, без выяснения, что за этими с виду супердемократическими формами у нас существует в реальности, очень сомнительны. Не берусь здесь обсуждать, чего в поведении этих демократов-правозащитников-гуманистов больше – одной только глупости, или чего-то еще. Но все это сродни той части белоэмиграции, когда-то признавшей большевистский режим по чисто внешним имперским признакам – усмотрев в большевиках только «собирателей земли русской». И очень быстро позабыв, что большевики при советизации присоединенных народов и земель несут им такую счастливую жизнь, от которой сами белоэмигранты еще совсем недавно еле ноги унесли.

Все сразу становится на свои места, если признать, что советская власть у нас благополучно пережила не только неисчислимое множество предсказаний скорого неминуемого конца, который с завидным постоянством ей предрекали с октября 17-го, но и неоднократные констатации своего уже свершившегося краха.

А под прикрытием чисто внешних демократических форм и атрибутов существует все тот же прежний по сути советский режим. Тогда все становится на свои места, но сразу выясняется, что некоторые именитые общественно-политические деятели – политики, политологи, писатели, правозащитники – оказываются не на тех местах в общественной жизни, на которые они претендуют, и которых, вроде бы, с успехом добились. Становится слишком очевидной, мягко говоря, ошибочность всех их заявлений и оценок российских реалий. Но самое главное, чтобы при этой власти ни делать, какими бы позитивными изменениями ни пытаться ее улучшить, результат будет тот же, что и при сотрудничестве с прежним коммунистическим режимом.

Что такое советская власть многие пытались определить с научной точки зрения. Но дать научное определение какому-либо объекту исследования означает, прежде всего, включить в определение те существенные признаки, которые отличают его от всех других сходных объектов. В философии и логике есть такое понятие как «определение через род и вид». Оно значит, что в определении даются признаки, относящие исследуемый объект к какому-либо общему роду объектов, и даются признаки, по которым объекты определяемого вида отличаются от других видов объектов данного общего рода.

Так, определение «паровоз – локомотив, приводимый в движение паровой машиной» относит паровоз к общему роду локомотивов и содержит признак, отличающий паровоз от всех других локомотивов (тепловозов, электровозов и т.д.) тем, что он работает от паровой машины. Так и советская власть с одной стороны является государственной властью, а с другой стороны для ее определения необходимо найти тот критерий, который существенно отличает ее от всех других видов государственной власти. И если действовать правовыми методами, то существенные признаки отличия должны выражаться прежде всего в четко определенных юридических категориях.

Причем, при определении через род и вид не всегда обязательно нужно развернуто и подробно давать в определении родовые признаки – иногда и так ясно, о чем идет речь. Для определения советской власти нет необходимости давать родовые признаки любой государственной власти, определять, что такое власть вообще. Да это и не так просто. По-моему до сих пор так никто и не определил, что такое любая власть вообще – во всем ее единстве и многообразии. Вполне достаточно дать в определении советской власти признаки, присущие только ей одной и не присущие всем другим видам власти. Так, чтобы понять, чем один человек отличается от другого, незачем давать определение человека вообще, с признаками, присущими всем людям, независимо от того, кто он – Иванов, Петров, Сидоров или Гитлер. Да и пробовал кто-нибудь определить, что такое человек вообще – с присущими ему биологическими, социальными, моральными и всеми другими свойствами?! Надо просто выделить признаки, по которым один человек отличается от другого.

Это я все к тому, что от многих умников слышал категорические утверждения, будто для определения советской власти сначала необходимо определить, что такое вообще любая власть, а уж только потом можно будет давать определение именно советской власти. Когда же речь идет о конкретных людях, то эти умники очень легко судят, чем один человек отличается от другого, не задаваясь вопросом, что такое вообще человек.

Вообще говоря, при анализе любого объекта исследования необходимо как можно более полно и четко вскрыть его сущность – то, что делает объект самим собой – тем, что он есть на самом деле, и что отличает его от других объектов, внешне с ним схожих. Для этого среди множества разнообразных признаков объекта следует выяснить, какие из них являются существенными, то есть

непосредственно и необходимо связанными с сущностью объекта, в отличие от всех других признаков, так тесно с сутью не связанных – вторичных, опосредствованных или вообще случайных наносных. Без существенного признака объект или вообще существовать не может, или превращается в что-то совсем другое.

Чтобы отличить один объект от другого при сравнительном анализе, надо установить существенные признаки различия, а для этого, в свою очередь, необходимо понять сущность исследуемого объекта. В познании есть и противоположный процесс – сравнивая признаки разных объектов, определяют сущность объектов. Существенный признак, присущий одному объекту и отсутствующий у другого сравниваемого объекта, называется критерием отличия, и его всегда необходимо находить. Иначе может получиться так, что производя сравнение по каким-то чисто внешним признакам, не отражающим сути вещей, делается вывод о тождественности совершенно разных объектов, сущность которых прямо противоположна. И наоборот, полагают два объекта совершенно разными, а сущность у них одна, хотя чисто внешнее различие громадно.

Во избежании подобных ошибок среди всей массы признаков сравнения должны быть приняты во внимание в первую очередь существенные признаки, как отражающие суть объектов исследования. А то получится как в России с советской властью, которая с завидным постоянством рушится до основания, и с демократией, которая с таким же постоянством побеждает, причем каждый раз – полностью и окончательно.

Многие давали и дают научные определения советской власти. Не буду здесь их подробно анализировать, но всем им присущ, как минимум, один из двух изъянов – они дают признаки или любой государственной власти, или вообще никакой. Иногда оба эти изъяна одновременно присутствуют в разных вариациях. А иногда определения настолько невняты и даны в таких расплывчатых формулировках, что при глубоком анализе получается откровенная чепуха. Не говорю о примитивных определениях типа «советская власть – это власть советов». Но тогда у нас советская власть была только с августа 91-го по октябрь 93-го. В ходе общественной практики со временем многие термины приобретают реальное значение, не всегда совпадающее с их буквальным смыслом. Следует различать вербальный и невербальный – то есть буквальный и НЕ буквальный – смысл слов и словосочетаний.

Я слышал определения, что только при советском режиме гражданин отделен от власти чиновником. Мысль – правильная, но подходит к любой власти, включая самую демократическую. В любом государстве гражданин может осуществить власть только опосредствованно через должностных лиц, наделенных властными полномочиями. Для того госаппарат и придуман. Единственное исключение из этого правила в состоит том, что простой гражданин, не являющийся должностным лицом, непосредственно осуществлять государственную власть может только на выборах, что он и делает в демократических странах. Те определения, которые даются только по признаку отсутствия общепризнанных демократических прав подходят не только к советскому режиму, но и к любым диктатурам – от древних тиранов до Гитлера. В них не дан тот признак, который отличает именно советский режим от всякого другого.

Раньше среди диссидентов часто встречался такой критерий отличия: при советской власти гражданин лишен правосубъективности. Но здесь важно сразу определиться в используемых терминах. Если под «лишением правосубъективности» понимать невозможность гражданина в этом государстве реализовать свои законные права на практике, то, чтобы не путаться, об этом так

и надо прямо говорить, но это уже совсем по-другому называется. Может ли гражданин добиться на практике реализации своего действительного или предполагаемого права – это одно, а обладает ли он официально юридической способностью добиваться такой реализации права – совсем другое. Неплохо бы использовать юридическую терминологию в ее четком и ясном общепризнанном смысле. В чисто юридическом смысле «правосубъективность» – это способность быть субъектом права, то есть непосредственно самому осуществлять свои права и нести обязанности, непосредственно самому участвовать от своего имени в правоотношениях в качестве их субъекта.

Полной правосубъективностью у нас обладают все, за исключением несовершеннолетних и лиц, признанных судом невменяемыми или недееспособными. Такое определение ничего не определяет и, мягко говоря, не является очень умным. Можно, конечно, считать, что советское государство относится к своим гражданам (и ко всем остальным), как к невменяемым и недееспособным. Громадная доля истины здесь есть, но юридически надо бы выражаться поточнее. Истории государства и права пока еще не известны политические режимы, в которых власть официально юридически считала бы всех сумасшедшими.

В странах Древнего Мира, особенно в Греции, был широко распространен закон гостеприимства, и дело здесь не только в чисто человеческих, душевных качествах, но тому были и очень серьезные сугубо практические причины. В те времена законы государств защищали всех свободных людей, в том числе и иностранцев, даже если они не являлись гражданами этих государств. Но не гражданин сам осуществить защиту своих прав, например в суде, не мог – для этого в суд (или в иной государственный орган) за защитой его прав должен был обратиться гражданин этого государства. То есть иностранцы были объектом права – закон их защищал, но не были субъектами права – свою защиту перед законом сами они непосредственно осуществить не могли, такую защиту мог осуществить только гражданин государства. Обычно таким гражданином – субъектом права – и являлся тот, к кому чужеземец приехал в гости. Узы гостеприимства имели очень серьезную практическую, деловую подоплеку.

На это в принципе очень похоже современное правовое положение лиц, признанных судом недееспособными в связи с психическими расстройствами – сами от своего имени они могут совершать только мелкие бытовые сделки, а все остальные юридически значимые действия за них от их имени должны делать опекуны. Хотя недееспособных закон защищает – они являются объектами права, но субъектами права не являются. Особое развитие законы гостеприимства получили в Древней Греции, которая единым централизованным государством никогда не была, а делилась на множество городов-государств со своими законами и со своим гражданством. И там торговец без закона гостеприимства не мог совершить деловую поездку даже в соседний город, где он лишен правосубъективности. Но все это еще вовсе не означает, будто первая известная истории демократия – древнегреческие Афины – были советским государством.

2-2

В своей статье о наших реалиях, опубликованной в журнале «Континент» № 93 (июль – сентябрь 1997 г.), я дал определение советской власти с чисто юридических позиций. Советская власть – это ничем не ограниченная власть аппарата, осуществляемая методом произвола, то есть путем попрания даже тех прав и свобод граждан, которые гарантированы официально действующими

законами этой власти. С тех пор в свой адрес я слышал много критики. Хорошее это определение или нет, спорить не буду. Кому не нравится, пусть даст другое – лучшее. Только пусть оно соответствует всем четким критериям научного определения.

Возможность существования советской власти обусловлена безволием общества, то есть его неспособностью противостоять власти, заставить государство соблюдать хотя бы свои собственные законы. Общество неспособно отстаивать перед лицом власти как права отдельного гражданина, так и права и интересы самого себя, как всего общества в целом, даже если эти права и интересы гарантированы законами государства. Права отдельного гражданина и права всего общества тесно взаимосвязаны – одно без другого существовать не может. Если бесправен гражданин, то бесправно все общество, какие бы возражения против этого не твердили демократы, правозащитники и политологи в своих заумных теориях, утверждая о возможности демократии в условиях массового произвола власти против широчайших слоев российского общества.

В психологии воля определяется как регулирующая сторона сознания, выраженная в способности человека совершать целенаправленные действия и поступки, требующие преодоления трудностей. Короче говоря, воля – это готовность и способность к преодолению препятствий. Жизнь постоянно преподносит человеку и обществу сюрпризы в виде различных трудностей и препятствий на тернистом пути осуществления своих интересов. И для их преодоления нужна воля, иногда – на пределе человеческих возможностей и за этим пределом. Очень сильная воля необходима и для того, чтобы держать голодовку в Лефортовской тюрьме, и для того, чтобы штурмовать дворец Амина. Наше общество настолько безвольно, что из-за боязни начальства не может потребовать от власти, чтобы она соблюдала даже свои официально действующие собственные законы, гарантирующие права и свободы граждан. Такие требования раньше могли себе позволить только диссиденты, которые в обществе составляли мизерный процент. Какая в этом обществе может быть демократия?! Не может быть никакой, кроме нынешней «дерьмократии».

Применительно к горбачевскому Советскому Союзу и нынешней России наши и западные эксперты свои выводы о демократизации делают, исходя только из наличия чисто внешних демократических форм и механизмов. В подробности, что под всеми этими общедемократическими атрибутами у нас скрывается на практике, обычно вдаваться не желают. К нормальным обществам, т.е. способным заставить власть соблюдать хотя бы законные права граждан, такие методы анализа, может быть, и подходят, но у нас-то общество – безвольное!

Именно в этом безволии кроется и разгадка загадочной русской души, и глубинная суть нашей истории от варягов до наших дней. Что толку в самых супердемократических механизмах, если без движущих сил общества, – без общественной воли – они все равно сами собой работать не будут, как и вечный двигатель. Зато вся эта демократическая бутафория служит для власти очень хорошим прикрытием наших реалий.

Французская Академия наук давным-давно прекратила принимать к рассмотрению проекты вечных двигателей. Но наши и западные аналитики-политологи до сих пор все мечтают создать вечный двигатель, только общественно-политический. Им кажется, что супердемократические схемы в безвольном обществе вдруг начнут работать сами по себе – без движущих сил. В своих теориях они оперируют иллюзорными факторами – демократическими символами, пустышками, которые у нас на практике или вообще лишены реального содержания, или их содержание прямо противоположно общепринятому. Например, свобода слова – как гарантия всех остальных прав и

свобод. Демократические формы и формулы должны быть наполнены волей общества, а без волевого содержания все они – пустышки. В нашем безволии, без волевого наполнения демократических форм, выведенные из закономерностей развития и функционирования нормальных волевых обществ формулы имеют к нам очень малое отношение.

По сути, такие политологи никакими политологами не являются – все это им только кажется. На самом деле они – шарлатаны, пытающиеся наукоподобными методами выдать желаемое за действительное. Немало есть не очень честных (или не очень умных) людей, считающих, будто вся суть демократизации заключается в насаждении супердемократических схем. К чему эти схемы ведут в реальности – знать они не желают. Такую публику у нас еще с начала 90-х годов в народе называют «шизо-демократами» или, попросту, – «дем-шизой». Если подходить к анализу наших реалий только на основе «дем-шизовых» схем, то сегодняшняя Россия – самое супердемократическое государство всех времен и народов. На практике же у нас такой правовой беспредел чиновников всех рангов, какого не было никогда нигде в мире, даже в коммунистическом СССР.

Кремль всегда с грандиозным успехом обманывал Запад мифом о применимости к нам общемировых схем – что выработанные и проверенные всей историей развития цивилизации демократические формы и формулы к нашему обществу и государству полностью подходят. Так, еще при Брежневе на Западе считалось, что Хельсинские соглашения должны резко улучшить положение политзеклов в СССР, хотя в реальности все было совсем наоборот. Только число политзеклов резко увеличилось за счет тех, кто в СССР требовал соблюдения этих Соглашений, осуществляя за этим общественный контроль, как, например, Московская хельсинская группа во главе с Юрием Орловым. Отсутствие их правовой основы сразу превращает все общемировые схемы и внешние супердемократические формы и атрибуты в «дем-шизу» – в благовидное прикрытие существующего на практике полного правового беспредела власти, когда эта мерзость выдается за торжество демократии.

Но наши шизо-демократы признавать это всеми силами не хотят. У них пропасть между словом и делом громадная, отсюда и присущая им лживость фантастическая даже в сравнении с коммунистическими временами, а по характеру – очень подлая и глупая. Легко догадаться о психологическом типе людей, основывающих на таком фундаменте всю свою деятельность. Если во всех нормальных государствах с волевыми обществами при наличии демократических общемировых схем их правовая основа подразумевается сама собой, то у нас при нашем безволии само собой подразумевается, что вместо права – полный правовой беспредел властей. Эта разница всегда была одной из основных причин непонимания Западом наших реалий. Когда все внимание уделяют только внешним атрибутам, полностью пренебрегая их сутью, то это издревле именовалось фарисейством.

В правовых науках под политическим режимом понимается метод осуществления государственной власти. Здесь это определение дано именно в таком узком чисто юридическом смысле. В политологии, публицистике и других областях понятию «политический режим» придается гораздо более широкое толкование. Под ним понимается и все государство, вся государственная власть, общественно-политическая система, государственно-административное устройство и многое другое. Все эти понятия, конечно, очень тесно взаимосвязаны, но есть различия. В узком юридическом смысле политический режим – это именно метод (совокупность методов), которым государство осуществляет свою власть. В этом смысле термин мной и используется. Чтобы

избежать путаницы в терминологии надо сразу определиться в используемых понятиях.

В нашей стране с захвата власти большевиками в 17-м году и до сих пор сущность политического режима составляет произвол – поправление государством своих собственных законов, гарантирующих права граждан. Исключением из этого правила являются разве что самые первые советские годы, когда советских законов как таковых еще не было, и большевистские начальники руководствовались исключительно революционной целесообразностью. Внешние формы и разновидности политического режима с 17-го года претерпели грандиозные изменения, но сущность осталась прежней – произвол, как основа режима, как основной метод осуществления государственной власти. Для четкой определенности используемых терминов подчеркну, что понятие «произвол» здесь используется в смысле нарушения государством только своих собственных юридических норм. Советское государство преступно даже с точки зрения своих собственных законов. Про общепринятые международно-правовые стандарты разговор отдельный. Во избежании путаницы, так и будем именовать нынешний политический режим большевистским.

Лично я твердо убежден, что если общество не в силах заставить власть соблюдать законные права граждан, то это общество – безвольное. С этим можно соглашаться или нет, но факт – вещь упрямая. А многочисленные факты, как в совокупности, так и каждый в отдельности, свидетельствуют об отсутствии вообще каких-либо юридических гарантий прав граждан от произвола государства. Все такие факты принято считать чем угодно: от болезни демократического роста до происков гэбэшных красно-коричневых врагов «молодой российской демократии» – но с обязательной оговоркой, что эти факты на вывод о наличии у нас демократии в принципе не влияют. Но даже если бы наше общество было бы таким же волевым, как в западных демократических странах, то все равно – без наличия юридических гарантий прав и свобод граждан (при бездействии принципа неотвратимости ответственности чиновников) демократии по определению не может быть в принципе.

Меня часто упрекают в шарлатанстве, в нелогичности и недостаточной обоснованности выводов: вот ты говоришь, что если законы не соблюдаются, то значит наше общество безвольное – а из этого такой вывод сделать нельзя! Но у меня все совсем наоборот. Я говорю, что безволие общества необходимо ведет к массовому беззаконию со стороны государства. Массовое государственное беззаконие есть необходимое следствие общественного безволия, а не его причина. Беззаконие государства неопровержимо доказывает безволие общества, как необходимое следствие причины доказывает наличие самой этой причины. Не путать с массовым беззаконием при анархии, революциях и других социально-политических катаклизмах.

Как уже говорилось, в горбачевские времена перестройка и демократизация шли полным ходом, и советская власть неоднократно рушилась полностью и окончательно. На словах. А на деле, куда ни кинь, везде постоянно вылезало хорошо знакомое мурло прежнего советского тоталитаризма. И никуда от него было не деться. А поскольку это мурло уж никак не походило даже на демократическое лицо социализма, то заядлые демократы-перестройщики, как наши, так и западные, всеми силами пытались выдать его за что-то другое, просто на него внешне похожее. Этим чем-то другим, больше всего на тоталитарное мурло похожим, оказалась анархия. Потому в те времена сплошь и рядом было слышно: советский тоталитаризм у нас давно кончился, а все нынешние массовые беззакония власти – это просто следствие анархии посттоталитарного переходного периода.

Но при анархии государственная власть, в большинстве своем, существует лишь номинально. И самое главное, при анархии власть, даже если она существует реально, совершает преступления против общества, а общество отвечает государству такими же преступлениями против власти. Такая война всех против всех в отношениях «власть – общество». В отличие от советского тоталитаризма, когда власть безнаказанно преступно нарушает права общества, а любое мало-мальски значимое преступление гражданина против интересов власти сразу и неотвратимо карается. Своеобразная игра в одни ворота. Как в футболе при «договорном» матче, когда болельщики на трибунах болеют-переживают, команды на поле делают вид, будто всеми силами стараются друг у друга выиграть, а на самом деле еще до начала матча между командами все давно уже договорено – кто выиграет, кто проиграет. При анархии «игра» между властью и обществом идет в двое ворот.

Ничего подобного возникшему в 17-м году большевистскому режиму история человечества еще не знала. В истории существовало много политических режимов, внешне очень похожих на советский – от древневосточных деспотий до не очень давнего фашистского. Не буду здесь заострять внимание на современных. Критерием их отличия от нынешнего нашего большевистского является признак законной основы: на чем власть держится – на своих собственных законах либо на их нарушении. Все остальные режимы основаны на своих законах, какими бы людоедскими порой они ни были. Гитлеровский режим был людоедским с точки зрения общепринятых мировых стандартов, но по своим фашистским законам фашизм был вполне легитимен, просто при Гитлере внутригерманское законодательство было людоедским. При фашизме официальные государственные законы и идеология полностью соответствовали требуемым властью правилам реальной жизни.

Царской России тоже был присущ широкий произвол чиновников – она существовала в том же безвольном российском обществе. Но главное отличие от советской власти даже не в жестокости и размахе произвола, а в том, что царская власть держалась на своих законах. Прекращение чиновного произвола в монархической России вело бы к укреплению царской власти, и никакого бы большевизма быть не могло. Советский режим не легитимен даже по своим официальным советским законам и основан не на них, а на их нарушении. Если при советской власти советские законы начнут соблюдаться, то власть рухнет. В брежневские времена советские психиатры сказали Владимиру Буковскому, что если он, требуя от советского государства соблюдения советских законов, не понимает, что они предназначены не для того, чтобы соблюдаться, то он – сумасшедший, а если понимает, но требует, то он – особо опасный государственный преступник.

Еще пример из древней истории. Греческий царь Леонид с тремя сотнями своих спартанцев в узком Фермопильском проходе держал полуторамиллионную персидскую армию. Это было вызвано крайней необходимостью города Спарты и всей Греции выиграть хотя бы немного времени, чтобы собрать силы для отражения нашествия персов. В том проходе спартанцы остались навсегда. Да еще в истории, как пример для подражания потомкам. Царь Леонид со своими воинами были верны спартанским законам до конца. Это выражено в их жизни, смерти и в надгробной надписи: «Путник! Поведай спартанцам о нашей кончине. Верны законам своим, здесь мы костями полегли». В городе-государстве Спарте все реальные правила жизненного уклада, общественное сознание, дух всей спартанской жизни полностью соответствовали законам государства. Официальные спартанские законы полностью соответствовали реальным принципам жизни государства, общества и гражданина.

Советские законы и официальная коммунистическая идеология имели малое отношение к реальным принципам советской жизни, которая регулировалась какими-то совсем другими правилами, официально нигде не опубликованными. Если в коммунистические времена какой-нибудь заядлый коммунист пробовал действительно жить по официальной коммунистической идеологии, то у него обязательно возникали серьезные проблемы, в том числе и с советской психиатрией. Потому с субъективной стороны ложь – основа всей советской общественной и житейской психологии. Мир несовершенен, и в любом, даже самом демократическом обществе, разница между словом и делом занимает порой значительное место в реальной жизни. Но, в отличие от общества советского, там это не является основой основ жизни всех и вся. Принципиальное различие советской жизни в том, что в ней без лжи не обойтись. Жить не по лжи могли себе позволить диссиденты, которых было мизерное число. Сейчас у нас только поменялись официальные идеологические вывески.

2-3

Широко распространено мнение, будто вопрос о юридических гарантиях прав человека имеет только общий гуманитарный смысл – после Хельсинского соглашения 1975 г. это еще именуют «третьей корзиной». Может где-нибудь так оно и есть, но только не в нашем советском государстве. Беззаконие, как основа советской власти, пронизывает всю жизнь нашего общества сверху донизу и слева направо – от реальной морали до войны и разведки. У нас эта гуманитарная проблема является составной частью более глобальной проблемы государственного порядка: чем регулируются основные правила функционирования государства во всех без исключения областях жизни – правом или чем-то другим. В нашей стране вся жизнь определяется не законами, а нигде официально не опубликованными правилами игры, которые с законами имеют очень мало общего.

Эти неофициальные правила установлены властью. А поскольку власть у нас основана на беззаконии и очень большой лжи, это беззаконие прикрывающей, то и правила игры полностью соответствуют таким основам. И у нас по этим правилам играют и судьи, и прокуроры, и адвокаты, и журналисты – и все другие властные и околовластные структуры. Потому у нас вопрос о соблюдении законных прав всех субъектов правоотношений с 17-го года имеет крайне важное чисто практическое значение для всех и вся.

27 декабря 1979 г. в Кабуле советские разведывательно-диверсионные подразделения армии и ГБ провели операцию «Шторм-333» – знаменитый впоследствии штурм дворца Амина, который общепринято считать началом войны в Афганистане (война «за речкой»). И который среди профессионалов считается образцом блестяще проведенной спецоперации. «Шторм» проходил по плану и под командованием начальника Управления «С» ПГУ КГБ СССР генерал-майора Дроздова Ю.И. Перед началом генерал Дроздов и полковник Колесник (спецназ ГРУ ГШ) представили план штурма в посольство большому военному начальству для утверждения. Начальство устно план одобрило и приказало действовать, но подписывать его не стало.

Спустя много лет, в своих воспоминаниях «Операция «Шторм-333», отставной генерал Дроздов рассказывает, как через несколько дней после штурма возвратился в Москву и был принят для доклада начальником Генштаба маршалом Огарковым Н.В. Маршал увидел, что под планом нужных подписей нет, без слов все понял и выругался в адрес своих генералов, по малодушию не

утвердивших крайне важный и единственный боевой документ операции (см. Альманах «Вымпел», № 3, 1999 г., С. 70). Можно ли представить себе подобный случай в любом другом, пусть даже не в очень демократическом государстве?!

Во всем мире издавна заведено, что либо командир одобряет представленный ему план, своей подписью его утверждает и приказывает действовать. Либо не одобряет, не утверждает, не подписывает и не приказывает. Многозвездные генералы решили подстраховаться. Если бы штурм кончился провалом – полсотней растерзанных очередями трупов офицеров спецназа у дворца Амина – то большие начальники все свалили бы на преступное самоуправство генерала Дроздова (там он был известен как генерал Лебедев). Мы ничего не утверждали и не подписывали – это все карьерист и политический авантюрист генерал Лебедев захотел отличиться перед Москвой, в боевой обстановке самовольно начал штурм без надлежащего приказа, что и привело к тяжким последствиям. Он грубо нарушил советское военное законодательство, и его надо расстрелять по п. «в» ст. 260 УК РСФСР за превышение полномочий! Могло ли где-нибудь, пусть даже в фашистской Германии, быть, чтобы генералам приказывали воевать по не утвержденному плану, потому как начальство утверждать его не захотело?!

Глубинная незаконная сущность советского режима внешне, непосредственно или опосредствованно, проявляется во всем – от очень общих гуманитарных проблем до конкретных штурмов дворцов «за речкой», от явлений культуры до действий спецназа, от динамики рождаемости до активности флотов.

Еще с раннеперестроечных времен среди диссидентов раздавались все усиливающиеся голоса о том, что советская власть понемногу изменяется и уничтожается. После провала августовского «путча» 91-го года такие голоса вылились в многоголосые хоровые вопли о крахе советской власти и полной и окончательной победе демократии. Многие признали новую власть законной и толпой в нее поперли. Положение дел с соблюдением государством своих законов ни тогда, ни после никого особо не интересовало, как не интересуется и сейчас. Оно в принципе не изменилось, только произвол в эпоху демократии быстрыми темпами стал расширяться и ожесточаться. Но если восторжествовавшие в обществе демократические формы и атрибуты не влекут никаких серьезных правовых последствий, то цена им не велика – тогда они всего лишь чисто внешние явления, не затрагивающие сущность общественных правоотношений «гражданин – власть». Какое принципиальное значение могут иметь установленные законом самые демократические права и свободы, если все эти права и свободы, в том числе и гарантированные Конституцией, любой самый мелкий чиновник может легко и безнаказанно нарушить!?

И опять же, самый проклятый для наших демократов вопрос, от которого они еще с перестроечных времен шарахались как черт ладана: чего стоят все возглавляемые вами «широкие демократические силы», если они не способны заставить даже мелких чиновников соблюдать их же законы?! Да и держатся все эти демократические ценности на произволе властей, представляя собой лишь неотъемлемый придаток нынешней власти, необходимый для «затушевывания», прикрытия сущности политического режима, преступного даже с точки зрения собственных законов. Во всяком случае, в нынешней России эти общедемократические ценности имеют далеко не то значение, какое в них общепринято вкладывать во всем мире. А если принять во внимание стремительный рост произвола и то, что он творится сейчас силами не ГБ, а МВД и чисто ментовскими методами, то становится вполне понятным вызывающий недоумение западных политологов вопрос: почему в эпоху демократии в широких народных слоях нынешний режим еще называют «легавой демократией».

Основа основ методов западных политических исследований, во всяком случае, по отношению к нам – сравнение чисто внешних форм с общепринятыми в цивилизованном западном мире схемами, явно не применимыми к нашему безвольному обществу, основанному на советских беззаконных принципах. От западных демократий мы переняли многое, но в реальности получилось, что из всего перенятого, у нас прижились только те стороны, которые у них являются побочными негативными последствиями развития и функционирования нормального демократического общества и государства. Причем весь этот негатив у нас существует в таком крайне гипертрофированном виде, что не приведи Господь, а насчет переноса действительно позитивного – воз и ныне там. Первопричина основных наших современных проблем заключается в прежней советской власти. С концом большевистского режима некоторые неразрешимые в принципе проблемы отпадут сами собой. Например, коррупция в ее советском виде, принявшим умопомрачительные формы.

Про нынешние наши проблемы многие аналитики сейчас пишут, что они носят системный характер и необходимо их системное исследование. Только вот наши и западные аналитики никак не хотят в своих исследованиях идти до конца – признать, что существующая у нас политическая система по своей глубинной сути – советская, а весь негатив является только ее последствиями. Просто некоторые черты нашей страны, из-за которых от России на международной арене шарахаются в стороны, зажав нос, – все это внешние проявления прежней советской власти, на нынешнем этапе разложившейся до зловония.

От очень многих слышал и слышу возражения: фашизм, коммунизм – все плохо, нет никакой разницы. Не говорю, что оба режима хорошие, но есть разница, которую не любят учитывать. Способно ли общество добиться от власти хотя бы соблюдения ее официально действующих законов или нет – вопрос далеко не праздный. Особенно по отношению к обществу, идущему по пути построения демократии. Но Россию объявили страной демократической, а на массовый и безнаказанный произвол чиновников предпочитают не обращать внимания. Или если обращают, то объявляют его неопасной болезнью роста, как свинка у детей. Демократия – очень хорошая форма правления, но у нее есть один небольшой изъян – в безвольном обществе она невозможна.

Вопрос о том, рухнула советская власть или нет, до сих пор является очень болезненным для многих – от западных политиков и политологов до наших известных диссидентов, признавших новую власть законной и демократической. Ситуация, более чем понятная, особенно в отношении диссидентов. Они всегда были непримиримыми борцами с советским режимом, при коммунистах много и достойно за это сидели. И если вдруг выясняется, что под видом новой российской демократии скрывается прежний советский, по сути, режим?! Но самое главное, что бы при этой власти ни делать, какими бы позитивными изменениями ни пытаться ее улучшить, результат будет все тот же, что и при сотрудничестве с прежним коммунистическим режимом. В безвольном обществе любое сотрудничество с беззаконным режимом будет, независимо от вашего желания, лишь служением ему, а в наших условиях это неотвратимо ведет к коллаборационизму.

Я уже не говорю о других наших супердемократах, которые при всей внешней драматичности их фигур всегда готовы быть общественно-политическими шестерочками на побегушках у любой власти. Такая публика готова в горло вцепиться, стоит только поднять вопрос о том, что рухнуло – что осталось. Вопрос об определении советской власти и о волевой стороне общества обычно вызывает у многих резко негативную реакцию, граничащую с истерикой. Далеко не всем хватает ума и выдержки делать вид, будто этот вопрос не

заслуживает внимания. Именно из-за этого вопроса обо мне еще с перестроечных времен ходит масса всяких нехороших сплетен. Некоторые любят приписывать другим те свои собственные черты, которые всеми силами пытаются скрыть у себя.

Еще один вид упреков. Когда я говорю, что нынешняя демократическая власть по своей сущности в принципе является все той же самой советской властью, многие демократы пускают в ход свой последний и решающий контраргумент: что ты так привязался к этому названию – «советская власть» – не в названии дело, назвать можно по разному, и не следует уделять сему слишком много внимания!!! Я и с такими упреками согласен полностью. Конечно, не в названии власти дело, а в ее сути. Можно давать объектам исследования любые наименования, но с одним условием – данные наименования должны оставаться неизменными (тождественными) на протяжении всего процесса исследования. В противном случае получится такой логический фокус, как «подмена понятий». А это будет грубым нарушением закона тождества, являющегося одним из основных законов логики, требованиям которого должны соответствовать все методы и формы мышления, направленные на познание истины.

Человеческое мышление изучают многие науки: логика, психиатрия и другие. Но главное отличие логики от психиатрии заключается в том, что предметом изучения логики являются только те формы и виды мышления, которые ведут к познанию истины, с помощью которых человек правильно познает мир. Бред сумасшедшего относится к предмету изучения психиатрии, а логике он не интересен. Из-за нарушения закона тождества происходит много путаницы, а то и злонамеренных умышленных фальсификаций. Для правильности логических рассуждений и умозаключений, если вы вкладываете в какое-либо понятие определенный смысл, то в процессе исследования изменять его не следует при переходе от одного понятия к другому, в принципе такому же.

Если власть, возникшую у нас в 17-м году, называть советской, то по своей сути нынешняя власть тоже советская. А если нынешнюю власть считать демократической, то существующая по сей день демократия в России победила в результате октябрьского переворота 1917 года. Или строго придерживаться в своих умозаключениях законов логики, или не следует претендовать на правильность анализа и истинность выводов. Не нужно возводить научные исследования на основе всяких логических подлогов и подтасовок. Такими незатейливыми логическими фокусами можно легко доказать или опровергнуть все, что угодно.

Надо называть вещи своими именами, и сразу четко и ясно определяться в терминах с самого начала. Два такие совершенно разные с виду высказывания – «увеличение топливно-энергетических ресурсов при углублении в лесной массив» и «дальше в лес – больше дров» – по своей сути тождественны. Но наиболее часто встречаются «логические подлоги», при которых в тождественных с виду понятиях изменяются содержание и объем. В результате чего понятия перестают быть тождественными.

В перестроечные времена я слышал такое высказывание: «Общество испугалось народа!» Это про весну 91-го, когда по мнению некоторых у нас была «революционная ситуация» – стоило только обществу организовать, проявить чуть больше активности, и советскому режиму конец. Как когда-то шутили в застойные времена, «просыпаюсь – здрастье – нет советской власти». У них народ (все население страны) – это одно, а общество – нечто совсем другое. Происходит неправомерное сужение объема понятия «общество», при котором из всего народа обществом считается только часть населения, определенная по каким-то «элитным» признакам. Все остальное общество считается уже не обществом, а

простым народом, обязанным с глубочайшим почтением внимать указаниям «общества». И такую игру с терминами я слышал от одного очень известного нашего диссидента-политзека.

Или еще совсем свежий пример. В интервью «Известиям» от 9 августа 2000 г. один из столпов западной советологии Ричард Пайпс высказал мнение, что государство, где арестовывают «плохих» олигархов, не трогая «хороших», не может называться правовым. Мнение, в общем-то, правильное, но к этим словам известного политолога необходимо добавить, что подавляющее большинство нашего общества ненавидит нынешний политический режим вовсе не из-за «наездов» власти на олигархов и других представителей экономической и общественно-политической элиты, а из-за массового произвола и беззакония властей по отношению к широчайшим народным слоям. Но об этом один из виднейших западных специалистов по России как-то умалчивает. Не следует подходить с нормальными мерками к нашему ненормальному государству. Это в других странах ущемление прав общества начинается с ущемления прав элиты, а у нас произвол против элиты означает, что права широчайших слоев простых граждан давным-давно уже все попорчены так, что дальше некуда. Это относится и к ленинскому выводу палачей-большевиков в 37-м, и к олигархам с компанией в наше время.

Здесь характерен присущий западным политологам подход к анализу наших реалий, при котором обычно оставляют без внимания правовые вопросы – как нынешнее государство соблюдает свои собственные законы, гарантирующие права и свободы граждан. Именно широких слоев граждан, а не только известных общественно-политических деятелей, олигархов, журналистов, писателей и прочих именитых людей. Массовые произвол и беззаконие власти были всегда неотделимы от советской жизни, но когда-то все это сваливали на проклинаемый всеми большевистский режим. После его официально провозглашенного (и общепризнанного!) краха в августе 91-го, положение с гарантиями прав широчайших слоев населения еще более ухудшилось и все дальше ухудшается (только методы произвола другие), но особого внимания на это обращать не любят ни наши, ни западные специалисты.

Меня всегда поражало, что и у нас, и на Западе мало кого из специалистов интересует, как наше государство соблюдает свои собственные законы, хотя без пристального внимания к этой проблеме подходить к анализу российской общественной системы слишком уж бессовестно. Отношение подавляющего большинства населения к праву и правоприменительной деятельности государства у нас всегда исчерпывалось формулой «закон – что дышло». И это совершенно справедливо. Но вот многие люди, профессионально занимающиеся реальными общественными проблемами – политики, политологи, правозащитники и прочие – не очень интересуются, как государство регулирует отношения в обществе: правом или произволом. Профессионализм у них балансирует на грани клинического идиотизма. Почему у этих профессионалов так происходит – по злему умыслу или по недоумию – здесь не буду анализировать. Несомненно одно – роль и место правового регулирования, как они отражены в публичных выступлениях нашей политической, научной и пишущей элиты, явно не соответствует универсальной важности права (или бесправия!) в жизни общества.

Складывается впечатление, будто составляющие сущность режима произвол и беззаконие являются всего лишь каким-то задним аморфным фоном, не оказывающим на положение дел в стране какого-либо заметного влияния. У нас все больше любят выступать с заумными теориями, имеющими непонятно какое отношение к российским реалиям. Хотя, как это у нас обычно бывает, самая

красивая идея, воплощенная на практике в нашем беззаконном государстве, приводит к результату, прямо противоположному желаемому. Отсюда все наши беды в политике, праве, экономике и духовной жизни общества. Глобальная суть проблемы – в прежней советской системе власти. Все остальные проблемы, какими бы важными они ни казались, представляют собой лишь частные проявления большевистского политического режима в различных областях жизни государства и общества.

В нашем безвольном обществе пытаться изменить советскую власть путем демократических реформ бесполезно. Во времена перестройки была партийная кампания по конверсии ВПК. Помнится, тогда ходил анекдот, как ракетный завод начал выпускать детские игрушки – из цеха готовой продукции выходят те же ракеты, только на них написано, что это куклы, чебурашки, ваньки-встаньки... На недоуменный вопрос журналистов директор завода отвечает, что если у них ракетное производство, то сколько его ни конверсируй, какие бы наименования готовой продукции ни давай, все равно будут получаться только ракеты. У этого анекдота есть и скрытый контекст: перестраивать советскую власть реформированием невозможно – в результате получится только советская власть. Возможны только различные вариации одного и того же, как с конверсией ракет. Наиболее ярко абсурдность ситуации проявляется, когда основу демократизации во всех областях жизни видят в принятии новых хороших законов, хотя заведомо известно, что это государство соблюдает свои собственные законы только тогда, когда ему это нужно.

2-4

Вопрос о крахе прежнего режима имеет не только теоретическое, но и крайне важное чисто практическое значение. Советскую власть называть можно по-разному, но главное в том, что все основные советские принципы, составляющие основу жизни государства и общества во всех областях, остались без серьезных изменений. У нас всегда чиновник боялся только такого же чиновника выше рангом. В результате «дермократизации» мы подошли к тому, что чиновники перестали особо бояться начальства. В 93-м «Континенте» я писал, что в бывшей стабильной коммунистической системе, генерирующей произвол, в ходе реформ только сорвали ограничители, оставив сущность системы неизменной, и система медленно, но уверенно пошла в разнос.

В интервью «Известиям» от 13 июля 2000 г. президент Путин сказал: «В результате того, что власть сама себя парализовала внутренними противоречиями, мы получили, наверное, самое свободное общество – к сожалению, свободное даже от закона, порядка и морали». Т.е. власть у нас не может контролировать даже саму себя. Внешне это выражается в невиданном доселе размахе чиновного произвола против граждан, прежде всего и наиболее ярко – в действиях МВД, прокуратуры, судов. В нашей политико-правовой системе идеальными условиями для произвола является положение, когда над начальником нет вышестоящего начальника. У нас этот идеал реализуется в системе самоуправления – той самой, которую некоторые считают единственно возможным демократическим выходом России из нынешнего болота. Не обязательно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что в наших реальных условиях бредовые идеи самоуправления ничего придумать невозможно.

Та же самая картина и в экономике. В том же 93-м «Континенте» я писал, что старую плановую экономику сломали, но новую рыночную у нас нельзя создать по чисто политическим причинам. При полном отсутствии правовых

гарантий, когда все сферы экономической жизни общества регулируются не столько правилами свободного рынка, сколько противозаконным административным произволом чиновников, свободный рынок в принципе невозможен. Можно до посинения спорить, разрешать ли свободную продажу земли, разгонять ли колхозы и т.п. Существенного значения эти вопросы не имеют. В любом случае в советской политической системе, где нет гарантированных твердых правил игры для субъектов хозяйственной деятельности, никакие рыночные механизмы работать не будут.

Нынешний процесс движения экономики к пропасти в условиях советского режима необратим. Уже сейчас, не будь полученных от экспорта нефти госдотаций, вся промышленность и сельское хозяйство рухнули бы. Поиск и применение различных вариантов экономических реформ представляют собой лишь попытки регулировать скорость неотвратимого движения к пропасти. Если советская власть не будет уничтожена, то неизбежен полный крах экономики и всеобщий социальный взрыв. А в стране с громадным ракетно-ядерным потенциалом, с многочисленными атомными электростанциями, с другими объектами повышенной опасности он будет иметь катастрофические последствия не только для России.

Одним из безусловных демократических атрибутов, восторжествовавших в России после августа 91-го, является многопартийность, и партий у нас расплодилось сверх всяких разумных пределов. С тех пор на российскую многопартийную систему обрушились горы критики, выдвигалось много всяких претензий, кроме одной главной. Что может значить наличие всех этих партий в обществе, не способном вопреки запрету власти заставить власть соблюдать даже ее собственные законы?! Одним из самых главных пороков многих наших общественно-политических организаций справедливо считают отсутствие структурной системы, особенно на региональном и местном уровнях. Но зачем она нужна? Какой смысл четко структурировать армию, которая ни при каких условиях заведомо воевать неспособна?!

Все партии сами по себе ничего не значат, они создаются различными группировками чиновничьего госаппарата и существуют для обслуживания их интересов путем общественно-политического прикрытия. У нас все партии – от крайне левых до крайне правых – служат разными подразделениями одной и той же системы власти, основанной на лжи и беспределе.

В нашем безвольном обществе все общественные отношения не могут не являться только внешним выражением внутриаппаратных отношений чиновников внутри государственной власти. Так, еще в конце эпохи Ельцина, в преддверии смены государственного руководства и неотвратимости грядущих перетасовок внутри аппарата, возникли новые партии и движения («Единство», ОВР), а у старых обозначился глубокий кризис. Причем «Единство» возникло из ничего – у него не было ни ранее организационных структур, ни, в отличие от ОВР, сколько-нибудь значимых и заметных общественно-политических деятелей. Попробуйте найти подобный пример в любой демократической (и даже не очень) стране?!

В горбачевскую и ельцинскую эпохи произвол и беззаконие властей все больше расширялись под бурные восторги нашей (и западной) государственной и общественно-политической элиты по поводу немислимых успехов перестройки и демократизации. В правовой сфере жизни общества в принципе ничего не изменилось, только методы и формы произвола стали другими, и его размах перестал быть сравнимым даже с брежневскими временами. Советская власть с 17-го года была основана на беззаконии, только после «победы демократии» в августе 91-го это беззаконие быстро переросло в полный правовой беспредел властей. На массовое юридическое издевательство демократических властей над

широчайшими народными слоями демократы предпочитали не обращать особого внимания. О некоторых случаях произвола свободные российские СМИ конечно писали, но больше «для галочки». Во всяком случае наши СМИ давали не очень адекватное представление о всеобщем произволе государства и, разумеется, ни коим образом не связывали такой произвол с самой возможностью демократии. Будто вопрос о соблюдении государством своих собственных законов, гарантирующих права граждан, не имеет к демократии никакого отношения.

Для доказательства краха советского режима и наличия демократии Западу предъявляли существующие у нас многочисленные супердемократические атрибуты, не вдаваясь в подробности, что под прикрытием этих атрибутов у нас скрывается. И о действенности (а точнее – бездейственности) свободы печати на власть и на реальную жизнь предпочитали не распространяться. Только некоторые изредка вымученно признавали, что поскольку влияние наших СМИ очень мало, то свобода слова у нас получилась ополовиненная. Хотя если считать действенность свободы слова основной гарантией всех остальных прав и политических свобод, то никакой ополовиненной такой свободы (то есть при ее бездейственности) быть не может: в этом случае иметь половину – значит не иметь ничего.

Из-за безволия общества выработанные и опробованные вековой исторической практикой человечества многие демократические формы и формулы к нашему государству не подходят или подходят с прямо противоположным знаком. К этим общепринятым в мире понятиям применительно к нашим условиям следует относиться очень осмотрительно. Они к нам или вообще не применимы, а если и применимы, то с большими оговорками. При слове «тоталитаризм» у людей обычно по ассоциативности мышления сразу возникают в мыслях ленинский и сталинский террор, гитлеровские газовые камеры или пирамиды черепов в Кампучии. Но эти ужасные вещи представляют собой только внешние проявления внутренней сущности тоталитарного политического режима, при которой в тех условиях власть не хочет, и, самое главное, не может обойтись без неприкрытого людоедства. Людоедство, в зависимости от времени, страны и других конкретных условий принимает разные формы, но без него режим рухнет. Тоталитаризм – возможность государственной власти творить в стране то, что ей взбредет в голову. Конечно, у таких возможностей есть предел, за которым общество взбунтуется. Или последует вмешательство внешних сил, как при военном разгроме Гитлера.

При этом самым высшим «достижением» тоталитаризма является тоталитаризм советского образца – когда из-за безволия общества, а также политики мирного сосуществования и невмешательства внешнего мира, государственная власть может творить внутри страны все, и очень многое за ее пределами. У нас виды и формы проявления тоталитаризма всегда определялись практическими интересами власти при почти полной пассивности общества. Это в других странах прекращение внешне присущих тоталитаризму зверств необходимо ведет к краху тоталитарного режима, а у нас это еще ничего не значит. В безвольном обществе внешние проявления власти далеко не всегда обязательно тесно связаны с ее сущностью. У нас могут изменяться только внешние разновидности государственной власти, так и остающейся по своей сути тоталитарной. Так политические репрессии в сталинские и брежневские времена были разными видоизменениями одного и того же советского политического режима, вовсе не означающими, будто советская власть у нас кончилась со смертью Сталина.

Многие исследователи, особенно западные, слишком уж «зацикливаются» на значении органов ГБ для советской системы власти. Здесь ГБ понимается именно в смысле юридически оформленного органа тайного политического сыска, в отличие от других наших карательных органов – милиции, прокуратуры, суда и т.д. Конечно, роль ЧК-ГБ в возникновении и функционировании советского режима переоценить трудно. Но почему считается, будто только органы ГБ способны заниматься политическими репрессиями?! В нашем сумасшедшем государстве политическими преследованиями может по приказу властей заниматься кто угодно, хоть рыбнадзор. Впрочем, не знаю как насчет рыбнадзора, но люди одной из самых гуманных профессий, врачи-психиатры, политическими репрессиями в СССР занимались так, что было явно не по себе даже платным (и бесплатным) советским друзьям на Западе. Использование психиатрии в политических целях было одной из самых позорных страниц в советской истории. Александр Солженицын назвал это советским вариантом газовых камер. И почему считается, что если ГБ сейчас диссидентов не сажает, то советская власть рухнула?!

Чрезвычайно преувеличенная роль ГБ происходит еще оттого, что те, кто имеет возможность выразить свое (или чье-то еще) мнение в научных трудах и СМИ – творческая интеллигенция, составляющая очень узкую часть общества, страдала больше всего от ГБ. И для них, как для мышки, страшнее кошки зверя нет. Так в хрущевские и горбачевские времена коммунистические историки и пропагандисты говорили о пике сталинского террора в 37-м году, ругая Сталина и обвиняя его в нарушении социалистической законности и ленинских внутривнутрипартийных норм. Хотя массовый большевистский террор против народа начался с Ленина, а в 37-м только достиг своего логического конца, перекинувшись без всяких препятствий на очень большое начальство – на породивших его главных палачей, на ленинскую гвардию.

3. Произвол, право, демократия

По своей глубинной сути вся наша демократизация с горбачевских времен сводится к расширению свободы чиновников творить произвол. Если за антисоветскую агитацию и пропаганду сейчас никого уже не сажают, то в нашей стране это еще не доказывает, будто у нас демократия. Россия вообще не укладывается в выработанные цивилизацией общепринятые рамки. Если в других странах отсутствие политзаключенных является серьезным свидетельством демократизации, то у нас это еще ничего не значит. Наоборот, в нашем безвольном обществе это может означать невиданный при «застое» размах произвола. Зачем неугодного арестовывать за политику, вызывая ненужные внешнеполитические издержки?! Его можно задержать якобы за ругань матом в общественном месте, избить в отделении милиции до полусмерти, а если он еще при этом не будет вести себя как безропотный кролик – будет защищаться! – то и вообще посадить за нападение на работников милиции или пристрелить за это на месте. Можно, попросту, ножом из-за угла – ах, у нас такая большая преступность... Есть и другие методы, которые, мягко говоря, не были присущи даже коммунистическому режиму.

17 января 2000 года на первом заседании новой Госдумы разразился крупный внутривнутриполитический скандал. Кремль руками своих депутатов «кинул» несколько фракций, не дав им возглавить комитеты, о которых уже существовала договоренность. Вечером того же дня в программе НТВ «Глас народа» выступали представители обманутых фракций. Станислав Говорухин (фракция ОВР) поведал

телезрителям, как его коллега по фракции Маршал Советского Союза Куликов В.Г. после заседания Думы презрительно сказал, что такого наглого и мелочного обмана он у власти раньше никогда не встречал. Неплохо отметить, что бывший при Брежневе начальником советского Генштаба маршал Куликов в 45-м году войны закончил начальником штаба отдельной танковой бригады, то есть еще при Сталине был не очень мелким командиром. Глава «Яблока» Григорий Явлинский возмущенно обратился к телезрителям: сегодня такое сделали с нами, а завтра ждет всех вас!!! Главный «яблочный» демократ немного заблуждается. В нашем государстве, если сегодня такое делают с очень большими начальниками, то с простыми гражданами это сделали еще позавчера. Просто демократическое начальство произвол власти начинает замечать только тогда, когда он по ним ударяет.

Для аналитиков характерна все та же старая песня – если основную часть безнаказанного произвола сейчас творит не ГБ, а МВД (вместе с судом, прокуратурой и другими), то это уже или не произвол вообще, или такой произвол, который демократии особо не мешает. На выводы о наличии демократии он не влияет, и потому на него можно не обращать внимания. До самого последнего времени к массовому произволу властей при демократии относятся как к не препятствующему демократии наказанию Божию, с которым не поспоришь. Как к чуме в Средние века. Кто будет оспаривать волю Всевышнего?!

Между тем, невиданное при коммунистах расширение произвола МВД, да еще и сугубо «ментовскими» методами, на которых режим держится, вызывает у населения особое презрение и ненависть ко все той же советской власти, существующей под прикрытием чисто внешних демократических форм и атрибутов. У нас эти формы и атрибуты являются лишь прикрывающими произвол придатками власти, которые и сами держатся на том же произволе. Не зря в народе нынешнюю власть называют «легавой демократией».

Особо интересно получается у западных специалистов – все грубейшие противоречия своих теорий с реальной жизнью они сваливают на национальные особенности. В выяснение сути этих особенностей и какова их природа они предпочитают не углубляться. Так удобней. Они рассуждают: раз верхушечные демократические ценности есть, значит и демократия у нас настоящая. А дикие нестыковки своих теорий с реальностью объявляют национальными особенностями. Между тем, если разобраться в причинах этих особенностей, то они не оставят от западных теорий камня на камне. Существующий при демократии массовый произвол властей, исключаяющий всякую возможность демократии, сейчас уже отрицать нельзя. Они и не отрицают. Россию считают демократической, а творящийся чиновный произвол – так это просто российская национальная особенность, демократии особо не мешающая. Таким способом и гитлеровскую Германию тоже можно объявить демократической, а все зверства фашизма – так это просто национальные особенности немцев в то время.

Еще одна национальная особенность: демократия есть, только законы не соблюдаются. «А-а, ну и что?! – говорят, – Да в России они никогда не соблюдались!» Но закон юридически гарантирует взаимные права и обязанности субъектов правоотношений. Если законы властью не соблюдаются, то значит установленные ими права и свободы, какими бы супердемократическими они ни были на бумаге, в реальности юридически не гарантированы. Власть дает их только когда хочет, сколько хочет и кому хочет – в зависимости от целесообразности. Так очень большими правами обладает поросенок, которого откармливают к празднику. А-у-у-у!.. Сторонники российской демократии и краха советской власти в августе 91-го! У нас что, с 17-го по 91-й годы по-

другому было?! Демократия с такой национальной особенностью – это не демократия и никогда ею не будет. Самая главная наша национальная особенность – существующий до сих пор прежний советский режим в условиях безвольного общества. Все «национальные особенности» имеют одну первопричину – безволие нашего общества, при котором никакая демократия у нас невозможна даже теоретически. За исключением чисто бутафорской «дермократии», существующей только для того, чтобы прикрыть собой нечто совсем другое.

Не то чтобы западные специалисты совсем не обращают никакого внимания на произвол при нашей демократии. Нет, внимание обращают, но в том смысле, что без массового произвола российская демократия выглядела бы значительно лучше, привлекательнее. Аналитики путают юридические основы жизни любого государства и общества с косметикой. Они не придают особого значения тому, что демократия и всеобщий безнаказанный произвол властей – вещи не совместимые и взаимно друг друга исключают. Между тем, один из главных критериев истинности любой научной теории – ее внутренняя непротиворечивость. Особенно в части непротиворечивости основных, фундаментальных положений. У теоретиков от демократии дело с этим обстоит не очень хорошо.

Сильная власть – когда государство гарантирует правоотношения, то есть установленные законом юридические права и обязанности субъектов правоотношений существуют на практике, а не только на бумаге. Это возможно только в условиях режима законности, который, в свою очередь, может гарантироваться только принципом неотвратимости ответственности за нарушения закона, нравится это кому или нет. Именно принцип неотвратимости в конечном итоге делает право правом – не на бумаге, а в реальности. Именно он вынуждает государство соблюдать свои собственные законы на практике, хочет оно того или не хочет. И именно он необходим для наличия юридических гарантий законных прав и свобод.

При наличии юридических гарантий общественная воля реализуется на практике прежде всего в действии принципа неотвратимости ответственности. Нет неотвратимости уголовной ответственности даже за тяжкие должностные преступления власти против общества – значит, общество безвольно, и нет никаких юридических гарантий прав и свобод. А все имеющие высшую юридическую силу законы и конституции сразу превращаются в благие пожелания, ни для кого на практике не обязательные. Принципиальное отличие российской демократии от всех других, нормальных государств, пусть даже не очень демократических, в том, что там за всеми известными преступлениями чиновников неотвратимо следует ответственность.

Волевой момент составляет одну из основ любой человеческой деятельности во всех сферах жизни. Поэтому неправильная оценка волевого момента российского общества – основа основ непонимания Западом всех сторон нашей действительности. Демократические формы и механизмы сами по себе работать не будут, необходимы движущие силы – широкие народные слои, имеющие волю к действию для осуществления своих прав и интересов. У нас таких общественных сил нет, и в обозримом будущем не предвидится. Для безвольного российского общества идея демократии является такой же утопией, как идея коммунизма для всего мира.

Немало у нас в России самых разных теорий, которые утопичны по своей сути. Так, в принципе один и тот же утопизм всех наших западников-демократов и русофилов-соборников заключается в том, что все их диаметрально противоположные идеи, какими бы умными и красивыми по-своему они ни были,

не влекут на практике никаких значимых правовых последствий. Для установления реальных юридических гарантий прав в обществе ни те, ни другие сделать ничего не могут (а потому и не пытаются), а всю вину за это валят друг на друга или на кого угодно – только не на самих себя.

В ельцинские времена самым последним доводом демократов был тезис: да, произвол у нас все расширяется и ожесточается, но демократизация-то все равно идет!!! Но демократизация – все большее расширение закрепленных законом прав и свобод при условии их юридических гарантий. Демократизация и рост произвола – два прямо противоположных, взаимоисключающих процесса, и в одном обществе одновременно они существовать не могут. Разве что, в каких-то параллельных непересекающихся мирах. Ну да это уже из области научной фантастики. А в реальности, если при демократизации произвол все больше и больше расцветает буйным цветом, то это уже не демократизация, а нечто прямо противоположное. В народе это нечто еще с перестроечных времен называют «дерьмократизацией».

Нельзя сказать, будто нынешние наши СМИ дают хоть какую-то более-менее полную картину произвола и беззаконий власти. Но даже в них слишком бросается в глаза те же нестыковки в демократической «бухгалтерии», что и в перестроечной. Пишут о преступлениях должностных лиц против законных прав граждан, но где уголовная ответственность?! Реакции правоохранительных органов – почти никакой. Во всяком случае, что-то почти не слышно о привлечении чиновников к уголовной ответственности за должностные преступления против простых граждан. И подлинные причины безнаказанности должностных преступников наши СМИ предпочитают не замечать и не обсуждать. Хотя вопрос о неотвратимости ответственности чиновников – это вопрос о наличии или отсутствии юридических гарантий от беззаконий государства. Если кто-то считает постоянные и безнаказанные должностные преступления чиновников еще одной национальной особенностью нашей демократии – это их личное дело – только тогда любая демократия у нас исключена.

В застойные времена некоторые требования граждан о соблюдении официально действующих законов расценивались как проявления вялотекущей шизофрении или как особо опасные государственные преступления. Здесь снова стоит напомнить читателю случай с Владимиром Буковским, когда советские психиатры заявили, что если он требует соблюдения советских законов и не понимает, что они существуют не для того, чтобы соблюдаться, то он – сумасшедший, а если понимает это, но все равно требует, то он – особо опасный государственный преступник. Для власти, основанной на беззаконии, неуклонное соблюдение собственных законов губительно.

Принцип неотвратимости ответственности делает право «бумажное» правом реальным. При неукоснительном соблюдении государством этого принципа невозможно положение, когда официально действующие законы существуют не для того, чтобы соблюдаться. Запад признал Россию демократическим государством из-за наличия многочисленных внешних супердемократических атрибутов и не уделяет особого внимания тому, что существует под прикрытием таких атрибутов. Это все равно, что судить о положении дел с правами человека по советским законам, которые существуют для чего угодно, но только не для того, чтобы соблюдаться.

Следуя давним диссидентским традициям, мы с Кириллом Подрабинеком в 95-м году решили поставить эксперимент над демократическим российским правосудием – потребовали от Генеральной прокуратуры РФ возбудить уголовное дело по фактам отдания Президентом РФ Ельциным Б.Н. приказа Вооруженным

Силам РФ на ведение военных действий в Чечне и неприятия мер к защите мирного населения (см. «Континент» N 94, октябрь – декабрь 1997 г.). Прокуратура возбуждать дело не хотела, мы пытались в полном соответствии с конституционными гарантиями обжаловать ее действия в суд, который нашу жалобу даже рассматривать отказался. Потребовали от Генпрокурора Скуратова Ю.И. возбудить уголовное дело в отношении судей, реакции – никакой. Тогда потребовали от Скуратова возбудить уголовное дело против него самого – ответа на заявление ждем до сих пор.

Статья 46 Конституции РФ гарантирует гражданам право на правосудие и на обжалование в суд любых действий всех должностных лиц, без каких-либо изъятий. Опять же, мы пытались реализовать «право на право» – гарантированные Конституцией РФ процессуальные права на правосудие и на судебное обжалование. Может кто из наших демократов и западных специалистов разумно мне объяснить, почему Юрий Скуратов потом вылетел из кресла Генпрокурора РФ за «постельные» похождения с девочками человека, очень на него похожего, хотя должен был задолго до этого оказаться на скамье подсудимых за то, что не возбудил уголовное дело в отношении судей, преступно нарушивших наши конституционные права на правосудие. А те судьи-преступники до сих пор на своих постах или пошли на повышение.

Интересно сравнить методы беззаконий коммунистического перестроечного и демократического правосудия. Тогда по иску Григорьянца суд незаконно оставил исковое заявление без движения, убоившись выносить определение об отказе в его принятии, поскольку такое определение подлежало обжалованию в кассационном порядке. Разумеется, коммунистические власти кассационное заседание Мосгорсуда по жалобе на явно неправосудное определение допустить никак не могли. Это было бы слишком нетерпимой для них демонстрацией фальшивости своего правосудия. По нашей с Кириллом жалобе на действия Генпрокуратуры РФ районный суд без всяких колебаний вынес такое явно антиконституционное определение, а Мосгорсуд в открытом кассационном заседании без тени сомнений придал ему законную силу.

Еще раз подчеркну, что все вступившие в законную силу судебные акты имеют высшую юридическую силу. Своим кассационным определением Мосгорсуд от имени государства юридически подтвердил, что конституционные гарантии прав и свобод у нас стоят не больше бумаги, на которой написана супердемократическая Конституция РФ. И находятся же еще люди, сомневающиеся, когда я им говорю, что коммунистическая власть относилась к собственным законам гораздо более приличнее, чем нынешняя демократическая. Все мои выводы неоспоримо следуют из официальных судебных документов. В опровержение можно наговорить всякого, но все контраргументы разбиваются об имеющие высшую юридическую силу акты судов, вынесенные от имени государства.

3-2

Среди западных политиков, политологов и прочих специалистов встречается и другой очень любопытный психологический феномен. Некоторые из них признают, что российское государство беззаконное, то есть ненормальное, и... продолжают все также и фактически, и юридически относиться к нему в своих делах как к государству нормальному. Включая самое полное и высшее юридическое оформление такого нормального отношения, как членство России в Совете Европы – организации, главным условием членства в которой является

соответствие общепринятым в мире демократическим стандартам. И самое главное условие – соблюдение прав человека. Тут есть одна тонкость, на которую не все обращают внимание (или не любят обращать). Уместно напомнить, что Евросовет – не военно-политический блок, типа НАТО, и не международное экономическое сообщество, типа «Общего рынка». Основная область деятельности Совета Европы – демократическое устройство государств, и именно только по критерию соответствия демократическим стандартам, в первую очередь – по соблюдению прав человека, определяется допуск государств в членство.

Членство в Евросовете – это как выданная государству справка с печатью, юридически подтверждающая, что данное государство является демократическим в полном объеме, то есть полностью соответствует общепринятым основным европейским и мировым стандартам правового демократического государства. Можно привести великое множество аргументов и контраргументов, наговорить что угодно, но приняв в члены СЕ, европейские демократические государства официально юридически признали Россию себе подобной в полном объеме. Или совсем наоборот – себя полностью приравняли к России по всем основным правовым критериям. Отсутствие каких-либо юридических гарантий прав человека в государстве российском делает его членство в Совете Европы трагикомичным. По правовому критерию – по соблюдению государством своих собственных законов – гораздо больше оснований для членства там имеет Югославия времен правления Слободана Милошевича.

Другие государства и международные организации, признающие Россию страной демократической, в том числе и Совет Европы, не очень интересуют вопрос о неотвратимости уголовной ответственности чиновников даже за тяжкие должностные преступления – не интересно им, есть ли в России юридические гарантии прав человека или нет. Наша демократическая пресса тоже обычно эту тему лихо обходит стороной. Даже вопрос такой: почему нет ответственности? – почти никогда не ставится. Иначе от всей нашей демократической мифологии не останется камня на камне. Кстати сказать, при бездействии принципа неотвратимости все разговоры о «диктатуре Закона» так и остаются пустыми разговорами – типа лозунгов о строительстве коммунизма.

Следует отметить, что когда Совет Европы называют правозащитной организацией, это не совсем правильно. Принципиальная разница между Евросоветом и, к примеру, «Amnesty International» в том, что Совет – не просто организация международная, но и межгосударственная. Он является суверенным субъектом международного права, наделенным властными полномочиями, юридически обязательными для всех государств – его членов. В частности, решения Европейского суда по правам человека имеют высшую юридическую силу и обязательны для стран, ратифицировавших европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Главное отличие общественных организаций – от государственных и межгосударственных – заключается в том, что все их действия и решения сами по себе никакой властной юридической силы непосредственно не имеют и реализуются опосредствованно через общественное мнение, в том числе и мировое. Или, опять же, через государственные и межгосударственные органы. То есть Совет Европы – это, прежде всего, узкоюридический механизм, только международный.

Мир несовершенен, и практически все государства в международных отношениях иногда вынуждены частично применять двойные стандарты, двойную мораль, «двойное дно». Но для межгосударственных отношений Запада с коммунистическим Советским Союзом, и особенно с демократической Россией, двойные стандарты составляют неотъемлемую основу всего. Как Большая Ложь для внутрисоветской жизни. Если убрать «двойное дно», – что останется?! Не

будь у России ракетно-ядерного потенциала, кто сейчас пустил бы ее в «большую восьмерку»?! Если бы не ядерная «дубина», то по всем остальным критериям претендовать на членство там больше прав имеет Верхняя Вольта, пусть даже без ракет. Нынешнее отношение Запада к советскому государству несравнимо с временами Маргарет Тетчер.

Здесь у западных специалистов происходит даже не разница между словом и делом, а разница в поступках между сознанием, правильно отражающим некоторые черты реальности, и реальными действиями, правильное понимание игнорирующими. Впрочем, на самом деле объяснение тому может быть и не очень сложным. Просто раз «вляпавшись» в дела с таким государством как с нормальным, дальше они уже не могут в корне изменить свое отношение к нему. Чтобы не потерять лицо, или еще кое-что. Далеко не все готовы публично признавать свои ошибки, а следовательно, и ошибочность своих теорий, благодаря которым или исключительно на которых построены карьеры политиков и политологов. Такая неготовность обусловлена и внутренними субъективными, и внешними объективными причинами, поскольку к теориям и карьерам еще много чего прилагается. В отношениях с Советским Союзом, а потом и с Россией на Западе были задействованы многие основополагающие интересы – научные, политические, правовые, финансово-экономические, военные, культурные. И не каждый специалист решится сам себе все это «обрубить». Как говорится, коготок увяз – всей птичке пропасть. Или, говоря словами писателя-сатирика Михаила Задорного, не говори гоп, пока не убедился, во что впрыгнул.

Советская власть всегда уделяла чрезвычайное внимание прикрытию своей сути перед Западом, что ей блестяще удавалось. Благо, нет ничего легче, чем обманывать людей, всеми силами желающих быть обманутыми. Просто надо говорить им только то, что хотят услышать. Правда, в те времена Запад иногда причинял коммунистическим вождям серьезную головную боль. Но после объявления России страной демократической положение круто переменялось. Сравните отношения к Москве администраций Рейгана и Клинтона. Советские начальники под прикрытием демократической мифологии чувствуют себя куда более уютно, чем под прикрытием мифологии коммунистической. В былые времена они о таком и мечтать не могли. Поэтому рожденная в коммунистические времена советская мифология наибольшего расцвета и значения достигла в посткоммунистические времена. Хотя суть режима в принципе не изменилась, сменилась только идеологическая вывеска. Еще в застойные времена Александр Зиновьев в своем «Гомо советикусе» писал, что для советской власти важна дымовая завеса, а ее цвет особого значения не имеет – главное, чтобы скрывала.

Поскольку волевой момент составляет одну из необходимых основ любой человеческой деятельности во всех сферах жизни, то неправильная оценка волевого момента российского общества – основа основ советской мифологии, то есть непонимания Западом всех сторон нашей действительности. Бессмысленно подходить к нашему ненормальному государству и безвольному обществу с нормальными стандартами, которые к нам имеют непонятно какое отношение. Выработанные и опробованные вековой исторической практикой многие демократические формы и формулы к нам или вообще не подходят или подходят с прямо противоположным знаком. Беда в том, что на это мало кто обращает внимание.

Не буду здесь вдаваться во все подробности нашей коммунистической и демократической мифологии и проводить ее детальный анализ. Скажу лишь, что существует некоторое чисто внешне сходство нас с бывшими соцстранами Восточной Европы, в которых прежние режимы действительно были уничтожены. С виду, вроде бы, в последние годы и у нас, и у них в общественно-

политической жизни произошел резкий крен в сторону прошлого. И здесь, и там прежние коммунисты и их последователи занимают очень сильные позиции в политическом спектре, что ярко проявляется в результатах действительно свободных демократических выборов. А нынешнее левое правительство Квасневского в Польше некоторые вполне серьезно обвиняют в возврате к социализму времен Герека.

Конечно, некоторые реальные сходства есть, но важны различия, хотя бы по отношению к прошлому. Голосуя за коммунистов, в России голосуют не за них, а за застойные времена. Люди сравнивают жизнь тогда и сейчас (не только по материальному достатку!), и жизнь сама делает свой выбор. Кроме того, в нашем безвольном обществе у подавляющего большинства просто нет другой возможности громко заявить о своей ненависти и презрении к «дерьмократии» иным способом. Самый яркий тому пример – выборы декабря 93-го года с сокрушительной победой Жириновского (и коммунистов). Всем памятно телевосклицание по этому поводу Юрия Карякина про одуревшую Россию. Если большинство народа голосует не за демократов, которые должны выражать его интересы по определению, а против них, отдавая голоса Жириновскому, то всем должно быть ясно, кто одурел на самом деле.

Многие «голосуют ногами» – вообще не ходят на выборы, не желая в таком участвовать. Не зря стойкий электорат российских демократов – молодежь, которой нынешнюю жизнь сравнить не с чем. В странах бывшего соцлагеря социалистический электорат в массе голосует не за бывший социализм, а за нынешних левых, сравнивая их с нынешними правыми, что вполне демократично – все познается в сравнении. Разумеется, здесь дано очень схематичное изложение, в реальной жизни все не так просто, но принципиальное отличие именно таково.

Давно было понятно, что советские законы существуют только для того, чтобы «пудрить мозги» доверчивому Западу. И советскому режиму всегда это удавалось с грандиозным успехом. Западные советологи и раньше-то не уделяли особого внимания сопряжению советских законов с правоприменительной практикой советского государства. А уж с перестроечных времен это приняло откровенно изощренные формы, особенно после провала «путча» 91-го, когда старую советскую власть объявили новой демократической. После того «молодой российской демократии» прощали любые гнусности, объявляя их то происками ее врагов, то, в самом крайнем случае, издержками и болезнями демократического роста.

Справедливости ради необходимо сказать, что в самые последние годы в отношении Запада к нашей демократии все-таки произошли серьезные изменения. Там заговорили, что российская демократия на деле является не совсем тем, что в западных странах принято понимать под словом «демократия». Нынешнюю власть стали называть «нелиберальной демократией», «квазидемократией» и т.д. Что западные политологи понимают под такой своей терминологией вряд ли понятно и им самим. Так, по своему точному смыслу словосочетание «нелиберальная демократия» означает демократию без прав и свобод. Это определение содержит взаимоисключающее противоречие между определением и определяемым, как, например, выражение «сухая влага». Проще говоря, хотела того западная интеллектуальная и политическая элита или нет, но факт построения у нас демократии без прав и свобод человека и гражданина, тот факт, что демократия у нас – фальшивая, был признан ими не только в кулуарных разговорах, но и на уровне научных аналитических разработок. Только используемые научные определения стали носить ненаучный характер.

Но Бог с ними, с определениями. Гораздо интереснее причины такого резкого «прозрения» Запада. А причины эти не имеют никакого отношения к правовым. Просто в августе 98-го в России приключился финансовый кризис, дефолт, а Запад больно ударили по карману с его немалыми финансовыми средствами, вложенными в наш фондовый рынок. К тому же и эпоха Ельцина подходила к концу – «друг Борис» еще до своей отставки стал явно отработанным персонажем. В советской армии есть такой способ обучения новобранцев. Нерадивому солдату, плохо понимающему военную науку, командир приказывает пробежать несколько десятков кругов вокруг плаца по принципу: «Не доходит через голову – дойдет через ноги!»

Похоже, у западных специалистов по России через голову – то есть рациональными правовыми методами – тоже мало чего доходит. Зато сразу дошло через карман – когда по нему больно ударили. Кто в это не верит, рекомендую им сравнить отношение руководства западных демократических стран к России в первой и во второй чеченских войнах – разница как между небом и землей. И никаких иных вразумительных причин такой разницы придумать невозможно.

Да еще и новое кремлевское начальство решило сменить свою экономическую и общественно-политическую службу – президент Путин начал жесткие «наезды» на олигархов и подконтрольные им СМИ. Что и у нас, и на Западе сразу вызвало вопли об угрозе свободе слова как гарантии всех остальных демократических прав и свобод. Впрочем, об адекватности понимания Западом нашей реальности и сейчас говорить не приходится. Суть их понимания российских реалий сводится к тезису: «Гусинский на бытырских нарах – в России нет демократии, Гусинский на воле – есть демократия, хотя и не совсем демократичная».

Все сказанное в полной мере относится и к нашим демократическим СМИ. Арест Гусинского наглядно продемонстрировал и олигархам, и журналистам, и всей остальной ельцинской элите их место в обществе, четко обрисовав перспективу. Арест стал переломным моментом, когда большинство наших демократов сразу стали демократами не только на словах. Тут же в прессе начали говорить несравнимо больше и о тех методах произвола против простых граждан, о которых раньше все знали, но помалкивали, и еще о многом другом.

В «Континенте» № 93 я писал про ельцинские времена, что тогда российские демократы, правозащитники, в том числе и признавшие эту власть законной бывшие диссиденты-политзеки, сами сделали все для уверения Запада в конце советского режима в августе 91-го. А когда эту ельциноидную публику жаренный петух клюет в одно место, все они хором принимаются ругать Запад за чрезмерно мягкое отношение к кремлевскому начальству. Сейчас все почти то же самое, только клюнули их очень сильно, и ярче всего это проявилось в журналистах и в редакционной политике СМИ. И что бы там они потом не говорили: ничего не знали, не понимали – все равно, это вещи простые и понятные, очевидные и вопиющие, не знать и не понимать их может только тот, кто не хочет этого делать. После того, как их клюнули, положение резко изменилось, но и сейчас еще далеко от объективного. Но это сейчас. А раньше... Демократические редакторы и журналисты утверждали (и сейчас утверждают!), что тема защиты прав человека якобы не вызывает интереса. У кого не вызывает интереса? У власти с демократической элитой или у широких народных слоев, чьи права нарушаются грубо и постоянно?!

Правовой принцип равного масштаба, более известный как принцип всеобщего равенства перед законом, одинаков для всех. И как всякий принцип, он либо есть, либо его нет вообще. Если демократия только для элиты, то это вообще не демократия. Да и только для элиты демократии быть не может – она или для

всех, или ни для кого. Ярким примером тому служит президентство Путина, начавшего менять правила игры в обществе, что прежде всего коснулось всей экономической и общественно-политической обслуги. Гусинский на бутырских нарах – самый яркий символ той деятельности. Если считать Владимира Гусинского политзеком N 1, то это все по тому же отсчету, по которому диссидентом N 1 был Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев.

В нашем безвольном обществе все политические события являются лишь внешним выражением глубинных чиновничьих разборок внутри аппарата. Путина уже не устраивают сложившиеся при Ельцине правила игры в госаппарате и обществе, он начал резко их менять, что прежде всего и наиболее заметно коснулось ельцинской элиты. В советском государстве – ситуация вполне обычная. Внешним выражением таких новшеств служат политические линии Кремля на «укрепление вертикали власти», «равноудаленность олигархов» и «деприватизацию власти». Отсюда и вопли о конце демократии, и новые «конструктивные оппозиции» со старыми изъятиями. В нашем безвольном обществе при большевистском политическом режиме любые «конструктивные оппозиции», предполагающие признание власти законной, независимо от желания оппозиционеров будут всего лишь «бунтом на коленях» или – коллаборационизмом.

В результате новых политических линий нового кремлевского руководства ярко проявился глубочайший кризис ельцинской демократической элиты. Кстати, в принципе то же самое было после августа 91-го, когда в кресле главного демократического начальника Горбачева сменил Ельцин. Тогда точно также на роль ведущих демократов в общественно-политической жизни были «назначены» другие кадры, заменившие прорабов перестройки. И, как обычно в таких случаях бывает, старая обиженная элита начала изо всех сил ругать новую, обвиняя ее во всех смертных грехах: в гэбэшном уклоне, в возврате к былому тоталитаризму и даже в том, что у нас нет демократии, и никогда не было. Говорить стали многое из того, о чем раньше помалкивали, только встает один проклятый вопрос: где ж вы раньше были? Если все это существовало и в ельцинские времена. Вся внешняя респектабельность супердемократических страдальцев сразу вдребезги разбивается о вопрос, почему они молчали об этом до Путина?! Это еще раз подтверждает, что все события вокруг Гусинского и «Медиа-Моста» не имеют никакого отношения к борьбе между демократией и надвигающейся угрозой тоталитаризма.

Конечно, такой конфликт в нашем обществе носит не столько экономический характер, но не следует внешние проявления чисто внутриаппаратной разборки выдавать за угрозу демократии, которой у нас никогда не было. Вопрос: «Почему раньше молчали?!» – служит неопровержимым доказательством фальшивости и лживости наших демократов. От одного такого вопроса вся внешняя супердемократичность ельцинской элиты отлетает от них как шелуха. Можно считать все происходящее продолжением процесса демократизации или возвратом к тоталитаризму – кому как больше нравится. Но суть всего – изменение Кремлем внутриаппаратных правил игры.

Возможен более глубокий анализ освещения нашей демократической прессой событий общественно-политической жизни. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что с началом президентства Путина, когда он начал ужесточать отношение Кремля к олигархам и подконтрольным им СМИ, многие газеты резко изменили направленность своей редакционной политики и, критикуя власть, стали писать о многом из того, о чем раньше предпочитали помалкивать. Также встает вопрос о действительной роли свободы слова в нашей жизни, в том числе и о реальном влиянии СМИ на власть. Основная причина

таких «революционных» изменений в редакционной политике СМИ особого секрета не составляет – просто в Кремль пришел новый начальник и начал резко менять правила игры в аппарате и обществе, заодно решив сменить и свою экономическую и общественно-политическую «обслужу», к которой в широких народных слоях испытывают глубочайшее презрение. Это вызвало у ельцинской элиты вопли об угрозе демократии и о возврате к тоталитарному прошлому.

В последнее время часто разгорались очередные скандалы между Кремлем и медиа-олигархами. В этих разборках доходило чуть ли ни до вопроса деятелей культуры: «С кем вы?!» А что случилось-то? Ну, приехал новый барин и начал тасовать старую прислугу по своему усмотрению. А новый барин, он ведь может и отправить пороть на конюшню. Не все считают для себя допустимым вставать в таких конфликтах на чью-либо сторону и с пеной у рта доказывать правоту «своих». Это как если бы белогвардейцы в Париже в конце тридцатых годов устроили антисталинскую демонстрацию... в защиту воспевавшего расстрелы палача-идеалиста Бухарина, угодившего в расстрельный подвал. Не у всех есть дурная привычка лезть в дела, которые их не касаются.

3-3

Правоотношения – особая категория общественных отношений, в которых взаимные права и обязанности субъектов правоотношений установлены юридически. Право может существовать только в правоотношении, где праву одного субъекта соответствует обязанность другого субъекта это право исполнить. Не следует это путать с количественной неопределенностью субъектов – в зависимости от характера правоотношений количество субъектов может быть неопределенно широким. Так если человек имеет право на свободу слова, то на всех других лежит обязанность эту его свободу уважать и не препятствовать в ее осуществлении. В правоотношении, устанавливающем взаимные права и обязанности, должно быть четко определено – кто, кому и что обязан.

При анализе правоотношений не следует упускать из виду те их конкретные субъекты, к которым относятся конкретные права и обязанности, не то вместо права получится чепуха. Надо четко и ясно определять, что, с чем и как соотносится. Право на свободу распространения информации совершенно справедливо считается одним из неотъемлемых признаков демократии, но необходимо четко различать субъекты этого права: автор, редакция СМИ, общество, государство. Это право означает лишение государства прав по отношению к другим субъектам неоправданно запрещать или ограничивать свободный информационный обмен. Но оно еще юридически не значит ни обязанности автора предоставлять свои произведения редакции, ни обязанности редакции публиковать любую информацию, даже ту, которую она считает недостоверной, ни права на безвозмездное получение всеми газет и журналов. Такие правоотношения должны регулироваться другими правовыми нормами, договорами или сложившейся деловой практикой – авторскими договорами, рыночными ценами на продукцию СМИ и т.д.

Если воспользоваться терминологией Руссо, то суть правоотношений граждан и государства выражается в общественном договоре, главной составляющей которого является, прежде всего, обязательность соблюдения законов и для власти, и для общества. Если одна сторона договора не хочет соблюдать своих договорных обязательств, то и другая сторона не обязана соблюдать свои. Наиболее четко и ясно это разработано в международном праве.

Венская конвенция ООН «О праве международных договоров» 1969 г. в статье 60 устанавливает, что если одно государство существенно нарушает договор, то и другое государство вправе не считать для себя договор юридически обязательным.

Уже в Средние века в международном праве существовал принцип взаимного признания законов между государствами. Он заключался в соблюдении одним государством своих собственных законов в отношении находящихся в его юрисдикции подданных других государств. Если государство нарушает свои законы в ущерб граждан другого государства, то это другое государство вправе принять аналогичные ответные меры против граждан государства-нарушителя.

В XVI веке между Испанией и Англией началась война на море, закончившаяся разгромом испанской Великой Армады английским флотом. Поводом и одной из причин войны было преследование инквизицией англичан в Испании. В связи с этим английская королева Елизавета сначала по дипломатическим каналам заявляла протесты испанскому королю Филиппу II. Он неизменно отвечал, что-де неукоснительно придерживается принципа взаимного признания законов, а Святая инквизиция ему, как светскому главе государства, не подчинена. Тогда, с тайного согласия королевы, англичане во главе с бывшими пиратами (все частные лица и на негосударственных кораблях!) совершили набеги и грабежи городов в самой Испании и в других испанских владениях. Филипп II решил наказать строптивую англичанку Елизавету, официально объявив войну и двинув по морю на Англию громадный флот. Чем дело закончилось, известно.

Принцип взаимного признания законов в несколько измененном виде действует в международных отношениях до сих пор. Например, иски к имуществу одного государства без его согласия на территории другого государства предъявлены быть не могут (так называемый «принцип суверенного иммунитета»). В качестве исключения по принципу взаимности допускается введение одним государством аналогичных ответных мер («реторсии») в отношении имущества другого государства, нарушающего такие международные правила. Только для дипломатического имущества международным правом установлен особый статус. В известной истории с арестом за границей российского госимущества по иску швейцарской фирмы «Нога» все было в соответствии с международными нормами, так как в договоре с фирмой российское правительство в обеспечение сделки само дало разрешение на такие действия.

Аналогичные правовые последствия распространяются на принцип взаимного признания законов и в отношениях между государством и обществом. Фактический отказ государства признавать свои собственные законы в правоотношениях с обществом освобождает общество от обязанности соблюдать их перед государством. Это я выражаю научнообразно. Описать, какими словами в народе характеризуют это «дерьмократическое» государство и его правоприменительную деятельность по соблюдению собственных законов – никакая бумага не вытерпит, хотя про нее и говорят, будто она все терпит.

Какой идиот будет считать для себя обязательными законы этого государства, если оно само в лице своих должностных лиц, наделенных государственными властными полномочиями, соблюдает свои собственные законы только тогда, когда ему (или им) это выгодно?! Со всеми вытекающими отсюда последствиями для власти, ее должностных лиц и их обслуги – общественных деятелей-демократов, каких бы оттенков они ни были. Все сказанное полностью относится и к немалой части бывших диссидентов, признавших эту власть демократической и не особо задумывающихся, как

реальная правоприменительная практика государства в отношении народа совместима с понятием «демократия».

Советская власть всегда держалась на лжи и произволе, только в эпоху демократии все это приобрело слишком гипертрофированный характер. Лицемерие всегда вызывает у людей ненависть и отвращение. А демократическое лицемерие (как и незаконие) у нас такое, что с коммунистическим не сравнить. К тому же держится это все сейчас исключительно на милицейском произволе. Из чего, казалось бы, даже западным специалистам по России не очень трудно сделать вывод об отношении к МВД со стороны других силовых структур.

Не являюсь большим знатоком западной политологии, но после первой чеченской войны до меня доходили слухи, что на Западе некоторые специалисты сначала никак не могли понять, почему подразделения армии иногда воевали не с дудаевцами, а с органами и войсками МВД. Впрочем, западные эксперты очень быстро объявили это очередной национальной особенностью. То, что на войну можно списать многое, на Западе кое-как еще понимают, но почему редко какой уважающий себя боец Вооруженных Сил РФ откажется «под шумок» пострелять эмвэдэшников – для них неразрешимая загадка. Потому – «национальная особенность».

Впрочем, подавляющее большинство наших и западных аналитиков даже на такую «особенность» обращать внимания не стало. Так и талдычат про угрозу возврата старого от триединой опасности – армии, ГБ, МВД. Вроде бы очень умные люди, но не стали пересматривать свои постулаты, по которым Ельцин был заложником того же триединого военно-гэбэшного-ментовского чудовища. Все также продолжают подходить к этому сумасшедшему государству с нормальными мерками.

Поняв отношение армии и ГБ к МВД, некоторые демократы-теоретики облегченно вздохнули: такая вражда исключает-де возможность военного переворота. А следовательно, с этой стороны и угрозы российской демократии нет никакой – при попытке переворота вояки и менты перестреляют друг друга по дороге, и потому никакого переворота не получится!!! Они глубоко заблуждаются. Крах российской «дерьмократии» даже без попыток военного переворота может произойти только из-за одной этой вражды. Например, при обострениях социальной напряженности из-за чего угодно, хотя бы из-за задержек пенсий и зарплат, а то и вообще вследствие природных или техногенных причин. И уж во всяком случае, эта власть должна рухнуть при большой войне, на которую можно списать что угодно. При возникновении каких-либо более-менее широких социальных эксцессов, армия и ГБ не только не будут стрелять в народ, но и наоборот ударят по ментам – по органам и войскам МВД, как уже бывало в Чечне. А это – крах «дерьмократии» и самая реальная возможность уничтожения советской власти.

Исключены только прошлые, поставленные властью спектакли, прикрывающие внутриаппаратные разборки в борьбе за власть, и в которых армия и ГБ играли в основном роль массовки – август 91-го и октябрь 93-го. В 93-м спецназы ГБ группы «Альфа» и «Вымпел» фактически отказались выполнять приказ Кремля о штурме Белого дома, за что нажили себе большие неприятности. Сейчас любой такой спектакль может закончиться крайне печально для режиссеров из-за одной только ненависти к МВД со стороны армии, ГБ и погранвойск (а в этом государстве, по предназначению и боеспособности, роль «погранцов» – не последняя).

Здесь все дело в чисто межличностных отношениях между кадрами силовых ведомств. Это на Западе, по своим меркам, считают, что кадры силовиков в разных структурах одинаковы, разница только в выполняемых ими

задачах. Нет. Кроме существующей во всем мире межведомственной конкуренции громадную роль играет то, что для выполнения определенных дел требуются кадры с определенной психологией. Для настоящей войны, разведки и диверсий в тылу врага нужна одна психология. Для нынешней деятельности МВД, на которой «дерьмократия» держится, необходима совсем другая психология – гнилая, шакаля. Суть шакалей психологии: героизм и полная уверенность в своей безнаказанности перед слабым, но панический страх перед сильным.

Не стригу всех под одну гребенку, но если служить в милиции идут и не подонки, то они, в массе своей, или таковыми довольно скоро становятся, или уходят оттуда. В психологии «профессиональной деформацией» называется негативное изменение личности вследствие своей профессиональной деятельности – приобретение человеком отрицательных черт. Говорят, что из органов ГБ никуда не уходят – кто раз попал туда на службу, тот будет служить в этой Конторе до самой смерти. Нет, уходят – на службу в МВД. Делами, подлыми и мерзкими даже в сравнении с брежневскими временами, нормальный человек заниматься не будет. После октября 93-го кремлевское начальство решило разогнать группу «Вымпел», передав ее в МВД и заведомо зная, что это будет концом группы. Разведчики-диверсанты высочайшего класса по жизни – люди очень опытные, тонкие психологи, и на шакалю службу в МВД не пойдут. Даже на полторные зарплаты. В принципе то же самое было и с группой «Альфа», из которой многие опытные кадры ушли по собственному желанию кремлевского начальства.

Шакаля порода у людей проявляется всегда и во всем, особенно – на войне. По своему дилетантскому разумению, сильно сомневаюсь, что подлые люди пойдут на штурм дворца Амина, даже если их сзади заградотряды будут подбадривать пулеметными очередями в затылок. Это я об отношении армии и ГБ к МВД. Кадры разных силовых ведомств чисто психологически несовместимы, как не совместима «дем-шиза» с нормальной психологией.

В безвольном обществе, где вся реальная власть сосредоточена только в руках госаппарата, все общественные отношения служат лишь внешним опосредствованным отражением внутриаппаратных отношений госчиновников между собой. Последнее ярко выражается в «укреплении вертикали власти» – в стремлении президента Путина уменьшить реальные полномочия чиновников всех рангов по сравнению с тем, какими они были в ельцинские времена. Громкие «разборки» Кремля с медиа-магнатами и СМИ, а также блокирование губернаторам возможности быть членами Совета Федерации служат лишь внешними проявлениями происходящих в государстве внутренних глубинных процессов при стремлении команды Путина произвести передел реальной власти и ввести новые правила игры в аппарате и обществе.

Отсюда же берут начало новые политические линии на «деприватизацию власти» и «равноудаленность олигархов». Многие олигархи, политики, журналисты и другие пламенные демократы необходимы были ельцинской власти для придания режиму видимости демократического. Они свою задачу выполнили и стали ненужным «отработанным материалом», только мешающимся под ногами. Тем более Путин не собирается ассоциировать себя с вызывающей всенародную ненависть и презрение «демократической элитой», доставшейся от Горбачева и Ельцина.

Про конфликты Путина с Березовским в нашей прессе уже высказывались мнения, что официальному преемнику Ельцина не нужны сомнительные семейные скелеты в шкафу. То же самое относится и ко всей старой элите, доставшейся новому президенту по наследству. С изменением «политической

реальности» времена наступают другие, и с этой публикой уже можно особо не церемониться. Они свое дело сделали – больше не нужны и могут удалиться. Ситуация, для нашего государства, более чем привычная.

Говорят, что Путин ужесточает отношения с чиновниками, олигархами, СМИ и прочими для укрепления личной власти. Все это правильно, только не совсем точно. Кроме личных, он преследует и общегосударственные интересы именно этой системы власти. Свобода и независимость чиновника от своего начальства при Ельцине постоянно расширялась и достигла таких масштабов, что стала ясно вырисовываться возможность краха всей государственной власти только вследствие своего внутреннего разложения. Внешнее проявление это находит в невиданном размахе чиновного произвола, особенно и наиболее ярко – в деятельности МВД. Путин стремится ввести новые правила игры в госаппарате и во всем обществе с целью застопорить этот процесс и повернуть его вспять. Но в обществе, как и в природе, не все процессы имеют обратимый характер. Процесс «дермократизации» уперся в то, что в философии именуется «тупик развития».

Каждый новый начальник всегда что-то меняет – прежде всего, приводит с собой команду своих кадров и расставляет их на ключевых постах в аппарате. Конечно, на практике все далеко не так просто, но основной принцип руководства именно таковой – новая метла по-новому метет. Однако при этом новый начальник не покушается на уже сложившиеся основные правила внутриаппаратной жизни. Наоборот, все изменения производит с использованием этих сложившихся норм внутрикадровой работы. Принципиальное отличие Путина в том, что он пытается аппаратными методами изменить сами основные принципы внутриаппаратных властных отношений, стремясь ограничить свободу произвола для чиновников внутри властного аппарата.

В принципе то же самое пытался сделать другой бывший шеф ГБ – Юрий Андропов, став после смерти Брежнева Генсеком ЦК КПСС в 1982 году. Сильно сомневаюсь, что Путину это удастся в стратегическом масштабе. На такое и Сталину потребовалось, как минимум, полтора десятка лет – с 1922-го по 37-й годы.

В условиях сложившейся за полвека после смерти Сталина советской системы власти – абсолютной и неограниченной власти всего аппарата, основанной на беззаконии – ограничение власти аппарата аппаратными методами вряд ли вообще возможно. Для этого надо сначала уничтожить советскую власть. В тактическом плане задачу Путина сейчас серьезно облегчает то обстоятельство, что большие начальники, чьи полномочия он стремится ограничить, они и сами (сознательно или подсознательно) понимают, что дальше так жить нельзя – вся система государственной власти в России может рухнуть вместе с их личной властью. И само собой, новая политика Кремля вызывает широкое одобрение широчайших слоев всего общества. При Сталине и Андропове было в принципе то же самое. Кстати сказать, за такие попытки превратить откровенно «легалую демократию» во что-то хотя бы с виду более-менее приличное Путин и получил обвинения в «гэбэшном уклоне».

Тема порядка в России была крайне актуальна еще со времен варягов: «Земля у нас велика и обильна, только порядка в ней нет!» Сейчас о необходимости порядка говорят все, кому не лень, только не говорят, что понимают под термином «порядок». По правовым критериям все типы порядка могут быть только двух видов: либо основанные на законе, либо все остальные. Все остальные нам хорошо известны с 17-го года и по сей день, а основанного на законе – правового порядка – пока нет, и в обозримом будущем не предвидится. Произвол властей всегда был неотделим от советского режима, только в

демократические ельцинские времена он достиг невыносимых пределов. И осуществляется прежде всего силами МВД совместно с прокуратурой и судами. Отсюда и соответствующее отношение к этим правоохранительным структурам не только со стороны народа, но и со стороны армии и ГБ.

Вопрос правового порядка, опять же, по сути сводится к соблюдению государством своих собственных законов, устанавливающих права граждан. Юридически права граждан могут быть гарантированы на практике только действием принципа неотвратимости ответственности чиновников за нарушения законов. Для порядка, основанного на законе, необходимо массовое привлечение к уголовной ответственности за должностные преступления работников милиции, прокуратуры, суда. Политические должности в государстве под призывы к порядку все больше занимают военные, а насчет неотвратимости ответственности дальше слов дело не идет. Пока даже потуги таких у новой власти не заметно. Только не следует путать внутривластные разборки среди аппарата чиновников между собой и со своей экономической и общественно-политической «обслуживкой» – с юридической защитой законных прав широчайших слоев граждан.

У нас, как известно, кадры всегда решали все. Всякая власть, всякая политическая организация общества воспроизводит и подбирает кадры по своему образу и подобию. Коммунистической советской власти были необходимы ушлые негодяи. При Ельцине к власти пришли известно кто. В результате перестройки и демократизации до большой власти дорвалось всякое мелкое шакалье, коммунистическая власть умных негодяев сменилась на власть недалеких, в конце разложившихся подонков, живущих по принципу: «Кто успел – тот и съел!» Они творят, что хотят – в твердой уверенности в полной своей безнаказанности при этой власти. Такое наследство Путину не нужно. Кроме введения новых правил игры в обществе и государстве, новый главный кремлевский начальник начал менять кадровую типологию госаппарата.

Кадры подбираются не только по принципу личной преданности (это само собой!), но и по другим чисто профессиональным качествам, необходимым любому руководителю. А поскольку в результате «дерьмократизации» такие подходящие кадры, знающие жизнь, в том числе и имеющие опыт разведки, контрразведки и реальных боевых действий, остались в армии и в ГБ – для «работы в поле» и настоящей войны подонки не подходят – то оттуда для новой властной команды кандидатуры и отбирают. И ни у кого из нормальных людей такая кадровая политика особого осуждения не вызывает. Хотя в отношении кадров, как говорится, в семье – не без уродов. Кстати сказать, в тех семьях больше всего не любят своих уродов.

Но каких бы самых хороших, самых квалифицированных и блестящих администраторов не назначить, все равно – у нас система власти сильнее не только каждого отдельного, пусть даже самого выдающегося руководителя, но и всех вместе взятых. Пока не уничтожить прежнюю по сути советскую систему власти, основанную на беззаконии, никакие кадры в принципе ничего изменить не смогут – возможны лишь вариации несущественного характера, не затрагивающие принципиальных основ политического режима. Без неотвратимости ответственности чиновников за нарушения закона, и прежде всего – за должностные преступления, на практике, все лозунги о порядке так и останутся теоретическими разговорами.

А если команда Путина всерьез начнет претворять принцип законности в жизнь (то есть уголовно карать чиновников в массовом порядке), то существующий политический режим рухнет. Со всеми последствиями, в том числе и для Путина и его команды, оказавшихся в Кремле только в силу существующей системы власти. В пределах советской властной системы никакого

установления порядка, основанного на законе, невозможно. Возможен только некоторый передел реальных властных полномочий начальников по отношению друг к другу внутри госаппарата. Чем новое кремлевское руководство пока и занимается. У одних это вызывает одобрительные возгласы по поводу дальнейшей демократизации, а у других – отчаянные вопли о возврате к старому тоталитаризму и о конце демократии в России.

Глубинная и глобальная суть проблемы заключается в том, что существующий донныне политический режим по своим основным принципам так и остается большевистским – основанным на попрании юридических прав субъектов правоотношений, гарантированных официальными законами этой власти. Такой режим реформированию не подлежит и может быть только уничтожен. В результате горбачевской перестройки и ельцинской «дермократизации» перестройщики и демократизаторы только еще глубже залезли в советское болото, которое к тому же стало гораздо более вонючим и подлым – даже по сравнению с коммунистическими временами. Путин, придя в Кремль, стал «черным ящиком» и таковым остается до сих пор. Каждый пытается видеть в нем то, что хотелось бы. Сможет ли Путин сломать систему власти с ее прежними основными советскими принципами, и есть ли у него такое намерение вообще? – вопрос остается открытым. Такой слом возможен только при массовом привлечении чиновников к уголовной ответственности за массовые преступления против граждан. Без этого дальше разговоров дело не пойдет. Пока мы имеем только внутриаппаратные разборки чиновников между собой, с олигархами и другой экономической и общественно-политической ельцинской «обслужкой».

3-4

Есть безошибочные признаки, дающие однозначный и категоричный ответ на вопрос о наличии юридических гарантий, а следовательно, и порядка, основанного на законе, а не на чем-то другом. Среди всех основополагающих принципов права принцип неотвратимости ответственности является именно тем принципом, который делает право правом – не только на бумаге, но и в реальности на практике. На уровне житейской психологии это понимают все, в том числе и те, кто усиленно делает вид, будто этого не понимает. Президент Путин, как «черный ящик», вызывает горячие надежды у самых широких слоев общества – от боевых офицеров спецназов ГБ и ГРУ до видных представителей творческой интеллигенции. Но если в ближайшем будущем не будет широкого привлечения к уголовной ответственности за должностные преступления работников МВД, прокуратуры и суда, то всем будет очевидно, что все разговоры о наведении порядка и «диктатуре Закона» так и остаются пустыми разговорами. Одними разборками с ельцинской элитой и ее прислугой здесь не обойтись.

Объектом должностных преступлений, кроме личных прав граждан, всегда обязательно является государственный порядок – в том виде, в каком он установлен официальными законами. И чтобы понимать это на уровне здоровой жизненной логики, совсем не обязательно иметь высшее юридическое образование. Не знаю про творческую интеллигенцию, но в армии и ГБ авторитет Путина будет стремительно падать до ельцинского уровня. Там служат ребята, которые по роду службы должны быть не очень доверчивыми, даже по сравнению со всем обществом, у которого за советское время выработался устойчивый иммунитет от излишнего доверия к власти. Путин пока пользуется большой поддержкой в армии и ГБ, но вскоре может случиться, что такая поддержка там

останется только у тех, кто лично ему обязан карьерой. Как это и было при Ельцине.

С самого начала послеельцинской эпохи генерал Дроздов Ю.И. известен как горячий сторонник президента Путина (и, судя по послужному списку, – один из самых серьезных), возлагающий на него большие надежды в деле вывода страны из нынешнего состояния к нормальной жизни. Полностью разделяю и поддерживаю отношение Дроздова к ельциноидным временам. Но при этом у него (как и у многих других) остается за кадром вопрос о глубинной первопричине всего – о прежнем по сути незаконном советском режиме. Юрий Иванович! Вы двенадцать лет возглавляли нелегальную разведку КГБ СССР. И Вы, как никто другой, знаете, что нельзя судить о чем-либо только по внешним формам. Вы что, и вправду не понимаете, что первопричиной многих нынешних неразрешимых проблем является исключительно незаконный советский режим, с крахом которого эти проблемы отпадут сами собой?! Например, коррупция в ее советском виде. Или Вы всерьез считаете вполне нормальным, когда «генерал Лебедев» при исполнении своих прямых служебных обязанностей должен идти на воинское должностное преступление только из-за того, что многозвездные генералы не захотели оставить свои автографы на его плане?!

Сторонник Путина отставной генерал-майор Дроздов – профессионал высочайшего класса. Президенты приходят и уходят, а такие профессионалы остаются всегда. Говорят, во времена холодной войны он чуть ли не официально считался на Западе самым опасным человеком во всей системе советских органов государственной безопасности. Наверное, в те времена на него анонимки в ЦК писали, будто он сосредоточил в своих руках непомерную власть над Западом (говоря словами Александра Зиновьева). Не спрашиваю у генерала Дроздова, считает ли он всерьез, что нынешнее мелкое шакалье и их последователей можно приучить к порядку без массовых уголовных репрессий. Даже такую вопросительно-утвердительную форму он воспримет как явно неза заслуженное оскорбление. А без государственного порядка, основанного на законе, а не на беззаконии, нынешнее положение в принципе не изменится. А великая страна с богатейшими природными, интеллектуальными и людскими ресурсами так и останется сырьевым придатком нормальных стран и всемирной свалкой.

Нищая Россия уже не может себе позволить иметь сухопутную армию, способную вести даже оборонительную широкомасштабную войну. Кроме экономических причин сокращения и развала армии, есть еще и очень серьезные чисто внутривластные. Армия и ГБ очень не любят как эту власть, так и систему органов и войск МВД, исключительно на которых нынешняя российская «дерьмократия» держится. Многие, а супердемократы в особенности, ругают армию и ГБ за коррупцию и прочий негатив. Но весь этот негатив – системный, он является необходимым следствием и условием существования нынешней системы власти, основанной на полном правовом беспределе МВД. Что возможно только при полной уверенности в безнаказанности за этот беспредел. Наши супердемократы очень не любят по характеру и масштабам сравнивать негатив МВД с негативом армии и ГБ.

Кстати, массовые случаи предательства большими военными начальниками подчиненных подразделений во время первой чеченской тоже были возможны только при этой «леговой демократии», власть в которой настолько разложилась, что не может сама себя контролировать и защищать от практически неприкрытого предательства. (Уже после всего этого на тему предательства в Чечне, что было невозможно без участия высокого начальства – генералов и чиновников – в 2004 г. на телеканале Рен.тв д/ф «Чеченский капкан. Измена» (3 серия:

https://www.youtube.com/watch?v=ZNkrPY2Y6hE&index=4&list=PLio_EBc4tCs3s2Wf1AwX1RgzC0UKuivI7&t=0s). Потом вышла книга Игоря Прокопенко «Чеченский капкан: между героизмом и предательством» (М.: Эксмо, 2014) с аналогичным содержанием в главе 9. Измена).

Впервые за всю советскую историю с 17-го года перед Кремлем встала вполне реальная угроза военно-гэбэшного переворота, который, кстати сказать, поддержат широчайшие слои населения. На армии и ГБ эта подночная система власти держаться не может. Мало того, она не может вместе с ними сосуществовать в их нормальном, т.е. боеспособном виде – при определенных обстоятельствах они начнут в массовом порядке мочить дорвавшееся до большой власти мелкое шакалье – как мочили ментов во время первой чеченской, только теперь уже во всеобщем порядке и по всей России. Потому в кадровом отношении к началу первой чеченской войны армия и ГБ были близки к своему полному уничтожению. Кремлевское руководство, разгоня армию и ГБ, разлагая их кадры, стремилось по боевым и профессиональным качествам низвести все свои силовые структуры до эмвэдэшного уровня.

Но первая чеченская наглядно продемонстрировала небоеспособность органов и войск МВД. В Кремле произошла смена приоритетов в отношении своих силовиков. Так, в первой половине 95-го взамен ФСК было создано ФСБ со значительным расширением полномочий, в том числе и с приданием ФСБ следственных функций. Показательно, что по господствующему среди военных мнению, Воздушно-десантные войска от расформирования спасла первая война в Чечне. То же самое относится к морской пехоте ВМФ, спецназам ГБ и ГРУ, а также к погранвойскам, которые в нашем государстве по характеру службы, по своему мобилизационному предназначению и основной направленности боевой подготовки всегда представляли собой один сплошной спецназ.

Кремль попал в тупиковую ситуацию. Держать нормальную боеспособную армию опасно прежде всего для самого Кремля. В то же время последние события в бывших союзных среднеазиатских республиках, которые еще в 70-х годах в западной советологии именовались «исламской бомбой, подложенной в подбрюшье Советского Союза», в связи с талибами в Афганистане дают мрачную перспективу. А есть еще немалые мусульманские регионы РФ, которые в случае чего тоже не останутся безучастными. Дальнейшее развитие событий никому не известно. Нынешняя дряблая российская «дерьмократия» – это вовсе не жесткий, сверхцентрализованный сталинский режим, и даже не сравнительно более мягкий и либеральный брежневский. Сейчас любая более-менее широкая война, особенно на Кавказе и в Средней Азии, может привести к крупным вооруженным столкновениям между подразделениями армии и МВД. А это будет означать крах всей системы нынешней российской власти.

С юга России грозит серьезная опасность большой и длительной войны. Если опасность реализуется, то это может быть концом существующего политического режима. Ключ к пониманию наиболее возможных вариантов дальнейшего развития событий дают некоторые факторы, которым наши СМИ обычно не уделяют особого внимания. У России сейчас уже нет возможностей вести даже оборонительную широкомасштабную войну сухопутными войсками без применения ракетно-ядерного оружия, что официально отражено в Военной доктрине РФ. Среди широких слоев офицерского состава армии и ГБ с ельцинских времен испытывают глубочайшую ненависть как к нынешней «дерьмократии», так и к органам и войскам МВД. Обычно глубинные неясные факторы очень ярко проявляются в кризисных ситуациях, особенно на войне, на которую можно списать многое. Так еще в первую чеченскую «под шумок» – под видом боевых действий против дудаевцев – происходили вооруженные

столкновения между подразделениями Минобороны и МВД. Нетрудно представить, что будет, если разразится война, более масштабная, чем две войны в Чечне.

Сейчас авторитет Путина среди военных высок, в том числе и из-за расширения финансирования силовых структур. Повышение денежного содержания военным, конечно, очень хорошо. Военной наукой неопровержимо доказано, что обороноспособность государства несколько не повышается, когда защитники родины вынуждены собирать по урнам окурки на махорку. Настоящий вояка должен думать о том, как бить врага в бою, а не о том, где бы после кровопролитного боя найти покурить... если останется в живых. Но в военных делах нельзя все сводить к чисто меркантильным факторам. Иначе вместо боеспособной армии можно получить насквозь коррумпированное, мародерствующее МВД. Что помимо прочего не способствует особой любви у армии и ГБ к эмвэдэшным органам и войскам. Ненависть – одна из самых страшных и самых устойчивых человеческих сил. Это любовь сегодня есть, завтра нет, а ненависть так быстро и бесследно не проходит. Прибавьте сюда, что у настоящих вояк ненависть к МВД усугубляется еще глубоким презрением.

Конечно, в нашем безвольном обществе кадры не могут не решать все. Но все не так просто. Пока вся система власти в принципе остается прежней, кадры все решают только в пределах этой системы, а за ее пределы выйти не могут. Сколько бы Путин вертикаль власти не укреплял, но, пока система власти по сути остается прежней советской, здесь в принципе ничего изменить нельзя, возможны только вариации несущественного характера. Советская власть не может быть ни во что реформирована, кроме самой себя – она может быть только уничтожена. А если Путин решит эту систему обрушить, то ее обломки рухнут на его голову. Это западные специалисты никак не могут понять, почему у нас для соблюдения официально действующих законов государства эту государственную власть надо уничтожить. Зато это очень хорошо понимают в широких народных слоях.

Если не будет установленных законом уголовных репрессий против МВД, прокуратуры, суда, то призыв к «диктатуре Закона» в глазах армии, ГБ и всего народа очень скоро превратится в обыкновенный повседневный идеологический штамп, каким в прошлые времена был лозунг «Слава КПСС!». А все призывы к законности так и останутся лишь красивой пиаровой ширмой для благовидного прикрытия сугубо внутриаппаратных разборок высокого начальства в грызне друг с другом за власть. Все теории о том, будто уничтожить старый режим и создать новый, основанный на законе, можно в «мягком» порядке – без массовых уголовных репрессий за должностные преступления, содержат в себе изрядную долю наивности. Не надо подходить к нам с чужими стандартами – ничего хорошего из этого не получится. Если старые чиновники-преступники не понесут уголовной ответственности за свои преступления, то в нашей стране это гарантирует, что новые начальники вскоре будут заниматься тем же самым, а если старая власть и рухнет, то ее основные черты очень скоро возродятся в новой.

Чтобы этого не произошло, необходимы решительные меры. И делаться это должно не только на уровне общих идей – необходимо уголовно карать конкретных должностных лиц за конкретные должностные преступления против граждан. Чтобы ненависть к старой власти не взорвала и не разнесла всю систему новой власти изнутри. Нынешнее дорвавшееся до власти шакалье можно учить только так. Мало того. В противном случае, если принять во внимание, что все это будет усугубляться еще разочарованием несбывшимися завышенными ожиданиями от Путина, то в армии и ГБ отношение к нему будет еще худшим, чем к Ельцину.

Впервые за всю советскую историю стала реальной угрозой военного переворота. Тупиковая ситуация, в которую попал Кремль, начинает подходить к своему логическому концу. Армия, способная к широкомасштабной войне, пусть даже оборонительной, опасна прежде всего для самого Кремля. Поэтому в ельцинские времена армию и ГБ сокращали, а кадры их разлагали. Но развитие событий на Северном Кавказе и в среднеазиатском «исламском подбрюшье» бывшего СССР не сулит для Кремля ничего хорошего. Следует обратить особое внимание на потенциальных противников в войне. Они воевали всю жизнь. Они рождались во время войны в Афганистане и с молоком матери впитали в себя небесный грохот советских штурмовых вертолетов. Нынешняя дряблая система государственной власти, в отличие от сталинского и брежневского режимов, уже не сможет достаточно контролировать армию и ГБ в большой войне. По заявлению Путина, она и сама себя-то контролировать не может – даже без войны. Сейчас, даже без военно-гэбэшных заговоров, любая более-менее широкая война, особенно на Кавказе и в Средней Азии, может привести к тому, что подразделения армии и ГБ ударят по МВД. А это будет означать крах всей системы нынешней российской власти. Что Россия преодолеет исламскую опасность, особого сомнения не вызывает, но очень сомнительно, что прежняя российская власть выйдет из этой передыжки без принципиальных изменений.

3-5

Как у профессиональных чиновников, так и у общественных деятелей-демократов в нашей стране существует пропасть между словом и делом, между их теориями и тем, что под прикрытием демократических идей творится на практике. Отсюда и соответствующее отношение народа и к чиновникам, и к публичным деятелям, с той лишь поправкой, что чиновники держатся в тени кабинетов, а общественные деятели – пламенные демократы – у всех на виду. Все это всеми силами у нас всегда старались и стараются завуалировать, прикрыть, выдать за совсем другое, но иногда такая пропасть проявляется так ярко, словно к ее краю подтаскивают насильно. Что раньше было наиболее заметно на примерах наших эмигрантов, с перестроечных времен получивших возможность возвращаться. Нельзя не заметить, что наш экологически вредный, наполненный запахом грядущих катаклизмов воздух Родины очень целебен для просветления ума.

В 89-м году после Первого Съезда народных депутатов СССР на Западе было объявлено об одном из очередных полных и окончательных крахов советского режима и победе демократии. Помню, тогда Владимир Войнович, впервые собираясь в Советский Союз из эмиграции, по радиоголосам радостно заверял всех в полном конце коммунизма и обещал побыстрее поехать на этот конец посмотреть. Приехав в Союз, он побывал в Москве на демократических митингах и демонстрациях, среди главных организаторов которых были такие наши супердемократы, как бывший генерал ГБ Калугин и бывшие следователи по особо важным делам при Генпрокуратуре СССР Гдян с Ивановым. Потом, возвратившись в ФРГ, с присущей ему сатирой Войнович говорил по радиоголосам, что не может себе представить в Западной Германии антифашистскую демонстрацию, возглавляемую бывшими эсэсовскими генералами.

Очень хорошо помню, как 12 июня 1990 г., после принятия Верховным Советом РСФСР Декларации независимости, Александр Некрич в связи с этим очень радостно говорил по радио «Свобода» о конце тоталитаризма и тоже собирался как можно быстрее приехать на этот конец посмотреть. Причем

говорил об этом так, словно человек, всю жизнь ждавший чего-то, и вот такое что-то вдруг случилось без него. Так хотя бы не опоздать приехать посмотреть на самый конец проклятого режима. После возвращения из поездки особых восторгов по поводу конца от него слышно не было. Никакой политический режим не может висеть в воздухе. Коммунистический режим в СССР базировался в основном на российском обществе. «Сплотила навеки могучая Русь» – на уровне житейской психологии это понимали все. После начала «парада суверенитетов» союзных республик в перестроечные времена в конце 80-х, анекдот о том, что Россия вышла из состава Союза, вызывал гомерический хохот даже у пьяных грузчиков. Чуть позже такие анекдоты легли в основу очень серьезных аналитических разработок и далеко идущих научных политических прогнозов.

Никогда не забуду весну 91-го. В стране вроде бы резко повысилась активность демократов – частые многочисленные митинги в Москве, шахтеры бастуют, газеты клеймят позором и нехорошими словами прогнивший коммунистический режим. Правда, на митингах в Москве лидеры шахтеров призывают «широкие демократические силы» поддержать их всеобщей забастовкой, многотысячные демократические толпы с этим дружно соглашаются: в ладоши все хлопают – никто не бастует. Ну да это ладно. Зато со стороны все выглядит, будто действительно «процесс пошел» – демократизация идет полным ходом, еще одно небольшое последнее усилие и – коммунизму конец! В общем, «просыпаюсь – здрасьте – нет советской власти».

В первых числах апреля, после почти пятнадцатилетней эмиграции, в Советский Союз всего на несколько дней приезжает Владимир Буковский, который перед этим на весь мир восхищался «широкими демократическими силами России». Он сразу с головой окунается в кипучую политическую жизнь, пытаюсь поднять наших демократов на последние и решительные действия – чтобы сокрушить коммунизм окончательно. Возвратившись на Запад, Буковский недоуменно возмущался: да что это за демократы такие, которые своего собственного народа боятся больше коммунистической власти?!

Мне то время особо запомнилось вот почему. Когда весной 91-го на Западе, затаив дыхание, ждали последнего усилия для краха коммунизма, когда Владимир Буковский в Москве призывал демократов к решительным действиям, у нас в среде демократов ходили панические слухи о том, будто коммунистическая власть тайно раздает народу оружие – чтобы стрелять демократов. В наших демократических СМИ эти слухи тогда не отражались. Демократы сообщали их друг другу под большим секретом, а иногда и западным корреспондентам в Москве.

При одном таком случае я лично присутствовал, и у меня не хватит литературного дарования, чтобы описать недоуменное выражение лица западного журналиста, когда ему по большому секрету сообщили, что коммунисты раздают широким народным массам оружие для борьбы с демократами. Ну никак не может западный человек понять наши реалии! Он-то твердо уверен, что народ коммунистическую власть ненавидит, демократы по определению выражают интересы народа и всеми силами борются с коммунизмом. И вдруг выясняется, что народ от своих кровных врагов-коммунистов ждет – не дождется оружия, чтобы отстреливать своих демократических «народных водителей» как собак!!!

Оружия, конечно, тогда никто никому не раздавал, но – «у страха глаза велики». Пример очень показателен. Он хорошо демонстрирует некоторые реалии нашей жизни, от которых на Западе испытывают недоумение, сравнивая слова наших демократов с их делами. Знали и знают демократы, как в народе к ним относятся, и твердо уверены, что если широкие народные массы начнут

решительные действия, то гнев народа падет прежде всего на их головы, а уж потом на всех остальных начальников. Тогда меня просто подмывало написать фельетон под заголовком «Целебный воздух Родины», но кто его опубликовал бы?! Впрочем, все основные мысли фельетона здесь изложены.

Опять же, об упреках, будто я специально издеваюсь над людьми, припоминая им прошлые ошибки. Но, во-первых, это совсем недавнее прошлое, почти настоящее. Во-вторых, и самое главное, я об этом и заикаться бы не стал, только если бы такие ошибки в разных вариациях не повторялись до сих пор. И нетрудно догадаться, что будут неотвратимо повторяться в будущем.

Обход вниманием вопросов права, независимо от того, делается ли это умышленно или по недоумию, все равно обязательно даст о себе знать – выльется в крупные теоретические ошибки, а то и в непоправимые человеческие трагедии в реальной жизни. Право отражает основные существенные черты природы человека. Политикам, политологам и всем остальным не следует извращать правовые принципы – человеческая природа всегда жестоко мстит за надругательства над собой.

Все расширяющийся произвол «демократической» власти и отражение его роли в «научных» выводах исследователей – это не просто наше прошлое, и даже не только настоящее, но и обозримое будущее. Иначе мою старую статью из архивной пыли не стоило бы доставать и писать к ней послесловие, которое несколько растянулось.

Октябрь 2000 г.

Сумасшедшие записки

(В кратком виде эти материалы уже были размещены в моем блоге <http://alexgodl.livejournal.com/>, запись от [18.10.2011 г.](#))

Журнал «Континент» № 104 (апрель – июнь 2000 г.) опубликовал мою [статью](#) «Еще раз о наших реалиях (Записки сумасшедшего)», в которой описаны деяния бывшего Ногинского городского прокурора Ильина Ф.И., должностных лиц Мособлпрокуратуры и психиатров, подпадающие под признаки ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Речь шла о том, что я до сих пор числюсь в дурдоме на учете с коммунистических времен за написание антисоветского фельетона. Уже потом, после публикации этой статьи, из официальных документов я узнал, что числюсь с диагнозом «вялотекущая шизофрения с параноидным синдромом» (самый диссидентский диагноз).

Вообще говоря, главной и единственной причиной всех наших самых острых сегодняшних проблем является советская власть, существующая у нас с октября 17-го и до сих пор, несмотря на все ее внешние видоизменения. Об этом я писал в своих публикациях в журнале «Континент», а сейчас в Интернете на своем сайте (<http://alexgodl.blogspot.com/>). Там я утверждаю, что правила игры, присущие всей этой системе власти, основанной на лжи и беззаконии, пронизывают у нас все и вся – «от явлений культуры до действий спецназа, от динамики рождаемости до активности флотов». И проиллюстрировал это на примере генерала Дроздова, который вынужден был командовать штурмом дворца Амина по своему, надлежаще не утвержденному плану.

По старой диссидентской привычке решил я поставить эксперимент над правоохранительными органами этого государства. Цель все та же: проверить и

продемонстрировать реальное (а не мифическое!) значение у нас свободы слова – как реагирует государство на публикации в СМИ о преступлениях его должностных лиц против законных прав граждан. Подобные эксперименты время от времени я провожу с коммунистических времен, о чем рассказано в моих публикациях в журнале «Континент» и на моем сайте.

У меня было несколько обращений в Генеральную прокуратуру РФ по поводу той публикации, но ответа по существу я не получил. Тогда:

ТВЕРСКОЙ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫЙ
СУД ЦАО г. МОСКВЫ

от Годлевского А.А., 142400,
Моск. обл., г. Ногинск...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРГАН:
Генеральная прокуратура РФ,
103793, Москва, ул. Б. Дмитровка, 15-а

Ж А Л О Б А

В журнале «Континент» N 104 (апрель – июнь 2000 г.) опубликована моя статья «Еще раз о наших реалиях (Записки сумасшедшего)», в которой описаны деяния бывшего Ногинского городского прокурора Ильина Ф.И., должностных лиц Мособлпрокуратуры и НРПБ-25, подпадающие под признаки ст. 285 УК РФ.

Ст. 108 УПК РСФСР устанавливала, что, наряду с заявлениями в правоохранительные органы, поводом к возбуждению уголовных дел являются опубликованные в печати статьи, письма и заметки.

27.09.2000 г. в Генеральную прокуратуру РФ поступило мое заявление, в котором я просил сообщить о мерах прокурорского реагирования, принятых в соответствии со ст. 109 УПК РСФСР по указанной публикации. Никакого ответа на заявление Генпрокуратурой мне не дано, что является грубым нарушением закона.

09.01.2001 г. на имя Генерального прокурора РФ поступило мое заявление о принятии мер прокурорского реагирования по поводу бездействия Генпрокуратуры по фактам моей публикации и заявления, поступившего 27.09.2000 г. Никакого ответа на это заявление мне дано не было, в результате чего причинен существенный вред моим правам и законным интересам.

04.06.2001 г. в Генпрокуратуру РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ч. 2 ст. 285 УК РФ в отношении Генпрокурора РФ Устинова В.В. по факту грубого нарушения закона при рассмотрении моего заявления, поступившего в Генпрокуратуру РФ 09.01.2001 г. Никаких мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, по этому заявлению принято не было, что является грубым нарушением закона и моих прав, гарантированных ст. ст. 45, 52 Конституции РФ.

В поступившем в Генпрокуратуру РФ 04.06.2001 г. моем заявлении о преступлении были указаны деяния, содержащие признаки, образующие состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 285 УК РФ. В соответствии со ст. ст. 3, 112 УПК РСФСР Генеральная прокуратура РФ была обязана принять установленные законом меры к возбуждению уголовного дела по моему заявлению в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В. и произвести необходимые следственные действия для выяснения всех обстоятельств дела.

Однако в сроки, установленные ст. 109 УПК РСФСР, таких мер к возбуждению уголовного дела принято не было. Предусмотренное ст. 113 УПК РСФСР мотивированное постановление об отказе не вынесено. Пересылка заявлений о преступлении в органы и должностным лицам, неправомочным возбуждать уголовные дела по этим заявлениям, действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена.

Обстоятельства, лежащие в основании настоящей жалобы, могут быть подтверждены материалами проверки моих заявлений.

На основании изложенного, в соответствии с ч. 2 ст. 46 Конституции РФ и ст. 125 УПК РФ

П Р О Ш У:

признать неправомерными действия Генеральной прокуратуры РФ при рассмотрении моего заявления, поступившего 04.06.2001 г., и обязать Генеральную прокуратуру РФ в установленном законом порядке принять меры к возбуждению уголовного дела по признакам ч. 2 ст. 285 УК РФ в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В. по факту грубого нарушения закона при рассмотрении моего заявления, поступившего в Генпрокуратуру РФ 09.01.2001 г.

В качестве доказательств прошу истребовать из Генеральной прокуратуры РФ материалы проверки названных моих заявлений.

1 июля 2002 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Статьи 45 и 52 Конституции РФ гарантируют государственную защиту прав и защиту от злоупотреблений и преступлений власти, а также право на доступ к правосудию. Мало того, в главе 1 Конституции (основы конституционного строя РФ) ст. 2 провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, а их защиту – целью государства. Напомню, что Конституция у нас имеет высшую юридическую силу и прямое действие (ст. 15).

Порядок рассмотрения заявлений о преступлениях установлен Уголовно-процессуальным кодексом (и старым УПК РСФСР, и введенным с 01.07.2002 г. УПК РФ), и он отличен от порядка рассмотрения иных обращений. По поступившему заявлению должна быть проведена проверка, по результатам которой выносится постановление либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в возбуждении. Причем постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть мотивировано (ст. 113 УПК РСФСР и ст. ст. 7, 148 УПК РФ), т.е. в нем должны быть приведены мотивы, по которым признано, что факты, изложенные в заявлении, не имели места или в них отсутствуют признаки преступления. Если таких мотивов не приведено, они недостаточны, или «притянуты за уши» мотивы, которые не имеют отношения к существу дела, то постановление не будет мотивированным. А это само по себе уже грубое нарушение закона.

Решение по существу может быть только в форме постановления. Если такого постановления нет, то значит в установленном законом порядке решения не принято никакого, и заявление о преступлении по существу не рассмотрено и не разрешено. Потому заявления о преступлениях каких-либо начальников прокурорские начальники рассматривают как иные обращения, по которым не надо выносить постановлений. И вместо необходимых процессуальных актов (постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела) присылают глупые отписки. А это является грубым нарушением закона, подпадающим под признаки

ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Т.е. если по заявлению о преступлении никакого предусмотренного уголовно-процессуальным законом постановления нет, то это означает, что это заявление в установленном порядке рассмотрено не было.

И если вместо постановления об отказе вам прислали какую-то отписку – независимо от того, глупая она или нет – обжаловать ее не следует. В любом случае, это непроцессуальное решение – «филькина грамота», предназначенная для того, чтобы прикрыть беззаконие. Они бы еще вместо необходимого процессуального акта записку под дверь подсунули – и что, ее тоже надо обжаловать?! Пусть сначала вынесут необходимый процессуальный акт в виде постановления, а уж потом гражданин сам будет решать, правомерное оно или нет, и что с ним делать. А пока необходимо требовать уголовной ответственности прокуроров и прочих, допустивших преступные нарушения уголовно-процессуального закона, выразившиеся в невозбуждении уголовного дела и отсутствии постановления об отказе. Т.е. в том, что в установленном законом порядке заявление о преступлении рассмотрено и разрешено не было.

Обычно правоохранительные начальники любят отговариваться тем, что поскольку в заявлении о преступлении никаких признаков преступления не содержится, то оно не может быть рассмотрено как заявление о преступлении. Глупая отговорка. Отсутствие признаков преступления служит основанием к отказу в возбуждении уголовного дела с обязательным вынесением постановления об отказе (которое обязательно должно быть мотивировано!). Или у них такое постановление выносится, когда признаки преступления есть, но их нет?!

Есть некоторый секрет в составлении заявлений о преступлениях, да и иных обращений тоже. Составлять их нужно так, чтобы по ним можно было вынести постановление об отказе, только слишком уж явно и грубо нарушив закон. Необходимо создавать для чиновников такие рамки, перешагнуть через которые без явного и грубого беззакония они не смогли бы. Для чего писать нужно только самое основное, избегая расплывчатых и неоднозначных формулировок, которые будут обязательно истолкованы не в вашу пользу, – чтобы все было четко, ясно и недвусмысленно. В общем, как учил нас всех товарищ Сталин составлять боевые приказы – чтобы было понятно даже тому, кто не хочет понимать. Тогда либо возбудят уголовное дело, либо не вынесут необходимого постановления (что уголовно наказуемо по ст. 285 УК РФ), либо вынесут постановление с очень глупыми мотивами отказа, что тоже – явное беззаконие и ст. 285 УК РФ.

Я потребовал от Генпрокуратуры РФ возбудить уголовное дело в отношении Генпрокурора Устинова специально для того, чтобы наглядно продемонстрировать всю абсурдность самой мысли о том, что это государство (которое преступно даже по своим собственным законам и при этом является полноправным членом Совета Европы!) может быть реформировано во что-то другое. То же самое я делал в перестроечные времена, о чем рассказано в главе «О методах анализа» (часть I), и в ельцинские вместе с Кириллом Подрабинеким (см. «Континент» № 94, октябрь – декабрь 1997 г.).

Какие в этом государстве могут быть юридические гарантии вообще любых прав граждан, если их нет даже от тяжких должностных преступлений и преступлений против правосудия?! Так, еще при Горбачеве, в самом начале экономических реформ, я говорил, что нельзя их даже начинать в условиях основанной на беззаконии советской власти, когда нет юридических гарантий вообще никаких прав, в том числе и имущественных, экономических. Реформы в таких условиях были безумием, в результате чего мы получили то, что получили –

сумасшедшую экономику с дикой коррупцией и всем прочим. Сейчас у нас говорят, что при нынешней модели экономики программа ее модернизации невыполнима – надо менять модель. Но экономическая модель – необходимое следствие советской власти, которая реформированию не подлежит и может быть только уничтожена – с этого и надо начинать у нас все реформы.

В суде я не был – лень, да и пусть они как-нибудь сами без меня решают те свои проблемы, которые я им и создал из-за их беззаконий. Кроме того, все свои обращения в госорганы я всегда составляю так, чтобы отказать в них, даже без моего присутствия, можно было, только слишком явно и грубо нарушив закон.

А по почте получил из суда:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Москва

24 декабря 2002 года

Судья Тверского районного суда города Москвы Сташина Е.В., при секретаре Тришиной Н.А., рассмотрев в судебном заседании жалобу Годлевского А.А., обратившегося в суд в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие Генеральной прокуратуры РФ, выразившееся в нерассмотрении по существу его заявления от 04.06.2001 года о возбуждении уголовного дела в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В.,

у с т а н о в и л :

Годлевский А.А. обратился в суд с жалобой на действия Генеральной прокуратуры РФ, в которой просит обязать Генеральную прокуратуру РФ в установленном законом порядке принять меры к возбуждению уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В. по факту грубого нарушения закона при рассмотрении заявления Годлевского А.А., поступившего в Генеральную прокуратуру 04.06.2001 года, поскольку Генеральным прокурором РФ не было принято каких-либо мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством по его заявлению о преступлении от 09.01.2001 года, что является нарушением его прав, предусмотренных ст. ст. 45, 52 Конституции РФ.

Заявитель о времени рассмотрения жалобы извещен своевременно, в судебное заседание не явился.

Представитель Генеральной прокуратуры РФ, надлежащим образом извещенный о времени и месте рассмотрения жалобы, в судебное заседание не явился, согласно представленному отзыву просит рассмотреть жалобу в его отсутствие.

Ознакомившись с доводами заявителя, суд приходит к следующему.

К числу обжалуемых в порядке ст. 125 УПК РФ относятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора, ограничивающие конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства и создающие препятствия для доступа к правосудию в ходе производства предварительного расследования. В настоящей жалобе заявителем по существу обжалуется невынесение постановления по поданному им заявлению о возбуждении уголовного дела. Таким образом, поскольку уголовных дел по его заявлениям не возбуждалось, постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела должностными лицами Генеральной прокуратуры РФ не выносились, предварительное расследование в Генеральной прокуратуре РФ не производилось и не производится, жалоба заявителя не может быть рассмотрена в порядке ст. 125 УПК РФ, что не исключает для заявителя возможности обратиться с жалобой на действия (бездействие) Генерального прокурора РФ в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с Законом РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27.04.1993 года.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 123, 125 УПК РФ,

п о с т а н о в и л :

Жалобу Годлевского А.А. на бездействие Генеральной прокуратуры РФ, выразившееся в нерассмотрении по существу его заявления от 04.06.2001 года о возбуждении уголовного дела в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В., - оставить без удовлетворения.

Постановление может быть обжаловано в Московский городской суд в течение десяти суток со дня его вынесения.

Судья:

Здесь одних только грубых нарушений Конституции РФ – целый «букет», что по официальным законам вызывает очень серьезные сомнения во вменяемости судьи. О сомнениях во вменяемости на другом примере я писал под заголовком «Комментарий к нам, праву и Западу». Но тут интересно то, что суд отказал в моей жалобе, обосновав это наличием тех грубых нарушений закона Генпрокуратурой, которые я и обжаловал. В кассационном порядке я это постановление обжаловать не стал, т.к. ставил своей целью продемонстрировать, есть ли у нас юридические гарантии прав граждан даже от таких преступлений

против правосудия, которые совершены способами, вызывающими серьезные сомнения во вменяемости служителей Фемиды. Потому я направил:

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РФ

копия: Квалификационная коллегия судей г. Москвы

от Годлевского А.А., 142400,
Моск. обл., г. Ногинск...

З А Я В Л Е Н И Е

Постановлением от 24.12.02 г. судьи Тверского районного суда г. Москвы Сташиной Е.В. мне отказано в жалобе на нарушения закона Генеральной прокуратурой РФ при рассмотрении моего заявления о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ч. 2 ст. 285 УК РФ в отношении Генпрокурора РФ Устинова В.В., не принявшего мер прокурорского реагирования по фактам должностных преступлений, опубликованным в моей статье в журнале «Континент» N 104 (апрель – июнь 2000 г.).

Названное постановление является неправосудным.

В моей жалобе были указаны конкретные нарушения Генпрокуратурой РФ конкретных норм УПК, ведущие к удовлетворению жалобы. Судом эти нарушения не исследованы, и в постановлении такое исследование не отражено. Вопреки заявленному в жалобе ходатайству суд не истребовал из Генпрокуратуры материалы проверки моего заявления о преступлении, а только, как указано в постановлении, лишь ознакомился с доводами моей жалобы. Что является грубым нарушением ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

Отказ в удовлетворении жалобы обоснован только тем, что поскольку по моему заявлению о преступлении уголовное дело не возбуждалось, постановление об отказе в возбуждении не выносилось, предварительное расследование не производилось и не производится, то, по мнению суда, жалоба не может быть рассмотрена в порядке ст. 125 УПК РФ.

Вывод суда о невозможности рассмотрения моей жалобы не основан на законе. Ст. 125 УПК РФ устанавливает, что в суд могут быть обжалованы все решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Согласно ст. 5 УПК РФ уголовное судопроизводство включает в себя досудебное производство, которое начинается с момента получения заявления о преступлении, при рассмотрении которого Генпрокуратурой были допущены грубые нарушения закона и моих прав, гарантированных ст. ст. 45, 52 Конституции РФ. Кроме того, эти нарушения послужили для суда основанием к отказу в моей жалобе, что является фактическим отказом в правосудии, грубо нарушающим мои права, гарантированные ст. 46 Конституции РФ. Тем самым суд фактически не рассматривал мою жалобу по существу, а отказал в ее удовлетворении, сославшись в обоснование на те грубые нарушения закона Генпрокуратурой, которые я обжаловал.

Заведомо явное и грубое игнорирование процессуального закона и конституционных гарантий свидетельствуют о наличии у судьи Сташиной прямого умысла на отказ в правосудии. Кроме того, такие нарушения вызывают серьезные сомнения во вменяемости Сташиной.

Указанные деяния судьи Сташиной содержат признаки, образующие составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 285 ч. 2, 305 УК РФ. Ст. 196 УПК РФ устанавливает обязательное назначение экспертизы в случае сомнений во вменяемости подозреваемого или обвиняемого.

На основании изложенного, в соответствии со ст. ст. 196, 448 УПК РФ

П Р О Ш У:

принять установленные меры к возбуждению уголовного дела по признакам ст. ст. 285 ч. 2, 305 УК РФ в отношении судьи Тверского районного суда г. Москвы Сташиной Е.В. по фактам указанных нарушений закона и вынесения неправосудного постановления от 24.12.02 г., а также провести по делу судебно-психиатрическую экспертизу для разрешения вопроса о ее вменяемости.

Содержание ст. 306 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложный донос, мне известно.

31 декабря 2002 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Это заявление я направил не сразу – все искал СМИ, где бы можно опубликовать всю историю в режиме реального времени, но не нашел. Потому некоторые мои обращения отправлены через длительное время после того, как написаны. Заявление поступило по почте в Генпрокуратуру РФ 02.07.03 г., но в нарушение уголовно-процессуального закона было переслано в нижестоящие прокуратуры для разрешения по существу. Тверская межрайонная прокуратура г. Москвы прислала мне:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
об отказе в возбуждении уголовного дела

г. Москва

08 августа 2003 г.

Заместитель Тверского межрайонного прокурора г. Москвы юрист 1 класса Шкабаро О.Ю., рассмотрев сообщение о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст.305 и ч.2 ст.285 УК РФ, поступившее от Годлевского А.А. 01 августа 2002 г.,

УСТАНОВИЛ:

01 августа 2003 г. в Тверскую межрайонную прокуратуру г. Москвы поступили заявления Годлевского А.А. о привлечении к уголовной ответственности судьи Тверского районного суда г. Москвы Стапиной Е.В. за вынесение заведомо неправосудного судебного акта – постановления от 24 декабря 2002 г. по его жалобе в порядке ст.125 УПК РФ на действия Генеральной прокуратуры РФ, а также о привлечении к уголовной ответственности судей Тверского районного суда г. Москвы за отказ в рассмотрении его жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на действия Генеральной прокуратуры РФ.

В ходе проверки установлено, что 24 декабря 2002 г. судьей Тверского районного суда г. Москвы Стапиной Е.В. вынесено постановление об оставлении без удовлетворения жалобы Годлевского А.А. на бездействие Генеральной прокуратуры РФ, выразившееся в нерассмотрении по существу его заявления от 04.06.2001 о возбуждении уголовного дела в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В. При этом судом разъяснено, что данное постановление может быть обжаловано в Московский городской суд в течение 10 суток со дня его вынесения.

Как следует из протокола судебного заседания от 24 декабря 2002 г. заявитель Годлевский А.А. в судебное заседание не явился, о времени рассмотрения жалобы извещен своевременно, о причинах неявки не сообщил.

Из заявления Годлевского А.А. усматривается, что по существу он не согласен с вышеуказанным постановлением суда, считает его необоснованным и незаконным.

Однако данное постановление Годлевским А.А. в установленном законом порядке в Московский городской суд не обжаловалось, то есть вступило в законную силу.

Каких-либо объективных данных о том, что это постановление является заведомо неправосудным актом, и о том, что судья Стапина Е.В. при его вынесении использовала свои служебные полномочия вопреки интересам службы, в ходе проверки не установлено.

Кроме того, в ходе проверки исследовались доводы Годлевского А.А. о том, что Тверским районным судом г. Москвы ему отказано в рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на действия Генеральной прокуратуры РФ от 13 января 2003 г.

В ходе проверки установлено, что указанная жалоба рассмотрена судьей Тверского районного суда г. Москвы Шихановым А.В., которым 14 июля 2003 г. вынесено постановление об отказе в ее удовлетворении. Данное постановление обжаловано Годлевским А.А. в Московский городской суд.

В этой связи не имеется каких-либо объективных данных о том, что судьями Тверского районного суда г. Москвы, и в частности судьей Шихановым А.В., при рассмотрении жалобы Годлевского А.А. имел место отказ в правосудии или использовались служебные полномочия вопреки интересам службы.

Принимая во внимание, что имеются достаточные данные, указывающие на отсутствие признаков преступлений, предусмотренных ч.1 ст.305 и ч.2 ст.285 УК РФ, и руководствуясь п.2 ч.1 ст.24, ст.144, 145 и 148 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Отказать в возбуждении уголовного дела по сообщению о совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.305 и ч.2 ст.285 УК РФ, по основаниям п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ, то есть за отсутствием в действиях судей Тверского районного суда г. Москвы Сташиной Е.В. и Шиханова А.В. состава преступления.
2. Информацию об отказе в возбуждении уголовного дела направить для обязательного опубликования _____
3. Копию настоящего постановления направить Тверскому межрайонному прокурору г. Москвы
4. Копию настоящего постановления направить заявителю Годлевскому А.А.

Заместитель прокурора

Копия настоящего постановления «__» _____ 2003 г.
направлена Тверскому межрайонному прокурору г. Москвы и заявителю
Годлевскому А.А.

Заместитель прокурора

Классический пример заведомо фальшивого постановления. Прежде всего, в грубое нарушение требований ст. 7 УПК РФ это постановление не является законным, обоснованным и мотивированным. В нем не приведены мотивы, по которым признано, что факты, изложенные в моем заявлении, не имели места или в них отсутствуют признаки преступления. Ссылка на то, что я не обжаловал постановление суда в кассационном порядке – совсем глупа. Преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного судебного акта) считается оконченным в момент вынесения такого акта, независимо от того, был ли этот акт в последующем обжалован и

отменен. У прокуроров логика: раз я не подавал кассационную жалобу на преступное постановление суда, то это постановление – правосудное, и никакого преступления нет, и не было. Одна такая логика вызывает очень серьезные сомнения во вменяемости прокуроров.

Широко распространено, даже среди юристов, мнение, что ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) за оставление без рассмотрения моего заявленного в жалобе ходатайства об истребовании доказательств по совокупности со ст. 305 УК РФ в таких случаях применена быть не может, поскольку все и так охватывается ст. 305 УК. Но ст. 29 УК устанавливает, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного Кодексом. Поскольку суд был обязан рассмотреть и разрешить мое ходатайство в судебном заседании (если не раньше – при подготовке к нему), то преступление, предусмотренное ст. 285 УК было оконченным в любом случае до удаления суда в совещательную комнату для вынесения по моей жалобе того постановления, которое подпадает под признаки ст. 305 УК. И наличие состава этого оконченного преступления никак не зависит от того, был ли вообще вынесен по делу какой-либо судебный акт, а также обжалован ли он или отменен.

В постановлении прокуратуры еще сослались на мое заявление по совсем другому делу. Но про это и про квалификационные коллегии судей как-нибудь в другой раз. Разумеется, это прокурорское постановление я и обжаловать не стал. Согласно ст. 448 УПК РФ (в действующей в то время редакции) уголовное дело в отношении судей мог возбудить только Генеральный прокурор РФ. С него и спрос за то, что не возбудил по поступившему к нему в Генпрокуратуру моему заявлению о преступлении, а кому от него это заявление было переслано – его проблема. Если бы это заявление переслали какому-нибудь председателю колхоза или начальнику ЖЭКа, то что, я должен обжаловать действия колхозников или коммунальщиков?!

Я же:

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РФ

от Годлевского А.А., 142400,
Моск. обл., г. Ногинск...

З А Я В Л Е Н И Е

02.07.03 г в Генеральную прокуратуру РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. ст. 285 ч. 2, 305 УК РФ в отношении судьи Тверского райсуда г. Москвы Сташиной Е.В. и назначении судебно-психиатрической экспертизы для разрешения сомнений в ее вменяемости по фактам грубых нарушений закона и вынесения неправосудного постановления от 24.12.02 г. об отказе в моей жалобе на нарушения закона Генеральной прокуратурой РФ при рассмотрении моего заявления о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ч. 2 ст. 285 УК РФ в отношении Генпрокурора РФ Устинова В.В., не принявшего мер прокурорского реагирования по фактам должностных преступлений, опубликованным в моей статье в журнале «Континент» N 104 (апрель – июнь 2000 г.).

В моем заявлении были указаны все основания к возбуждению уголовного дела в отношении судьи Сташиной. При таких обстоятельствах Генпрокурор РФ Устинов В.В. в соответствии с требованиями ст. 45 Конституции РФ и ст. ст. 21,

448 УПК РФ был обязан принять все необходимые меры к возбуждению уголовного дела по моему заявлению. Однако в сроки, установленные ст. 144 УПК, ни одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК, в установленном порядке принято не было. Пересылка заявлений о преступлении для разрешения по существу в органы и должностным лицам, неправомочным возбуждать уголовные дела по этим заявлениям, действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрена.

В нарушении требований ст. 145 УПК РФ это заявление 16.07.03 г. за N 15/4-370-00 Генпрокуратурой РФ было переслано в прокуратуру г. Москвы. 08.08.03 г. Тверской межрайонной прокуратурой г. Москвы об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено постановление, которое вопреки требованиям ст. 7 УПК не является законным, обоснованным и мотивированным.

Генпрокурор РФ Устинов В.В. знал требования закона и интересы службы, но грубо их нарушил, что свидетельствует о наличии в его деяниях прямого умысла.

Указанные деяния Генпрокурора Устинова содержат признаки, образующие состав преступления, предусмотренный ст. 285 ч. 2 УК РФ.

На основании изложенного, в соответствии со ст. ст. 140, 141, 144-146, 448 УПК РФ

П Р О Ш У:

принять установленные меры к возбуждению уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В. по фактам грубых нарушений закона при рассмотрении моего заявления в отношении судьи Сташиной, поступившего в Генпрокуратуру РФ 02.07.03 г.

Содержание ст. 306 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложный донос, мне известно.

11 февраля 2004 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Заявление поступило в Генпрокуратуру РФ 17.02.2004 г., и в ответ мне даже глупой отписки не прислали. Вероятно, Генпрокуратура РФ прекратила со мной переписку, как это сделала в 2001 г. прокуратура Московской области, о чем я уже рассказывал («Мы, право и Запад» и «Комментарий к нам, праву и Западу») – что прекращение переписки в этом случае грубо нарушает ст. 33 Конституции РФ, гарантирующую право на обращение в государственные органы. Здесь следует дополнить, что с 2006 г. действует Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» от 02.05 2006 г. N 59-ФЗ, в части 5 статьи 11 которого про прекращение переписки говорится:

«В случае, если в письменном обращении гражданина содержится вопрос, на который ему многократно давались письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями, и при этом в обращении не приводятся новые доводы или обстоятельства, руководитель государственного органа или органа местного самоуправления, должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе принять решение о безосновательности очередного обращения и прекращении переписки с гражданином по данному вопросу при условии, что указанное обращение и ранее направляемые обращения направлялись в один и тот же государственный орган, орган местного самоуправления или одному и тому же должностному лицу. О данном решении уведомляется гражданин, направивший обращение».

Кроме того, согласно ст. 1 этого Закона его действие распространяется на все обращения за исключением обращений, которые подлежат рассмотрению в порядке, установленном федеральными конституционными законами и иными федеральными законами. Порядок рассмотрения заявлений о преступлениях предусмотрен Уголовно-процессуальным кодексом РФ, который является федеральным законом. То есть на мои заявления о преступлениях этот Закон не распространяется. А если бы и распространялся, то все равно прекращение переписки со мной было бы незаконным, поскольку ни под одно из установленных им оснований для прекращения переписки не подходит, да и вообще о прекращении со мной переписки я тогда узнал только из постановления суда, а не от прокуроров. Ни действовавший до 01.07.2002 г. УПК РСФСР, ни действующей ныне УПК РФ никаких прекращений переписки не предусматривали и не предусматривают.

Такое безмолвие Генпрокуратуры я обжаловал:

ТВЕРСКОЙ РАЙОННЫЙ СУД г. МОСКВЫ

от Годлевского Александра Александровича,
142400, Моск. обл., г. Ногинск...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРГАН:
Генеральная прокуратура РФ, 125993,
Москва, ул. Б. Дмитровка, 15-а

ЖАЛОБА

02.07.03 г. в порядке ст. 448 УПК РФ в Генеральную прокуратуру РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. ст. 285 ч. 2, 305 УК РФ в отношении судьи Тверского райсуда г. Москвы Сташиной Е.В. и назначении судебно-психиатрической экспертизы для разрешения сомнений в ее вменяемости по фактам грубых нарушений закона и вынесения неправосудного постановления от 24.12.02 г. об отказе в моей жалобе на нарушения закона Генеральной прокуратурой РФ при рассмотрении моего заявления о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генпрокурора РФ Устинова В.В., не принявшего мер прокурорского реагирования по фактам должностных преступлений, опубликованным в моей статье в журнале «Континент» N 104 (апрель – июнь 2000 г.).

В соответствии со ст. 448 УПК РФ уголовное дело в отношении судьи правомочен возбудить только Генеральный прокурор РФ. Согласно ст. 145 УПК РФ по поступившему заявлению о преступлении прокурор своим решением в установленном порядке обязан либо возбудить уголовное дело, либо отказать в возбуждении, либо направить заявление по подследственности. Установленный ст. 145 УПК РФ перечень решений, принимаемых по заявлениям о преступлении, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Пересылка заявлений о преступлении для разрешения по существу в органы и должностным лицам, неправомочным возбуждать уголовные дела по этим заявлениям, действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрена.

В нарушении требований ст. 145 УПК РФ это мое заявление 16.07.03 г. за N 15/4-370-00 Генпрокуратурой РФ было переслано в прокуратуру г. Москвы. 08.08.03 г. Тверской межрайонной прокуратурой г. Москвы об отказе в

возбуждении уголовного дела вынесено постановление, которое вопреки требованиям ст. 7 УПК не является законным, обоснованным и мотивированным.

17.02.04 г. в Генеральную прокуратуру РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В. по фактам грубого нарушения закона при рассмотрении моего заявления в отношении судьи Сташиной, поступившего в Генпрокуратуру РФ 02.07.03 г.

В моем заявлении о преступлении, поступившем в Генпрокуратуру РФ 17.02.04 г., были указаны все основания к возбуждению уголовного дела в отношении Генпрокурора Устинова В.В. При таких обстоятельствах Генпрокуратура РФ в соответствии с требованиями ст. 45 Конституции РФ и ст. ст. 21, 448 УПК РФ была обязана принять все необходимые меры к возбуждению уголовного дела по моему заявлению. Однако в сроки, установленные ст. 144 УПК, ни одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК, в установленном порядке принято не было.

Указанные действия Генеральной прокуратуры РФ являются грубым нарушением уголовно-процессуального закона и моих прав, гарантированных ст. ст. 45, 52 Конституции РФ.

Обстоятельства, лежащие в основании настоящей жалобы, могут быть подтверждены материалами проверки моих заявлений.

На основании изложенного, в соответствии с ч. 2 ст. 46 Конституции РФ и ст. 125 УПК РФ

ПРОШУ:

признать действия Генеральной прокуратуры РФ при разрешении моего заявления о преступлении, поступившего туда 17.02.04 г., незаконными и необоснованными и обязать ее принять установленные меры к возбуждению уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В. по фактам грубых нарушений закона при рассмотрении моего заявления в отношении судьи Сташиной, поступившего в Генпрокуратуру РФ 02.07.03 г.

В соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции РФ в качестве доказательств прошу истребовать из Генпрокуратуры РФ материалы проверок моих заявлений, поступивших туда 02.07.03 г. и 17.02.04 г.

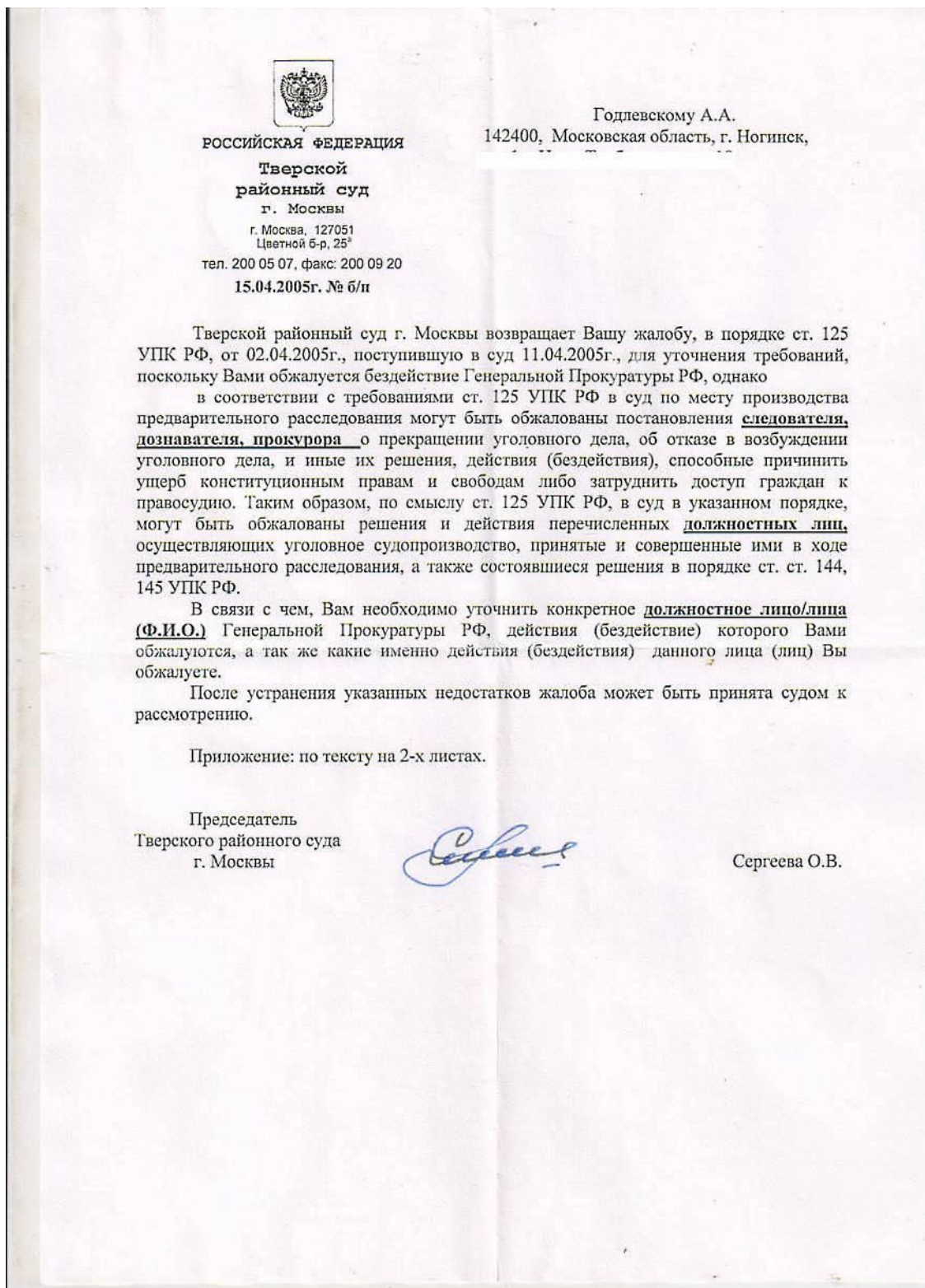
2 апреля 2005 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Может быть, все у меня получается слишком долго, и дело пошло по нескольким кругам, но претензии за это не ко мне, а к тем, кто принял это сумасшедшее государство в полноправные члены Совета Европы, признав его тем самым не только нормальным, но и полностью демократическим. Устав Совета Европы провозглашает Право высшей ценностью, и как это наше государство согласуется с таким критерием для членства там – вопрос не ко мне.

На Западе широко распространено предубеждение, что беззаконий у нас так много потому, что к помощи закона – т.е. к законным средствам – у нас в народе прибегать не любят. Но здесь я действую строго законными средствами, и результат говорит сам за себя. Какой идиот у нас будет всерьез воспринимать официальные законы, если призванные осуществлять надзор за их соблюдением прокуроры во главе с Генеральным при исполнении своих прямых служебных обязанностей легко и открыто совершают тяжкие должностные преступления против конституционно гарантированных прав граждан.

Из суда я получил:

Суд в качестве лазейки использовал, что ст. 125 УПК РФ чисто формально предусматривает возможность обжалования в суд только действий конкретных должностных лиц. Хотя это прямо противоречит ст. 46 ч. 2 Конституции РФ, гарантирующей право на обжалование действий не только должностных лиц, но и всех государственных органов без каких-либо изъятий. Потому:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ РФ

от Годлевского Александра Александровича,
142400, Моск. обл., г. Ногинск...

З А Я В Л Е Н И Е

02.07.03 г. в порядке ст. 448 УПК РФ в Генеральную прокуратуру РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст.ст. 285 ч. 2, 305 УК РФ в отношении судьи Тверского райсуда г. Москвы Сташиной Е.В. и назначении судебно-психиатрической экспертизы для разрешения сомнений в ее вменяемости по фактам грубых нарушений закона и вынесения неправоудного постановления от 24.12.02 г. об отказе в моей жалобе на нарушения закона Генеральной прокуратурой РФ при рассмотрении моего заявления о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генпрокурора РФ Устинова В.В., не принявшего мер прокурорского реагирования по фактам должностных преступлений, опубликованным в моей статье в журнале «Континент» N 104 (апрель – июнь 2000 г.).

17.02.04 г. в Генеральную прокуратуру РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В. по фактам грубого нарушения закона при рассмотрении моего заявления в отношении судьи Сташиной, поступившего в Генпрокуратуру РФ 02.07.03 г.

11.04.05 г. в соответствии со ст. 46 ч. 2 Конституции РФ в Тверской райсуд г. Москвы в порядке ст. 125 УПК РФ поступила моя жалоба на грубые нарушения уголовно-процессуального закона и моих конституционных прав Генеральной прокуратурой РФ при рассмотрении поступившего туда 17.02.04 г. моего заявления о преступлении в отношении Генерального прокурора РФ Устинова В.В.

15.04.05 г. за N б/н председателем Тверского райсуда Сергеевой О.В. эта жалоба без вынесения необходимого процессуального акта была мне возвращена по мотивам неуказания в ней конкретных должностных лиц Генпрокуратуры РФ и их действий.

Указанные действия Сергеевой О.В. являются грубыми нарушениями закона и Конституции РФ.

Ст. 46 ч. 2 Конституции РФ гарантирует гражданам право на обжалование в суд любых действий (бездействия) всех государственных органов без каких-либо изъятий. В соответствии со ст. 18 Конституции РФ права человека и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. Право на судебную защиту относится к тем правам, которые в силу ст. 56 ч. 3 Конституции РФ не могут быть ограничены ни при каких условиях.

Тем самым по своему конституционно-правовому смыслу ст. 125 УПК РФ четко, ясно и недвусмысленно гарантирует обжалование в суд действий (бездействия) Генеральной прокуратуры РФ как государственного органа, а не только действий отдельных ее должностных лиц. Какие-либо недостатки моей жалобы, препятствующие ее рассмотрению по существу, отсутствовали. Аналогичную по форме мою жалобу на нарушения закона Генпрокуратурой РФ при разрешении вопроса о привлечении к уголовной ответственности Генпрокурора РФ Устинова В.В. Тверской райсуд г. Москвы уже принимал к производству и рассматривал в судебном заседании в порядке ст. 125 УПК, о чем судом было вынесено постановление от 24.12.02 г. Это постановление Тверской

прокуратурой г. Москвы признано правомерным. В таком случае возвращение Тверским судом моей жалобы 15.04.05 г. является разным применением судом ст. 125 УПК при сходных обстоятельствах вопреки принципу единообразного применения законов. При этом суд грубо нарушил ст. 15 ч. 1 Конституции РФ, согласно которой Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие, и ст. 19 ч. 1 Конституции РФ, гарантирующую равенство всех перед законом и судом.

Должностное лицо Генпрокуратуры РФ, правомочное возбуждать уголовное дело в отношении Генпрокурора РФ, определяется ст. 448 УПК РФ и ст. 12 ФЗ «О прокуратуре РФ». В соответствии со ст. 123 ч. 3 Конституции РФ в жалобе мною было заявлено ходатайство об истребовании в качестве доказательств материалов проверок моих заявлений о преступлении. Эти доказательства необходимы для подтверждения оснований моей жалобы и в числе прочего указывают на конкретных должностных лиц Генпрокуратуры РФ, допустивших грубые нарушения закона. Из-за грубого нарушения судом ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, суд возвратил мою жалобу, не истребовав необходимые доказательства, и тем самым лишил меня права на доступ к правосудию, гарантированного ст. 46 Конституции РФ.

Возвращение моей жалобы судом без вынесения необходимого процессуального судебного акта лишает меня возможности обжаловать такой акт в кассационном порядке, что также нарушает мое право, гарантированное ст. 46 ч. 2 Конституции РФ.

Указанные действия Сергеевой являются фактическим отказом в правосудии, грубо нарушающим мое право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции РФ. В результате чего причинен существенный вред моим правам и законным интересам.

Заведомо явное и грубое игнорирование Сергеевой уголовно-процессуального закона, основ конституционного строя РФ, конституционных гарантий прав граждан и конституционных основ судопроизводства свидетельствует о наличии у нее прямого умысла на отказ в правосудии вопреки интересам ее службы. Кроме того, такие нарушения вызывают серьезные сомнения в ее вменяемости.

Указанные деяния Сергеевой содержат признаки, образующие составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 285 ч. 2, 286 ч. 2 УК РФ. Ст. 196 УПК РФ устанавливает обязательное назначение экспертизы в случае сомнений во вменяемости подозреваемого или обвиняемого.

На основании изложенного, в соответствии со ст. ст. 140, 141, 144-146, 448 УПК РФ

ПРОШУ:

принять установленные меры к возбуждению уголовного дела по признакам ст. ст. 285 ч. 2, 286 ч. 2 УК РФ в отношении председателя Тверского райсуда г. Москвы Сергеевой О.В. и провести по делу судебно-психиатрическую экспертизу для разрешения вопроса о ее вменяемости по факту возврата 15.04.05 г. моей жалобы на грубые нарушения закона Генпрокуратурой РФ при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности Генпрокурора Устинова В.В.

Содержание ст. 306 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложный донос, мне известно.

15 сентября 2006 г.
ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в пункте 1 постановления от 31.10.95 г. [N 8](#) «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» разъяснил, что в соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием; суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел. В пункте 2 названного постановления разъяснено, что суд обязан применить Конституцию РФ в качестве акта прямого действия, когда подлежащий применению федеральный закон противоречит Конституции.

Впоследствии Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 10.02.2009 г. [N 1](#) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ». В пункте 7 которого разъяснено, что если жалоба не содержит необходимых сведений, что препятствует ее рассмотрению, то жалоба подлежит возвращению с обязательным вынесением судом об этом постановления, в котором должны быть указаны недостатки жалобы. Но суд такое постановление не вынес, поскольку его можно обжаловать в кассационном порядке, а у Тверского райсуда г. Москвы уже есть некоторый опыт насчет моих кассационных жалоб. Возвращение жалобы без вынесения необходимого процессуального акта (в данном случае – постановления) является непроцессуальным решением – разновидностью «подпольного правосудия». В этом же постановлении Пленума от 10.02.2009 г. еще есть разъяснение о том, что в порядке ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы действия не только должностных лиц, но и органов (пункты 3 и 4).

И не верьте тем, кто будет утверждать, что для устранения противоречий закона и Конституции необходимо обращаться в Конституционный Суд РФ. Тот же Пленум Верховного Суда РФ в пункте 3 того же постановления от 31.10.95 г. разъяснил, что в Конституционный Суд суды должны обращаться только в случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли подлежащий применению закон Конституции. Если никакой неопределенности нет, т.е. закон прямо противоречит Конституции без всяких сомнений, то суд обязан вместо такого закона непосредственно применить Конституцию в качестве акта прямого действия.

В этом постановлении Верховного Суда много еще интересного разъяснено. Только читая те разъяснения и сравнивая их с нашей реальной правоприменительной практикой, держитесь за что-нибудь – чтобы не упасть со стула. То постановление, все другое законодательство (которое постоянно обновляется), а также международные договоры в базах данных законодательства сейчас легко можно найти в интернете. Главное – не упадите со стула.

Постановления Пленума Верховного Суда, разъясняющие применение законов, очень важны в правоприменительной практике государства во всех областях. Потому чиновники, деятельность которых у нас основана на беззаконии, всеми силами стремятся роль таких постановлений принизить или вообще свести на нет. Особенно этим грешат прокуроры, поскольку у них своя единая федеральная система подчинения, официально независимая от местных властей – это с одной стороны. С другой стороны, прокуроры, особенно в глубинке, не желают портить отношения с местными властями и серьезно мешать им в их беззакониях. Но отказ прокурора в жалобе на грубые нарушения закона сам по себе есть грубое нарушение закона. И если такой отказ нижестоящего

прокурора гражданин обжалует вышестоящему (областному или иному, приравненному к нему), то это уже будет головной болью прокурора вышестоящего. А зачем ему это нужно?! Вышестоящие прокуроры прикрывать явные и грубые беззакония своих подчиненных не стремятся – зачем им отвечать за чьи-то местные делишки. Поэтому прокурорам надо убедить граждан, что никаких беззаконий нет и их законные права не нарушены – чтобы они не писали жалобы прокурорским начальникам.

И потому, когда к ним на прием приходят граждане с жалобами на местных чиновников и в обоснование своей правоты ссылаются на постановления Пленума Верховного Суда, то прокуроры в ответ говорят, что эти постановления обязательны только для судов. А у них, у прокуроров, другое ведомство, и для них судебные постановления не обязательны. Причем говорят об этом только устно и только в своих кабинетах, а письменно в официальных своих ответах такое никогда не напишут, поскольку все их глупые отговорки так глупыми отговорками и остаются. Следует отметить, что постановления судов важны не только для судов, но и для всех правоприменительных органов и их должностных лиц.

Согласно ст. 118 Конституции РФ судебная система Российской Федерации устанавливается федеральным конституционным законом. А ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.96 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» устанавливает, что вступившие в законную силу постановления судов являются обязательными для всех без исключения государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц. И на прокуроров, разумеется, такая обязательность судебных актов полностью распространяется. В соответствии со ст. 2 названного Закона единство судебной системы обеспечивается, в том числе, и признанием обязательности судебных постановлений. Поэтому если кому мало одной только обязательности судебных актов, то при желании можно приписать прокурорам и подрыв единства судебной системы Российской Федерации.

Да и вообще на прием к прокурорам и прочим начальникам простому гражданину, у которого нет больших связей и денег, лучше не ходить, а все жалобы на нарушения законов составлять в письменном виде и направлять их заказными письмами с обязательными уведомлениями о вручении. На поступившую жалобу в соответствии со ст. 10 Федерального закона «О прокуратуре РФ» прокурор обязан дать мотивированный ответ в письменном виде. Вот пусть кто из прокуроров и попробует написать в официальном ответе ту чушь, которую пытается устно «впарить» гражданам на личном приеме у себя в кабинете.

Это мое заявление поступило в Генпрокуратуру РФ 25.09.2006 г., и поскольку в течении длительного времени в ответ мне даже глупой отписки не было, то:

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РФ

от Годлевского Александра Александровича,
142400, Моск. обл., г. Ногинск...

З А Я В Л Е Н И Е

25.09.2006 г. в порядке ст. 448 УПК РФ в Генеральную прокуратуру РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. ст. 285 ч. 2, 286 ч. 2 УК РФ в

отношении председателя Тверского райсуда г. Москвы Сергеевой О.В. и назначении судебно-психиатрической экспертизы для разрешения сомнений в ее виновности по фактам грубых нарушений закона при возврате мне 15.04.05 г. моей жалобы на нарушения закона Генеральной прокуратурой РФ при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности Генпрокурора РФ Устинова В.В., не принявшего мер прокурорского реагирования по фактам должностных преступлений, опубликованным в моей статье в журнале «Континент» N 104 (апрель – июнь 2000 г.).

В моем заявлении были указаны все основания к возбуждению уголовного дела в отношении председателя Сергеевой. При таких обстоятельствах Генпрокурор РФ Чайка Ю.Я. в соответствии с требованиями ст. 45 Конституции РФ и ст. ст. 21, 448 УПК РФ был обязан принять все необходимые меры к возбуждению уголовного дела по моему заявлению. Однако в сроки, установленные ст. 144 УПК, ни одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК, в установленном порядке принято не было. Пересылка заявлений о преступлении для разрешения по существу в органы и должностным лицам, неправомочным возбуждать уголовные дела по этим заявлениям, действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрена.

Генпрокурор РФ Чайка Ю.Я. знал требования закона и интересы службы, но грубо их нарушил, что свидетельствует о наличии в его деяниях прямого умысла.

Указанные деяния Генпрокурора Чайки Ю.Я. содержат признаки, образующие состав преступления, предусмотренный ст. 285 ч. 2 УК РФ.

На основании изложенного, в соответствии со ст. ст. 140, 141, 144-146, 448 УПК РФ

ПРОШУ:

принять установленные меры к возбуждению уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генерального прокурора РФ Чайки Ю.Я. по фактам грубых нарушений закона при рассмотрении моего заявления в отношении председателя Тверского райсуда г. Москвы Сергеевой О.В., поступившего в Генпрокуратуру РФ 25.09.06 г.

Содержание ст. 306 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложный донос, мне известно.

5 декабря 2010 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

По почте мне пришло:

Следственный комитет
при прокуратуре
Российской Федерации

Технический пер., 2
Москва, Россия, 105005

23.12.2010 № 217/1-р-10

На № _____

Годлевскому А.А.

г.Ногинск, Московская обл.,
142400

Уведомляю о том, что обращение от 05 декабря 2010 года, поступившее в Следственный комитет при прокуратуре РФ, направлено для рассмотрения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Вопросов, относящихся к компетенции Следственного комитета при прокуратуре РФ, в обращении не содержится.

О результатах Вам сообщат.

Референт отдела по контролю
за расследованием уголовных дел
в отношении лиц особого
правового статуса

 В.А. Островский

АБ № 0159656

Следственный комитет
Российской Федерации
№Отск-217/1-689-11/34219

Глупая и явно незаконная отписка хотя бы по одному уже только тому, что в грубое нарушение конституционных гарантий Следственный комитет РФ рассмотрел мое заявление о преступлении как простое обращение – без вынесения предусмотренного ст. 148 УПК РФ постановления об отказе. Решение о перенаправлении заявления принимал не референт, который и должностным лицом, наделенным властными полномочиями следователя, не является, а какой-то начальник, который явно понимал всю незаконность своих действий и пожелал остаться неизвестным.

Прием, регистрация и разрешение заявлений о преступлениях как иных обращений является сокрытием преступлений от учета, грубо нарушающим установленные ст. ст. 45, 52 Конституции РФ гарантии прав граждан на защиту от преступных посягательств со стороны должностных лиц государства, и подпадает под признаки ст. 285 УК РФ.

Председатели судов совершают тяжкие должностные преступления способами, вызывающими очень серьезные сомнения в их вменяемости. Генпрокурор РФ на мое заявление об этом вообще никак не реагирует, совершая сам при этом тяжкое должностное преступление. А Следственному комитету РФ до этого и дела никакого нет – не их компетенция, и присылает мне об этом официальный документ. Хотя такое их самоустранение от исполнения своих прямых служебных обязанностей подпадает под признаки ст. 285 УК РФ (еще одно должностное преступление). Такое возможно только в нашем сумасшедшем государстве, власть в котором основана на полном правовом беспределе и большой лжи, выдающей этот беспредел начальников за торжество демократии. А это, в свою очередь, возможно только при уверенности всех должностных лиц государства в полной своей безнаказанности за свой беспредел.

Об отдельных фактах вопиющих беззаконий госчиновников наши СМИ говорят, но в систему их связывать очень не любят. Хотя такие даже отдельные факты свидетельствуют о многом: они возможны только при полной уверенности чиновников в своей безнаказанности. Потому и связывать все в систему очень не любят, что сразу станет очевидной беззаконная сущность всей системы власти. На своем сайте я уже выражал недоумение в том, как такое государство приняли в полноправные члены Совета Европы.

Из Генпрокуратуры РФ я получил:

0 139821 156112

Генеральная прокуратура
Российской Федерации

ул. Б. Дмитровка, 15а
Москва, Россия, ГСП-3, 125993

Годлевскому Александру
Александровичу

г. Ногинск, Московская область

№ 02.02.2011 № 15/4-370-00

На № _____

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации рассмотрено Ваше обращение о неполучении ответа на Ваше предыдущее обращение от 25.09.06 и по другим вопросам.

Проведенной проверкой установлено, что указанное Вами обращение в соответствии с требованиями действующей на тот период Инструкции «О порядке рассмотрения и разрешения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации», утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15.01.2003 №3 было оставлено без рассмотрения.

Кроме того, Вы не приводите каких-либо конкретных данных, указывающих на наличие признаков преступления в действиях сотрудников Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В связи с этим поводов для проведения проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ не имеется.

Порядок рассмотрения Ваших обращений в Генеральной прокуратуре Российской Федерации не нарушен. Оснований для принятия мер прокурорского реагирования в настоящее время не имеется.

Начальник отдела управления
по надзору за следствием
в органах прокуратуры

Ф.В. Киселевич

АЛ № 156404

Генеральная прокуратура
Российской Федерации
№ Оп-15/1-6317-11
14470

Еще одна глупая отписка, хотя и в ней есть кое-что интересное. Так, ею подтверждено, что по моему заявлению о преступлении Генпрокурором РФ никакого решения не принято, и это заявление вообще оставлено без рассмотрения. То есть проверкой, проведенной Генпрокуратурой РФ, установлен тот факт, что никаких уголовно-процессуальных мер по моему заявлению Генпрокурор РФ Чайка Ю.Я. не принял. А факт этот неопровержимо доказывает, что он совершил тем самым тяжкое должностное преступление. И глава СК РФ Бастрыкин А.И., который был обязан по другому моему заявлению принять меры уголовного преследования в отношении Генпрокурора, но не сделал этого, тоже

совершил тяжкое должностное преступление. Согласно ст. 448 УПК РФ только Председатель СК РФ может возбудить уголовное дело в отношении Генпрокурора РФ.

Возможно возражение, что сам Бастрыкин мог и не знать о поступившем к нему в СК РФ моем заявлении в отношении Генпрокурора, а все решали его подчиненные. Может и так. Но может в этом государстве и ракетно-ядерной «кнопкой» командуют референты с секретаршами.

Вообще говоря, ваши доводы могут быть очень умными и правильными. Но они так и остаются всего лишь вашим личным мнением до тех пор, пока не будут подтверждены проверкой соответствующих госорганов. Как это сделала Генпрокуратура РФ, официально подтвердив своим ответом факт оставления моего заявления без рассмотрения. А на такое официальное подтверждение в дальнейшем всегда можно сослаться.

По поводу оставления прокурорами моего заявления без рассмотрения. О беззакониях прокуроров при прекращении переписки я уже говорил, но еще один пример в тему. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 21 постановления от 15.06.2010 г. [N 16](#) «О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации» разъяснил:

«В силу положений части 3 статьи 55 Конституции РФ не могут быть признаны законными ограничения прав и свобод человека и гражданина (в том числе, свободы слова), установленные не федеральным законом, а иными нормативными правовыми актами.

В правилах аккредитации, установленных органами государственной власти, иными государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, не могут быть предусмотрены иные по сравнению с федеральными законами способы ограничения прав и свобод аккредитованных журналистов (например, в виде приостановления аккредитации журналистов) и условия для их применения, а также не могут быть установлены дополнительные, по отношению к статье 48 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», основания для отказа в аккредитации журналистов или для лишения журналистов аккредитации».

Т.е. в любых областях деятельности ограничение конституционных прав не федеральными законами, а какими-то другими нормативными актами – грубо противоречит Конституции РФ. Инструкции, утвержденные приказами Генпрокурора РФ, федеральными законами не являются.

К слову сказать, надзор за законностью приема, регистрации и разрешений заявлений о преступлениях в силу ст. 37 УПК РФ обязаны осуществлять прокуроры. Летом 2003 г. прокурор г. Москвы Авдюков слетел с должности за то, что подчиненные ему прокуроры недостаточно хорошо осуществляли свой надзор за этим. Конечно, подлинной причиной снятия Авдюкова была внутриаппаратная грызня, но для придания ей законного вида и толка такое внешнее официальное прикрытие вполне годится.

В 104-м «Континенте» я уже писал, что дело не в психиатрии, а в существующей у нас до сих пор советской власти, основанной на беззаконии. Здесь это еще раз наглядно продемонстрировал. И абсурдны все разговоры, что меня просто забыли снять с учета в дурдоме. Почему тогда прокуроры и следы вместо того, чтобы освежить память психиатрам и напомнить им об уголовной ответственности за такую «забывчивость», сами начали совершать тяжкие должностные преступления, не давая хода этому делу.

В перестроечные времена, да нередко и сейчас, основной отговоркой, призванной хоть как-то объяснить Западу причину массовых беззаконий ментов,

прокуроров и судей против простых граждан, была ссылка наших демократов на обвинительный уклон в деятельности правоохранительных органов. Только тогда непонятно, куда этот самый обвинительный уклон девается, когда речь заходит об уголовной ответственности за тяжкие должностные преступления, совершенные начальниками из этих самых правоохранительных органов. Может кто из наших демократов и западных специалистов разумно мне это объяснить?!

Безнаказанность чиновников за должностные преступления и наказание невиновных граждан – две стороны одной медали. У нас это было всегда с 17-го года, только после «победы демократии» в августе 91-го воцарился полный правовой беспредел власти и большая ложь, выдающая этот беспредел за торжество демократии. Какие в этом государстве могут быть юридические гарантии вообще любых прав граждан, если их нет даже от тяжких должностных преступлений и преступлений против правосудия?!

Напомню, что движение диссидентов началось с самодельного плакатика: «Уважайте вашу Конституцию!». Тогда несколько человек потребовали от советского государства, чтобы оно соблюдало свои собственные законы, гарантирующие права граждан. По старой диссидентской традиции я потребовал от этого государства, чтобы оно соблюдало свои законы, которые власть после августа 91-го во множестве напринимала для обмана мирового общественного мнения. Сейчас журналисты сокрушаются, что на их публикации в СМИ о преступлениях чиновников правоохранительные органы обычно не реагируют. Так взяли бы, да и потребовали от правоохранителей такого реагирования установленными законом чисто юридическими средствами.

Продолжение этой истории будет на моем сайте. Текущая информация по мере поступления материала будет размещаться в моем блоге <http://alexgodl.livejournal.com/>.

Ноябрь 2011 г.

Сумасшедшие записки – 2

(Эта глава на основе моих записей в блоге в 2011-2017 г.г.)

(6 декабря 2011 г.)

В продолжение истории с моей публикацией в журнале «Континент» N 104, размещенной под заголовком «Сумасшедшие записки» привожу следующее:

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РФ

от Годлевского Александра Александровича,
142400, Моск. обл., г. Ногинск, ...

З А Я В Л Е Н И Е

14.12.2010 г. в порядке ст. 448 УПК РФ в Следственный комитет РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении Генерального прокурора РФ Чайки Ю. Я. по факту грубых нарушений закона при

решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности председателя Тверского райсуда г. Москвы Сергеевой О.В.

В моем заявлении были указаны все основания к возбуждению уголовного дела в отношении Генпрокурора РФ Чайки Ю.Я. При таких обстоятельствах в соответствии с требованиями ст. ст. 45, 52 Конституции РФ и ст. ст. 21, 448 УПК РФ председатель СК РФ Бастрыкин А.И. был обязан принять все необходимые меры к возбуждению уголовного дела по моему заявлению. Однако в сроки, установленные ст. 144 УПК, ни одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК, в установленном порядке принято не было. Пересылка заявлений о преступлениях для разрешения по существу в органы и должностным лицам, неправомочным возбуждать уголовные дела по этим заявлениям, действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрена.

В нарушении требований ст. 145 УПК РФ это заявление из Следственного комитета было переслано в Генпрокуратуру РФ без вынесения предусмотренного ст. 148 УПК РФ постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем мне сообщено 23.12.2010 г. за N 217/1-р-10. Проверкой, проведенной Генеральной прокуратурой РФ, установлено, что никакого решения, предусмотренного уголовно-процессуальным законом, по моему заявлению о преступлении в отношении Сергеевой Генпрокурором РФ не принято, и это заявление вообще оставлено без рассмотрения. Что подтверждается ответом Генпрокуратуры РФ от 02.02.2011 г. N 15/4-370-00.

В результате указанных грубых нарушений закона и конституционных гарантий причинен существенный вред моим правам и законным интересам.

Председатель СК РФ Бастрыкин А.И. знал требования закона и интересы службы, но грубо их нарушил, что свидетельствует о наличии в его деяниях прямого умысла. Указанные деяния Бастрыкина содержат признаки, образующие состав преступления, предусмотренный ст. 285 ч. 2 УК РФ.

На основании изложенного, в соответствии со ст. ст. 140, 141, 144-146, 448 УПК РФ

ПРОШУ:

принять установленные меры к возбуждению уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении председателя Следственного комитета РФ Бастрыкина А.И. по фактам грубых нарушений закона и конституционных гарантий при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности Генерального прокурора РФ Чайки Ю.Я. по моему заявлению, поступившему в СК РФ 14.12.2010 г.

Содержание ст. 306 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложный донос, мне известно.

14 ноября 2011 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Это заявление поступило по почте в Следственный комитет РФ 21.11.2011 г.

Сумасшедшие записки - 2 - 2

(17 декабря 2011 г.)

На мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении председателя Следственного комитета РФ Бастрыкина А.И. по почте я получил вот это:

 СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СК РОССИИ)	Годлевскому А.А. Ногинск, Московская область, 142400
Технический пер., д. 2, г. Москва, Россия, 105005	
28 .11.2011 № 217/1-р-11	
На № _____ от _____	

Ваше обращение от 14.11.2011 о ненадлежащих, по Вашему мнению, действиях должностного лица органов прокуратуры направлено в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

О принятом решении Вам сообщат.

Одновременно сообщая, что Ваше обращение от 05.12.2010 рассмотрено в соответствии с требованиями ФЗ от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ, утвержденной приказом Генерального прокурора РФ от 17.12.2007 № 200 и действовавшей на тот период времени Инструкцией о едином порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в системе СК при прокуратуре РФ от 07.09.2007 № 14.

Поскольку СК России не осуществляет контроль за законностью решений, принятых должностными лицами органов прокуратуры, Ваше обращение правомерно направлено в Генеральную прокуратуру РФ, о чем Вам сообщено.

Несогласие с решениями должностных лиц, принятыми в соответствии с их компетенцией, не может служить основанием для постановки вопроса об их уголовной ответственности, а равно для проведения в отношении данных лиц проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ.

Из смысла закона в заявлении о преступлении должны содержаться достаточные сведения, указывающие на наличие признаков преступления, а в Вашем обращении такие данные отсутствовали, что исключает возможность проведения процессуальной проверки.

Принятое решение Вы вправе обжаловать вышестоящему руководителю или в суд.

Заместитель руководителя
управления процессуального контроля
в сфере противодействия коррупции
Главного управления процессуального контроля

А.А. Кубляков

ББ 005840

Следственный комитет Российской Федерации №Отск-217/1-30905-11/59290
--

Кроме глупых отписок от них и ожидать было нечего. Прежде всего, здесь явная и заведомая ложь. В моем заявлении было требование о привлечении к уголовной ответственности главы СК РФ Бастрыкина, никаких иных требований там не содержалось. А если в СК РФ это мое заявление о преступлении рассмотрели как жалобу на прокуроров, то это их проблема. И осуществлять

контроль за законностью решений прокуроров их никто не просил, но принять установленные законом меры к возбуждению уголовного дела в отношении Бастрыкина следяки СК РФ были обязаны.

Предусмотренное ст. 148 УПК РФ постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не вынесено, и какие-либо данные о вынесении такого постановления в этом официальном ответе Следственного комитета РФ отсутствуют. То есть в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, мое заявление о преступлении рассмотрено и разрешено не было. Основанием для проведения процессуальной проверки является сам факт поступления заявления о преступлении. В моем заявлении о преступлении оснований к возбуждению уголовного дела в отношении Бастрыкина было указано вполне достаточно. В том числе и факты, подтвержденные проверкой, проведенной Генеральной прокуратурой РФ. Если они считают, что таких оснований там не было, то были обязаны в соответствии со ст. 148 УПК РФ вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с указанием мотивов, по которым ими признано, что факты, изложенные в заявлении, не имели места или в них отсутствуют признаки преступления.

Тем самым в грубое нарушение конституционных гарантий Следственный комитет РФ рассмотрел мое заявление о преступлении как простое обращение – без вынесения предусмотренного ст. 148 УПК РФ постановления об отказе. Прием, регистрация и разрешение заявлений о преступлениях как иных обращений является сокрытием преступлений от учета, грубо нарушающим установленные ст. ст. 45, 52 Конституции РФ гарантии прав граждан на защиту от преступных посягательств со стороны должностных лиц государства.

К слову сказать, надзор за законностью приема, регистрации и разрешений заявлений о преступлениях в силу ст. 37 УПК РФ обязаны осуществлять прокуроры. В июле 2003 г. прокурор г. Москвы Авдюков слетел с должности за то, что подчиненные ему прокуроры недостаточно хорошо осуществляли свой надзор за этим. Интересна отговорка СК РФ, что несогласие с решениями начальников не может служить основанием для постановки вопроса об их уголовной ответственности и проведения проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ. Там в СК они что, считают, что мои требования уголовной ответственности начальников за тяжкие должностные преступления возможны только тогда, когда с такими преступлениями я согласен?! Или о компетенции. У нас что, начальникам официально разрешено в пределах своей компетенции совершать тяжкие должностные преступления?!

Начальники из СК РФ «косят на психа» – прикидываются невменяемыми, только делают это очень глупо. То, что они прислали мне такой официальный документ с идиотскими доводами, грубо нарушающими Конституцию и уголовно-процессуальный закон, свидетельствует о полной уверенности правоохранительных начальников в своей безнаказанности за беспредел. А это, в свою очередь, неопровержимо доказывает, что власть у нас основана на полном правовом беспределе. Для завуалирования такого беспредела в последние годы власти придумали термин «правовой нигилизм». На своем сайте я уже выражал свое недоумение, какие идиоты приняли это сумасшедшее государство, основанное на полном правовом беспределе против своих граждан, в полноправные члены Совета Европы, признав его тем самым не только нормальным, но и полностью демократическим.

Главным критерием отличия демократических государств служит наличие юридических гарантий прав граждан от беззаконий госчиновников. И уж самое большое внимание должно уделяться гарантиям от тяжких должностных

преступлений, совершенных высшими должностными лицами государства, одним из которых является руководитель Следственного комитета РФ.

Когда я получил по почте из СК РФ эту бумагу, по всей России бушевали акции протеста против результатов выборов в Госдуму. Акции протеста – дело хорошее. Но только я всегда участвовал лишь в тех акциях, которые властями НЕ разрешены. Выступать против власти, основанной на правовом беспределе, и спрашивать у такой власти на это разрешение – в наших условиях это уже верх идиотизма. Да и акции эти были не против незаконной власти с ее фальшивыми выборами и прочим, а против результатов выборов. Но зачем тогда было вообще участвовать в выборах – т.е. непосредственно участвовать в осуществлении такой власти?! Зачем участвовать в игре с властью, правила которой (т.е. законы) обязательны только для вас, но не для власти. В 90-е годы такая игра для многих диссидентов окончилась не очень хорошо, о чем я тогда писал в журнале «Континент» N 93 (1997 г.).

Да и вообще, против правового беспредела – как основы всей системы власти – наши общественно-политические организации выступать как-то не очень любят. После того как в 2003 году выборы в Госдуму для наших демократов кончились полным крахом, у нас возникли «Несогласные», выступавшие против беззаконий «путинского режима». Это хорошо, но только в 90-е годы, когда беспредел власти против народа расцвел буйным цветом, никакие «Несогласные» против него не выступали. Наверное, с таким беспределом власти они были согласны, а «Несогласными» стали только после того, как при Путине их лидеров от этой власти отодвинули. На своих акциях протеста они выступают не против беспредела власти, а за свое место в ней – хотят быть в этой незаконной власти начальниками. А раньше беспредел власти они или одобряли, поскольку были в этой власти начальниками, или молчали, хотя имели возможность высказаться об этом в СМИ.

Хотя, конечно, на таких акциях протеста немало людей, которым на демократов наплевать, и которые пришли на акции, чтобы хоть как-то выразить свою ненависть ко всей системе власти.

Обжаловать такую глупую отписку СК РФ не следует. Они бы еще вместо необходимого процессуального акта записку под дверь подсунули – и что, ее тоже надо обжаловать?! Но такой ответ доказывает тот факт, что никакого процессуального решения в форме постановления по моему заявлению о преступлении СК РФ не принял. А это уже основание для дальнейших действий.

Сумасшедшие записки - 2 - 3

(28 января 2012 г.)

Поскольку по моему заявлению о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении председателя СК РФ Бастрыкина А.И. никакого обязательного постановления не вынесено, и это заявление из Следственного комитета РФ было переслано в Генпрокуратуру РФ, то такие действия я обжаловал в суд:

**БАСМАННЫЙ РАЙОННЫЙ СУД
г. МОСКВЫ**

от Годлевского Александра Александровича,

142400, Моск. обл., г. Ногинск...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРГАН:
Следственный комитет РФ, 105005,
Москва, Технический пер, 2.

ЖАЛОБА

21.11.2011 г. в порядке ст. 448 УПК РФ в Следственный комитет РФ поступило мое заявление о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении председателя Следственного комитета РФ Бастрыкина А.И. по фактам грубого нарушения закона при рассмотрении моего заявления о преступлении в отношении Генпрокурора РФ Чайки Ю.Я.

В моем заявлении о преступлении, поступившем в Следственный комитет РФ, были указаны все основания к возбуждению уголовного дела в отношении руководителя СК РФ Бастрыкина. В том числе и факты, подтвержденные проверкой, проведенной Генеральной прокуратурой РФ. При таких обстоятельствах Следственный комитет РФ в соответствии с требованиями ст. 45 Конституции РФ и ст. ст. 21, 448 УПК РФ был обязан принять все необходимые меры к возбуждению уголовного дела по моему заявлению. Однако в сроки, установленные ст. 144 УПК, ни одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК, в установленном порядке принято не было. Пересылка заявлений о преступлениях для разрешения по существу в органы и должностным лицам, неправомочным возбуждать уголовные дела по этим заявлениям, действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрена.

В нарушении требований ст. 145 УПК РФ это заявление о преступлении из Следственного комитета было переслано в Генпрокуратуру РФ как иное обращение без вынесения предусмотренного ст. 148 УПК РФ постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем мне сообщено 28.11.2011 г. за N 217/1-р-11. Прием, регистрация и разрешение заявлений о преступлениях как иных обращений является сокрытием преступлений от учета, грубо нарушающим установленные ст. ст. 45, 52 Конституции РФ гарантии прав граждан на защиту от преступных посягательств со стороны должностных лиц государства.

Указанные действия Следственного комитета РФ являются грубым нарушением уголовно-процессуального закона и моих прав, гарантированных ст. ст. 45, 52 Конституции РФ.

Обстоятельства, лежащие в основании настоящей жалобы, могут быть подтверждены материалами проверки моего заявления.

На основании изложенного, в соответствии со ст. 46 ч. 2 Конституции РФ и ст. 125 УПК РФ

ПРОШУ:

Признать действия Следственного комитета РФ при разрешении моего заявления о преступлении, поступившего туда 21.11.2011 г., незаконными и необоснованными и обязать его устранить указанные нарушения уголовно-процессуального закона и конституционных гарантий моих прав при решении вопроса об уголовном преследовании председателя Следственного комитета РФ Бастрыкина А.И.

В соответствии со ст. 123 ч. 3 Конституции РФ в качестве доказательств прошу истребовать из Следственного комитета РФ материалы проверки моего заявления, поступившего туда 21.11.2011 г.

3 января 2012 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Согласно уведомлению о вручении заказного письма эта жалоба поступила в суд 11.01.2012 г.

Тем временем на пересланное в Генпрокуратуру РФ заявление в отношении Бастрыкина я получил вот это:

Генеральная прокуратура
Российской Федерации

ул. Б. Дмитровка, 15а
Москва, Россия, ГСП-3, 125093

Годлевскому Александру
Александровичу

г. Ногинск, Московская область

15.12.2011 № 15/4-370-00

На № _____

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации рассмотрено Ваше обращение от 14.11.2011 о несогласии с ответом начальника отдела управления по надзору за следствием в органах прокуратуры Киселевича Ф.В. и по другим вопросам.

Проведенной проверкой установлено, что ранее в Генеральную прокуратуру Российской Федерации поступали Ваши обращения о ненадлежащем рассмотрении предыдущих заявлений. О принятых в связи с этим мерах реагирования Вам сообщено в установленном законом порядке.

Выражая несогласие с полученными ответами, Вы не приводите каких-либо конкретных данных, указывающих на наличие признаков преступления в действиях должностных лиц Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации. В связи с этим оснований для проведения проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ не имеется.

Порядок рассмотрения Ваших обращений в Генеральной прокуратуре Российской Федерации не нарушен. Оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется.

Старший помощник
Генерального прокурора
Российской Федерации

А.К. Бумажкин

Генеральная прокуратура
Российской Федерации
№ Отв-15/1-89128-11/
209951

АМ № 214714

Опять глупая отписка, которую можно было бы и не публиковать, но не пропадать же добру. Как и всегда, без глупой лжи они обойтись не могут. Так, никакого несогласия с тем ответом Киселевича в заявлении в отношении Бастрыкина я не выражал, как и согласия тоже. Совсем не обязательно обжаловать все их глупые отписки. В своем заявлении я только сослался на этот ответ – как на подтвержденный Генпрокуратурой факт оставления без рассмотрения моего заявления в отношении председателя Тверского райсуда г. Москвы Сергеевой (см. «Сумасшедшие записки»). А этот подтвержденный генпрокурорской проверкой факт неопровержимо доказывает совершение

Генпрокурором Чайкой и главой СК Бастрыкиным тяжких должностных преступлений, подпадающих под признаки ст. 285 ч. 2 УК РФ.

Глупые отговорки, что не доказан их прямой умысел и личные мотивы, опровергнуть очень легко. Большие правоохранные начальники, они что, совершали грубейшие нарушения закона и конституционных гарантий прав граждан, не ведая, что творят?! Если так, то они психически неполноценные (или прикидываются невменяемыми – «косят на психа»). А если нет, то значит, они делали все это с прямым умыслом, что, в свою очередь, невозможно без наличия у них личной заинтересованности, грубо противоречащей официальным интересам их службы. Именно официально провозглашенным, а не реальным интересам, которые (реальные!) требуют от них творить правовой беспредел, без которого основанная на таком беспределе вся система государственной власти рухнет.

А если у них есть более умные возражения, то пусть изложат их в обязательных для таких случаев постановлениях об отказе в возбуждении уголовных дел, которые они всеми силами выносить не хотят. Только талдычат как заклинание откровенную ложь – будто я не привожу никаких конкретных данных, указывающих на наличие признаков преступления в действиях должностных лиц.

К слову сказать, мои заявления о преступлениях даже как жалобы они в установленном порядке рассмотреть не могут. По жалобе на нарушения уголовно-процессуального закона в соответствии со ст. 124 УПК РФ прокурор и руководитель следственного органа опять же обязаны вынести постановление, которое в силу ст. 7 УПК должно быть мотивировано. Мало того, они не могут их рассмотреть и в порядке, установленном для вообще всех видов обращений. Пунктом 6.5 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе прокуратуры РФ, утвержденной приказом Генпрокурора РФ от 17.12.2007 г. N 200, установлено: «При отказе в удовлетворении обращения ответ заявителю должен быть мотивирован и понятен. В нем дается оценка всем доводам обращения, а отказ в его удовлетворении должен быть обоснован». И это касается всех видов обращений.

Т.е. в ответе должны быть приведены мотивы, по которым признано, что доводы заявителя являются неправильными или не ведут к удовлетворению обращения. А поскольку в моих заявлениях указаны конкретные факты преступлений Чайки и Бастрыкина, то какие-либо мотивы они привести не могут – стоит им только начать конкретизировать обстоятельства дела по существу, как сразу начнут очень ярко проявляться все их дикие беззакония, в т.ч. и грубейшие нарушения конституционных гарантий.

Права человека от беззаконий власти могут быть юридически гарантированы только принципом неотвратимости ответственности должностных лиц – когда за каждым наказуемым нарушением прав граждан необходимо должна следовать ответственность, в том числе и, в установленных законом случаях, – уголовная. Как у нас на практике обстоит дело с гарантиями прав граждан всем хорошо известно (только не все предпочитают обращать на это внимание). Своими «экспериментами» с большими правоохранными начальниками я это еще раз демонстрирую и чисто юридически это доказываю. В 104-м «Континенте» я писал, что у профессиональных политиков, политологов, правозащитников и других, лихо обходящих правовые вопросы, профессионализм балансирует на грани клинического идиотизма.

По поводу недавних акций против результатов выборов. Все эти акции протеста были разрешены властью, проводились с ее разрешения. Но с 1917 года власть у нас остается по своей правовой сути все той же советской, как ее ни называй, о чем я писал в своих публикациях в журнале «Континент», а сейчас на

своем сайте. Выступать против власти, основанной на лжи и полном правовом беспределе, и спрашивать на это у нее разрешение – у нас это уже верх идиотизма. А если они выступали не против всей этой системы власти, то так им и надо – значит, они не против власти, преступной по ее же законам, а только за то, чтобы быть в этой власти начальниками. Как «Несогласные», о чем по другому поводу у меня см. «Сумасшедшие записки – 2 – 2». Или за то, чтобы начальниками были нужные им люди, и беспредел власти ударял не по ним, а по другим.

Реальная действенность подобных «акций протеста» очень сомнительна. Такие «бунты на коленях» были и у демократов-перестройщиков при Горбачеве, и у супердемократов при Ельцине, в результате у нас сейчас получилось то, что получилось. Никакие выборы в этой системе власти в принципе не могут быть честным и справедливыми. Пусть многотысячные протестующие для начала добьются от власти (без ее разрешения – явочным порядком!), чтобы она соблюдала хотя бы ее собственные законы, гарантирующие права граждан. Кстати, с такого требования началось движение диссидентов. А чем оно у нас закончилось, так это из-за полного игнорирования многими из диссидентов правового вопроса о наличии юридических гарантий прав именно широких слоев граждан, а не только прав разных элит. Кремль призвал протестующих обжаловать нарушения на выборах законными средствами, но у нас власть ее собственные официально действующие законы соблюдает только тогда, когда ей это выгодно.

И Путин, и его непримиримые противники противостоят друг другу все по тому же старому принципу: «Ты – Евгений, я – Евгений...», – все они играют по одним правилам, установленным этой системой власти, которая основана на правовом беспределе против своих граждан и большой лжи, этот беспредел прикрывающей. Разница между ними только в том, что Путин у власти начальником сейчас, а они были в этой власти начальниками в 90-е годы – во времена самого пика всеобщей лжи и полнейшего правового беспредела властей против своих граждан. Потому проблему лжи и беззакония – как основы всей системы власти – ни те, ни другие по существу поднимать не любят, только обвиняют друг друга в таком негативе.

Сумасшедшие записки - 2 - 4

(26 марта 2012 г.)

Моя жалоба на беззакония Следственного комитета РФ при решении вопроса об уголовном преследовании его главы Баstryкина А.И. поступила в Басманный райсуд г. Москвы 11.01.2012 г. Они были обязаны прислать мне повестку в суд, но ее долго не было, и я уже подумал, что они решили мою жалобу «положить под сукно» – не рассматривать это дело вообще. Такое они нередко делают по «неудобным» им жалобам, если их не «поторопить» заявлением о преступлении за фактический отказ в правосудии, грубо нарушающий гарантированное ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту.

Такое у меня бывало, в т.ч. и когда мы с Кириллом Подрабинеком в 95-м году потребовали от Генпрокуратуры РФ расследовать действия президента Ельцина в первой чеченской войне (см. «Континент» N 94, октябрь – декабрь 1997 г.). Но 11.03.2012 г. по почте я получил из суда копию постановления, которое

они вынесли без всякого уведомления меня об этом, что бы в нем про это не было написано:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Москва

10 февраля 2012 года

Судья Басманного районного суда города Москвы Карпов А.Г., с участием старшего прокурора отдела управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации Демидова Д.Г., при секретаре Фадеевой А.П., рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу заявителя Годлевского А.А. от 03 января 2012 года, поданную в порядке ст. 125 УПК РФ,

УСТАНОВИЛ:

17 января 2012 года в Басманный районный суд города Москвы поступила жалоба заявителя Ильина В.В. заявителя Годлевского А.А., в которой он просит признать незаконными и необоснованными, по его мнению, действия (бездействие) должностных лиц Следственного комитета Российской Федерации, связанные с рассмотрением обращения заявителя от 21 ноября 2011 года о привлечении к уголовной ответственности Председателя Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкина А.И.

В обоснование своей позиции заявитель приводит следующие доводы:

- должностные лица Следственного комитета Российской Федерации в установленные законом сроки не приняли решение по его (Годлевского) заявления о привлечении к уголовной ответственности Председателя Следственного комитета Российской Федерации;

- пересылка заявлений о преступлении для разрешения по существу в органы и должностным лицам, неправомочным возбуждать уголовные дела по этим заявлениям, уголовно-процессуальным законом не предусмотрена;

- прием, регистрация и разрешение заявлений о преступлениях как иных обращений является сокрытием преступлений от учета, грубо нарушает установленные ст.ст. 45, 52 Конституции РФ гарантии граждан на защиту от преступных посягательств со стороны должностных лиц государства;

- действия должностных лиц Следственного комитета Российской Федерации нарушили конституционные права заявителя.

Заявитель Годлевский А.А. и представитель Следственного комитета Российской Федерации, будучи надлежащим образом уведомленными о времени и месте слушания жалобы, в судебное заседание не явились, на своем участии не настаивали, в связи с чем жалоба в соответствии с ч. 3 ст. 125 УПК РФ рассмотрена в их отсутствие.

В судебном заседании прокурор Демидов Д.Г. возражая против удовлетворения жалобы, пояснил, что каких-либо нарушений требований действующего законодательства при рассмотрении обращения заявителя от 21 ноября 2011 года в Следственном комитете Российской Федерации не допущено.

Суд, изучив доводы жалобы заявителя, выслушав мнение прокурора, проверив представленные материалы, приходит к выводу об отсутствии оснований для ее удовлетворения.

Исходя из положений ст. 125 УПК РФ, в суд могут быть обжалованы постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

В силу ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Согласно ч. 1 ст. 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь принимает одно из следующих решений: 1) о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения - в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Согласно письменному отзыву на жалобу Годлевского А.А., представленному в суд заместителем руководителя отдела управления процессуального контроля в сфере противодействия коррупции Главного управления процессуального контроля Следственного комитета Российской Федерации Титовым П.А., данная жалоба не подлежит удовлетворению по следующим основаниям. Как усматривается из жалобы Годлевского А.А., он выражает несогласие с порядком рассмотрения в Следственном комитете Российской Федерации его обращения в отношении должностного лица органов прокуратуры, считая незаконным и необоснованным направление этого обращения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Обращение Годлевского А.А. рассмотрено в соответствии с требованиями Федерального закона от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», «Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации», утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 декабря 2007 года № 200, и «Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации», утвержденной приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 03 мая 2011 года № 72. Поскольку СК России не осуществляет контроль за законностью решений, принятых должностными лицами органов прокуратуры, обращение Годлевского А.А. правомерно направлено в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, о чем ему сообщено. Несогласие с решениями должностных лиц, принятыми в соответствии с их компетенцией, не может служить основанием для постановки вопроса об их уголовной ответственности, а равно для проведения в отношении данных лиц проверки в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ. Доводы Годлевского А.А. о том, что по его обращения должна быть проведена проверка с приятием соответствующего процессуального решения также не подлежат удовлетворению, поскольку из смысла закона в заявлении о преступлении должны содержаться достаточные сведения, указывающие на наличие признаков преступления, а в его обращении такие данные отсутствовали, что исключает возможность проведения процессуальной проверки.

Как следует из представленных суду материалов, 28 ноября 2011 года заместителем руководителя управления процессуального контроля в сфере противодействия коррупции Главного управления процессуального контроля Следственного комитета Российской Федерации Кубляковым А.А. обращение Годлевского А.А. о ненадлежащих, по мнению заявителя, действиях должностного лица органа прокуратуры, в установленном законом порядке направлено для организации рассмотрения в Управление по рассмотрению обращений и приему граждан Генеральной прокуратуры Российской Федерации, о чем в тот же день заявителю направлено письменное уведомление, в котором ему даны разъяснения по поводу рассмотрения его предыдущего обращения.

Каких-либо нарушений порядка рассмотрения обращения заявителя в Следственном комитете Российской Федерации суд не усматривает.

Оснований не доверять документам, представленным органом уголовного преследования, у суда не имеется.

Какой-либо личной заинтересованности в исходе жалобы заявителя со стороны должностных лиц Следственного комитета Российской Федерации не установлено.

При таких обстоятельствах оснований считать, что должностными лицами Следственного комитета Российской Федерации при рассмотрении обращения Годлевского А.А. от 21 ноября 2011 года совершены какие-либо действия (бездействие), причинившие ущерб конституционным правам и свободам заявителя, либо затруднившие ему доступ к правосудию, не имеется.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 125 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛЪ

Жалобу заявителя Годлевского А.А. оставить без удовлетворения.

Настоящее постановление может быть обжаловано в Московский городской суд в течение 10 суток с момента его вынесения.

Судья

Секретарь

Как уже говорил, никакого извещения о судебном заседании в установленном порядке я не получал, в остальном это постановление – обыкновенная судейская «туфта». Для создания видимости полного и объективного рассмотрения дела и мотивированности постановления судья Карпов напихал в это постановление все, что мог. Но в нем нет ни того, ни другого, ни третьего. Там и доводы моей жалобы (но не все!), и ссылки на документы Генпрокуратуры и Следственного комитета, на немотивированность и фальшивость ответов которых я уже неоднократно указывал.

В моей жалобе были приведены конкретные факты грубых нарушений уголовно-процессуального закона и конституционных гарантий, ведущие к обязательному удовлетворению жалобы. Постановлением суда эти факты подтверждены. Так, судом установлено, что ни одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ, по моему заявлению о преступлении в отношении Бастрыкина Следственным комитетом РФ в установленном порядке принято не было. Уголовное дело не возбуждено, предусмотренное ст. 148 УПК РФ постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не вынесено, и вообще это заявление о преступлении было рассмотрено как иное обращение. Что является грубым нарушением уголовно-процессуального закона и ст. ст. 45, 52 Конституции РФ, устанавливающих государственные гарантии прав граждан от преступных посягательств со стороны должностных лиц государства.

В грубое нарушение ст. 7 ч. 4 УПК РФ это постановление не мотивировано вообще. Судья Карпов переписал туда все то, что сообщил ему Следственный комитет РФ без какой-либо проверки и оценки, только приписал, что у него нет оснований не доверять документам, представленным органом уголовного преследования. А основания доверять им у него есть?!

Вывод, что заявление о преступлении может быть рассмотрено как иное обращение, если рассматривающий его начальник решит, что в нем отсутствуют достаточные сведения, указывающие на наличие признаков преступления, не основан на законе. И в постановлении суда ссылка на такую конкретную норму закона отсутствует, там есть только ссылка на смысл закона, но на какой смысл и какого закона не сказано. В случае отсутствия сведений, указывающих на признаки преступления, в соответствии со ст. 148 УПК РФ обязаны вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с приведением мотивов, по которым они пришли к такому выводу. Судья много чего написал в своем постановлении, но вопрос о предусмотренном ст. 148 УПК постановлении об отказе обошел лихим маневром. Иначе вся фальшивость его правосудия сразу проявилась бы очень наглядно.

Да еще СК РФ сообщил судье, а тот вписал в свое постановление явную и заведомую ложь, что у меня было не заявление о преступлении в отношении Бастрыкина, а жалоба на ненадлежащие действия должностного лица органа прокуратуры. Эдак в СК РФ могли счесть мое заявление о преступлении заявлением о приеме в члены КПСС, и, судя по всему, суд и это одобрил бы. Судья Карпов не привел в постановлении мотивы, по которым он отверг доводы моей жалобы и счел доказанными доводы следователей. А это одно из самых грубых нарушений уголовно-процессуального закона.

Согласно ст. 123 ч. 3 Конституции РФ судопроизводство у нас осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. А если без какой-либо проверки ваши правильные и обоснованные доводы с ходу отвергаются, а чужие насквозь лживые и бездоказательные признаются истинными, то о каких состязательности и равноправии может идти речь?!

Ну это ладно, более подробно об этом, жив буду, на моем сайте будет. Но здесь особо интересно то, что суд рассмотрел дело подпольно – без извещения меня о своем заседании. И доказать все это документально очень легко, т.к. все извещения должны производиться заказными почтовыми отправлениями с уведомлением о вручении, прохождение которых регистрируется и документируется. Т.е. вопреки требованиям ст. 125 ч. 3 УПК РФ и п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. N 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» я не был надлежащим образом извещен о месте, дате и времени рассмотрения моей жалобы.

Данные о вручении мне в установленном порядке извещения в материалах дела отсутствуют. В результате чего я был лишен возможности осуществить свое право на участие в судебном заседании, что является грубым нарушением ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Копия постановления от 10.02.2012 г. была мне направлена судом по почте заказным письмом (п/о 107078, квитанция N 91920) только 21.02.2012 г. – на следующий день после истечения срока кассационного обжалования и получена мною 11.03.2012 г., что подтверждается уведомлением о вручении мне почтового отправления.

Грубое нарушение судом конституционных основ судопроизводства исключает возможность вынесения правосудного судебного постановления. Я могу участвовать в судебном заседании или нет – это мое конституционно гарантированное право, которого меня по хамски лишили. А саму копию постановления суд направил мне как раз на следующий день после того, как закончился срок на подачу кассационной жалобы. У судьи Карпова в этом деле одних только грубых нарушений конституционных основ судопроизводства целый «букет». Что неопровержимо доказывает наличие у него прямого умысла на вынесение такого заведомо неправосудного постановления, а также вызывает серьезные сомнения в его вменяемости (о сомнениях во вменяемости на другом примере подробнее см. «Комментарий к нам, праву и западу»).

Постановление вынесено судом 10 февраля, направлено мне по почте 21-го, а 17 февраля ко мне пришел гражданин в штатском, представился сотрудником уголовного розыска и показал какое-то ментовское удостоверение (но в нарушение ст. 5 ФЗ «О полиции» не назвал свою должность, звание и фамилию – т.е. надлежащим образом не представился). Заявил, что у них есть сведения, будто я занимаюсь взрывами, и что в связи с выборами ему надо взять у меня объяснения. Я ему: «У вас в Конторе что, ничего поумнее придумать не могли?!» Он мне сразу начал объяснять, что он не из Конторы, что он – мент (так прямо и сказал). А я про себя сразу отметил, что он очень хорошо – даже не переспрашивая – понимает, что слово «Контора» у меня означает ЧК-ГБ-ФСБ. Такое давно принятое у них жаргонное название своего ведомства за пределами ГБ и сейчас далеко не всем известно. И уж во всяком случае, он (независимо от своей ведомственной принадлежности) точно знал о моем диссидентском прошлом (или настоящем?), потому и не уточнял, про какую контору я говорю – мало ли у нас всяких-разных контор.

Ну и ладно, мент так мент – он сам так представился. Вообще-то фальшивые обвинения в минно-взрывной деятельности подпадают под признаки ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Я ему ответил, что если у них есть ко мне какие претензии, то пусть предъявляют их в установленном законом порядке, а какие-либо устные разговоры с ним я вести не собираюсь. На том наша встреча и закончилась.

Вполне возможно, что тот гражданин в штатском к моему судебному делу не имел никакого отношения. Но и к выборам я тоже не имею никакого отношения – отродясь в них не участвовал и не собираюсь. Не знаю, может быть в этом государстве президентские выборы невозможны без фальшивых обвинений меня в минно-взрывной деятельности.

Конечно, никакими взрывами я не занимаюсь, и он это прекрасно знал. Это у них прием такой, рассчитанный на дурачков, – ложно обвинить человека в чем-то серьезном, чтобы он с испугу начал перед ними оправдываться и уверять их, что ни в чем подобном он не замешан. В общем, ищут дурачков. Министр МВД Нургалиев и его глава ГУСБ Драгунцов, они что, хотят, чтобы их подчиненные дурачков им нашли?! Может им еще чего хочется, только сказать стесняются.

Постановление суда явно фальшивое, но не бывает худа без добра. В этой моей истории с публикацией в журнале «Континент» N 104 были две мои жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на действия Генпрокуратуры РФ в Тверской райсуд г. Москвы. Первую жалобу судья Сташина, рассмотрев в судебном заседании, оставила без удовлетворения, посчитав, что если Генпрокуратура грубо нарушила Конституцию РФ и уголовно-процессуальный закон, то моя жалоба на это в порядке ст. 125 УПК рассмотрению вообще не подлежит. Вторую жалобу председатель суда Сергеева сразу завернула без всякого заседания и постановления, отговорившись тем, что в порядке ст. 125 УПК можно обжаловать только действия конкретных должностных лиц, но не госорганов, каким является Генпрокуратура (см. «Сумасшедшие записки»).

И вот теперь Басманный райсуд хотя и фальшиво, но рассмотрел мою такую же по форме жалобу на действия госоргана (СК РФ) по существу в порядке ст. 125 УПК. Тем самым подтвердив, что те случаи правосудия были фальшивыми, а все мои заявления о преступлениях по фактам такого правосудия были обоснованными, и уголовные дела по ним должны были быть возбуждены. И еще говорили что-то про «басманное» правосудие – сравнили бы его с «тверским»! А вообще-то у нас правовой беспредел везде. И для его демонстрации эта история будет продолжена.

С октября 17-го существующий у нас политический режим по своей правовой сути все тот же советский – основанный на беззаконии, как его ни называй. Только после «победы демократии» в августе 91-го власть стала основана на полном правовом беспределе и Большой Лжи, выдающей этот беспредел власти против народа за торжество демократии. Когда под внешними супердемократическими формами полностью отсутствуют какие-либо юридические гарантии прав граждан, а власть легко против граждан творит беспредел, то у нас в народе с начала 90-х это называется «шизо-демократией» или «дем-шизой».

И силовую основу такой власти могут составлять только органы и войска МВД. На армии и ГБ эта власть не только держаться не может, но и вместе с ними не может сосуществовать в их нормальном – т.е. боеспособном – виде. Для двух этих ведомств шакаля ментовская психология не подходит. Подробнее об этом у меня: «О методах анализа», часть II. По сравнению с утопией коммунистической утопия демократическая у нас на редкость гнилая и может держаться только на ментах. А все потуги реформировать МВД – всего лишь разные вариации на одну тему. Ненависть народа к незаконной власти законными средствами эта власть подавить никогда не могла с 17-го года, а после августа 91-го и подавно.

Как раз во время описываемых здесь событий, в марте 2012 г., в МВД разразился очередной скандал. В Казани менты запытали человека так, что он потом умер в больнице. Менты пытались уговорить врачей написать в медицинской документации, что телесные повреждения он сам себе причинил. Врачи отказались, т.к. изнасиловать самого себя до смерти бутылкой от шампанского через задний проход человек явно не смог бы. В 90-е годы – во времена «торжества демократии» – врачи просто написал бы, что он умер от сердечной недостаточности, и на том все бы и закончилось. Да и сейчас с оглаской этой истории далеко не все ясно – вряд ли здесь обошлось без последствий грызни разных внутривластных группировок.

Сразу выяснилось, что насиловали и пытали и других, но не до смерти, и все их жалобы на ментов были бесполезны. В СМИ появились высказывания, что менты творят беспредел всегда и везде. Высказывания правильные, только СМИ умалчивают, что правовой беспредел МВД – основа власти, без которой вся ее система рухнет. А этот беспредел возможен только при уверенности

правоохранителей в полной своей безнаказанности за него. Раздались и голоса, что это только отдельные случаи, позорящие всю систему МВД. Такие утверждения опровергнуть начисто очень легко. Т.к. в других случаях люди, пострадавшие от беззаконий ментов, подавали на них жалобы, на которые никто не реагировал, а беспредел продолжался.

Я уже обращал внимание («Мы, право и Запад»), что за беспредел ментов, кроме их начальников, должны нести ответственность прокуроры и следы территориальных подразделений Следственного комитета РФ. Одни обязаны осуществлять прокурорский надзор за соблюдением ментами законов и прав граждан. Другие, которым подследственны уголовные дела в отношении должностных лиц правоохранительных органов, обязаны осуществлять уголовное преследование начальников-преступников для гарантий прав граждан от преступных посягательств таких начальников.

Но все они так исполняют свои прямые служебные обязанности, так надзирают за законностью и гарантируют граждан от преступлений всех начальников, что сложилась обстановка полной уверенности этих начальников в своей безнаказанности. И это тоже очень хорошо было заметно из сообщений СМИ о преступлениях ментов. Когда в сообщениях о громких отставках ментовских генералов из-за преступлений подчиненных в СМИ практически не было информации даже о дисциплинарных мерах к прокурорам и следкам за такое «несение службы». Сейчас, после начала скандала, кого-то из казанских следков дисциплинарно наказали, про ответственность прокуроров пока ничего не известно.

Но до скандала пострадавшие наверняка обращались не только и не столько к ментовским начальникам, но по большей части к прокурорам и следкам – и все без толку. Это неопровержимо доказывает, что были не отдельные случаи, а системные явления, необходимо вытекающие из самой сущности всей системы власти. И это при том, что изнасилованные так ментами, вряд ли все они об этом заявляют. Именно угрозами этого менты запугивают, а в 90-е в массовом порядке «ссучивали» людей на зонах, в целых регионах делали зоны только «красными». Реальная демократия у нас невозможна без массового «ссучивания», как невозможен был реальный социализм без ГУЛАГа и карательной психиатрии.

На внеочередной коллегии МВД министр Нургалиев назвал тех ментов-садистов «предателями». Но до перехода в МВД он 20 лет прослужил в ГБ и рассказал бы всем, как в той Конторе относятся к тем бывшим своим, кто начал грести под себя эмвэдэшные должности, изменяя своему долгу, присяге и офицерской чести. В 94-м году «вымпела» генерала Дроздова в большинстве своем отказались переходить из ГБ в МВД и на полуторные зарплаты, как бы их ни пытались туда затащить.

В конце 2011 г., после многочисленных акций протеста демократов из-за выборов и призывов к «оранжевой» революции, на Западе сложилось впечатление о возможности такой революции. Хотя такая революция была у нас все 90-е годы, и народ ее ненавидит, а Кремль и сейчас не знает, куда от реальных плодов ее деваться. У некоторых живущих на Западе наших диссидентов возникла идея-фикс, будто эта революция возможна прямо сейчас, вслед за президентскими выборами 4 марта. Потому медлить нельзя, в выборах надо участвовать обязательно – промедление смерти подобно! Не терпится им вернуть народу властный беспредел 90-х как можно скорее и во что бы то ни стало.

Стали из официальных кандидатов подыскивать, за кого бы им проголосовать, кто им устроит «оранжевые» времена (кроме Путина, понятно). Зюганова с Жириновским отвергли сразу. Миронов им тоже не подошел – они не

могли себе представить его во главе миллионной демократической толпы, бесстрашно идущей драться с путинским ОМОНОм. Свой выбор остановили на Прохорове. Правда, не объяснили, как они представляют себе его во главе миллионной толпы против ОМОНа. Наши демократы и на разрешенные властями акции собирают участников не очень много. И когда это у нас демократы массово дрались с ОМОНОм?! Они же, в отличие от народа, никогда не перекрывали стратегических автомагистралей с железными дорогами. Наоборот, это делал народ, протестуя против некоторых последствий либеральных реформ, как при монетизации льгот. Наверное, наши диссиденты на Западе всерьез считают, что громить ОМОН пойдут бывшие на Болотной «норковые шубки» во главе с Ксюшей Собчак.

Сторонники Кремля говорят, что митинги и прочие акции протеста демократов не за честные выборы, а только против Путина. Святая правда, хотя во всех этих акциях участвовало много людей, протестующих против всей системы власти с ее беззакониями, независимо от того, кто в ней начальником – Путин или его заклятые враги-супердемократы. Но и народ на президентских выборах тоже голосовал не за Путина, а против демократов, которые у нас прочно ассоциируются с пиком полнейшего правового беспредела власти против народа 90-х годов – с той самой демократией, которую по утверждениям демократов Путин убил. Тогда этот беспредел властные и окол властные демократы выдавали за торжество демократии (про самый грандиозный во всей истории человечества обман – обман нашими демократами всего мира у меня под заголовком «Комментарий к нам, праву и западу»). Отсюда к нашим демократам особая ненависть со стороны широких народных слоев, интересы которых демократы должны выражать по определению. В СМИ уже широко озвучивалось намерение уральских рабочих приехать в Москву и разобраться с митингующими на Болотной.

С возражениями, что это предвыборный ход Кремля, соглашусь полностью. Не будь беспредела МВД, вопрос о такой поездке кого-то с Урала в Москву даже и не поднимался бы. С этими шизо-демократами народ в Москве и сам разобрался бы, а заодно и со всей незаконной системой власти (за правовой беспредел надо отвечать очень конкретно!). Может на Западе кто их и вправду считает борцами за свободу, а для народа эти демократы служат внешними раздражителями от власти. И Кремль больше всего боится не акций демократов, а того, что народ на этих акциях будет демократов мочить за их лживость и лицемерие – будут массовые беспорядки с крахом всей системы власти, которая и может держаться только на беспределе. Отсюда призывы окол Кремлевских элит «не раскачивать лодку».

Сумасшедшие записки - 2 - 5

(2 июня 2012 г.)

Про вопиющую неправомерность постановления Басманного райсуда г. Москвы по моей жалобе на беззакония Следственного комитета РФ при решении вопроса об уголовном преследовании его главы Бастрькина А.И. я уже писал («Сумасшедшие записки – 2 – 4»). Но в кассационной жалобе я решил сослаться только на то, что суд не известил меня о своем заседании, рассмотрев дело тайно от меня. Пусть сначала рассмотрят дело, как полагается по закону, а там уж решу, что дальше делать. В суде явно понимали всю фальшивость своего правосудия по

моей жалобе, потому и дело рассмотрели тайком от меня, и пытаются сделать все, чтобы не допустить кассационного обжалования. Но поскольку по вине суда о его постановлении я узнал с большим опозданием, то по моему ходатайству восстановить пропущенный срок кассационного обжалования они обязаны:

БАСМАННЫЙ РАЙОННЫЙ СУД г. МОСКВЫ

от Годлевского Александра Александровича,
142400, Моск. обл., г. Ногинск...

ХОДАТАЙСТВО

Постановлением судьи Басманного райсуда г. Москвы Карпова А.Г. от 10.02.2012 г. оставлена без удовлетворения моя жалоба на действия Следственного комитета РФ.

Я не согласен с постановлением и намерен обжаловать его в кассационном порядке, однако мною пропущен срок кассационного обжалования. Причина пропуска является уважительной, т.к. в грубое нарушение ст. 123 ч. 3 Конституции РФ в установленном порядке я не был извещен о судебном заседании. А копия постановления от 10.02.2012 г. была мне направлена судом по почте заказным письмом (п/о 107078, квитанция N 91920) только 21.02.2012 г. – на следующий день после истечения срока кассационного обжалования и получена мною 11.03.2012 г., что подтверждается уведомлением о вручении мне почтового отправления.

На основании изложенного, в соответствии со ст. ст. 130, 357 УПК РФ

ПРОШУ:

Признать причину пропуска срока на кассационное обжалование уважительной и восстановить пропущенный срок.

Приложение: кассационная жалоба 1-м листе.

14 марта 2012 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Одновременно с ходатайством направлена в суд и моя кассационная жалоба:

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СУД

Судебная коллегия по уголовным делам

от Годлевского Александра Александровича,
142400, Моск. обл., г. Ногинск...

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Постановлением судьи Басманного райсуда г. Москвы Карпова А.Г. от 10.02.2012 г. оставлена без удовлетворения моя жалоба на действия Следственного комитета РФ при рассмотрении моего заявления о преступлении, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 ч.

2 УК РФ в отношении Председателя Следственного комитета РФ Бастрыкина А.И.

Названное постановление подлежит отмене по следующим основаниям.

Вопреки требованиям ст. 125 ч. 3 УПК РФ и п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. N 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» я не был надлежащим образом извещен о месте, дате и времени рассмотрения моей жалобы. Данные о вручении мне в установленном порядке извещения в материалах дела отсутствуют. В результате чего я был лишен возможности осуществить свое право на участие в судебном заседании, что является грубым нарушением ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

Грубое нарушение судом конституционных основ судопроизводства исключает возможность вынесения правосудного судебного постановления.

Обстоятельства, лежащие в основе настоящей кассационной жалобы, подтверждаются материалами дела.

При таких обстоятельствах постановление подлежит отмене по основаниям, предусмотренным ст. ст. 379, 381 УПК РФ.

На основании изложенного, в соответствии со ст. 378 УПК РФ

ПРОШУ:

Постановление судьи Басманного райсуда г. Москвы Карпова А.Г. от 10.02.2012 г. отменить, а дело направить на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

Приложение: ходатайство о восстановлении срока кассационного обжалования на 1-м листе.

14 марта 2012 г.

ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Согласно уведомлению о вручении заказного письма эти мои обращения поступили в суд 22.03.2012 г. Будем ждать результатов. Время прошло достаточно долго, но никакой реакции суда пока нет. Подождем еще немного, а потом можно будет «поторопить» судью Карпова заявлением о преступлении по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ за фактический отказ в правосудии, грубо нарушающий гарантированное ст. 46 Конституции РФ мое право на судебную защиту. Заодно тем самым мне надо исчерпать все национальные средства обжалования, чтобы иметь возможность обратиться в международные инстанции – раз уж они признали это сумасшедшее государство не только нормальным, но и демократическим, то пусть сами разбираются с его дикими беззакониями.

После размещения на моем сайте статьи «Мы, право и Запад», в которой говорю о том, что я до сих пор официально числюсь в дурдоме на учете с диагнозом «вялотекущая шизофрения с параноидным синдромом» (наверное, единственный в мире) вопреки российским законам, то не все поняли, вопреки каким именно законам. С большим удовольствием поясню, что ст. 10 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.92 г. N 3185-I (с последующими изменениями) устанавливает: «Диагноз психического расстройства ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами и не может основываться только на несогласии гражданина с принятыми в обществе моральными, культурными, политическими или религиозными ценностями либо на иных причинах, непосредственно не связанных с состоянием его психического здоровья».

«Вялотекучку» и в застойные времена во всем мире никто из уважающих себя психиатров не признавал. Ее и в СССР многие видные психиатры признавали только по приказу большого партийного начальства. Например, один из самых лучших судебных экспертов Института им. Сербского виртуоз-психиатр профессор Лунц Д.Р., который прославился на весь мир психиатрическими преследованиями диссидентов. Владимир Буковский в своей книге «И возвращается ветер» (М., 1990 г., С. 265) про него писал, что раньше он не признавал «изобретенную» проф. Снежневским «вялотекучку», но: «Слишком уж удобна была концепция Снежневского для властей. И в 70-м году сам же Лунц всю ставил диагноз «вялотекущая шизофрения».

В былые времена среди диссидентов хорошо было известно ходившее в самиздате «Пособие по психиатрии для инакомыслящих», написанное Владимиром Буковским и Семеном Глузманом в первой половине 70-х, когда они отбывали наказание по ст. 70 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и пропаганду. Да и сейчас это пособие процитировать не грех:

«Эскульпация, т.е. признание невменяемости инакомыслящих, в той или иной форме выражающих свое несогласие с отдельными моментами внутренней и внешней политики советского правительства, проводится целенаправленно. Для этого используются, в основном, два психиатрических диагноза: вялотекущая форма шизофрении и паранойальное развитие личности. Остальные диагнозы почти не выставляют, т.е. в них инакомыслие не вписывается даже теоретически (к вашему счастью, иначе пришлось бы знакомиться с психиатрией в более полном объеме). (...) Под вялотекущей имеют в виду шизофрению, где все проявления болезни выражены в степени «едва», «мало». А таких явных симптомов, как наличие галлюцинаций, нет вообще» (<http://antology.igrunov.ru/authors/bukovsky/psychiatr.html>).

Напомню, что советская психиатрия в 1983 г. была вынуждена выйти из Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА), дабы избежать позорного исключения за использование психиатрии в политических целях. И прежде всего, за использование для таких целей диагноза «вялотекущая шизофрения», который при желании можно поставить кому угодно и за что угодно. В 1989 г. советскую психиатрию вновь приняли в ВПА с условием, что больше не будет ни «политпсихиатрии», ни «вялотекучки». И к моменту возвращения советских в ВПА практически все стоявшие в СССР на учете с таким диагнозом были с учета сняты. В том числе и бывший армейский офицер Ильин, который в январе 1969 г., совершив вооруженное нападение на кремлевский эскорт, пытался убить Брежнева (знаменитое «деяние у Боровицких ворот»). Он был освобожден из Казанской спецпсихбольницы для психохроников («вечная койка») со снятием «вялотекущего» диагноза.

Т.е. использование вялотекущей шизофрении и тогда у очень многих во всем мире вызывало резко негативную реакцию, а сейчас это является прямым и грубейшим нарушением российских законов, поскольку такой диагноз «в соответствие с общепризнанными международными стандартами» ну уж никак не привести.

Еще в статье «Мы, право и Запад» я писал о возможности обжалования действий ГБ в суд в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ. Поскольку это тоже было не всем понятно, в порядке какого именно судопроизводства – уголовного или гражданского – такое обжалование возможно, то заодно разъясню и это. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 4 постановления от 10.02.2009 г. N 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ» разъяснил, что судам следует иметь в виду, что по смыслу части 3

статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в порядке статьи 125 УПК РФ могут быть также обжалованы решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания.

Если я до сих пор числюсь в дурдоме с «вялотекушкой», то это значит, что власти считают меня опасным совершить какие-то преступления против основ конституционного строя. Вот пусть власть в лице ГБ это и объясняла бы в суде. А если я ни для кого не опасен, то пусть объясняли бы в суде, почему тогда до сих пор числюсь на учете с таким сомнительным диагнозом – вопреки всем официально действующим законам и международно-правовым обязательствам РФ как правопреемника СССР.

Особо важно здесь то, что суды должны рассматривать такие жалобы именно в порядке ст. 125 УПК РФ, который четко определен, а не в каком-либо другом непонятном порядке. А то у нас суды частенько про жалобы в порядке уголовного судопроизводства утверждают, что они подлежат рассмотрению в гражданских судах – и наоборот. Сейчас такая неопределенность устранена разъяснением, данным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Раз уж развитие моей истории совпадает с другими яркими событиями в нашей общественно-политической жизни, то по ходу дела не грех будет прокомментировать и эти события. 06.05.2012 г. объявленный оппозицией «Марш миллионов» закончился столкновением с ОМОНОм и вызвал в СМИ большой резонанс. Что там конкретно произошло, и кто во всем виноват, точно не могут разобраться до сих пор. Оппозиция обвиняет во всем Кремль, Кремль обвиняет оппозицию в провокациях. Но широко распространено мнение, что там у обеих сторон «рыльце в пушку».

Если наши демократы решили действовать методом провокаций, то такой метод у них может быть рассчитан только на Запад – у нас им рассчитывать не на что. У широких народных слоев демократы пользуются такой «популярностью», что больше всего на свете боятся, что существующая у нас до сих пор советская власть и вправду рухнет, и им за все придется конкретно отвечать перед народом. Все последствия реализации на практике демократической утопии народные массы постоянно испытывают на собственной шкуре в виде полного правового беспредела всяких начальников, в первую очередь – ментов, следяков, прокуроров и судей. А особенно многие очень хорошо помнят пик властного беспредела против народа 90-х годов. Хотя нынешние их драки с ментами особого осуждения у народа не вызывают.

С октября 17-го существующий у нас политический режим по своей правовой сути все тот же советский – основанный на беззаконии, как его ни называй. Только после «победы демократии» в августе 91-го власть стала основываться на полном правовом беспределе и Большой Лжи, выдающей этот беспредел власти против народа за торжество демократии. И силовую основу такой власти могут составлять только органы и войска МВД. Слишком уж велика у нас пропасть между демократической утопией в теории – и ее реализацией на практике. В журнале «Континент» N 93 (июль – сентябрь 1997 г.) я писал, что идея демократии для нас является такой же утопией, как идея коммунизма для всего мира. Из демократической утопии ничего другого у нас получиться не могло, как и из коммунистической. Возможны только разные вариации одного и того же советского режима – сталинский, брежневский, ельцинский, путинский. Только по сравнению с коммунистическими временами демократические

беззаконие, ложь и лицемерие у нас выглядят очень подло. И у народа эта «дерьмократия» вызывает такую ненависть, какую не вызывал и коммунистический режим, и ненависть эту можно подавить только ментовским беспределом.

А все потуги реформировать МВД – всего лишь разные вариации на одну тему. Без правового беспредела МВД вся эта система власти сразу рухнет. Потому МВД реформированию не подлежит, как и вся система государственной власти, основанная на беспределе ментов против граждан. Если их реформировать так, чтобы не было властного беспредела против народа, то это возможно только с одновременным крахом всей властной системы. По этой же причине провозглашенная когда-то в начале «нулевых» политика Путина на установление «диктатуры Закона» – т.е. на установление юридических гарантий прав граждан – закончилась полным крахом и ничем иным закончиться не могла в принципе. Его непримиримые противники-супердемократы вопрос о наличии или отсутствии таких гарантий для граждан поднимать очень не любят как раз из-за пика правового беспредела властей во время их «торжества демократии» в 90-е.

Когда в 90-е менты издевались над народом, ничего плохого про ментов наши демократы особо не говорили. При такой «дерьмократии» жить им становилось все лучше, становилось все веселее – пока в Кремле не сменился главный начальник. После разгона ОМОНОм «Марша миллионов» с избиением ментами протестующих и всех, кто подвернулся им под руку – когда сами демократы попали под «ментовские молотки» – наши демократические оппозиционные СМИ взвыли в истерике и стали обзывать ОМОН всякими ругательными словами. Но, господа демократы, где ж вы раньше были, когда все это касалось народа, а не вас лично, почему раньше помалкивали?!

Интересно, что в ходе всей этой шумихи из-за разгона ОМОНОм «Марша миллионов» Комитет Госдумы по международным делам вдруг озаботился жестокостью, с которой на Западе разгоняют несанкционированные акции протеста, и даже вроде бы провел общественные слушания по грубейшим нарушениям там прав протестующих. Не знаю, как их там на Западе разгоняют, но там все государства – правовые – т.е. как минимум основанные на своих собственных официальных законах, а не на их нарушении с правовым беспределом – как у нас. И там граждане защитят свои гарантированные законом права вполне могут и без всяких акций протеста, например, в судах – в отличие от нас. В общем, «это у вас в Америке негров бьют».

Если демократы попытаются всерьез бороться с властью методом провокаций, то будут играть на чужом поле по чужим правилам. А в делах лжи, подлости и провокаций наши кремлевские начальники – непревзойденные мастера. В таких делах их не могли переиграть даже хитроумные и коварные азиатские сатрапы. Глава Афганистана Хафизулла Амин пытался обмануть Брежнева, и Леонид Ильич торговался с ним за сохранение жизни Тараки, которого по приказу Амина уже задушили. Самого Амина вскоре закопали во дворе его собственного дворца – на следующий день после того, как спецназы ГБ и ГРУ на этом дворце 43 минуты «поработали».

Демократы выступают против Путина за то, что он (по их же словам!) «убил демократию». И что бы они ни болтали, все равно они тем самым признают, что выступают не против Путина, а за возвращение той убитой им демократии 90-х годов с ее разгулом правового беспредела власти против народа. Отсюда и соответствующее отношение к демократам со стороны большинства населения. Поскольку общество у нас настолько безвольно, что неспособно добиться от власти даже соблюдения ею ее же законов, гарантирующих права

граждан, то, пользуясь таким безволием, все кремлевские начальники – от Ленина до Путина – всегда дурили голову Западу с грандиозным успехом.

Во всем мире во все времена наличие прав и свобод человека и гражданина всегда понимается в смысле наличия юридических гарантий этих установленных законом прав и свобод. А любое право в реальности от незаконной государственной власти юридически гарантировано только тогда, когда непреложно действует принцип неотвратимости ответственности всех начальников, виновных в нарушении этого права. Во всем мире это само собой подразумевается так, что на этом и внимания обычно не заостряют: раз есть установленные законом права, значит, есть и юридические гарантии таких прав на практике. Но у нас все это само собой подразумевается с точностью до наоборот: раз Конституцией и законами установлены супердемократические права, то без разрешения начальства этими правами лучше не пользоваться – во избежании всяких неприятностей.

В застойные времена у нас шутили, что советский человек обладает не только всей полнотой прав, но и благоразумием, чтобы этими правами не пользоваться. В «Континенте» N 93 я писал, что в этом мире любая власть держится на страхе – но если в нормальных государствах власть держится на страхе перед правомерной ответственностью за неправомерное поведение, то у нас власть основана исключительно на страхе перед неправомерной ответственностью за правомерное поведение, например, за осуществление своих законных прав без разрешения властей.

Потому требовать от государства юридических гарантий прав для всех граждан (а не только для «своих»!) наши демократы очень не любят, поскольку это грубо противоречит властным «правилам игры». А правила эти у нас соблюдаются свято, поскольку за любые отступления от них власть сразу карает всеми возможными способами – в отличие от нарушений законов, гарантирующих права граждан. Эта власть преступна даже с точки зрения своих собственных законов, и если официальные законы этой власти будут соблюдаться, то власть немедленно рухнет.

Реальные требования оппозиции соблюдать принцип неотвратимости ответственности конкретных должностных лиц за каждое конкретное должностное преступление – невзирая на лица – власть не допустит. Даже если оппозиционеры при этом будут мирно прогуливаться в компании Бориса Акунина с его писателями и читателями. А протестовать против незаконной власти по ее же незаконным правилам – у нас это уже верх идиотизма, даже с перебором.

Но, тем не менее, даже «тихие» акции оппозиции – как «прогулки протеста» по Москве – в перспективе для власти представляют опасность тем, что после 6 мая их стало больше и на них стало приходиться все больше участников. Люди, не спрашивая у начальников на это разрешения, проявляют волю к самоорганизации. А власти все это нравиться никак не может. Для незаконной власти, которая может существовать только в безвольном обществе, любое проявление общественной воли гражданами без разрешения на то начальства таит в перспективе смертельную опасность.

Даже волонтеры, занимающиеся, в общем-то, чисто благотворительной деятельностью, например, поиском пропавших в лесу детей, так и они из-за своей воли к самоорганизации без разрешения начальства в последнее время начали вызывать у чиновников большие подозрения. В СМИ недавно говорилось, что чиновники собираются установить для волонтеров льготы и денежные вознаграждения, чтобы раздачей таких льгот и вознаграждений волонтеров контролировать. А по акциям протеста уже звучали мнения, что сейчас люди

стали выступать против власти без каких-либо известных лидеров и «политических конструкций».

Оппозиционеры говорят, что власть сейчас незыблема. Да, но власть, несмотря на ее безраздельное господство над нашим безвольным обществом, может действовать только по своим правилам и только строго в пределах своей системы власти. А за эти пределы власть выйти не может, как и все наши СМИ, которые играют точно по тем же властным правилам. Так, СМИ, включая самые к Кремлю непримиримые, практически никогда прямо не говорят, что вся эта система власти держится только на беспределе, без которого рухнет, хотя это у нас всем ясно уже давно. А всю вину за беспредел СМИ валят только на отдельных начальников или на отдельные группы чиновников – как в истории с «оборотнями в погонах» в 2003 году.

Кремлевские лидеры, крупные общественно-политические деятели и СМИ в своих выступлениях всеми силами стремятся создать вид, что в России нет всего населения, большинство которого эту государственную власть ненавидит и презирает. Но при определенных обстоятельствах акции протеста этого большинства населения против власти (а также против всех властных и околотовластных элит) будут очень конкретными и не очень мирными.

Я всегда говорил и писал, что главной и единственной причиной всех наших самых острых сегодняшних проблем является советская власть, с уничтожением которой эти проблемы отпадут сами собой. Например, коррупция в ее советском виде, принявшем после августа 91-го умопомрачительные размеры и формы. Именно коррупцию очень многие, в т.ч. и на самом высоком официальном уровне, считают главным препятствием для благих начинаний государства во всех видах его деятельности.

Сумасшедшие записки - 2 - 6

(5 ноября 2012 г.)

Моя кассационная жалоба на постановление судьи Басманного райсуда г. Москвы Карпова А.Г., которым отказано в жалобе на беззакония Следственного комитета РФ при решении вопроса об уголовном преследовании его главы Бастрыкина А.И., поступила в тот суд 22.03.2012 г. С тех пор долгое время никаких сведений о дальнейших их процессуальных действиях в установленном порядке я не получал и уже было собрался «подогнать» их заявлением о преступлении за фактический отказ в правосудии.

Но 04.07.2012 г. по почте получил повестку в Басманный суд на 13.07.2012 г. Это означало, что Мосгорсуд то постановление судьи Карпова отменил, а дело возвратил им назад на новое судебное разбирательство. Хотя никаких извещений о заседании Мосгорсуда по моей кассационной жалобе я не получал, как и надлежаще заверенной копии кассационного определения. Т.е. все рассмотрели тайно от меня – как и в прошлый раз. Такое их правосудие – подпольное. Это является грубым нарушением уголовно-процессуального закона и ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Какие могут быть состязательность и равноправие при таком подпольном правосудии?!

В суд 13.07.2012 г. я не пошел. Прежде всего, пусть они как-нибудь сами без меня решают те свои проблемы, которые я им и создал из-за их беззаконий. И потом, лично участвовать (или соучаствовать?!) в таком их подпольном

правосудии я не собираюсь. Кроме того, мне не известно, по каким основаниям Мосгорсуд то постановление Басманного суда отменил. В результате чего я лишен нормальной возможности выработать и отстаивать свою позицию при новом разбирательстве в суде первой инстанции. Может, то постановление они отменили потому, что Мосгорсуд решил, что меня давно пора расстрелять. Такое мое предположение не совсем нормально? А когда это государство, которое Совет Европы признает своим полноправным членом – т.е. полностью демократическим, творит подпольное правосудие, то это что – нормально?! Это не говоря уже о моем одиозном диагнозе «вялотекущая шизофрения с параноидным синдромом», с которым я с коммунистических времен до сих пор официально числюсь в дурдоме на учете – вопреки российским законам и международно-правовым обязательствам РФ как правопреемника СССР.

При рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ личное присутствие заявителя не обязательно, он только должен быть извещен о времени и месте судебного заседания. И 13.07.2012 г. Басманный райсуд г. Москвы был обязан рассмотреть по существу мою жалобу на действия Следственного комитета РФ и вынести постановление, копию которого должны направить мне. Я долго ждал от них этого постановления – не дождался и потому все-таки решил посмотреть на официальном сайте Мосгорсуда его решение по моей кассационной жалобе. Хотя такие поиски мне очень не нравятся: почему я должен рыскать по Интернету, выискивая там то, что по закону они обязаны мне прислать в надлежаще заверенной форме?!

Ну да ладно. Надо же мне писать продолжение всей этой истории в Интернете. А то еще все подумают, что с моей кассационной жалобой получилось такое, о чем я не только рассказать, но и вспоминать боюсь. На сайте Басманного суда искать что-либо я отказываюсь категорически – пусть направляют мне все в установленном порядке. А на сайте Мосгорсуда я нашел вот это (сайт Мосгорсуда с тех пор изменился, это определение сейчас можно найти на другом сайте по адресу: <https://is.gd/tBcF8q>):

Судья Карпов А.Г. Дело N 22- 7627/ 2012 года

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

4 июня 2012 года

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе:

председательствующего Поляковой Л.Ф.,

судей Неделиной О.А., Аббазова И.З.,

при секретаре Ермаковой Е.В.

рассмотрела в судебном заседании 4 июня 2012 года материал по кассационной жалобе заявителя Годлевского А.А. на постановление Басманного районного суда г. Москвы от 10 февраля 2012 года, которым жалоба Годлевского А.А., поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, оставлена без удовлетворения.

Заслушав доклад судьи Неделиной О.А., выслушав мнение прокурора Мусолиной Е.А., полагавшей постановление суда оставить без изменения, судебная коллегия

У С Т А Н О В И Л А:

В Басманный районный суд г. Москвы обратился заявитель Годлевский А.А. с жалобой в порядке ст.125 УПК РФ, в которой просил признать незаконными и необоснованными действия (бездействие) должностных лиц СК РФ, связанные с рассмотрением его обращения от 21 ноября 2011 года о привлечении к уголовной ответственности Председателя СК РФ Бастрыкина А.И.

Постановлением Басманного районного суда г. Москвы от 10 февраля 2012 года жалоба заявителя оставлена без удовлетворения.

В кассационной жалобе заявитель считает постановление суда подлежащим отмене, т. к., вопреки требованиям ч. 3 ст. 125 УПК РФ и п. 10 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10. 02. 2009 года N 1, он не был надлежащим образом извещен о месте и времени рассмотрения его жалобы, в результате чего был лишен возможности осуществить свое право на участие в судебном заседании. Просит постановление суда отменить.

Проверив представленные материалы, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия находит постановление суда подлежащим отмене.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление судьи должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Таким признается судебный акт, соответствующий требованиям уголовного и уголовно-процессуального законов, содержащий основанные на материалах дела выводы судьи по обстоятельствам, относящимся к предмету разрешаемых вопросов.

Обжалованное постановление суда этим требованиям закона не соответствует.

Отказывая Годлевскому А. А. в удовлетворении жалобы, суд указал, что в судебное заседание Годлевский А.А. не явился, однако был своевременно извещен, на своем участии не настаивал.

Однако данное утверждение суда не соответствует материалам, в которых отсутствуют какие-либо сведения об извещении Годлевского А.А. о месте и времени рассмотрения его жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, судебное заседание по которой было назначено на 10 февраля 2012 года.

Согласно отслеживанию почтовых отправок по почтовому идентификатору повестка о явке в судебное заседание на 10 февраля 2012 года не была вручена Годлевскому А.А., что также подтверждается и конвертом с повесткой, который был возвращен в адрес суда за истечением срока хранения (л.д. 22-23, 28).

При таких обстоятельствах, постановление суда не может быть признано отвечающим требованиям уголовно-процессуального закона.

Исходя из вышеизложенного, судебная коллегия считает необходимым постановление суда отменить и направить жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ на новое судебное разбирательство в тот же суд.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 377, 378 и 388 УПК РФ, судебная коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А:

Постановление Басманного районного суда г. Москвы от 10 февраля 2012 года, которым отказано в удовлетворении жалобы ГОДЛЕВСКОГО А.А., поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, отменить, материал направить на новое судебное разбирательство в тот же суд, в ином составе, кассационную жалобу заявителя – удовлетворить.

Председательствующий: (подпись)

Судьи: (подписи)

По сравнению с моей кассационной жалобой в кассационном определении Мосгорсуда приведены очень мягкие и скромные основания к отмене того постановления судьи Карпова – что оно не соответствует лишь требованиям ст. 7 ч. 4 УПК РФ, согласно которым постановление суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Хотя моя кассационная жалоба была обоснована ссылкой на ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон – что грубое нарушение судом конституционных основ судопроизводства исключает возможность вынесения правосудного судебного постановления. Про это Мосгорсуд вообще умолчал, как будто ничего такого в моей кассационной жалобе не было. И это не удивительно – ну зачем Мосгорсуду слишком уж сильно тыкать носом Басманный райсуд в его собственное дерьмо, если кассационная инстанция осуществляет судебный контроль за правильностью решений судов первой инстанции и за них тоже отвечает. В то же время, хорошо зная наши реалии, легко предположить, что если бы у меня была ссылка только на ст. 7 ч. 4 УПК РФ без всякой ссылки на Конституцию, то Мосгорсуд скорее всего согласился бы с мнением прокурора Мусолиной, «полагавшей постановление суда оставить без изменения». Впрочем, отменили то «липовое» постановление – и то хорошо.

Они пытаются сделать, чтобы все выглядело, будто они меня надлежащим образом извещали, но по моей вине повестка получена не была, полежала на почте и была им возвращена «за истечением срока хранения». Будто они направляли мне все в установленном порядке, они сделали все, что по закону были сделать обязаны, они ни в чем не виноваты – это все я получать отказываюсь. А что Басманный суд тогда направил мне копию своего постановления от 10.02.2012 г. только 21.02.2012 г. – как раз на следующий день после того, как истек срок кассационного обжалования – в этом тоже я виноват?!

Что суд извещение мне направлял, но я их не получал – это ложь. Никаких извещений мне тогда почтой не доставлялось, и что такие извещения в мой адрес лежат и ждут меня на почте, мне не было известно. Может быть, они направляли мне все почтой голубиной?! Я всю жизнь проживаю по своему адресу, по которому я зарегистрирован (прописан) по постоянному месту жительства. На нелегальное положение не переходил, эмигрировать тоже не собираюсь – на кого я здесь оставлю своих врагов?! Потому если бы им нужно было доставить мне те извещения, то сделали бы это очень легко. Но, судя по всему, это было им не нужно.

Они явно собирались направлять мне все извещения и копии процессуальных документов так, чтобы я их не смог получить – чтобы на почту в Ногинске они приходили, но, полежав там, возвращались бы им назад, как якобы мною не полученные. Для них это не слишком сложно, т.к. территориальные подразделения Следственного комитета РФ есть по всей стране, по всем городам и весям. А конфликтовать с начальником местного Следственного отдела СК РФ никакой начальник местной почты не будет – иначе у него может сразу начаться внезапная проверка всей его почтовой финансово-хозяйственной деятельности и т.п. Такие их «фокусы» с почтой предугадать заранее можно было без особых проблем – просто надо хорошо знать родную советскую власть. Только все их проблемы в том, что без моей подписи на уведомлении о вручении мне заказного почтового отправления установленный порядок извещения и направления мне процессуальных документов все равно не будет соблюден. То есть в установленном порядке я не извещался, и мне ничего не вручалось. Что и подтвердил Мосгорсуд своим кассационным определением.

Поначалу они решили 10.02.2012 г. рассмотреть дело тайком от меня, а потом, когда истек срок кассационного обжалования, Басманный райсуд г. Москвы направил мне по почте копию своего постановления (которую я получил!). Они думали, что «поезд ушел», и в кассационном порядке обжаловать я уже ничего не смогу. Но этот номер у них не прошел. По моему ходатайству судья Карпов вынужден был восстановить срок кассационного обжалования, пропущенный по вине райсуда – т.е. по уважительной причине. Иначе он мою кассационную жалобу оставил бы без рассмотрения. А без надлежащего извещения меня о судебном заседании суда первой инстанции Мосгорсуд по моей кассационной жалобе то постановление Басманного суда отменил и завернул дело назад.

Тогда они изменили свою тактику. О заседании 13.07.2012 г. они меня уведомили, т.к. теперь это им было нужно, и это извещение я тоже получил. Но копию своего вынесенного в тот день постановления Басманный суд в грубое нарушение ст. 125 ч. 6 УПК РФ надлежащим образом направлять мне не стал – или направил так, чтобы она потом вернулась им обратно как якобы мной не полученная. Это им нужно для того, чтобы то новое постановление я, не имея его заверенной копии, уже не смог бы обжаловать в кассационном порядке. Сейчас в Москве опыт насчет моих кассационных жалоб есть не только у Тверского, но уже и у Басманного райсудов.

С кассационным определением Мосгорсуда тоже далеко не все так просто, как это кажется. О его заседании я не извещался, и в материалах дела нет и не может быть данных о надлежащем извещении меня о судебном заседании кассационной инстанции. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 7 постановления от 23.12.2008 г. N 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» разъяснил: «О дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции стороны должны быть извещены не позднее 14 суток до дня судебного заседания. Данное требование закона не распространяется на случаи отложения рассмотрения дела в суде кассационной инстанции. Нарушение срока, установленного частью 2 статьи 376 УПК РФ, в соответствии с требованиями части 1 статьи 381 УПК РФ может повлечь отмену определения суда кассационной инстанции, если данное нарушение повлияло или могло повлиять на его законность и обоснованность». Подчеркну особо, что при определенных обстоятельствах кассационное определение подлежит отмене из-за одного только нарушения срока извещения – т.е. когда стороны о судебном заседании извещались, но позднее 14 суток до его начала. Я же о заседании Мосгорсуда по моей кассационной жалобе не был извещен вообще!

По одной только этой причине то кассационное определение Мосгорсуда от 04.06.2012 г. является заведомо неправосудным, а действия вынесших его судей подпадают под признаки ст. 305 УК РФ, карающей за вынесение заведомо неправосудного определения. Мосгорсуд рассмотрел мою «кассатку» без извещения меня о своем заседании и отменил постановление судьи Карпова точно по той же причине – из-за неизвещения меня Басманным судом о его заседании! Ну не дурдом ли?! И при таком у нас правосудии еще находятся люди, сомневающиеся, когда я говорю, что это государство, основанное на полном правовом беспределе власти против граждан, – сумасшедшее. Деяния судей Мосгорсуда с точки зрения официальных законов вызывают очень серьезные сомнения в их вменяемости (о сомнениях во вменяемости на другом примере подробнее: «Комментарий к нам, праву и Западу»). Но логику всех действий тех судей здесь понять очень просто. Они прекрасно понимали, что с их стороны это дело – очень гнилое и незаконное, и потому по моей кассационной жалобе

предпочли вернуть его назад, спихнув все в Басманный суд – лишь бы побыстрее избавиться от него всеми правдами и неправдами.

Мосгорсуд был вправе рассмотреть кассационную жалобу в мое отсутствие только в том случае, если в материалах дела имеются данные о моем надлежащем извещении о его заседании. Но таких данных там нет, а если есть, то – фальшивые. При этом кассационная инстанция была обязана обсудить и разрешить вопрос о рассмотрении дела в мое отсутствие, что должно быть отражено в ее кассационном определении от 04.06.2012 г. Но ничего такого там нет, и складывается впечатление, будто в том заседании я был, но сидел и помалкивал. Хотя опровергнуть такое впечатление документальными доказательствами очень легко – в деле нет данных, что меня о том суде известили. Мосгорсуд явно хотел лихим маневром обойти вопрос о моем извещении и присутствии (а точнее – отсутствии!), потому в своем кассационном определении об этом стыдливо умолчал – от греха подальше. Иначе он был бы вынужден либо отложить дело, назначив заседание на другой день и уведомив меня о нем, либо сослаться в своем определении на заведомо ложные данные о моем надлежащем извещении – как сделал это Басманный суд, постановление которого сам Мосгорсуд именно из-за этого и отменил. А зачем Мосгорсуду это надо?!

Такие их ужимки и прыжки все в совокупности очень доказательно подтверждают, что в Мосгорсуде хорошо понимали все беззаконие этого дела, в т.ч. и фокусы с почтой. Потому всеми силами и всеми способами (включая подпадающие под ст. 305 УК РФ и вызывающие сомнения в их вменяемости!) мою «кассатку» удовлетворили и быстренько завернули дело назад в Басманный суд. Не знай точно судьи Мосгорсуда о почтовых фокусах, не стали бы они в грубое нарушение уголовно-процессуального закона и конституционных основ судопроизводства стыдливо обходить вопрос о рассмотрении моей кассационной жалобы без меня.

Я уже писал, что все свои заявления, жалобы и все другие обращения всегда составляю так, чтобы отказать в них, даже без моего присутствия, было можно, но только слишком уж явно и грубо нарушив закон. Теперь выясняется, что даже удовлетворить мою «кассатку» Мосгорсуду гораздо выгоднее и веселее так, чтобы при этом меня и близко не было.

В крайнем случае, судьи, следяки и прокуроры явно намеревались свалить все на почту – мол, это она так плохо работает. Но суды – государственные органы, и Почта России тоже является государственной организацией. Т.е. все они являются разными подразделениями одного и того же государства. Но я – простой гражданин, не наделенный какими-либо государственными, правительственными, военными или дипломатическими полномочиями. И почему мои права должны нарушаться этим государством в лице его разных государственных органов и организаций?! Для прикрытия своего собственного беззакония чиновники любят у нас ссылаться на другие госструктуры – что вот-де это они сделали что-то неправильно, потому все так плохо и получилось. Но почему простой гражданин должен отвечать за действия разных госструктур – разных подразделений одного государства?! Пусть они сами между собой разбираются, или государство в лице их большого начальника разбирается с ними со всеми. А для гражданина они обязаны сделать то, что обязаны по закону. И как они это будут делать – их проблемы, в которые гражданину лезть не следует, хотя бы из-за одного только того, чтобы вместе с ними не отвечать за «результат».

Самым главным начальником в этом государстве сейчас президент Путин. Согласно ст. 80 Конституции РФ он является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина; он как глава государства представляет Российскую Федерацию в международных отношениях. А поскольку такое их

подпольное правосудие не лезет в ворота даже Совета Европы, признавшего это сумасшедшее государство, основанное на полном правовом беспределе против своих граждан, не только нормальным, но и демократическим, то пусть президент Путин перед Советом Европы все это и представляет. В кремлевскую «туфту» о независимости судебной власти от исполнительной сейчас уже не верят даже цэрэушники и прочие западные специалисты по нашим делам.

Почему из-за их подпольного правосудия, выискивая их процессуальные документы, я должен рыскать по Интернету среди сайтов с совсем раздетыми тетеньками. Хотя в этой моей истории правосудие настолько фальшиво, что оголяет незаконную суть этого государства похлеще всякой порнографии. Может быть, власти считают, что для того чтобы узнать то, что по закону они обязаны сообщать мне в надлежащей форме, я должен проводить целый комплекс оперативно-розыскных мероприятий, включая агентурное внедрение в отдел контрразведки ЦРУ?! Даже пресловутые сталинские «тройки», творившие свое «правосудие» в отсутствие подсудимого, так и они сообщали ему результат: десять лет без права переписки. А нынешняя власть свое гласное и открытое правосудие сделала настолько подпольным, что оно не идет в сравнение даже со сталинскими «тройками».

Став президентом в 2000 г., Путин начал устанавливать «диктатуру Закона» – проводить в жизнь политику на ограничение беспредела чиновников и на установление юридических гарантий прав граждан. Это далеко не первая попытка власти аппаратными методами ограничить свой собственный беспредел. В журнале «Континент» № 93 (июль – сентябрь 1997 г.) я писал, что такая попытка Кремля ограничить беспредел правоохранительных органов имела место еще в перестроечные времена, но это была всего лишь очередная партийная кампания, такая же, как и антиалкогольная, и закончившаяся с тем же успехом. Такая же политика Путина тоже в общем и целом закончилась крахом, но все же некоторые положительные результаты она дала.

Правовыми последствиями путинского стремления хоть как-то ограничить беспредел власти против граждан, пусть даже и чисто административными методами, стало то, что в «нулевые» – в отличие от 90-х – резко увеличилось число и массовость акций протеста граждан против беззаконий начальства. Причем на такие акции люди у властей разрешения не спрашивают – протестуют против власти без ее разрешения. Например, при монетизации льгот – когда власть пыталась отнять у людей последнее. И в этом государстве его пенсионеры начали перекрывать автомагистрали, имеющие для этого государства военно-стратегическое значение.

Для незаконной власти, которая может существовать только в безвольном обществе, неспособном добиться от власти даже того, чтобы она соблюдала хотя бы свои собственные официальные законы, гарантирующие права граждан, такое проявление общественной воли смертельно опасно. При хоть каких-то реальных подвижках власти ограничить свой беспредел против народа, глубинные ненависть и презрение к этой власти из-за ее беспредела у народа понемногу начинают выходить из глубин наружу – пока еще сравнительно мирными средствами и в очень ограниченных масштабах.

Но власть такую свою перспективу понимает очень хорошо. Потому с этой очень реальной возможностью развития событий Кремль почти с самого начала эпохи Путина начал усиленно бороться, объявив все это экстремизмом и усилив ответственность за него. Причем под экстремизмом власть может понимать все, что ей будет надо – любые выступления граждан против ее полного правового беспредела. Это как карающая за антисоветскую агитацию и пропаганду ст. 70 УК

РСФСР 1960 г. с ее «гугтаперчевой диспозицией», под которую при желании можно было подвести кого угодно и за что угодно.

Но чтобы разрядить всенародную ненависть к незаконной власти, необходима массовая ответственность конкретных должностных лиц за конкретные должностные преступления и преступления против правосудия. Иначе, даже если прежняя советская власть и вправду будет уничтожена, то новая власть будет заложницей ненависти народа к старой власти, т.к. всеобщую ненависть к правовому беспределу законными средствами подавить нельзя. Такое пока еще никому у нас не удавалось с 17-го года, и на примере нынешней власти это тоже очень хорошо заметно. Тем самым все основные незаконные принципы старой власти очень быстро возродятся в новой, и эта новая власть по своей сути сразу станет все той же – советской. Или старая ненависть взорвет ее изнутри.

Это помимо того, что если старые чиновники останутся безнаказанными за свои беззакония, то в нашем безвольном обществе новые начальники очень скоро будут творить то же самое. Перед Кремлем проблема, в этой системе власти не разрешимая в принципе. С одной стороны, если власть будет серьезно ограничивать свой беспредел, то ненависть к власти у народа превысит страх перед ее беспределом, прорвется из глубины наружу и разнесет всю властную систему. С другой стороны, без ограничения властью своего беспредела, он всю систему власти размоет и развалит. Путин и был назначен ельцинской Семьей для того, чтобы хоть как-то стабилизировать эту систему государственной власти, которая в 90-е из-за своего беспредела совсем пошла вразнос. О чем я писал еще в журнале «Континент» № 93 (июль – сентябрь 1997 г.), а сейчас – «О методах анализа», часть II).

Сумасшедшие записки - 2 - 7

(27 апреля 2013 г.)

Никаких процессуальных документов по моей жалобе в Басманный райсуд г. Москвы на беззакония Следственного комитета РФ при решении вопроса об уголовном преследовании его главы Бастрыкина А.И. мне до сих пор не поступало – они все дальше продолжают заниматься своим подпольным правосудием. Ну ладно, подождем немного еще. А пока несколько подробнее следует рассмотреть некоторые вопросы, которые у людей могут возникнуть по этому делу.

Как я уже говорил, они пытаются сделать вид, будто все извещения и процессуальные документы они мне направляли, но я их не получал, в т.ч. и копию постановления Басманного райсуда, которое он должен был вынести 13.07.2012 г. по моей жалобе. Это после того как Мосгорсуд отменил постановление Басманного суда от 10.02.2012 г. и вернул им дело на новое судебное разбирательство. Если бы они все надлежащим образом мне направляли, то не получать что-либо от них мне не было никакого смысла. Моя жалоба в Басманный суд на грубые нарушения закона Следственным комитетом РФ была составлена так, что без явного и грубого беззакония отказать в ней было невозможно даже без моего присутствия.

Я уже писал о вопиющей и заведомой неправосудности постановления от 10.02.2012 г. судьи Басманного суда Карпова, здесь обращаю внимание еще на некоторые моменты. Это постановление Мосгорсуд отменил только из-за того, что я не был надлежаще извещен о заседании суда первой инстанции. Вопрос об

обоснованности этого постановления по существу в моей кассационной жалобе не ставился и Мосгорсудом не исследовался. Потому Басманный суд вполне мог вынести новое постановление с таким же содержанием. Содержание глупое и явно незаконное, но ничего лучшего они в данном случае придумать не смогут.

Напомню, что в качестве оснований моей жалобы были приведены конкретные факты грубых нарушений Следственным комитетом РФ уголовно-процессуального закона и конституционных гарантий, ведущие к обязательному удовлетворению жалобы. В том числе и факты, подтвержденные проверкой, проведенной Генеральной прокуратурой РФ. Постановлением суда эти факты подтверждены. Так, судом установлено, что ни одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ, по моему заявлению о преступлении в отношении Бастрыкина Следственным комитетом РФ в установленном порядке принято не было. Уголовное дело не возбуждено, предусмотренное ст. 148 УПК РФ постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не вынесено, и вообще это заявление о преступлении было рассмотрено как иное обращение и переслано в Генпрокуратуру РФ. Что является укрытием преступлений от учета, грубо нарушающим требования уголовно-процессуального закона и ст. ст. 45, 52 Конституции РФ, устанавливающих государственные гарантии прав граждан от преступных посягательств со стороны должностных лиц государства.

При таких обстоятельствах суд был обязан удовлетворить мою жалобу, признать действия следяков незаконными и необоснованными и обязать Следственный комитет устранить грубые нарушения закона, допущенные им при решении вопроса об уголовном преследовании его главы Бастрыкина. Но суд отказал в жалобе, обосновав это ссылкой на доводы СК РФ, что поскольку в моем заявлении о преступлении в отношении Бастрыкина якобы отсутствуют данные, указывающие на признаки преступления, то мое заявление не может быть рассмотрено как заявление о преступлении.

Однако в случае, если орган или должностное лицо, рассматривающие заявление о преступлении, придут к выводу об отсутствии в нем данных, указывающих на признаки преступления, то в соответствии со ст. ст. 7, 148 УПК РФ обязаны вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с приведением мотивов, по которым признано, что факты, указанные в заявлении, не имели места, или в них отсутствуют признаки преступления. Иное толкование ст. 148 УПК РФ означает, что обязательное постановление об отказе должно выноситься только тогда, когда признаки преступления есть, но их нет, и ведет к явному абсурду. Правоприменитель не вправе придавать закону смысл, ведущий к явному абсурду. Судья Карпов в своем постановлении и понаписал так много всего только для того, чтобы прикрыть, размазать, растворить во всем этом очень острый вопрос о ст. 148 УПК, обязывающей выносить постановления об отказе. Иначе вся фальшивость его правосудия сразу проявилась бы очень ярко.

Про явный абсурд – это не я придумал. Согласно ст. 15 ч. 4 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью ее правовой системы. В том числе и такой универсальный общеправовой принцип императивного характера, как принцип справедливости и разумности. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 2 постановления от 31.10.95 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» разъяснил: «Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. В соответствии с этим конституционным положением судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых

случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия».

В международном праве действует Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.69 г., статья 31 которой устанавливает общие правила толкования договоров. А кроме того ст. 32 этой Конвенции предусматривает возможность обращения к дополнительным средствам толкования, когда толкование в соответствии с правилами ст. 31 «приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными». Кому интересно, текст Конвенции могут найти на официальном сайте МИД РФ (http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/-/asset_publisher/kxW4m3muIEqP/content/id/787094). Но даже вообще не имея никакого представления о международных принципах и нормах, то руководствуясь одной только здоровой жизненной логикой, легко догадаться, что вряд ли они допускают какой-либо абсурдный смысл в толковании любых норм права. И в полном соответствии с Конституцией РФ, имеющей высшую юридическую силу, все эти принципы и нормы должны у нас применяться непосредственно – как часть правовой системы РФ.

Раз уж мы полезли в международное право, то заодно по ходу дела коснемся еще некоторых нюансов. Согласно ст. 3 европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению (<http://docs.cntd.ru/document/1000003045/>). Пленум Верховного Суда РФ в пункте 15 постановления от 10.10.2003 г. [N 5](#) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснил значение этих терминов в соответствии с требованиями, содержащимися в постановлениях Европейского Суда по правам человека. Так, по поводу унижения человеческого достоинства там разъяснено: «Унижающим достоинство обращением признается, в частности, такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности».

Это я все к тому, что у нас всякие правоохранительные начальники, которые по закону при обращении к гражданам обязаны представляться по установленной форме, обычно этого не делают – покажут человеку издалека красную книжечку, и все. Такое их поведение по отношению к гражданам означает: мы обязаны представляться, как следует, но тебе – дураку неполноценному – и так сойдет! А это, кроме нарушения закона, – оскорбление или уж как минимум и во всяком случае – хамство. Если некоторые считают такое отношение начальника к гражданам законным, нормальным и не унижающим достоинство, то это их сугубо личные проблемы. Никого ни к чему не призываю, но если кто не желает разговаривать с такими начальниками, то для этого есть вполне законное основание, в т.ч. и международно-правовое, которое я только что и указал.

Но вернемся к нашим баранам. Суд был обязан применить ст. 148 УПК РФ и признать действия СК РФ незаконными, но не сделал этого, что является грубым нарушением ст. 4 Конституции РФ, согласно которой федеральные законы имеют верховенство на всей территории РФ. В силу ст. 16 Конституции положения ст. 4 Конституции РФ составляют основу конституционного строя Российской Федерации, и никакие другие положения Конституции не могут им противоречить. Но суду все эти основы конституционного строя – «по барабану».

Да еще СК РФ сообщил судье, а тот вписал в свое постановление явную и заведомую ложь, что у меня было не заявление о преступлении в отношении Бастрыкина, а жалоба на ненадлежащие действия должностного лица органа

прокуратуры. Эдак в СК РФ могли счесть мое заявление о преступлении заявлением о приеме в члены КПСС, и, судя по всему, суд и это одобрил бы. Судья Карпов не привел в постановлении мотивы, по которым он отверг обоснованные доводы моей жалобы и счел доказанными бездоказательные доводы следаков. А это одно из самых грубых нарушений уголовно-процессуального закона и ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

Вывод суда, что у меня было не заявление о преступлении в отношении Бастрыкина, а обращение по поводу ненадлежащих действий должностного лица органа прокуратуры, является заведомо ложным, и был обоснован судом только ссылкой на представленные Следственным комитетом РФ документы, содержащие доводы, ведущие к явному абсурду.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 1 постановления от 10.02.2009 г. N 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» разъяснил: «В силу части 4 статьи 7 УПК РФ постановление судьи, вынесенное по результатам рассмотрения жалобы, должно быть законным, обоснованным и мотивированным, основанным на исследованных материалах с проверкой доводов, приведенных заявителем». В пункте 12 того же постановления от 10.02.2009 г. N 1 разъяснено: «При подготовке к рассмотрению жалобы судья истребует по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе материалы, послужившие основанием для решения или действия должностного лица, а также иные данные, необходимые для проверки доводов жалобы».

Тем самым при наличии в материалах дела противоречивых данных суд по собственной инициативе был обязан истребовать дополнительные доказательства и для устранения таких противоречий все доказательства попросту друг с другом сравнить. Но вопреки требованиям ст. ст. 87, 88 УПК РФ, устанавливающих правила проверки и оценки доказательств, и разъяснению, данному в пункте 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. N 1 суд для проверки и оценки не истребовал и непосредственно не исследовал материалы проверки моего заявления в отношении Бастрыкина, которое было переслано из СК РФ в Генпрокуратуру РФ. Что также является грубым нарушением ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, исключаящим возможность вынесения правосудного судебного акта.

Вопрос о наличии в моем заявлении данных, указывающих на признаки преступления, судом вообще не исследовался. И такое исследование в постановлении суда не отражено – там есть только ссылка на документы СК РФ, содержащие явно абсурдные доводы, да еще и противоречащие основам конституционного строя РФ. Неплохо отметить, что в официальных ответах Генпрокуратуры РФ и Следственного комитета также отсутствуют какие-либо мотивы, по которым ими признано, что в конкретных фактах, указанных в моем заявлении, отсутствуют признаки преступления. Я уже подчеркивал, что поскольку в моих заявлениях указаны конкретные факты преступлений Чайки и Бастрыкина, то какие-либо мотивы они привести не могут – стоит им только начать конкретизировать обстоятельства дела по существу, как сразу начнут очень ярко проявляться все их дикие беззакония, в т.ч. и грубейшие нарушения конституционных гарантий.

Судом заведомо явно и грубо нарушены основы конституционного строя, конституционные права граждан и конституционные основы судопроизводства. Да к тому же еще судья Карпов обосновал свое постановление полученными из Следственного комитета РФ документами, ведущими к явному абсурду. Все это в

совокупности неопровержимо доказывает наличие у судьи прямого умысла на вынесение неправосудного постановления, что необходимо для квалификации его действий по ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного судебного акта).

Кроме того, такое «правосудие» вызывает очень серьезные сомнения во вменяемости судьи Карпова, что в силу ст. 196 УПК РФ служит основанием к обязательному назначению судебно-психиатрической экспертизы для определения его психической полноценности. Про сомнения во вменяемости чуть более подробно см. «Комментарий к нам, праву и Западу». Здесь только добавлю, что устранить сомнения во вменяемости чиновников можно, только дав разумное объяснение их действиям. А здесь какое-либо разумное объяснение возможно только в том случае, если официально юридически это государство будет признано сумасшедшим, основанным на полном правовом беспределе против своих граждан. Только в таком государстве подобные деяния его должностных лиц, совершенные ими при исполнении своих служебных обязанностей от имени этого государства, могут считаться нормальными.

Казалось бы, чего проще – истребовать из Генпрокуратуры РФ отфутболенное туда мое заявление в отношении Бастрыкина и проверить, что же я там написал-то. Может, у меня и вправду там было не заявление о преступлении, а заявление о приеме в КПСС. Тут и делу конец – чего тогда огороды-то городить. Но нет, вместо этого вопреки императивным требованиям закона все они, включая судей Мосгорсуда, стали совершать преступления против правосудия способами, вызывающими очень серьезные сомнения в их вменяемости. А потом сделали свое правосудие подпольным – перестали направлять мне судебные извещения и копии процессуальных документов надлежащим образом, т.е. так, чтобы я их мог получить.

А если они 13.07.2012 г. не приняли по моей жалобе никакого решения и положили дело под сукно, чтобы вообще его не рассматривать, то это является фактическим отказом в правосудии, грубо нарушающим мое право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции РФ. Такие деяния судей квалифицируются по ст. 285 ч. 2 УК РФ как злоупотребление должностными полномочиями и караются лишением свободы до 7-и лет, т.е. являются тяжкими должностными преступлениями. Кстати сказать, если 13.07.2012 г. они вынесли постановление, но в установленном порядке мне не направили – т.е. так, чтобы я мог его получить, то это тоже подпадает под признаки ст. 285 ч. 2 УК РФ.

Все нынешние наши проблемы в том, что из-за безволия нашего общества идея демократии для нас является такой же утопией, как идея коммунизма для всего мира, а существующая у нас власть по своей правовой сути все та же – советская. О чем я писал в своих публикациях в журнале «Континент», а сейчас в Интернете. И крах одной утопии еще не означает реальности утопии другой, пусть даже прямо противоположной. По законам логики два взаимоисключающих суждения не могут быть одновременно истинными, но одновременно ложными быть могут. При реализации на практике любой утопии обычно получается результат, прямо противоположный желаемому. В этой утопичности их идей и есть глубинная суть всех конфликтов всех наших бывших и нынешних элит – как между собой и властью, так и с народом.

Основу наших демократов составляют люди, считающие, будто вся суть демократизации заключается в насаждении супердемократических схем. К чему эти схемы ведут в реальности – знать они не желают, и отвечать за это не хотят. Вопрос о конкретной связи их чисто умозрительных схем с нашей реальностью обычно вызывает у них истеричную реакцию. И особую истерию вызывает у них вопрос о конкретной ответственности за их дела. Нет, в очень общем виде отвечать за все они готовы всегда, потому на публике и позы всегда принимали

мессианские, но как только дело доходит до ответственности конкретной, все у них резко меняется. Такую публику у нас еще с начала 90-х годов в народе называют «шизо-демократами» или, попросту, – «дем-шизой».

Демократические общемировые схемы и формы очень хороши, но только если у них есть правовая основа – если они наполнены правовым (и волевым!) содержанием. А без воли и права все они – пустышки. Потому у нас и получилась демократия без прав человека, когда демократия есть, а юридических гарантий прав граждан – нет. Только принцип неотвратимости ответственности делает право правом – не только в лозунгах, призывах и на бумаге, но и на практике в реальности. Он придает юридическую обязательность всем действующим законам, которые без него сразу превращаются только в благие пожелания, не для кого на практике не обязательные. Действие (или бездействие!) принципа неотвратимости ответственности сразу дает однозначный ответ на все вопросы о наличии юридических гарантий тех прав граждан, которые установлены официальными законами государства. И если наше общество настолько безвольно, что не может добиться от власти, чтобы она соблюдала ее собственные законы и законные права граждан, то какая в таком обществе возможна демократия?! Любая демократия для такого общества будет утопией. Какой прорыв в царство свободы может совершить общество, если оно неспособно добиться от власти гарантий даже тех своих прав, которые давным-давно уже установлены официальными законами этой власти.

Отсутствие их правовой основы сразу превращает все общемировые схемы и внешние супердемократические формы и атрибуты в «дем-шизу» – в благовидное прикрытие существующего на практике полного правового беспредела власти, когда эта мерзость выдается за торжество демократии. Но наши шизо-демократы признавать это всеми силами не хотят. У них пропасть между словом и делом громадная, отсюда и присущая им лживость фантастическая даже в сравнении с коммунистическими временами, а по характеру – очень подлая и глупая. Легко догадаться о психологическом типе людей, основывающих на таком фундаменте всю свою деятельность.

Если во всех нормальных государствах с волевыми обществами при наличии демократических общемировых схем их правовая основа подразумевается сама собой, то у нас при нашей безволии само собой подразумевается, что вместо права – полный правовой беспредел властей. Эта разница всегда была одной из основных причин непонимания Западом наших реалий, с использованием чего Кремль всегда обманывал Запад с грандиозным успехом, благо он всегда сам был обманываться рад.

С начала эпохи Путина у нас стали понемногу критиковать бездумное перенесение к нам западных демократических схем – т.е. дем-шизу. Но при этом обычно обходят вниманием правовую основу этих схем, поскольку власть все также держится на том же правовом беспределе, надежно прикрытом все теми же в принципе демократическими схемами – той же в принципе дем-шизой, только в несколько видоизмененных формах. Да еще Путин, придя к власти, сразу начал менять экономическую и общественно-политическую «обслужу» Кремля – олигархов, журналистов и пр., что со стороны ельциноидных демократов сразу вызвало вопли на весь мир о конце у нас демократии, убитой Путиным.

Конкретную связь у нас между их супердемократическими схемами и наличием юридических гарантий прав граждан от беззаконий государства наши демократы объяснить не могли никогда. Еще при Горбачеве наши демократы-перестройщики от конкретных объяснений этого шарахались, как черт от ладана. Поскольку при конкретизации возникает очень конкретный вопрос: какая может быть демократизация в обществе, неспособном заставить власть соблюдать даже

ее давно уже официально действующие законы, гарантирующие права граждан?! Один такой вопрос очень ярко и наглядно демонстрирует всю лживость и утопичность у нас самой идеи демократии. Причем при реализации на практике вышло, что демократия у нас получилась еще подлее и гаже, чем идея коммунизма.

Во всех взаимоотношениях с государством воля общества прежде всего и наиболее ярко проявляется в действии принципа неотвратимости ответственности должностных лиц этого государства за должностные преступления против прав граждан. Особо подчеркну, что речь здесь идет об ответственности чиновников за те деяния, которые считаются преступлениями по официальным законам этого государства – т.е. по их собственным законам. Если общество настолько безвольно, что неспособно защитить своих членов от преступлений начальников, постоянно совершаемых ими с использованием должностных полномочий – т.е. в большинстве случаев практически в открытую – то значит, во всех других отношениях с государством общество может только его о чем-то смиренно просить.

Показательны случаи скандальных высказываний больших начальников: громкий шум в СМИ есть, но реакции государства практически никакой нет – они все также остаются на своих должностях. Хотя в странах с волевым обществом они сразу бы слетели со своих постов, а партиям и правительствам, в которые они входили, такие высказывания начальников долго еще припоминали бы при каждом удобном случае.

В 90-е, пытаясь оправдать свою дем-шизу, наши демократы утверждали, что демократия у нас хорошая, а массовый и постоянный беспредел власти против людей – то это из-за тайных коммунистов во власти. Очень хорошо, если тайные коммунистические начальники явно и постоянно совершают должностные преступления против граждан – так берите их и сажайте за это. Но нет, заикнуться тогда об уголовной ответственности начальников за их беззакония – Боже упаси. Впрочем, в те времена свою дем-шизу чем только они не оправдывали. Так, к середине 90-х даже самым непонятливым гражданам России стало ясно, что представляет собой «молодая российская демократия» и во что вляпались те, кто пошел к ней на службу. Тогда сразу начали придумывать всевозможные оправдания, лишь бы уйти от вопроса о собственном своем отношении к проблеме реального, на практике, наличия юридических гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Доходило и до откровенного сюрреализма – главную первопричину всех наших безобразий иные видели в том, что Ленин до сих пор еще лежит в Мавзолее. О том, как это «демократическое» государство соблюдает свои собственные законы, говорить не любили. А если и говорили, то во главу угла никогда не ставили – иначе вся их демократическая мифология лопалась как мыльный пузырь. Тему наличия юридических гарантий для всех (а не только для «своих»!) наши супердемократы и сейчас затрагивать очень не любят.

Господствующая у нас с августа 91-го демократическая утопия может держаться только на полном правовом беспределе власти против граждан – слишком уж велика пропасть между декларируемыми властью демократическими ценностями и нашими реалиями. И для такого беспредела годятся только органы и войска МВД совместно с прокуратурой, следаками и судами. Отсюда и ненависть у народа к этой власти такая, какой в СССР не было и к власти коммунистической. А чтобы этот беспредел власти не размыл эту власть изнутри, да и еще при такой ненависти народа к власти с ее беспределом, Кремль временами проводит кампании по его ограничению – чтобы эта и так очень нестабильная система власти очень резко совсем не пошла вразнос.

Но у нас все властные кампании необходимо сопряжены с внутриаппаратными разборками чиновников между собой и кадровыми перетасовками – кто-то из начальников пойдет вверх, кто-то провалится вниз или вообще выпадет из номенклатуры. В былые времена партаппаратчики шутили, что самое главное в нашей работе – не попасть под гусеницы очередной партийной кампании, потому что она прет как танк, всех давя на своем пути. Военные с присущим им армейским юмором про это говорили, что в таких ситуациях надо постараться сохранить на плечах если не головы, то хотя бы погоны.

Ярким примером кампанийщины и внутриаппаратных причин борьбы власти с ее собственным беспределом служит история, когда в марте 2012 г. менты в Казани запытали человека до смерти. Громкий скандал тогда разразился только потому, что он был нужен кому-то из высокого начальства в Москве. В «Сумасшедшие записки – 2 – 4» я писал, что с оглаской этой истории далеко не все ясно – вряд ли здесь обошлось без последствий грызни разных внутривластных группировок. Не все мне поверили на слово. Конкретный пример в доказательство.

В программе «Вести» телеканала «Россия-1» (21.03.2012 г., 06:00) рассказывалось о других случаях ментовского беспредела, вскрывшихся после того, как это дело получило широкую огласку, и в Казань прибыли комиссии Генпрокуратуры и Следственного комитета РФ для разбирательства: «Очереди и в управлении Следственного комитета России. Здесь тоже организован прием для потерпевших от рук полицейских. Гузалия Вагизова приехала из Нурлатского района республики – это почти 400 километров от Казани. Четыре года назад ее брата из дома забрал участковый, через сутки изуродованное тело мужчины выдали родственникам. «Тело было в побоях, нам сказали, что умер от сердца, но заведующий моргом отказался делать вскрытие», – рассказала Гузалия Вагизова» (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=747166>).

Т.е. случаи зверских пыток и убийств ментами людей были хорошо известны и раньше, но никто из начальства тогда на них так резво не реагировал, как и все наши про- и анти-кремлевские СМИ и прочие супердемократы-гуманисты. А такую нынешнюю очень резкую реакцию можно объяснить только «отмашкой Кремля». Нет нужды объяснять, что если бы суды у нас хоть как-то вершили свое правосудие без нынешнего судебного беспредела и защищали права граждан, то такой беспредел ментов и прочих был бы невозможен. Как и многочисленные властные кампании по его ограничению – за их ненадобностью.

Я не в восторге от принятого в США «Акта Магницкого», т.к. на массовые и вопиющие случаи полного правового беспредела власти против граждан, в т.ч. и подпадающие под признаки тяжких должностных преступлений, США и другие демократические страны Запада обычно вообще никак не реагируют. Все также продолжают считать это государство демократическим, включая Совет Европы. Но интересны возражения на этот Акт со стороны прокремлевских кругов: как можно обвинять людей (т.е. наших чиновников) без признания их вины судом?! Но суд и приговор – это завершающая стадия судебного процесса. А его начало – возбуждение уголовного дела. И если чиновники у нас в подавляющем большинстве случаев не только не несут никакого наказания за свои преступления, но и уголовные дела по фактам всем известных их преступных деяний обычно даже не возбуждаются, то какой идиот будет ждать, когда у нас «раскачаются» и примут хоть какие-то меры к чиновникам-преступникам.

К слову сказать, в опубликованном в США 12.04.2013 г. Списке Магницкого значится судья Тверского райсуда г. Москвы Сташина Е.В., постановление которой было самым первым судебным актом в этой истории с

моей публикацией в журнале «Континент» N 104. Тогда она оставила без удовлетворения мою жалобу на беззакония Генпрокуратуры РФ, обосновав свое постановление наличием тех беззаконий, которые я и обжаловал – посчитав, что если Генпрокуратура грубо нарушила Конституцию РФ и уголовно-процессуальный закон, то моя жалоба на это рассмотрению в порядке ст. 125 УПК вообще не подлежит (см. «Сумасшедшие записки»). Ее постановление в этой истории было самым первым случаем фальшивого правосудия, когда судьи совершают тяжкие должностные преступления и преступления против правосудия способами, вызывающими очень серьезные сомнения в их вменяемости. Все другие подобные случаи были уже после нее.

Интересно, кто-нибудь из самых горячих приверженцев Списка Магницкого когда-нибудь чисто юридически – в полном соответствии с Конституцией РФ в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом – требовал привлечения судьи Сташиной к уголовной ответственности по фактам тех ее деяний, за которые она и попала в тот Список. Для чего было необходимо обратиться в Следственный комитет РФ с заявлением о преступлении в отношении нее по тем фактам и требовать рассмотрения этого заявления по существу в установленном порядке с принятием по нему законного решения.

Шумиха из-за Димы Яковлева была устроена Кремлем по любым причинам, только не по правовым. Он погиб в США в 2008 году, а шумиха вокруг его гибели и проверка законности передачи его на усыновление была устроена только в декабре 2012 г. по чисто конъюнктурным внешнеполитическим причинам. Кремлю было необходимо хоть как-то отреагировать на принятый в США «Акт Магницкого» с его ярко выраженным антипутинским характером. И власти сразу начали разбираться с законностью передачи на усыновление, о чем 28.12.2012 г. был сюжет в программе «Вести» телеканала «Россия-1» (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=996263&tid=101374>) – почему не раньше?! Это еще один яркий пример, когда наше государство начало реагировать на собственные беззакония не по правовым причинам, не в силу принципа законности, который должен лежать в основе основ всей деятельности любого нормального, пусть даже не очень демократического государства, а только из-за «отмашки Кремля».

Российские чиновники в грубое нарушение российских законов отдали Диму Яковлева на усыновление в США, где он погиб. И после этого наши власти приняли антиамериканский закон имени Димы Яковлева. Если Госдума, Совфед и президент Путин надумали устроить пародию на свое незаконное государство, то это им полностью удалось, только пародия получилась не очень веселой.

Еще один трагикомичный момент в этой истории. Между РФ и США заключен договор, по которому российские представители наделялись правом контролировать положение детей, усыновленных в США из России. Но вскоре выяснилось, что допуск к такому контролю находится в компетенции штатов и устанавливается только их законами, а федеральный центр в Вашингтоне, с которым РФ заключила договор, вмешиваться в такую компетенцию штатов вообще не вправе. При принятии закона Димы Яковлева кремлевская пропаганда предъявляла к США претензии: зачем они заключали такой договор, если по их законам это компетенция штатов?!

Претензии, в общем-то, правильные. Но законы страны пребывания дипломаты знать обязаны, и потому здесь более уместен другой вопрос: почему Кремль в лице МИД РФ пошел на заключение такого «туфтового» договора?! Который никаких прав России фактически не дает и является тем, что юристы еще с древних времен именовали *factio iuris* – юридической фикцией (лат.). Если у

самых в Кремле и МИДе – полный бардак, то пенять надо прежде всего на самих себя.

Впрочем, здесь все легко может быть объяснено горячим стремлением Кремля постоянно добиваться того, чтобы возглавляемое им сумасшедшее государство все в мире считали если не демократическим, то хотя бы нормальным – с которым всем другим нормальным государствам можно иметь дело, что прежде всего выражается в заключении с ним международных договоров. Кремлевские начальники, власть которых может держаться только на полном правовом беспределе против своего безвольного общества, прекрасно понимают, что за государство они возглавляют. И чтобы руководить таким государством, у его лидеров должна быть особая психология, назвать которую нормальной можно только с очень большой натяжкой. Начальники в Кремле (и все подчиненные им начальники) как минимум на подсознательном уровне все это понимают. В психологических науках термином «профессиональная деформация» называют негативное изменение психологии личности в результате профессиональной деятельности. Есть старая армейская шутка: дай человеку лычки на погоны, а сволочью он и сам станет! Юмор может и казарменный, но что такое у нас профессиональная деформация, он иллюстрирует очень хорошо.

Поэтому с уверенностью можно утверждать, что в Кремле – разруха. И хотя канализация в кремлевских сортирах вряд ли протекает, но, как говаривал профессор Преображенский Филипп Филиппыч, разруха – в головах, а не в клозетах. Кремлевские начальники интуитивно понимают свою психологическую ущербность по сравнению с лидерами нормальных государств, власть в которых основана на официальных законах, а не на их нарушении – как у нас. И чтобы компенсировать свои комплексы в связи с «разрухой в головах», им крайне необходимо, чтобы западные демократические государства заключали с ними международные договоры – как с нормальными – в любых сферах международных отношений и по любым вопросам. Они стараются «пристроиться» к нормальным государствам, встать к ним в ряд в любых делах – от борьбы с международным терроризмом до общих гуманитарных проблем.

То же самое в принципе было и в СССР в застойные времена. Известно, что после подписания Хельсинских соглашений 1975 года Брежнев сказал, что теперь можно и умирать спокойно. Действительно, эти соглашения официально юридически узаконили советскую оккупацию Восточной Европы взамен на советские обязательства в области прав человека. Тем самым Запад признал Советский Союз уважаемым государством и надежным партнером, в т.ч. и в деле защиты прав человека (!), что открывало широкие возможности для наращивания советской экспансии в Европе Западной, да и во всем мире. При этом выполнять свои обязательства в области прав человека Кремль изначально не собирался и не выполнял. А лидеры западных государств все это проглотили и на аресты диссидентов в СССР особо не реагировали, ограничиваясь лишь выражением «беспокойства» да «озабоченности», несмотря на довольно сильный резонанс в западных СМИ.

И вполне понятна реакция Кремля на «Акт Магницкого». Конечно, любому государству мало приятно, когда из-за беззаконий его должностных лиц высший законодательный орган другого государства принимает закон, на основании которого составляется и для всеобщего сведения официально публикуется список таких его лиц. Но для кремлевского начальства с их «разрухой» такая акция США – очень болезненный удар по их самолюбию и претензиям на «нормальность». И хотя у нас даже оппозиционные СМИ про Список Магницкого скептически говорили, что весь пар ушел в свисток: в Списке только небольшие начальники – а шуму было сколько!!! Но в Кремле явно так не

считают, потому его резко негативная реакция на эти Акт и Список чисто психологически вполне объяснима.

Особую роль играют взаимоотношения Кремля с Советом Европы. Я уже неоднократно подчеркивал, что членство в Совете Европы – это как выданная государству справка с печатью, официально юридически подтверждающая, что данное государство является демократическим в полном объеме, то есть полностью соответствует общепринятым основным европейским и мировым стандартам правового демократического государства. Приняв это государство в свои полноправные члены, Совет Европы признал его не только нормальным, но и полностью демократическим – т.е. полностью соответствующим всем основным критериям правового демократического государства.

Другие государства и международные организации, признающие Россию страной демократической, в том числе и Совет Европы, не очень интересуют вопрос о неотвратимости уголовной ответственности чиновников даже за тяжкие должностные преступления – не интересно им, есть ли в России юридические гарантии прав человека или нет. Наша демократическая пресса тоже обычно эту тему лихо обходит стороной. Даже вопрос такой: почему нет ответственности? – почти никогда не ставится. Иначе от всей нашей демократической мифологии не останется камня на камне.

Но статья 3 Устава Совета Европы устанавливает: «Каждый Член Совета Европы должен признавать принцип верховенства Права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами, и искренне и активно сотрудничать во имя достижения цели Совета, определенной в главе I» (<https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680935bd3>). Целью Совета Европы, определенной в главе I, является достижение большего единства между его Членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, в т.ч. и принципа верховенства Права «путем поддержания и дальнейшего осуществления прав человека и основных свобод». Как у нас полный правовой беспредел государства против своих граждан совмещается с уставным «принципом верховенства Права» другим государствам – членам СЕ не очень интересно.

Хотя согласно ст. 8 Устава СЕ право на представительство любого Члена Совета Европы, грубо нарушающего положения статьи 3, может быть приостановлено, и Комитет министров может предложить ему выйти из состава Совета на определенных условиях. Если такой Член Совета Европы не выполняет это предложение, то Комитет министров может принять решение о том, что Член, о котором идет речь, перестает состоять в Совете с даты, которую определяет сам Комитет. Проще говоря, СЕ в полном соответствии со своим Уставом может выгнать из своих членов любое государство, если оно грубо нарушает «принцип верховенства Права». И для этого вовсе не обязательны решения Европейского Суда по правам человека. Необходимо только наличие конкретных и достоверных фактов, подтверждающих грубое нарушение государством принципа верховенства Права.

Но на это предпочитают не обращать особого внимания, все усиленно делают вид, будто всего этого не замечают. Просто Совет Европы, раз признав это государство демократическим, вляпался в большое дерьмо и теперь изо всех сил прикидывается, что ничего особого не произошло. Я уже писал («Мы, право и Запад»), что после вступления России в Совет Европы у нас появилась шутка: приняли людоеда в приличную компанию и теперь не знают, что с ним делать – и терпеть его дальше нет никакой возможности, и выгнать боятся – как бы он со

злости кого из них не слопал. Действительно, шутка очень злободневная, тем более что дубинка у того людоеда – не бамбуковая, а ракетно-ядерная.

Поскольку решения судов обладают высшей юридической силой, то во всем мире судебная защита всегда считалась высшей формой защиты прав и свобод. Кроме того, право на правосудие служит процессуальной гарантией всех других прав, которые в случае их нарушения подлежат защите в судебном порядке. Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует право на справедливое судебное разбирательство. В моем случае это государство творит подпольное правосудие. Интересно, сочтут ли такое подпольное правосудие справедливым другие государства – члены Совета Европы? А если да, то понимание справедливости у Совета Европы очень оригинально. Если кому интересно, по возможности могут поинтересоваться непосредственно у них.

31.08.2012 г. в Лондоне суд отказал Березовскому в иске к Абрамовичу на громадную сумму. При этом суд обосновал свое решение тем, что Березовский – человек, не заслуживающий доверия, и его словам верить нельзя. Т.е., попросту говоря, он – лжец. Хотя, судя по всему, раньше английские суды ему очень благоволили. Наши СМИ прямо говорили, что фактически это был суд над российским бизнесом 90-х годов, когда Ельцин со своей Семьей «крышевали» хапанье, при котором «своим» бизнесменам (олигархам) доставались самые лакомые куски бывшей госсобственности. Слава Богу, даже английские суды понемногу начали понимать, что такое флагманы нашей «свободной рыночной экономики» 90-х годов.

Понимать понемногу начали, но до хотя бы сколько-нибудь адекватного понимания Западом всей нашей экономической системы (и всего остального) им еще далеко. На Западе думают, что если наши олигархи в самом начале все нужное им «прихватизировали», то потом они в нашей рыночной экономике будут играть по нормальным правилам свободного рынка вместе со всеми другими. Но нет. Такая «экономика» могла получиться только при полном правовом беспределе власти против граждан. Когда нет юридических гарантий вообще каких-либо прав, в т.ч. права собственности, права на свободную предпринимательскую деятельность и всех других экономических прав. В 90-е этот беспредел в экономике наши супердемократы выдавали за торжество демократии и свободного рынка. О чем я тогда писал в журнале «Континент».

При полном правовом беспределе чиновников никакая действительно рыночная экономика невозможна, как и демократия с правами человека. Свободный рынок в таких условиях тоже невозможен. Экономика будет регулироваться не правилами свободного рынка, а незаконным произволом начальников. При таком государственном порядке свободный рынок возможен только в пределах, разрешенных властью. Причем пределы эти могут постоянно меняться в зависимости от выгоды отдельных чиновников или их групп.

На последней неделе февраля 2013 г. Путин устроил чиновникам сопровождавшийся оргвыводами разнос из-за бешеного роста тарифов ЖКХ (см., напрмер, ТВЦ, «В центре событий с Анной Прохоровой» от 03.03.2013: https://www.tvc.ru/channel/brand/id/18/show/episodes/episode_id/876). В некоторых регионах очень большие начальники лишились своих постов. Но немалую часть в тех резко выросших тарифах составляет оплата услуг многочисленных посреднических фирм. Сами эти фирмы никаких услуг не оказывают и имеют чисто паразитический характер – они нужны только чиновникам и только для того, чтобы финансовые потоки, в т.ч. и идущие от граждан в счет оплаты услуг ЖКХ, «распиливать» и «откатывать». Ни в какой рыночной экономике такие фирмы-паразиты существовать не могут. В условиях свободной конкуренции они

сразу были бы вытеснены с рынка – прекратили бы свое существование по одним только чисто экономическим причинам. У нас они процветают по причинам чисто властным – политическим, административным и пр., как их ни называй.

Еще в позднеперестроечные времена наши заядлые демократы-перестройщики с победным видом утверждали, что советский режим с его тоталитарными беззакониями уже кончился. А все возрастающие беззакония современных им чиновников против граждан, несравнимые даже с застойными временами, то это из-за того, что госчиновники до сих пор управляют экономикой. Как в одном только управлении экономикой может быть причина полной безнаказанности правоохранительных начальников за всем известные и вопиющие должностные преступления – в государстве, полным ходом идущим к демократии, объяснить разумно они до сих пор не могут. О резко проявившемся в перестроечных СМИ дисбалансе между словами и реальными достижениями демократов-перестройщиков я писал еще в те времена (см. «О методах анализа», часть 1).

В России всегда было две беды – дураки и дороги. Правда в 90-е генерал Лебедь сделал поправку, что вместо двух сейчас у нас осталась только одна беда – дураки, которым дали дорогу. Но как бы там ни было, по официальным данным из-за плохих дорог мы ежегодно теряем по 6 % ВВП. Придя к власти в Германии в период жесточайшего кризиса, Гитлер ликвидировал безработицу, создав многочисленные рабочие места при массовом строительстве автобанов. Для чего ему были необходимы большие кредиты, которые ему кто-то дал. А в этом государстве такой господствующий порядок, что при бешеных доходах от экспорта нефти, когда до кризиса 2008 г. не знали, куда деньги девать, не могли даже дороги себе построить.

Интересно отследить и проанализировать пути выхода из нашего дерьма, предлагаемые нынешней демократической оппозицией. Но никаких таких путей у нее нет. В наших СМИ уже не раз отмечалось, что у оппозиции нет никакой позитивной программы. Но никакой позитивной программы у них и быть не может. За ними никого и ничего нет – кроме «дем-шизы», когда под прикрытием чисто внешних супердемократических форм в реальности существует полный беспредел власти против народа, пик чего у нас приходился на IX торжество демократии в 90-х годах.

Из-за прикрытия властного беспредела их дем-шизовыми формами к нашим демократам народ испытывает особую ненависть – как внешнему раздражителю от власти, основанной на том же беспределе, что и в ельцинские времена. Когда наши демократы тыкали своей дем-шизой народу в нос, пытались ему внушить, что такое издевательство власти над народом, это и есть подлинное народовластие и настоящая демократия, основанная на осуществлении его – народа! – воли.

В застойные времена диссиденты, много и достойно за свою деятельность сидевшие, говорили о накопившихся в народе мегатоннах ненависти к советской власти из-за ее беззаконий. После августа 91-го большинство этих диссидентов уверились в крахе советского режима и признали новую власть демократической и законной. На резкий рост правового беспредела власти против народа при такой «победе демократии» они предпочитали не обращать особого внимания. Хотя даже отдельные ставшие известными факты беспредела начальства при полной их безнаказанности исключают саму возможность у нас любой демократии.

При бездействии принципа неотвратимости ответственности, который один только и дает юридические гарантии прав граждан от беззаконий государства – не на бумаге, а на практике – никакой демократии с правами человека у нас быть не может. Может быть только демократия без прав человека –

т.е. без их юридических гарантий – как у нас сейчас после полной и окончательной победы демократии в 90-е годы.

Про накопившиеся в обществе мегатонны ненависти после августа 91-го тоже сразу забыли, как будто их вообще никогда не было. Но куда же эта ненависть народа к незаконной власти девалась? Или она сама собой рассосалась от того, что режим сменил свою идеологическую вывеску с коммунистической на демократическую, под прикрытием которой коммунистическое беззаконие превратилось в полный и всеобщий беспредел демократической власти против народа?! Пик чего приходился на 90-е годы – во времена расцвета той самой демократии, которую по утверждениям наших супердемократов Путин потом убил.

Все их нынешние отговорки, что демократия 90-х была неправильной, глупы. Прежде всего, зачем тогда с таким остервенением обвинять Путина в убийстве той неправильной демократии? За такое и спасибо сказать ему не грех. И самое главное, при реализации на практике демократической утопии никакая иная демократия у нас невозможна, как был невозможен никакой другой социализм, кроме того, какой был. Были и есть только разные вариации одного и того же советского по своей сути режима, никак не затрагивающие его незаконную суть.

У нас вся система государственной власти основана на полном правовом беспределе начальников всех уровней против граждан, но нынешняя наша оппозиция против этого беспредела не протестует, пока он лично их не касается. Тем самым они выступают не против всей этой системы власти с ее беззакониями, а за то, чтобы быть в этой незаконной власти начальниками. И поскольку власть всеми силами свою основу скрывает, то такая оппозиция ей крайне необходима для прикрытия своей незаконной сущности. Не будет этой оппозиции, сразу очень ярко проявится пропасть между властью, основанной на беспределе, и народом, от такого беспредела постоянно страдающим. А то еще проявится другая оппозиция, выступающая против всей системы власти с ее беспределом.

Никаких путей они не предлагают, кроме одного: «Путин должен уйти!», – под обращением с таким девизом наша демократическая оппозиция несколько лет назад начала собирать подписи внутри страны и во всем мире (<http://www.putinavotstavku.org/>). Неплохо отметить, что в самый пик полнейшего правового беспредела властей против народа в 90-е никто из них против власти с таким остервенением не протестовал и не призывал, к примеру, Ельцина уйти. Наоборот, после расстрела всенародно избранного парламента в октябре 93-го некоторые наши живущие на Западе диссиденты говорили, что Ельцину нет альтернативы. Что у демократов ему нет альтернативы, то это перед смертельной угрозой демократии со стороны коммунистов – будто они вот-вот ринутся на штурм демократического Кремля. Живущие здесь бывшие диссиденты-политзеки заявляли, что хотя Ельцин им и не очень нравится, но они готовы кровь свою за него проливать, защищая демократию от коммунистической угрозы. При Путине, в середине «нулевых», некоторые демократы научно доказывали, что спасти демократию в России можно только в тесном и неразрывном союзе с коммунистами.

Когда-то в журнале «Континент» N 93 (июль – сентябрь 1997 г.) автор этих строк написал, что с виду смертельно непримиримое противостояние между демократами и коммунистами на самом деле малосущественно и уж во всяком случае не имеет отношения к главному в нашем обществе жесткому и жестокому противостоянию между «демократической» властью и народом, постоянно страдающим от беззаконий этой власти. За что получил нападки и от демократов, и от коммунистов, а также очередную порцию нехороших сплетен со стороны

некоторых бывших диссидентов. Некоторые из них вспомнили свою же ими самими давно выдуманную сплетню о том, будто я по ночам у чужих жен под одеялом без трусов водку пью.

Претензии к нашей демократической оппозиции, что у нее нет никакой позитивной программы – это еще не самое для нее плохое. Кроме позитивной, у нее нет даже никакой вразумительной негативной программы – т.е. они не могут (да и не особо собираются) противостоять этой власти, основанной на правовом беспределе против граждан. Реальное (а не показушное!) и действенное противостояние незаконной власти, преступной даже по ее собственным законам, возможно только при требовании неотвратимости ответственности конкретных должностных лиц за конкретные должностные преступления – невзирая на лица. Но такие требования оппозиции, грубо противоречащие властным правилам игры, власть никогда не допустит, поскольку они выбивают из-под власти всю ее незаконную основу.

Играя по незаконным правилам этой власти, ее незаконную сущность не изменить – наоборот, она изменит вас. Полный правовой беспредел властей против народа наших демократов как бы вообще не касается. Точнее, очень даже касается, но только в прямо противоположном смысле. Поскольку без такого беспредела властей над народом никакая реальная демократия у нас невозможна, то демократы кровно заинтересованы наличие полного беспредела обходить полным молчанием. А когда это не удается, валят всю вину за него на кого угодно и на что угодно – на болезнь роста «молодой российской демократии», на происки ГБ и т.д. и т.п. У наших демократов лихо получается: беспредел против людей, на котором только эта «дерьмократия» и может держаться, творит МВД, а всю вину за это демократы валят на ГБ. Но такой «перевод стрелок» есть прикрытие ментовского беспредела, что нормальному человеку делать крайне неприлично. Особенно это неприлично для бывших диссидентов-политзеков, знающих о таком беспределе не только понаслышке через десятые руки.

Очень ярко все это проявилось во время двух чеченских войн. Дело в том, что основная часть всех случаев произвола против мирного населения Чечни, за которые на Западе к России тогда предъявляли серьезные претензии, творились не армией и не ФСБ, а руками органов и войск МВД РФ. Повальная коррумпированность, мародерство, зверства над чеченцами ради чисто меркантильных причин, а также характерная для МВД «боеспособность» были основными причинами нескрываемой, мягко говоря, неприязни к эмвэдэшникам со стороны других силовиков. Тогда вояки «под шумок» нередко позволяли себе и пострелять ментов – на войну можно списать многое. Когда из-за неразберихи на войне или в силу любых других причин контроль власти серьезно ослабевает, то у нас с плохих людей всегда стремятся спросить очень конкретно и по полной программе. Полнейший беспредел в Чечне творили менты, а все претензии за это наши демократы валили и валят на армию. При этом бывшие диссиденты-политзеки с большим лагерным опытом усиленно делают вид, будто они уже не могут отличить «ментов» от «кадетов».

Показательно, что про армейских полковника Буданова и капитана Ульмана знает весь мир, а про ментов, постоянно творивших в Чечне беспредел, почти никто не знает. И это при том, что у Буданова и Ульмана были отдельные трагические эксцессы, которые произошли в силу сложившихся в каждом из этих случаев конкретных и очень сложных обстоятельств. А беспредел ментов – всеобщий, постоянный и целенаправленный, что возможно только при полной их уверенности в своей безнаказанности, а это в свою очередь возможно только при согласии, пусть даже и молчаливом, на такое высшего государственного руководства в Москве. Кстати, во время первой чеченской – когда там был самый

пик беспредела – никакого Путина в Кремле не было, а был Ельцин со своей супердемократией, которую по утверждениям наших демократов Путин убил.

Вообще-то интересно сравнить это мое дело с некоторыми громкими судебными процессами, получившими большой общественный резонанс. По сообщениям СМИ там были и адвокаты супер-экстракласса, масса журналистов, но... Но суд публично, никого не стесняясь, тыкал им в нос явно неправосудные решения, заведомо зная, что кроме воплей (очень умеренных) о нарушениях прав человека ничего серьезного с их стороны не последует. Повозмущаются немного – и все. И это при том, что там ни у кого и в мыслях не было добиваться от суда уголовного преследования главного следака России Бастрыкина А.И.

Со мной суды делают все в глубокой тайне от меня, вероятно понимая, что здесь все их незаконные фокусы чреватые всякими нехорошими последствиями. Мне, конечно, все это очень льстит (хотя такое их подпольное хамство уже начинает надоедать). И это вовсе не из-за того, будто я какой-то там великий и ужасный. Все дело в установленных властью реальных (а не показушных!) правилах игры в государстве и обществе. А поскольку власть у нас основана на полном правовом беспределе против граждан и Большой Лжи, выдающей этот беспредел за демократию, то и властные правила игры полностью соответствуют такой ее основе, о чем я уже писал под заголовком «О методах анализа» (часть 2).

По правилам у нас играют и судьи, и прокуроры, и адвокаты, и журналисты, и вся прочая властная и околослужбная публика – в отличие от тех, кто все эти правила не признает. И за нарушение этих правил – если они слишком рьяно законными способами будут защищать законные права своих доверителей – все супер-адвокаты могут запросто лишиться статуса адвоката под любым подходящим для власти официальным предлогом (это кроме всего прочего возможного). У нас был бы адвокат, а официальный предлог всегда найдется.

Разница между официальными законами этой власти и ее реальными правилами игры в принципе такая же, какая была между Конституцией СССР и самодельным плакатиком: «Уважайте вашу Конституцию!». С этого плакатика в СССР в середине 60-х годов началось движение диссидентов, когда несколько человек явочным порядком – т.е. невзирая на запрет власти – открыто потребовали от сверхмощной советской ракетно-ядерной державы, державшей в страхе весь мир, чтобы она соблюдала свои собственные законы, гарантирующие права граждан.

По старой диссидентской традиции я потребовал от власти, чтобы она соблюдала ее собственные законы, которые она во множестве наприносила для обмана мирового общественного мнения. Это для того, чтобы еще раз наглядно продемонстрировать незаконную суть всей этой системы власти. Сделать это не очень трудно – было бы желание, нужна только воля, ну и некоторая квалификация в чисто юридических вопросах.

Конечно, это дело у меня слишком уж затянулось, но не по зависящим от меня причинам, а только из-за полного правового беспредела власти. Я думаю, что продолжать его стоит – вскрывая как все новые виды незаконий наших правоохранителей, так и методы борьбы с ними. Потому над этим сумасшедшим государством еще поэкспериментирую. Может, кому мой опыт пригодится в практических делах.

Никаких процессуальных документов по моей жалобе в Басманный райсуд г. Москвы на беззакония Следственного комитета РФ при решении вопроса об уголовном преследовании его главы Бастрыкина А.И. мне до сих пор так и не поступило – они все дальше продолжают заниматься своим подпольным правосудием. Мне тоже особо спешить некуда – хотя сроки давности привлечения чиновников-правоохранителей за некоторые преступления истекают, но они вынуждены совершать в этой истории новые преступления, за которые начинают течь новые сроки давности.

Поэтому я особо и не спешил – раз суды творят такое, то это их проблема, подпадающая под признаки ст. 285 ч. 2 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями лицами, занимающими государственную должность РФ (тяжкое должностное преступление, срок давности – 10 лет). Обивать пороги судов, чтобы взять там копию постановления, которую они мне обязаны направить в установленном порядке, я не собираюсь. Но сейчас решил продолжить – надо все-таки ткнуть их в то, что они здесь наделали.

О грубых беззакониях Мосгорсуда при рассмотрении моей кассационной жалобы я уже писал (см. «Сумасшедшие записки – 2 – 6»). Согласованные действия судей Московского городского и Басманного районных судов направлены на достижение одной цели: чтобы я не смог нормально – т.е. в установленном порядке без всяких препятствий получить копии постановлений суда первой инстанций и обжаловать их. Что неопровержимо доказывает наличие у судей обоих судов прямого умысла на нарушение законов. К тому же все это доказывает и наличие у судей личных мотивов, идущих вразрез с официально провозглашенными интересами их службы, которые требуют от них строгого соблюдения законности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ

Копия: Квалификационная коллегия судей г. Москвы

от Годлевского Александра Александровича,
142400, Моск. обл., г. Ногинск...

З А Я В Л Е Н И Е

Кассационным определением Московского городского суда от 04.06.2012 г. по моей кассационной жалобе отменено постановление судьи Басманного районного суда г. Москвы Карпова от 10.02.2012 г., которым мне отказано в жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ на грубые нарушения уголовно-процессуального закона Следственным комитетом РФ при решении вопроса об уголовном преследовании его Председателя Бастрыкина А.И.

В том заседании Мосгорсуда я не присутствовал, т.к. в нарушение закона после направления в суд кассационной жалобы никаких сообщений о каких-либо процессуальных действиях по этой жалобе я не получал, как и копию кассационного определения. Только 04.07.2012 г. из Басманного райсуда я получил повестку в суд на 13.07.2012 г.

Поскольку присутствие заявителя в судебном заседании дела в порядке ст. 125 УПК РФ не обязательно, то в судебном заседании 13.07.2012 г. я не присутствовал. В этом случае Басманный райсуд был обязан рассмотреть мою

жалобу по существу и в соответствии со ст. 125 ч. 6 УПК РФ в установленном порядке направить мне копию судебного постановления.

На момент рассмотрения моей жалобы п. 2.13 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде устанавливал, что судебные повестки и копии судебных актов направляются судом в соответствии с требованиями приказа ФГУП «Почта России» от 31.08.2005 N 343 «О введении в действие «Особых условий приема, вручения, хранения и возврата почтовых отправлений разряда «Судебное». В настоящее время действует приказ ФГУП «Почта России» от 05.12.2014 г. N 423-п «Об утверждении «Особых условий приема, вручения, хранения и возврата почтовых отправлений разряда «Судебное», устанавливающий аналогичные правила.

До сих пор в грубое нарушение требований ст. 125 ч. 6 УПК РФ копия постановления Басманного райсуда от 13.07.2012 г. в установленном порядке мне не направлена и не вручена, в результате чего я лишен возможности обжаловать это постановление, что причинило существенный вред моим правам, гарантированным ст. 46 Конституции РФ.

Обращаю внимание, что кассационным определением от 04.06.2012 г. Мосгорсуд признал ненадлежащим извещением направление мне судебной повестки, которая по истечении срока хранения на почте была возвращена в райсуд, когда о нахождении повестки на почте мне не было известно – т.е. когда повестка была мне направлена так, чтобы я не смог ее получить. Направление повесток о судебном заседании и направление копий судебных актов являются однородными юридическими действиями, для которых законодательством установлен единый порядок.

Кроме того, Мосгорсуд отменил постановление Басманного райсуда от 10.02.2012 г. из-за того, что я не был надлежаще извещен о его судебном заседании первой инстанции, в то время как я также не был надлежаще извещен о заседании кассационной инстанции Мосгорсуда, и в материалах дела данные о таком надлежащем извещении отсутствуют.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 постановления от 23.12.2008 г. N 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» разъяснял, что о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции стороны должны быть извещены не позднее 14 суток до дня судебного заседания. Поскольку о судебном заседании кассационной инстанции Мосгорсуда я не был извещен вообще, то в этом случае Мосгорсуд был обязан перенести заседание на другой день с надлежащим уведомлением меня об этом. В кассационном определении Мосгорсуда от 04.06.2012 г. отсутствуют данные о моем извещении и о моем отсутствии в заседании Мосгорсуда. Тем самым при рассмотрении моей кассационной жалобы Мосгорсуд допустил те же самые грубые нарушения процессуальных норм, из-за которых отменил постановление Басманного райсуда от 10.02.2012 г.

Указанные заведомо явные и грубые нарушения уголовно-процессуального закона и ст. 123 ч. 3 Конституции РФ, устанавливающей осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, при рассмотрении моей кассационной жалобы свидетельствуют о наличии в действиях судей Мосгорсуда прямого умысла на вынесение заведомо неправосудного определения от 04.06.2012 г. и квалифицируются по ст. 305 УК РФ. Кроме того, такие нарушения вызывают серьезные сомнения во вменяемости судей Мосгорсуда.

Копия постановления от 10.02.2012 г. была мне направлена Басманным райсудом только 21.02.2012 г. – на следующий день после истечения срока

кассационного обжалования. При рассмотрении моей кассационной жалобы на это постановление судьи Мосгорсуда допустили явные и грубые нарушения уголовно-процессуального закона и конституционных основ судопроизводства, совершенные способами, вызывающими серьезные сомнения в их вменяемости. Все это свидетельствует о наличии в деяниях судей Мосгорсуда и Басманного райсуда прямого умысла на то, чтобы судебные повестки и копии судебных актов мне направлялись так, чтобы я их не смог получить – т.е. чтобы в установленном законом порядке я не смог обжаловать постановление суда первой инстанции.

Судьи Басманного райсуда знали требования уголовно-процессуального закона о направлении мне копии постановления от 13.07.2012 г. и интересы службы, требующие от них строгого соблюдения закона, но грубо их нарушили, что свидетельствует о наличии в их деяниях прямого умысла с личными мотивами, направленными против интересов службы.

Согласно ст. 35 ФКЗ «О судах общей юрисдикции» председатели районных судов организуют работу суда и осуществляют общее руководство деятельностью аппарата суда и тем самым несут за это ответственность.

Указанные деяния судей Басманного районного суда г. Москвы содержат признаки, образующие состав преступления, предусмотренный ст. 285 ч. 2 УК РФ.

На основании изложенного, в соответствии со ст. ст. 146, 448 УПК РФ

ПРОШУ:

принять меры к возбуждению уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении судей Басманного райсуда г. Москвы по факту грубого нарушения закона при направлении мне копии постановления суда от 13.07.2012 г.

Содержание ст. 306 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за заведомо ложный донос, мне известно.

29 сентября 2016 г.
ГОДЛЕВСКИЙ А.А.

Это заявление поступило по почте в Следственный комитет РФ 04.10.2016 г. Будем ждать ответа или его отсутствия, что тоже – результат. Поскольку оставление таких обращений без законного реагирования грубо нарушает конституционно гарантированное право граждан на защиту от преступных посягательств должностных лиц государства.

Копия в Квалификационную коллегию судей г. Москвы (поступила туда 06.10.2016 г.) была мною направлена для порядка – чтобы там тоже знали о своих судьях. Ст. 3 Закона РФ «О статусе судей РФ» устанавливает, что судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Хотя на свои должности судьи назначаются указами президента РФ, но отбор кандидатов на эту должность осуществляют квалификационные коллегии. Они же следят за тем, чтобы судьи не умаляли свой авторитет и все прочее. Пусть в этой коллегии посмотрят и официально мне объяснят (в письменном виде!), как такое «подпольное правосудие» этих судей, подпадающее под признаки тяжких должностных преступлений, сопрягается с их авторитетом судебной власти и всей прочей официально провозглашенной чепухой.

Квалификационные коллегии судей не вправе рассматривать только жалобы на вынесенные судьями решения, даже если они заведомо фальшивые, – это компетенция вышестоящих судов. А обращения граждан по поводу их поведения при других процессуальных действиях рассмотреть обязаны и дать мне ответ в письменном виде.

За все прошедшее время многое произошло. В мае 2015 г. был заблокирован мой почтовый ящик на Mail.RU якобы из-за того, что его кто-то взломал. Ума не приложу, какому идиоту понадобилось это делать, если в течении последнего очень длительного времени своей почтой на Mail.Ru я практически не пользовался. Заходил изредка туда только для того, чтобы активировать свой аккаунт, очистить от спама и посмотреть, не прислали ли мне что-то интересное.

Впрочем, если как следует приложить ум, то, скорее всего, это – дело рук ГБ (ФСБ). Я, слава Богу, – не Пентагон и не крупный коммерческий банк, и потому мой почтовый ящик ни для кого интереса не представляет – кроме ГБ. Как говорили древние, *qui prodest* – ищи кому выгодно (лат.). Если кто-то усиленно добивается того, о возможности чего я писал ранее («Мы, право и Запад» и «Сумасшедшие записки – 2 – 5») – об обжаловании действий ГБ в суд в связи с моей «вялотекушкой», то лично я не против, но всему свое время.

После этого по поводу такого обжалования у некоторых возникли вопросы, что связь между моими Интернет-ресурсами и ФСБ прямо не очень доказана. Но если я обращаюсь с жалобой в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, то основанием моей жалобы будет тот факт, что я до сих пор официально числюсь в дурдоме на учете с диагнозом «вялотекущая шизофрения с параноидным синдромом». А факт этот подтвержден постановлением Мещанского райсуда г. Москвы от 16.10.2001 г. (см. «Мы, право и Запад»), имеющим высшую юридическую силу и всеобщую обязательность для всех госорганов и должностных лиц, в т.ч. и для всех судей и судов. И игнорировать это постановление уже никто не сможет при всем желании.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 10.02.2009 г. N 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» разъяснил: «В силу части 4 статьи 7 УПК РФ постановление судьи, вынесенное по результатам рассмотрения жалобы, должно быть законным, обоснованным и мотивированным, основанным на исследованных материалах с проверкой доводов, приведенных заявителем». Тем самым при рассмотрении моей жалобы суд будет обязан проанализировать все мои доводы, дать им оценку и привести в постановлении мотивы, по которым эти доводы отвергнуты, в т.ч. и как не имеющие значения для дела.

Как я уже писал («Сумасшедшие записки – 2 – 5»), ст. 10 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.92 г. устанавливает: «Диагноз психического расстройства ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами и не может основываться только на несогласии гражданина с принятыми в обществе моральными, культурными, политическими или религиозными ценностями либо на иных причинах, непосредственно не связанных с состоянием его психического здоровья». И вялотекущую шизофрению в общепризнанные международные стандарты никак не втиснуть. В настоящее время действует Международная классификация болезней десятого пересмотра (МКБ-10), принятая 43-й Всемирной Ассамблеей Здравоохранения (<https://mkb-10.com/>), в которой никакой вялотекущей шизофрении нет, и никогда не было.

Если человека поставили на учет в дурдоме (и тем самым серьезно ограничили его права!) с любым диагнозом, которого нет в МКБ-10, то это будет грубым нарушением ст. 10 Закона РФ от 02.07.92 г. и конституционных гарантий

прав граждан. А уж про «вялотекучку» и говорить нечего. За этим одиозным диагнозом тянется очень нехороший шлейф преступлений, очень хорошо известный во всем мире.

Даже в СССР многие видные психиатры признавали вялотекущую шизофрению только по приказу большого партийного начальства, считая такой диагноз шарлатанским. А во всем мире такой диагноз признавали только те психиатры, которые были большими советскими друзьями (платными или бесплатными). И которые после развала СССР от таких своих былых признаний отреклись, сваливая всю вину на советских деятелей, которые их нагло обманули. Тогда из-за использования карательной психиатрии (основу которой составляла «вялотекучка») у Кремля были очень серьезные проблемы на международной арене, в т.ч. даже с некоторыми крупными компартиями западных стран (например, с итальянской).

В СССР для психиатрических репрессий использовались два диагноза – паранойя и вялотекущая шизофрения. Об этом тогда в самиздате ходило «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» (<http://antology.igrunov.ru/authors/bukovsky/psychiatr.html>), написанное в лагере Владимиром Буковским и Семеном Глузманом – когда они отбывали наказание за антисоветчину. Но паранойя не обязательно влекла невменяемость – все зависело от совокупности всех обстоятельств дела. А в советской судебной психиатрии любая шизофрения, даже вялотекущая, сама по себе, независимо от других обстоятельств, всегда необходимо вела к признанию человека невменяемым. Точнее, при таком диагнозе судебные психиатры всегда давали заключение, что человек не способен понимать значение своих действий и руководить ими, а суд на этом основании признавал человека невменяемым – со всеми вытекающими последствиями.

Такой «вялотекущий» диагноз ставился тем, кого власть считала для себя наиболее опасными. И «вялотекучка» была основой советской карательной психиатрии. Солженицын называл это «советским вариантом газовых камер». Потому когда в 1989 г. советскую психиатрию вновь принимали во Всемирную психиатрическую ассоциацию наиболее остро стоял вопрос о недопустимости психиатрических репрессий прежде всего с использованием вялотекущей шизофрении. Что советскими и было торжественно обещано. Т.е. даже коммунистический Советский Союз на международной арене фактически признал, что вялотекущая шизофрения – диагноз не медицинский, а политический.

Связь Кремля, ГБ и психиатрии – общеизвестна во всем мире еще с застойных времен, отрицать ее – явный абсурд. И если суд обоснует любое свое решение явно абсурдными выводами, то такое его решение будет заведомо неправосудным – подпадающим под признаки ст. 305 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за вынесение заведомо неправосудного судебного акта. Кроме того, такой судебный акт будет вызывать серьезные сомнения во вменяемости судей, что согласно ст. 196 УПК РФ служит основанием к обязательному проведению судебно-психиатрической экспертизы для определения их психической полноценности.

Я не говорю, что обязательно подам в суд жалобу на ГБ, и не говорю, что не подам. Я просто обращаю внимание на такую возможность, которая является вполне законной и обоснованной.

По уже сложившейся традиции прокомментирую некоторые наиболее важные события общественно-политической жизни.

После полного и окончательного краха демократов на недавних выборах 18.09.2016 г. кремлевские журналисты сразу припомнили слова Чубайса, что

приватизация – последний гвоздь в гроб коммунизма, и с большим удовлетворением говорили, что нынешние выборы действительно были последним гвоздем в гроб демократов. Наша демократическая оппозиция начала искать причины краха. Например, Георгий Сатаров и Алексей Мельников обсуждали это по Радио «Свобода» («Демократы проиграли. И что теперь?», 27.09. 2016 г., 19:05 – 20:00, <http://www.svoboda.org/a/28016609.html>). Хотя всем все и так ясно без всякого обсуждения.

Самая главная проблема всех наших демократов и их партий еще с перестроечных времен в том, что наше общество настолько безвольно, что не может потребовать от власти даже соблюдения ее собственных законов, гарантирующих права граждан. Идея демократии для такого общества является такой же утопией, как идея коммунизма для всего мира, о чем я писал еще в журнале «Континент» N 93 (июль – сентябрь 1997 г.). И потому вся эта демократическая утопия может держаться только на полном правовом беспределе власти против граждан, пик чего был в 90-е во времена «полной победы демократии», которую, по словам демократов, Путин потом убил. Отсюда и ненависть в народе к демократам такая, какой не было и к коммунистам в СССР.

И потому наши пламенные демократы и непримиримые борцы с советской властью больше всего на свете боятся, что эта власть, которая по своей правовой (а точнее – не правовой!) сути остается все той же советской, и вправду рухнет, и им придется за все отвечать перед народом. Если при полном правовом беспределе власти против народа этот народ голосует за кого угодно, хоть за Жириновского, но не за демократов, которые по определению должны отстаивать его (народа) интересы, то даже цэрэушникам и прочим западным специалистам сразу должно быть ясно, что это за демократы.

Как правило, и власть, и ее демократическая оппозиция лихо обходят вопрос о наличии у нас юридических гарантий для всех – а не только для «своих». Хотя такой вопрос должен ставиться во главу угла всеми – особенно демократами в полном соответствии с их правовыми демократическими ценностями. В 93-м «Континенте» я говорил, что главным критерием наличия или отсутствия юридических гарантий прав граждан от беззаконий государства служит принцип неотвратимости ответственности должностных лиц государства за нарушение законных прав граждан.

Особое значение имеют те нарушения начальников, которые по Уголовному кодексу считаются преступлениями. Но за такие преступления начальников сажают очень редко. И во многих случаях сразу бросается в глаза полная уверенность этих чиновников в полной своей безнаказанности за полный правовой беспредел. А такая их уверенность неопровержимо доказывает, что полный беспредел составляет основу всей системы государственной власти – иначе не стали бы они так нагло и цинично этот беспредел творить. Наши чиновники в особой гражданской доблести никогда замечены не были. И если существует не то что уверенность в неотвратимости, а хотя бы какая-нибудь более-менее реальная возможность того, что за беззакония придется ответить, то наши начальники сразу становятся очень законопослушными.

В 104-м «Континенте» я говорил, что у наших аналитиков-политологов, журналистов, правозащитников и прочих демократов профессионализм балансирует на грани клинического идиотизма. Поскольку все свои выводы они делают не путем глубокого анализа реальности, а сравнением чисто внешних признаков с общепринятыми в мире демократическими схемами. Но схемы эти не имеют к нам никакого отношения из-за безволия нашего общества. Какой рывок в царство свободы может совершить общество, если оно неспособно добиться от

власти даже соблюдения тех прав граждан, которые давно уже гарантированы официальными законами этой власти.

Воля общества – т.е. его способность и готовность противостоять власти для защиты своих прав – необходимое связующее звено между демократическими схемами и реальностью. Если все эти общепризнанные в мире схемы у нас не наполнены общественной волей, то все они – пустышки, которые годятся только для прикрытия незаконной власти. Особо подчеркну, что под беспределом власти здесь понимаются деяния начальников, которые по официальным законам этой власти квалифицируются как должностные преступления, включая тяжкие, и преступления против правосудия. Уже неоднократно говорил, что эта власть преступна даже по ее собственным законам, и если ее законы будут неуклонно соблюдаться, то эта власть сразу рухнет. Хотя бы из-за одного того, что большинство чиновников, наделенных властными полномочиями (особенно из правоохранительных органов!), окажется на нарах – просто некому будет эту власть осуществлять. Это я наглядно продемонстрировал еще в 1990 г. на конкретном примере тогдашнего Генпрокурора СССР Сухарева («О методах анализа», часть 1).

В 2000 г. в наших демократических СМИ поднялся вой из-за того, что президент Путин гимном РФ сделал музыку гимна бывшего СССР. Тогда из-за этого пророчили даже массовые народные бунты. Но какое дело народу, под какую музыку власть над ним издевается – нет волевой связки между этим государством и его гимном и другими официальными символами, точно также как нет такой связи между его внешними демократическими атрибутами и его беспределом. К слову сказать, в США официальный государственный гимн – это музыка нашей народной песни «Хазбулат удалой». И ничего. Это не мешает им учить нас и весь мир подлинной демократии. Только, по мнению военных специалистов, после опыта их хваленых командос в Сомали в начале 90-х, США стали делать это «бесконтактным» способом – крылатыми ракетами или авиабомбами с высоты 10 000 метров.

Любая идея демократии для такого безвольного общества будет такой же утопией, как идея коммунизма для всего мира. Только разница между коммунистами и демократами у нас в том, что коммунисты в СССР обещали построить свой утопический коммунизм неизвестно когда. А наши демократы все 90-е годы на весь мир хвалились своей полной победой демократии, не обращая внимания на полный правовой беспредел власти против граждан, на котором только и может держаться у нас демократическая утопия. Слишком уж велика пропасть между официально провозглашаемыми властью красивыми идеями и ее преступлениями против своего народа. Точно также как построение коммунистического светлого будущего было невозможно без голодомора, ГУЛАГа и карательной психиатрии. Любая воплощенная на практике утопия приводит к результатам, прямо противоположным желаемым (или только декларируемым!).

И с этими общемировыми схемами у наших демократов дикие нестыковки происходят постоянно. Так, с самого начала 2000-х Путина обвиняют в убийстве демократии. Но по этим схемам настоящую демократию, основанную на волеизлиянии общества, можно убить только военными переворотами, иностранной военной оккупацией и т.п. Вообще-то танки на улицах Москвы со стрельбой по парламенту в 93-м у нас были, но тогда демократами все это было объявлено (в очередной раз!) «полной и окончательной победой демократии». И уж тем более Путин не смог бы ее убить какими-то своими указами или другими волевыми решениями. А если убил – то такая демократия была фальшивой.

Когда демократы говорят, что при Путине все наше население одурманено телевизором, то они подменяют волевой момент интеллектуальным – что наше общество так заморожено кремлевской пропагандой, что ничего не понимает, а потому ничего не делает, не протестует против власти. Что за чушь! У нас даже 70 лет сверхмощной коммунистической пропаганды, осуществляемой в драконовских условиях цензуры, оказались бесполезными убедить кого-либо в чем-либо коммунистическом. Не зря «при застое» всех диссидентов, критикующих власть с коммунистических позиций, эта коммунистическая власть считала сумасшедшими. У нас все наоборот – общество все понимает (поскольку все последствия такой власти оно полностью ощущает на своей шкуре), но не протестует из-за своего безволия.

Под безволием общества здесь понимается его неспособность противостоять власти – хотя бы потребовать от власти, чтобы она соблюдала ее же официальные законы, гарантирующие права общества. Т.е. безволие нашего общества понимается только в правовом и общественно-политическом смысле – но ни в каком ином! Помимо всего прочего, наши демократы пытаются скрыть безволие нашего общества, для которого любая демократия будет утопией. Запад валит все с больной головы на здоровую – это на Западе все заморожены его лживыми СМИ. А поскольку ложь западных СМИ разоблачить очень легко, то отсюда резко негативная, во многих случаях – истеричная, реакция Запада на российский телеканал RT.

25.06.2016 г. в программе «Постскрипtum» телеканала ТВЦ Владимир Мамонтов говорил насчет «засилья кремлевской пропаганды», что у нас пропаганда счастливым образом совпадает с правдой (http://www.tvc.ru/channel/brand/id/41/show/episodes/episode_id/45278). И это действительно так. Запад сам виноват, что своей глупой политикой так подставился даже перед Кремлем, у которого вся система государственной власти под чисто внешним демократическим прикрытием основана на полном правовом беспределе против своих граждан, пик чего приходился у нас на 90-е годы. В журнале «Континент» № 93 я писал, что наши демократические СМИ еще более «совковские», чем СМИ застойных времен – в тех хотя бы между строк можно было прочесть многое. Сейчас западные демократические СМИ по уровню лжи и умолчания перещеголяли даже наши «совковские» 90-х годов.

После такого полного банкротства нашим демократам ничего не остается, кроме как ругать Сталина, ГБ и коммунистические времена. Возможно, Сталин – негодяй, каких свет ни видывал. Но тогда по сравнению с ним кто наши демократы, реализовавшие у нас на практике демократическую утопию. Благодаря нашим демократам-утопистам не так давно Россия со своей «дерьмократией» чуть не опозорилась на весь мир, когда Именем России народ выбрал Сталина. Но в Кремле вовремя спохватились и переиграли результаты на Александра Невского.

Для этой власти, основанной с 1917 г. на попрании ее собственных законов, и которая с 91-го года может держаться только на полном правовом беспределе против граждан в условиях безвольного общества, самую главную опасность представляют такие ее силовые структуры как армия и ГБ. Которые вместе с этой властью не могут сосуществовать в их нормальном – т.е. боеспособном – виде. Потому еще с перестроечных времен и все 90-е шли их развал и разложение, о чем я писал еще в журнале «Континент» № 107 (январь – март 2001 г., С. 199 – 200), подробнее – «О методах анализа», часть II. Поскольку там служат люди с нормальной психологией, то для всей этой подоночной системы власти, которая может держаться только на полном беспределе МВД, они крайне опасны.

Но тогда Кремлю довести это до конца не дала первая чеченская, к началу которой армия и ГБ были близки к своему полному уничтожению. ВДВ, а также спецназы ГБ и ГРУ полностью не разогнали только благодаря той войне. Путин этот процесс в 2000-х приостановил, но с 2008 г. при президенте Медведеве, по мнению некоторых военных, доразваливать стали то, что не успели развалить в 90-е. И именно в этом причина всего, а не в том, что Сердюков был назначен министром обороны чуть ни прямо из мебельного магазина.

Тогда морально-психологически разложить до конца не удалось, но вот сейчас свершилось!!! Летом 2016 г. выпускники Академии ФСБ выложили в Интернет вызвавший бурю эмоций видеоролик, как они автоколонной на «Гелендвагенах» с шиком разъезжают по Москве. Выпускники Академии ФСБ на «Гелендвагенах» демонстрируют всем то, что генерал ФСБ А.Михайлов 02.07.2016 г. в новостях по Рен-ТВ назвал «жирным самолюбованием» (<http://ren.tv/novosti/2016-07-02/general-mayor-fsb-otvetil-na-kritiku-uchastnika-zaezda-na-gelendvagenah-baran>), хотя точнее такое у нас именуют «психологией мелкого шакаля», более присущей системе МВД.

Эта власть, которая может держаться только на полном правовом беспределе против своих граждан, не питает никаких иллюзий насчет отношения к ней народа. С одной стороны – сокрушительные победы Кремля на выборах. Но с другой – драконовские законы, призванные исключить массовые несанкционированные скопления людей в одном месте – даже если кто-то играет на виолончели. Все это неопровержимо доказывает страх власти перед бунтами, а точнее – перед массовыми организованными акциями протеста. Чего не было даже в 90-е. Поскольку в результате ограничения властью своего беспредела (из инстинкта самосохранения) с начала 2000-х люди начали бороться за свои права против незаконной власти, в отличие от 90-х, то власть сейчас больше всего боится организованных акций протеста против ее беспредела. А поскольку беспредел власти носит всеобщий характер, то акции протеста против него очень быстро могут вылиться в всеобщее народное восстание с крахом всей системы власти. Потому она так боится любых несанкционированных народных акций – «больше двух не собираться!» – что ради их недопущения готова на любые самые абсурдные действия. Наверное, власть скоро будет разгонять даже очереди в магазинах.

Хотя у нас народ настолько безволен, что не может добиться от власти даже тех своих прав, которые гарантированы ее официальными законами, но иногда он способен бунтовать или устраивать иные акции протеста, которые обычно организуются без участия всяких оппозиционных организаций. Например, перекрытие автомагистралей при массовых акциях при монетизации льгот в 2005 г., что властям очень не нравится.

Глава Следственного комитета РФ Бастрыкин в его нашумевшей статье о борьбе с экстремизмом в журнале «Коммерсантъ Власть» № 15 от 18.04.2016 г. ничего особо нового не сказал, за исключением: «Кроме того, представляется целесообразным предусмотреть внесудебный (административный) порядок включения информации в федеральный список экстремистских материалов, а также блокировки доменных имен сайтов, которые распространяют экстремистскую и радикал-националистическую информацию. При этом, если обладатели такой информации не считают ее экстремистской, пусть сами обжалуют соответствующие действия уполномоченных госорганов в суд и доказывают там свою правоту. Подобный порядок даст возможность более оперативно и эффективно реагировать на пропаганду экстремизма в интернете. Следует активизировать работу по внедрению современных технических средств для эффективного контроля радиоэфира и интернета»

(<http://www.kommersant.ru/doc/2961578>). Здесь он точно воспроизводит логику: «Мы своей властью административно и бездоказательно объявляем тебя верблюдом, а если тебе не нравится, то иди в суд и доказывай, что ты – не верблюд».

Кроме грубых нарушений конституционных гарантий прав, здесь у Бастрыкина также нарушения действующего законодательства. С 15.09.2015 г. введен в действие Кодекс административного судопроизводства РФ, ст. 62 которого устанавливает: «Обязанность доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. Указанные органы, организации и должностные лица обязаны также подтверждать факты, на которые они ссылаются как на основания своих возражений». До этого аналогичные правовые нормы были в Гражданском процессуальном кодексе РФ.

К слову сказать, воспользовавшись моментом, наши чиновники подкорректировали и другое законодательство, чтобы оно не мешало им творить беспредел и по другим общеуголовным делам, никак не связанным с политикой. Так, 24.05.2016 г. в уже знакомое нам постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. N 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» были внесены не очень большие, но очень существенные изменения и дополнения. Постановление было дополнено пунктом 3.1, в котором, помимо прочего, разъяснено: «Не подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, проверка законности и обоснованности которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу (отказ следователя и дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств; постановления следователя, дознавателя о привлечении лица в качестве обвиняемого, о назначении экспертизы и т.п.)».

Но суд, рассматривающий уголовное дело по существу при вынесении приговора, рассматривает обвинение в полном объеме, с учетом всех обстоятельств, имеющих значение для дела. А в обвинительном заключении или акте все эти обстоятельства будут такие, какие сочтет нужным их внести туда сторона обвинения – т.е. следователь с дознавателем. Это их главная и основная задача на стадии предварительного следствия или дознания. Возможности стороны защиты – обвиняемого и его адвоката – здесь очень ограничены, т.к. никакими властными полномочиями они не наделены, в отличие от следователя и дознавателя, а могут только заявлять им ходатайства о проведении следственных действий, которые сторона обвинения может удовлетворить или отказать в этом.

В случае отказа, защита может обжаловать его только их начальству да прокурору – новыми изменениями правомерность отказа выведена из-под судебного контроля. Т.е. из-под судебного контроля выведена законность и обоснованность тех решений и действий (бездействия) должностных лиц, которые являются главной и основной их деятельностью в связи с их полномочиями по осуществлению уголовного преследования. Тем самым официально гарантированное ст. 125 УПК РФ и ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту от незаконных обвинителей на предварительном следствии превратились в фикцию.

В действующей ранее редакции в этом постановлении тоже были (и есть) некоторые ограничения, но они касаются только признания человека виновным в совершении преступления, квалификации деяния, выводов о фактических

обстоятельствах дела, а также оценки доказательств. И это правильно. Такие вопросы может разрешать только суд при рассмотрении всего дела по существу после окончания предварительного следствия – для вынесения окончательного решения по делу в виде приговора. В порядке ст. 125 УПК на стадии досудебного производства такие вопросы в компетенцию суда не входят. Но никаких запретов на обжалование незаконных следов и оперов при расследовании (например, неправомерный отказ следователя и дознавателя в проведении процессуальных действий по сбору и проверке доказательств, подтверждающих невиновность обвиняемого, в т.ч. и отказ в проведении экспертизы и т.п.) там не содержалось. Конечно, в реальной судебной практике у нас творится чертё-что, но тогда была хотя бы законная возможность сослаться на грубые нарушения судом законных прав граждан.

Практически все аналитики предсказывают если и не полный крах, то очень серьезные проблемы «Путинскому режиму» из-за состояния экономики. Но и эта проблема у нас в принципе неразрешима из-за незаконной основы власти. Действительно рыночная конкуренция невозможна без равноправия – без равенства всех перед законом. А какое у нас может быть равноправие без вообще каких-либо юридических гарантий всех прав и свобод, в т.ч. и права собственности, а также других экономических прав.

Сумасшедшие записки - 2 - 9

(12 марта 2017 г.)

Мое заявление, в котором ставился вопрос о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 285 ч. 2 УК РФ в отношении судей Басманного райсуда г. Москвы, поступило в Следственный комитет РФ (СКР) 04.10.2016 г. Там речь шла о ненаправлении мне копии постановления этого суда по моей жалобе на грубые нарушения закона Следственным комитетом РФ при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности его главы Бастрыкина А.И. На это заявление оттуда я ничего не получил, но его Главное следственное управление по г. Москве прислало мне вот это:

СК РОССИИ
Главное следственное управление
по городу Москве
(ГСУ СК России по г. Москве)

ул. Арбат, д. 16/2, стр. 1,
г. Москва, Россия, 119902

24.10.2016 № 216/2-26-2016 (77Грск-21975)

Московский городской суд

Годлевскому А.А.

г. Ногинск,
Московская область, 142400

В соответствии с требованиями Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Инструкции «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации», утвержденной приказом от 19.09.2007 № 17 и Инструкции «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в ГСУ СК России по г. Москве и его следственных органах», утвержденной приказом и.о. руководителя ГСУ СК России по г. Москве от 10.07.2015 № 56, для организации рассмотрения направляется обращение Годлевского А.А. от 29.09.2016, поступившее от 21.10.2016, о несогласии с действиями судей Басманного районного суда и по иным вопросам.

В настоящее время в обращении отсутствуют достаточные данные о совершенных или готовящихся преступлениях, отнесенных к компетенции органов Следственного комитета Российской Федерации, в связи с чем оснований для проведения проверки в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ не имеется.

Заявителю сообщается для сведения и разъясняется, что принятое решение может быть обжаловано в соответствии с действующим законодательством.

Приложение: обращение Годлевского А.А. на 2 л. в первый адрес.

Заместитель руководителя второго отдела
управления процессуального контроля

Т.Л. Мясникова

ГСУ СК России по г. Москве
№77ГРСК-21975/77ИСХ-
23024/216/2

ГА 0310173

Ничего нового, они все также продолжают настаивать, что если в моем заявлении о преступлении якобы отсутствуют данные, указывающие на признаки преступления, то проводить по нему проверку в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ они не обязаны. А следовательно, по их мнению, не обязаны выносить и предусмотренное ст. 148 УПК РФ мотивированное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. И это мое заявление переслано ими в Мосгорсуд как простое обращение.

Но я уже неоднократно подчеркивал, что в случае, если орган или должностное лицо, рассматривающие заявление о преступлении, придут к выводу

об отсутствии в нем данных, указывающих на признаки преступления, то в соответствии со ст. ст. 7, 148 УПК РФ обязаны вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с приведением мотивов, по которым признано, что факты, указанные в заявлении, не имели места, или в них отсутствуют признаки преступления. И такая их обязанность никак не зависит от того, проводили ли они проверку заявления в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ, или им все сразу стало ясно без всякой проверки.

Иное толкование ст. 148 УПК РФ означает, что обязательное постановление об отказе должно выноситься только тогда, когда признаки преступления есть, но их нет, и ведет к явному абсурду. Правоприменитель не вправе придавать закону смысл, ведущий к явному абсурду. Потому они и начали заниматься «подпольным правосудием» – делать все так, чтобы копию постановления, которое Басманный суд должен был вынести 13.07.2012 г., я не смог получить.

Напомню, что согласно ст. 448 УПК РФ уголовное дело в отношении судей может возбудить только Председатель СКР или лицо, исполняющее его обязанности. Пересылка заявлений о преступлении в органы и должностным лицам, неправомочным возбуждать уголовные дела по этим заявлениям, уголовно-процессуальным законом не предусмотрена. Бастрыкин мог только поручить ГСУ по г. Москве провести проверку изложенных в моем заявлении обстоятельств, но принимать решение по существу заявления обязан СКР. В том моем заявлении о преступлении были приведены все основания, при наличии которых Бастрыкин, как глава СКР, был обязан принять все предусмотренные законом меры к возбуждению уголовного дела, но этого не сделал. В результате чего он (не в первый раз!) совершил преступление, предусмотренное ст. 285 ч. 2 УК РФ, срок давности привлечения к уголовной ответственности по которой – 10 лет!

Та Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета РФ от 19.09.2007 г., на которую следяки очень любят ссылаться, в пункте 6.4 устанавливает: «При отказе в удовлетворении обращения ответ заявителю должен быть мотивирован и понятен. В нем дается оценка всем доводам обращения, а отказ в его удовлетворении должен быть обоснован». Т.е. вынесли следяки постановление об отказе или нет, но в письменном виде мотивировать свой отказ все равно обязаны. Но этого сделать не могут, т.к. стоит им только начать разбирать мои доводы конкретно по существу, как сразу начнут очень ярко проявляться все их дикие беззакония, включая грубейшие нарушения конституционных гарантий. Немотивированность таких решений чиновников неопровержимо доказывает их прямой умысел на грубые нарушения закона и прав граждан, а также личные мотивы, противоречащие официальным интересам службы.

Ну да ладно, с этим делом разберусь. Вся эта история у меня слишком сильно затянулась. Может, пора ее заканчивать, а может, и нет. Во всяком случае, все цели, которые перед собой ставил, я достиг. Была ярко и наглядно продемонстрирована преступная суть всей этой системы государственной власти даже с точки зрения ее официально действующих законов. Причем чисто юридически продемонстрировано это было на примерах Генпрокуроров и Председателя Следственного комитета РФ – высших должностных лиц государства, которые в силу своего служебного положения обязаны бороться с самыми опасными преступлениями, в т.ч. должностными и преступлениями против правосудия. И при случае на результаты этой моей деятельности можно сослаться как на неопровержимые документальные доказательства.

Кроме того, в моих случаях судьи совершали тяжкие должностные преступления способами, вызывающими очень серьезные сомнения в их вменяемости. И если главные в стране следаки не нашли в таких деяниях судей признаков преступлений, то это вызывает те же сомнения во вменяемости этих больших следственных начальников.

Вообще говоря, когда речь заходит о вопиющей безответственности наших чиновников, то большие начальники обычно отговариваются, что «37-й год нам не нужен». Но здесь важно, что понимать под «37-м годом». Если государство основано на режиме законности, который возможен только при неотвратимости ответственности (в т.ч. и уголовной!) всех должностных лиц, то «37-й год» – во всех нормальных государствах. Но не в нашем.

А пока обратимся к событиям нашей общественно-политической жизни.

Интересно сравнение нынешних и застойных времен, при котором полностью повторяется присущая нашим и оппозиционным, и про-кремлевским деятелям особенность: времена эти сравнивают по каким угодно критериям, но только не по характеру и уровню беззаконий государства. И это неудивительно: вся эта система власти с 17-го года была основана на грубом попрании ее собственных законов, только после «победы демократии» в августе 91-го власть может держаться только на полном правовом беспределе против граждан под демократическим прикрытием. Ныне оппозиционные демократы были у нас начальниками в 90-е, когда был самый пик беспредела, а команда Путина – начальники сейчас. Точно также говорят о расколе нашего общества по экономическим критериям – на богатых и бедных, лихо обходя вопрос о полном правовом беспределе власти, от которого страдает подавляющее большинство населения. Хотя у нас главный раскол – между теми, кто этот беспредел творит, и теми, кто от него страдает.

Много раз уже говорил и еще раз повторю, что неопровержимым доказательством того, что вся эта система государственной власти основана на полном правовом беспределе, служит уверенность чиновников в собственной безнаказанности за такой беспредел против граждан. Который по их же действующим официальным законам квалифицируется по соответствующим статьям УК РФ как должностные преступления, в т.ч. тяжкие, и преступления против правосудия. Если из-за вынесенного когда-то явно фальшивого приговора наша судебная система «зашевелилась» только после того, как у президента Путина, по его собственным словам, «волосы встали дыбом» (см., например, новости НТВ 08.12.2016 г., <http://www.ntv.ru/novosti/1730323/>), то легко догадаться, как обстоит дело с другими приговорами, которые к президенту случайно на прочтение не попадают.

Подчеркну особо, что не уверенность наших начальников в своей безнаказанности служит первопричиной беспредела, а совсем наоборот, чиновники уверены в своей безнаказанности потому, что беспредел – основа всей системы власти, без которого она рухнет. Иначе не стали бы они так нагло и цинично этот беспредел открыто творить. Я это все к тому, что многие власть имущие (или близкие к ним), зачастую признавая вопиющие случаи беспредела, говорят о нем только как об отдельных случаях в работе правоохранительных органов, никак не характерных для нее.

В журнале «Континент» № 104 (апрель – июнь 2000 г.) я писал о наших специалистах, что профессионализм у них балансирует на грани клинического идиотизма, поскольку вопросы права и постоянных и вопиющих беззаконий государства являются для них каким-то задним аморфным фоном, не оказывающий на положение дел никакого заметного влияния.

22.11.2016 г. по телеканалу Россия-1 в спецвыпуске программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» (https://russia.tv/video/show/brand_id/21385/episode_id/1435872/) обсуждалась проблема справедливости в нашем обществе. Обсуждая многие вопиющие случаи несправедливости нашей жизни, затрагивали многие вопросы, но часто как бы оправданием и объяснением таких случаев звучало утверждение, что поскольку люди рождаются с разными способностями, то полной всеобщей справедливости для всех быть не может. Это чисто по ленински, по большевистски. Еще Ленин, разоблачая «лживые буржуазные теории государства и права», неопровержимо доказывал, что прогнившая буржуазная демократия неспособна обеспечить всеобщее равенство людей с разными способностями и абсолютную справедливость. А раз так, то вот вам – диктатура пролетариата!

Наговорились тогда вдоволь о многом, докатились даже до откровенного большевизма, только, как и Ленин, забыли про основы права. Чисто юридически справедливость означает равенство всех перед законом и судом. Этот принцип закреплен в ст. 19 Конституции РФ, но в реальной правоприменительной практике этого государства он действует так, что власть всеми силами стремится, чтобы на это поменьше обращали внимание.

Или еще свежий пример тому. 17.02.2017 г. по радио «Свобода» в программе Елены Рыковцевой «Путин пошел на выборы?» (<http://www.svoboda.org/a/28315976.html>) с участием анти-кремлевского Станислава Белковского и про-кремлевского Дмитрия Орлова обсуждалось мнение, что Владимир Путин уже сейчас начал свою избирательную кампанию. В свете этого обсуждался самый широкий круг вопросов – от цен на колбасу до психоанализа д-ра Фрейда, от инаугурации Трампа до отречения Николая II. Про существующий у нас беспредел власти, пронизывающий все стороны жизни, в т.ч. психологию населения и экономику страны – ни слова. Цены на колбасу вперемешку с д-ром Фрейдом тоже, конечно, немаловажные факторы. Но все у них выглядит так, будто беспредела власти или нет вообще, или он есть, но его как бы нет, а потому никакого заметного влияния ни на что не оказывает и его можно не замечать.

То же самое творится и на прямо противоположной стороне нашего политического спектра. 26.01.2017 г. на телеканале Россия-1 в программе «Поединок» в непримиримом споре сошлись либерал Григорий Амнуэль с прокремлевским Сергеем Кургиняном (https://russia.tv/video/show/brand_id/3963/episode_id/1463498/video_id/1578494/vi ewtype/picture/). И здесь все происходило по той же схеме – говорили обо всем, только не о правовых основах общества. Ведущий программы Владимир Соловьев, очень нелюбимый нашей либеральной оппозицией, этому никак не препятствовал. Нет бы ему напомнить Амнуэлю, горячо отстаивающему идеи либерализма, что начатая у нас Горбачевым реализация на практике этих идей привела в 90-е при Ельцине к пику полного правового беспредела власти против своих граждан, что нашими либералами-западниками тогда выдавалось (а многими выдается и сейчас!) за полную победу демократии. Но нет. Вся эта система власти держится на том же полном беспределе (пик которого был в 90-е) под тем же прикрытием чисто внешних демократических форм. Т.е. нынешняя власть представляет собой все ту же основанную на ее беспределе «дем-шизу», только много бывших больших демократических начальников из этой власти изгнали.

Про все разговоры, что в 90-е (т.е. до Путина) демократия у нас была хорошая, только была дискредитирована всякими примазавшимися к ней лже-демократами, я еще в 93-м «Континенте» (1997 г.) писал, что все это сродни

оправданиям сторонников коммунизма за все его преступления. Что идея коммунизма хорошая и реальная, только она была опошлена всякими примазавшимися к ней коммунистами-карьеристами, натворившими все эти преступления. Все утопии – что идея коммунизма для всего мира, что идея демократии для нашего безвольного общества – при всех их непримиримых различиях имеют общие черты. И черты эти очень ярко проявляются при реализации таких утопий на практике.

Коммунистическая утопия с самого начала могла у нас существовать только на грубом нарушении ее собственных законов, а демократическая утопия, представляющая собой по своей правовой сути все ту же советскую власть под прикрытием чисто внешних демократических форм («дем-шизы»), может держаться только на полном правовом беспределе против своих граждан. Слишком уж велика пропасть между декларируемыми властью демократическими ценностями, типа прав человека, и реальной правоприменительной практикой государства. Своим беспределом власть на всех нагоняет такой страх, чтобы никому и в голову не приходило без ее разрешения пользоваться своими официально провозглашенными правами, которые гарантированы официальными законами этой власти. Еще в застойные времена у нас шутили, что советский человек обладает всей полнотой гражданских и политических прав и благоразумием, чтобы этими правами не пользоваться. Потому у нашего народа такая ненависть к этой власти, какой у него не было и в СССР к власти коммунистической.

Если коммунистическая система власти была более-менее стабильной, то эта власть своим полным беспределом сама себя полностью дестабилизировала и к концу 90-х была на грани краха из-за одного только своего внутреннего разложения. Путин с самого начала своего правления начал проводить политику, направленную на стабилизацию власти и ограничение ее беспредела («вертикаль власти», «диктатура Закона» и т.п.) и хотя некоторых успехов добился, но против беспредела, как основы всего, ничего сделать невозможно. Только в результате его политики люди явочным порядком – т.е. не спрашивая у власти на это разрешения – начали отстаивать от беззаконий государства свои законные права, чего почти не было в 90-е. Т.е. начали проявлять свою волю без разрешения власти. Вместе с тем, ненависть к власти из-за ее полного правового беспредела у народа из глубин понемногу начинает выходить наружу. И все это рисует перед властью не очень веселую перспективу не очень далекого будущего.

Эта власть не питает никаких иллюзий насчет отношения к ней народа, потому кроме общего своего беспредела, от которого народ страдает, она еще вводит новое драконовское законодательство, чтобы сделать невозможными любые более-менее массовые акции протеста народа против беспредела власти.

Власть ввела драконовское законодательство, карающее за экстремизм, за несогласованные с нею акции протеста. Т.е. когда протестуют против власти, не спрашивая у нее на это разрешения, даже если это одиночные пикеты, и т.п. Я уже не говорю о том, как в этом государстве его законы, которые и сами по себе-то драконовские, будут исполняться на практике чиновниками. И это все для того, чтобы избежать не только акций протеста своего народа, но и вообще любого несанкционированного (т.е. без разрешения власти) скопления или передвижения любых масс любых людей – как бы это не переросло во всенародное восстание против власти. Она так боится любых неподконтрольных ей народных акций – что ради их недопущения готова на любые самые абсурдные действия. Доходило до того, что людей на улице хватили за игру на виолончели перед несколькими слушателями. Или по радио «Свобода» 06.03.2017 г. был сюжет, как директор школы в Крыму запретила подросткам играть в футбол на школьном стадионе,

«обвинив их в проведении незаконного митинга» (<http://www.svoboda.org/a/28353463.html>).

И из-за этого беспредела у власти очень серьезные проблемы с народной ненавистью к ней. Показательно, что 10.07.2016 г. в программе телеканала Россия-1 «Вечер с Владимиром Соловьевым» (https://russia.tv/video/show/brand_id/21385/episode_id/1315240/) депутат Госдумы Вячеслав Никонов говорил, что народ у нас сейчас демонстрирует спокойствие и уверенность в будущем. У Никонова лихо получается: кроме общего правового беспредела власти против народа власть еще делает все, чтобы народ против властного беспредела действительно никак протестовать не мог. А протестовать «в установленном порядке» – т.е. писать власти жалобы на ее властный беспредел можно до конца третьего тысячелетия.

Только власть в этом вопросе с мнением депутата Никонова явно не очень согласна, что подтверждается ее ужасом перед самой возможностью массовых выступлений против нее. Да и от чего у народа такие уверенность и спокойствие? – от этой власти с полным ее беспределом против этого народа?! И поскольку такое благодушие Никонова власть явно не разделяет, то она приняла меры безопасности, и надо сказать, такие меры власти для нее очень логичны.

Все кремлевские начальники с 1917 г. хорошо знали и знают, как они пришли к власти. Сначала бабы в очереди за хлебом в феврале 17-го начали бунтовать, к ним сразу присоединились народные массы, все нарастало как снежный ком, и... царская власть рухнула. Временное правительство толком власть удержать не могло, но была такая партия большевиков, общей численностью 40 тыс. человек на всю Россию. Численность маленькая, но партия была очень хорошо организована, что в условиях всеобщего безвластия и сыграло решающую роль – других организованных сил, способных противостоять большевикам, кроме как болтовней, тогда просто не нашлось. Ленин потом сам открыто говорил, что большевики власть не захватили, а подобрали, т.к. ее никто удержать не мог, и она валялась на дороге. И потому они очень боятся массовых народных акций протеста по любому поводу.

Власть большевики захватили, но вся эта система власти с 1917 г. могла держаться только на грубом нарушении ее собственных законов, гарантирующих права граждан, а с августа 91-го держится только на полном правовом беспределе. И когда народ начинает требовать от власти своих законных прав, то это представляет смертельную опасность для власти, т.к. эта власть преступна даже по своим собственным законам, и если ее законы начнут неуклонно соблюдаться, то вся система власти рухнет.

Кроме того, такая власть может существовать только в нашем безвольном обществе, неспособном потребовать от власти даже соблюдения ею ее собственных законов. И если общество без разрешения на то власти начинает проявлять свою волю вообще в любых делах, то это власти очень не нравится, и уж тем более не нравится, когда что-то требуют от власти в правовой сфере. Напомню, что в застойные времена некоторые требования граждан к советской власти о соблюдении ее советских законов расценивались властью как особо опасные государственные преступления или как проявление вялотекущей шизофрении.

Потому в последнее время власть так подкорректировала свое законодательство, чтобы ей легче было творить беспредел, а гражданам, соответственно, гораздо труднее требовать от нее соблюдения ее законов, защищающих от беспредела. И это касается вообще всех правоотношений «гражданин – власть», а не только общественно-политической деятельности. Я уже проиллюстрировал это («Сумасшедшие записки – 2 – 8») на примере

изменений, внесенных в 2016 г. в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. N 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ».

В программе НТВ «Место встречи» 09.09.2016 г. («Дальше – тишина?!») Александр Проханов говорил, что Путину необходимо еще провести изменения во власти из-за накопившегося большого внутреннего напряжения – чтобы этот «котел» не взорвался (http://www.ntv.ru/peredacha/Mesto_vstrechi/m52562/o407816/video/). Но самая главная причина всех «напряжений» у нас в том, что вся эта система власти может держаться только на полном правовом беспределе против своих граждан, а без него рухнет. Откуда и ненависть в народе к этой власти (какой в СССР не было и к власти коммунистической) – то самое напряжение в «котле», которое однажды в критической ситуации приведет к взрыву, который разнесет всю систему власти. А поскольку практически вся общественно-политическая система служит в основном лишь придатком власти, то и ее ждет та же участь.

Интересно отметить, что когда в 104-м «Континенте» (2000 г.) я написал, что с крахом этой системы власти многие ее общественно-политические деятели отойдут в политическое небытие, то мне высказывались претензии, будто я все слишком уж сильно преувеличиваю. Легко сравнить с тем, что произошло всего через несколько лет, а уж с нынешним временем – тем более. Система власти осталась в принципе все той же – основанной на ее правовом беспределе (только в Кремле сменился главный начальник) – а многих известнейших деятелей власть «ушла» в то самое небытие. Это коснулось и супердемократов, и непримиримую красно-коричневую оппозицию.

А про тех, кто всеми силами и любыми способами пытается о себе из этого небытия напомнить, выдавая себя за пламенных демократов и непримиримых борцов с «преступным путинским режимом» презрительно говорят, что лучше бышний раз не позорились. Под «путинским режимом» наши оппозиционные демократы понимают все ту же основанную на беспределе систему власти, преступную даже по ее собственным законам, в которой самый пик беспредела власти против народа был в 90-е, когда они были у власти. Т.е. для них «путинский режим» преступен не из-за беспредела власти против народа, а из-за того, что не они сейчас в этой власти начальники, командующие беспределом, или оправдывающие этот беспредел, выдавая его за полную победу «молодой российской демократии», как они это делали все 90-е.

На возражения, что не все видные демократы 90-х официально были начальниками или оправдывали беспредел, ответить очень легко. Действительно, не все они были начальниками или оправдывали, но все они о беспределе власти – МОЛЧАЛИ. Хотя, как люди известные, вполне могли бы публично высказать всем свое отношение к власти. С приходом Путина в начале 2000-х у многих из них сразу прорезался голос, но выступать стали не против властного беспредела, а против Путина из-за его «гэбэшных уклонов». Хотя его «гэбэшными уклонами» для них служит то, что он сразу начал менять элиту 90-х, доставшуюся ему от Ельцина по наследству и вызывающую у большинства страны омерзение из-за их подлости, лживости и лицемерия. Какое отношение эти его «уклоны» имеют к беспределу против народа, творимом в основном МВД (совместно с судами, прокурорами и следаками), эти супердемократы разумно объяснить до сих пор не могут.

Если сопоставить нас с США, то правильно мнение, что Трамп был выбран из-за того, что нынешняя американская элита там всем уже сильно осточертела. Но сравните с нашей элитой. Там элита, какой бы она ни была, существует во власти, которая основана на своих официальных законах. А у нас вся элита (или

разные ее части всех цветов и оттенков) существует при власти, которая с 1917-го года держалась на нарушении ее собственных законов, а после августа 91-го может держаться только на полном правовом беспределе против своих граждан. И без такого беспредела вся эта система власти рухнет вместе со всей ее элитой, поскольку разные части всей нашей элиты, какими бы непримиримыми друг к другу они ни были, являются лишь разными подразделениями этой незаконной власти, служащими для ее общественно-политического прикрытия.

Все наши общественно-политические элиты, рожденные в грехе от этой незаконной власти, прилагают немало усилий, чтобы все забыли об их первородном грехе, для чего они отвлекают внимание на что-то другое. Так, в конце прошлого года опубликованный обществом «Мемориал» справочник сотрудников НКВД времен Сталина вызвал большой резонанс в СМИ, иногда доходящий до истерики. Но дело даже не в том, были ли те сотрудники причастны к сталинским репрессиям или нет. Дело в том, что сталинские времена, когда в массовом порядке сажали и стреляли начальников, давно закончились (и, судя по соцопросам, – к большому сожалению большинства нашего населения).

Когда говорят, что забывая прошлое, лишаются будущего, то это правда. Но изучая прошлое, само собой подразумевается, что при этом о настоящем помнят очень хорошо. У нас же обычно все внимание уделяют прошлым преступлениям власти и всеми силами забывают о полном правовом беспределе власти нынешней, творимом ею сейчас. Особенно к этому пристрастны наши демократы, при полной победе которых у нас был самый пик такого беспредела. Впрочем, прокремлевские деятели от них тоже не слишком сильно отстают – пусть все надрывают горло о чем угодно, лишь бы ни о том, на чем нынешняя власть только и может держаться.

На примере царской власти нынешняя власть очень хорошо знает, что ее ждет и почему, оттого и такие драконовские меры против самой возможности любых массовых эксцессов. Но у нее намечаются очень серьезные проблемы с экономикой. У нас «рыночная» экономика основана на тех же советских принципах, когда экономическая жизнь общества определяется не законами свободного рынка, а незаконным произволом чиновников.

Еще в «Континенте» № 93 (1997 г.) я писал, что поиск разных путей экономического развития – это попытки регулировать скорость неотвратимого движения к пропасти. Т.е. к полному краху экономики и всеобщему социальному взрыву, когда ненависть к власти из-за ее беспредела, усиленная экономическими причинами, превысит у народа страх перед властным беспределом. Пока цены на нефть были высокие, все негативные явления и дикие несуразицы экономики кое-как компенсировались нефтедолларами, но сейчас это уже уходит в прошлое. Создать нормальную рыночную экономику в государстве, основанном на незаконных советских принципах, невозможно. Необходимо сначала разобраться с советской властью. Правильно говорят, что крейсер «Аврора» – самый сверхмощный корабль в истории человечества: один холостой выстрел – сто лет разрухи.

Эксперты и аналитики всех мастей говорят, что для того чтобы избавиться от всего нашего нынешнего негатива и начать нормальную жизнь необходимо реформировать государственную, общественно-политическую и экономическую систему. А какие реформы у нас вообще возможны? Любые реформы должны осуществляться в каком-то определенном порядке, иначе вместо реформ будет развал всего.

Ярким примером чему были 90-е, когда развалили чуть ли не все, даже государство само себя парализовало своими внутренними противоречиями, о чем Путин говорил почти сразу после своего избрания президентом (интервью

«Известиям» от 13.07.2000 г.). Но любой порядок реформирования должен быть установлен правом – законами или иными (подзаконными) нормативными актами. Иначе – то же самое. А поскольку у нас власть ее собственные законы всегда соблюдала только тогда, когда это ей было надо, то результат таких реформ легко предсказать даже не будучи великим пророком. Уже не говоря о том, что эта незаконная система власти никакому реформированию не подлежит, за исключением разных вариаций одного и того же, не затрагивающих ее преступную суть. Что у нас было и есть с 1917 г.

Запад вновь остался в дураках (Кто организовал побег Олега Гордиевского?)

(«Подмосковные известия» от 05.10.95 г.)

(Эту статью в завершении своей книги я привел в качестве конкретного примера того, как знание системы власти может высветить секреты секретных служб)

Шпионские истории, как и все таинственное, вызывают жгучий интерес у многих. Обывателям они щекочут нервы, удовлетворяя потребности души в выдающихся примерах героизма и подлости человеческой. Специалистам-политологам открывают многие тайны функционирования политических режимов, сущность и механизмы государственной власти. В тайных закулисных сделках, со временем всплывающих на свет божий, наглядно проявляются те закономерности политической организации общества, которые обычно скрыты от исследователя при наблюдении со стороны. И наоборот, зная сущность и принципы организации власти, подлинные мотивы и цели политического режима, закономерности функционирования государственного механизма, можно понять и вскрыть подноготную некоторых темных шпионских дел.

Характерным примером служит история с побегом исполняющего обязанности резидента ПГУ КГБ СССР в Лондоне полковника Олега Гордиевского, которых в течении долгого времени сотрудничал с английской разведкой. Летом 1985 года его вызвали под вымышленным предлогом в Москву, где подвергли тщательной разработке со стороны своих коллег из управления «К» ПГУ (внешняя контрразведка) в связи с серьезными подозрениями в двойной игре. Вскоре он таинственным образом исчез из Москвы, чтобы впоследствии объявиться в Великобритании.

По общепринятой версии побег за границу организовала английская разведка. Гордиевскому удалось обмануть КГБ, уйти от наблюдения и с помощью англичан переправиться на Запад.

В этой истории много неясного и противоречивого. По словам Гордиевского, для подозрения в двойной игре у чекистов имелись серьезные основания. Против него сотрудники КГБ использовали широкий набор средств: постоянная слежка, тайные обыски, прослушивание квартиры и телефона, допросы с применением сильнодействующих наркотиков. Однако его не арестовали. Сам Гордиевский объясняет это отсутствием достаточных

доказательств работы на Запад. Для получения таких неопровержимых доказательств его и оставили на свободе под усиленным наблюдением – чтобы зафиксировать момент, когда он попытается вступить в контакт с английской разведкой.

И вот в один прекрасный летний день Гордиевский вышел из своей московской квартиры в спортивном костюме для оздоровительного бега и... сбежал на Запад. Для укрепления здоровья. Выглядит крайне правдоподобно! Человек находится под неусыпным наблюдением контрразведки, которая с него глаз не спускает. Следит для того, чтобы не упустить момент, когда подозреваемый попытается вступить в контакт с иностранной спецслужбой. Контакт может быть мгновенным, безличным и так далее. Поэтому контрразведка должна круглосуточно тщательно контролировать буквально каждое телодвижение подозреваемого. И вот этот человек умудряется не только незаметно установить связь с английской разведкой, но и вообще сбежать за границу из-под самого носа КГБ.

Это скандал, катастрофа! За всю историю советских органов государственной безопасности ничего подобного не случалось. В Ясенево и на Лубянке погоны должны полететь как осенние листья – от рядовых сотрудников до самого высокого начальства. Однако каких-либо заметных кадровых изменений в руководстве ГБ ни тогда, ни после публичного объявления Гордиевского в Лондоне не произошло. Мало того, тогдашние руководители внешней разведки Крючков и Шебаршин впоследствии поднялись на следующие ступени служебной лестницы. Их чекистские карьеры закончились соответственно на постах председателя КГБ и начальника ПГУ после августа 91-го, хотя должны были закончиться в августе 85-го.

Еще один очень интересный момент. В то время, когда Гордиевского усиленно разрабатывали в Москве, советская разведка проводила операцию по дезинформации ЦРУ и внедрению туда своего человека. Для этого работавший в Риме под дипломатической крышей офицер КГБ Виталий Юрченко «сбежал» в США, где поведал представителям американских спецслужб много интересного о деятельности родной организации. Но ЦРУ, проанализировав данные, усомнилось в искренности его намерений, поскольку он ни словом не обмолвился о тех сторонах советской деятельности в США и Канаде, о которых не мог не знать и которые хорошо были известны американцам. В результате чего Юрченко пришлось благополучно вернуться в Москву, а советская пропаганда в преддверии встречи Горбачева с Рейганом устроила грандиозную шумиху о коварных американцах, похитивших и допрашивавших честного советского дипломата с помощью наркотических средств.

В числе прочего Юрченко сообщил ЦРУ об имеющихся у руководства КГБ серьезных подозрениях относительно Гордиевского. Довольно оригинально: поджидать врага в засаде и одновременно предупредить его об этом. Конечно, методы дезинформации просты и гениальны: если хочешь, чтобы твоей лжи поверили, говори вместе с ней побольше правды. Но, как утверждали древние, «есть мера в вещах».

* * *

Некоторые считают, будто к побегу Гордиевского приложила руку не только английская разведка, но и советская, действовавшая за спиной Политбюро их чисто шкурных побуждений – дабы избежать скандала, сопряженного с судом над своим сотрудником, и неминуемых оргвыводов со стороны партийного руководства страны.

Я же не удивлюсь, если впоследствии вдруг выяснится, что побег Олега Гордиевского и в самом деле был организован советской разведкой по приказу Политбюро. На первый взгляд – явно абсурдная точка зрения. Но чтобы ее оценить, надо хорошо понимать советскую власть. Кроме того, такая версия сразу расставляет все на свои места, объясняя все неясности и противоречия этой темной шпионской истории.

Советская власть с момента своего возникновения держалась на терроре. Но наибольшую опасность для тоталитарных режимов представляет сам террор, который легко может выйти из-под контроля, стать самостоятельным фактором, независимым от своих творцов, и всей мощью обрушиться на их головы. И в природе, и в обществе существуют процессы, которые начать легко, остановить невозможно. Террор, как обвал в горах, – достаточно кинуть маленький камешек, как процесс начинает стремительно развиваться по своим законам, становится необратимым, и вот уже кинувший первый камень сметен многотонной лавиной. Террор – штука хитрая и очень опасная, с ним нужно обращаться крайне осторожно.

Что такое террор, партфункционеры прекрасно поняли, испытав его на собственной шкуре в 37-м году, и в послесталинское время обращались с ним очень и очень осторожно. Репрессии допускались только в строго определенных рамках и в строго определенных формах. Одним из основных принципов политического режима стал принцип экономии репрессий, который неуклонно соблюдался, чтобы, упаси Бог, случайно не переступить грань, за которой террор может выйти из-под контроля.

За свою деятельность Олег Гордиевский заслуживал высшей меры. Но должность резидента КГБ в Англии относится к номенклатуре ЦК самого высокого ранга, вплотную приближающейся к номенклатуре Политбюро. Чиновников такого ранга расстреливать крайне опасно. Логика террора в советских условиях проста и неумолима: если сегодня номенклатуру ЦК расстрелять за шпионаж, то завтра Генсека ЦК могут запросто прирезать в собственной постели.

Могут возразить, будто расстрел Гордиевского вполне соответствовал требованиям закона. Но кто и когда у нас всерьез принимал законы? Сама советская власть собственные законы никогда не признавала и квалифицировала требования граждан об их соблюдении либо как особо опасные государственные преступления, либо как проявление вялотекущей шизофрении. Неужели аппарат в чрезвычайно важном деле защиты своих шкур будет полагаться на то, что не признает?

Мне скажут: а как же Пеньковский и многие-многие другие? Да, но, во-первых, никто из них не был чиновником такого высокого эшелона номенклатуры, как Гордиевский. Во-вторых, в ходе аппаратной эволюции круг аппаратчиков, которых можно расстреливать, и деяний, за которые их можно расстреливать, постоянно сужался. Вполне возможно, что в 1985 году Олега Пеньковского бы не расстреляли. Со временем чиновники все больше и больше экономили репрессии против самих себя.

Осторожность аппарата с террором четко прослеживается и в преследовании инакомыслящих. Как только над ними не издевались, куда только не сажали! Но тем не менее никого не могли отвезти в ближайший лесок и пристрелить «при попытке к бегству». Сгноить до смерти в карцере вполне допускалось, пырнуть ножом из-за угла – нет. Логика понятная: сегодня КГБ по

приказу партии начнет убивать диссидентов, а завтра КГБ по приказу одних чиновников станет стрелять других чиновников – и вновь 37-й год.

Вообще, преследование инакомыслящих в СССР основывалось на гораздо более тонких принципах, чем многие себе это представляют. В противостоянии «диссиденты – власть» имелись аспекты, на которые до сих пор никто не обратил внимание. Впрочем, весь комплекс взаимоотношений власти с ее противниками и сейчас остается без сколько-нибудь серьезного анализа: ну боролись люди против власти, страдали – честь им и хвала. Но дело к этому не сводится. В инакомыслящих партаппарат видел не только своих заклятых врагов, но и индикатор стабильности своей власти. Во времена сталинского террора против чиновников всех рангов диссидентство существовать не могло и не существовало. Правозащитное движение возникло только после смерти Сталина, когда репрессии против аппарата были прекращены, и вся полнота власти в государстве перешла от одного человека к чиновничьему аппарату в целом.

Советская власть жестоко преследовала участников правозащитного движения, но в то же время аппарат не был заинтересован в полном его уничтожении. И это мудро. Если возникнет реальная угроза неосталинского террора, то в первую очередь он должен уничтожить открытых противников режима и только потом обрушиться на его слуг-чиновников. Пока есть разгуливающие на свободе инакомыслящие, репрессии чиновникам не страшны. Но день, когда за последним диссидентом захлопнутся двери тюрьмы, может стать последним днем благополучия аппарата и первым днем неосталинизма.

Юрий Андропов, став генсеком, начал проводить политику, направленную на ужесточение контроля за партийно-государственным аппаратом и на полную ликвидацию правозащитного движения в стране. Есть серьезные основания полагать, что аппарат, противодействуя его реформам, старался аппаратными методами саботировать андроповскую программу борьбы с инакомыслием.

Но вернемся к Гордиевскому. Получив на территории Союза высокопоставленного чиновника, уличенного в шпионаже, советское руководство попало в патовую ситуацию. Судить и расстрелять опасно – можно нечаянно перешагнуть невидимую зыбкую грань, за которой террор перекинется на весь аппарат. Оставить дело без последствий тоже нельзя – уж больно пример заразителен. Политбюро решило выйти из тупика, «сбежав» Гордиевского на Запад и предав его имя в стране анафеме. Со всеми вытекающими последствиями.

Версия об организации побега советской разведкой в тайне от Политбюро является фантастической. Правдоподобной ее считают лишь те, кто всерьез верит в широко распространенные сказки о простодушных партийных чиновниках и коварных армейских и гэбэшных генералах, открывающих ногами двери в ЦК.

У многих исследователей коммунистической системы не укладывается в голове, как это немногочисленным партийным функционерам, не имеющим в прямом подчинении ни одного человека с ружьем, удавалось держать в стальной узде громадный карательный аппарат и самую сверхмощную во всей истории цивилизации армию. Поэтому возникла уйма заумных теорий и доктрин, доходчиво объясняющих, что партруководство страны являлось всего лишь ширмой, а вся реальная власть находилась в руках теневых лидеров в армии и КГБ. Подобные взгляды происходят от патологической неспособности понять наши реалии.

Советская власть всегда была не таким примитивным делом, как представляют себе умники с гарвардскими дипломами, обессмертившие свои имена воинствующей беспомощностью в объяснении нашего тоталитаризма и в предсказании путей его развития. Верхом их творчества, шедевром мирового значения является теория, согласно которой Сталин был душа-человек, умница и

либерал, только он вынужденно лавировал среди составляющих его ближайшее окружение извергов, развязавших террор, именуемый по исторической несправедливости сталинским.

Обычно краеугольным камнем партийного руководства считают подбор и расстановку кадров в госаппарате. Это далеко не так. Назначение всех мало-мальски значимых начальников, разумеется, дело очень важное, но партфункционеры недолго оставались бы в своих креслах, если бы слишком доверились кадрам, подобранным по своему образу и подобию. Кадровая работа была существенной, но отнюдь не главной составляющей деятельности партии. Власть базировалась на гораздо более хитрых принципах, призванных гарантировать стабильность власти аппарата в целом и ее защиту от всяких неожиданностей со стороны как отдельных чиновников, так и их групп.

Благополучие партийно-государственного аппарата от генсека до инструктора райкома, от председателя КГБ СССР до колхозного бригадира основывалось на том, что все сколько-нибудь значимые решения во всех областях жизни могли приниматься только партией в лице ее соответствующего комитета. В этом и заключались высшие интересы советского государства, определяющие принципы организации и деятельности власти. Основой партийно-государственного строительства являлась четко отлаженная система механизмов, включающая множество независимых друг от друга структур, имеющих разрешительные, запретительные, контролирующие и сигнализирующие функции.

Так, если бы военный комендант решил самовольно увеличить количество, качество и активность патрулей на улицах города, об этом сразу же, независимо друг от друга просигнализируют как минимум военная контрразведка КГБ, территориальные органы КГБ и МВД. Получив сигналы, партия квалифицирует подобную самодеятельность как попытку военного переворота и немедленно примет меры.

Принципы партийно-государственного строительства, в отличие от показушных идеологических, являлись не мнимыми, а истинными, соблюдались свято, поскольку малейшие отступления от них карались строго и неотвратимо. Движущей силой властных механизмов была борьба за власть. Так, любой начальник управления в КГБ СССР твердо знал, что не успеет он задумать совершить что-либо за спиной партии, как собственный заместитель сразу наступит на него в ЦК и займет его место. Благодаря этому советский режим благополучно пережил неисчислимое количество предсказаний неминуемого краха.

Именно поэтому и в критические, и в сверхкритические моменты своей истории советская власть была надежно гарантирована от всяких неожиданностей со стороны своих силовых структур. Поэтому у нас не было и не могло быть ни одной попытки государственного переворота. Даже при неоднократных массовых уничтожениях высшего и среднего командного состава армии и КГБ. Поэтому партруководство страны никогда не получало от своей доблестной военной разведки вместо портфеля с импортными секретами портфель с бомбой. В отличие от Гитлера. И вряд ли какого советского маршала, объезжающего где-нибудь в Желтых Водах выстроившееся на бескрайней взлетной полосе аэродрома воинство в запыленных голубых беретах, могла терзать мысль: а не спустить ли всю эту рать на своих товарищей по Политбюро? Подобные мысли тут же гнали от греха подальше – не дай Бог, заподозрит кто из ближайшего окружения.

Организация органами КГБ втайне от ЦК бегства за границу уличенного в измене чиновника, входящего в номенклатуру ЦК, – это, по партийным

стандартам, не попытка государственного переворота, это его завершающая стадия. За такое партия и наказания-то придумать не успела. В советском государстве чиновникам прощалось многое. Могли простить даже 10 лет работы на английскую разведку. Но нарушение аппаратных принципов, гарантирующих стабильность власти, не прощалось никому – ни генсеку, ни колхозному бригадиру.

Многим мысль об инициированном Политбюро побеге Гордиевского покажется абсурдной: побег разоблаченного шпиона не соответствует интересам государственной безопасности. Но в нашем чрезвычайно хитром государстве основными являются только интересы благополучия аппарата, по сравнению с которыми специфические интересы всех отдельных видов деятельности, будь то оборона, контрразведка или сельское хозяйство, просто несущественны, какими бы важными они ни казались.

Не все способны уразуметь, почему армия и КГБ могут осуществлять свои прямые конкретные обязанности по защите обороноспособности и безопасности власти лишь при наличии воли соответствующего партийного органа. Но партфункционеры, будучи профессионалами своего дела, прекрасно понимали, что если сегодня военные без санкции Политбюро расстреляют свой же бегущий в Швецию большой противолодочный корабль, то завтра кто-нибудь из советских генералов обязательно въедет в Кремль на белом коне и публично развешает все Политбюро на Кремлевской стене. Можно смело утверждать: без приказа партии ни одна силовая структура с места бы не сдвинулась, даже если их канализационного люка на Красной площади всплыла западногерманская подводная лодка.

В этом и заключается наша Великая Военная Тайна, благодаря которой коммунистический режим с грандиозным успехом всегда дурил головы проклятым буржуинам. И неудивительно: тот, кто неспособен понять истинных факторов, определяющих поведение противника, обречен на постоянные поражения. Вся история противостояния «Восток – Запад» служит тому блестящим подтверждением.

Не знаю, как реально осуществлялся «исход» Гордиевского, кто больше приложил тут руку – английская разведка или советская. Не берусь утверждать, знали ли просвещенные мореплаватели, что действуют совместно с КГБ, или до сих пор не догадываются об этом. Но думаю, в любом случае Запад, как обычно, остался в дураках.

Конечно, имелось множество частных причин, по которым Политбюро могло воздержаться от расстрела Гордиевского. Например, чтобы не омрачать существовавших тогда особых отношений между Горбачевым и Тетчер. Но решающая причина – шкурные интересы аппарата.

P.S. Статья была опубликована почти четверть века назад. С тех пор я слышал в свой адрес много возражений по поводу деятельности в этой истории спецслужб с их профессиональной точки зрения. Не буду здесь эти возражения приводить, я – не специалист по шпионажу даже в сравнении с любителями бульварной шпионской литературы. Но, что бы мне ни говорили мои оппоненты, они до сих пор никак не могут разумно объяснить, почему после побега Гордиевского из-под самого носа ГБ не последовало никаких заметных

оргвыводов. Все высшее руководство КГБ СССР и его внешней разведки после того побега осталось на своих постах, а потом даже пошло на повышение!!!

Помнится, как-то в начале 2000-х годов в одной из телепередач сам Олег Гордиевский с гордостью говорил, что его побег был самым крупным провалом КГБ за всю историю его существования. Все так, только где оргвыводы?! Даже в западных демократических странах после куда менее громких провалов главы тамошних спецслужб обычно сами подаются в отставку. И уж тем более это действует у нас, где начальники из-за хороших должностей всегда были готовы глотки друг другу перегрызть (иногда – не только в переносном смысле).

Но у нас – «как с гуся вода», похоже, они даже легким испугом не отделались, поскольку его у них не было. Все важные указания генералы ГБ получали из Инстанции (т.е. из ЦК КПСС), и потому хорошо понимали, откуда и куда «ветер дует», по которому они держали свои носы. Иначе послетали бы со своих должностей и без всяких провалов и скандалов.

У нас такой вопиющей безответственности быть не могло, независимо от того, как конкретно и по каким причинам та шпионская история развивалась. Конечно, такие истории обычно покрыты мраком тайн, но перемещения по служебным лестницам больших начальников спецслужб известны. И именно та легкость, с которой высший генералитет ГБ вышел из прогремевшего на весь мир скандала, служит краеугольным камнем моего вывода о том, что побег Гордиевского произошел не без ведома Политбюро ЦК КПСС.

Февраль 2019 г.

Ногинск Московской обл., РФ

###

Об авторе

Годлевский Александр Александрович, род. 30.12.1960 г. в г. Ногинске Московской обл., где и проживаю. Еще в те времена делал то, что тогда официально считалось «антисоветчиной», «идеологическими диверсиями» и т.п. Публикации в журнале «Континент» и в Интернете; сайт: <http://alexgodl.blogspot.com/>, страница в Фейсбуке: <https://www.facebook.com/alexgodlevsky>.

Страница в Smashwords: <https://www.smashwords.com/profile/view/Alexgodl>.

